

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

512.

210

Х.
РОВ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

o

ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Д. СМЫШЛЯЕВА.

ИЗДАНИЕ АВТОРА.

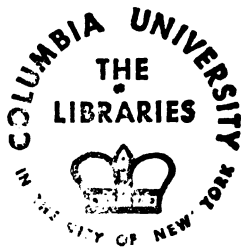
— ПЕРМЬ —

ПЕРМЬ.

ТИПО-ЛИТОГРАФИЯ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ. Google

1891

18

GENERAL
LIBRARY

В. III 1/4

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

№ 46.

№ 48.

БИБЛИОТЕКА
 Института Народного Хозяйства
 им. Плеханова
 № *19023*
 1957. *с. 8*

Д. СМЫШЛЯЕВА.

№ 198 / г.

ПЕРМСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ
 УЧЕБНО-НАУЧНОЕ
 ЦЕНТРАЛЬНОЕ
 БУХГАЛТЕРСКОЕ
 УЧРЕЖДЕНИЕ
 № *10145*

ИЗДАНИЕ АВТОРА.

Библиот.
 14496
 572 ~~148~~
 210 ~~148~~

ПЕРМЬ.

ТИПО-ЛИТОГРАФИЯ ГУБЕРНСКОГО ПРАВЛЕНИЯ.

1891.

DK
511
.P2
S63

ПЕЧАТАНО ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ ПЕРМСКОГО ГУБЕРНСКОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА.

150906, 5055. 4, 1936

Въ разныхъ изданіяхъ, преимущественно въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, въ теченіи тридцати лѣтъ, мною напечатано до сотни статей о Пермскомъ краѣ, въ большинствѣ касающихся его исторіи. Такъ какъ послѣднія основаны на архивныхъ документахъ и другихъ достовѣрныхъ источникахъ, а изданія, въ коихъ онѣ помѣщены, стали со временемъ большою рѣдкостью, то выбравъ изъ означенныхъ статей такія, которыя могутъ представлять, въ качествѣ сыраго матеріала, нѣкоторый интересъ для любителя пермской старины, я печатаю ихъ въ видѣ настоящаго „Сборника“.

Д. С.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ ИСТОРИИ ПЕРМСКАГО КРАЯ.

Древнѣйшія времена.—Біармія.—Новгородская колонизація и покореніе страны Новгородцами.—Христіанская проповѣдь.—Подчиненіе страны Московскому государству.—Строгановы.—Ермакъ.—Возникновеніе нынѣшнихъ поселеній.—Начало горнаго дѣла и основаніе Екатеринбурга.—Административныя дѣленія пространства нынѣшней Пермской губерніи.

Остатки древнѣйшей жизни. Такъ называемыя Чудскія городища (остатки древнихъ поселеній и укрѣпленій), костища или могильники (мѣста жертвенныхъ кладбищъ)*), копи (древнія рудныя добычи), курганы, пещеры, находки каменныхъ и бронзовыхъ орудій, золотыхъ и серебряныхъ вещей и монетъ въ разныхъ мѣстахъ и древнія начертанія на скалахъ по берегамъ рѣкъ Ирбита, Тагила, Пышмы, Режа и друг., — несомнѣнно свидѣтельствуютъ о весьма древнемъ существованіи человѣка въ предѣлахъ нынѣшней Пермской губерніи, гдѣ жили племена, сохранившіяся въ мѣстномъ преданіи подъ именемъ *Чуди* или *Чудаковъ*.

Біармія. Скандинавскія преданія. Въ воображеніи скальдовъ понятія о *Біарманландіи* (Biarmaland) и о *Пермякахъ* (Bjarmar) сливались съ древнѣйшими преданіями о выходѣ самихъ Скандинавовъ изъ земель нынѣшней Россіи. Князья пермскіе, по словамъ слагателей сагъ, царствуютъ еще до Р. Хр., другіе — современны Одину. „Сѣверные люди“ (Норманны) стремятся въ Біармію искать богатствъ; конунги норвежскіе и датскіе женятся на пермскихъ царевнахъ, а изъ-за отказа руки ихъ происходятъ битвы и единоборства. Войны, грабежи, мирныя и радостныя отношенія связываютъ Біармію съ Скандинавіею. Главнѣйшій пермскій храмъ, посвященный

*) Желающіе познакомиться съ древними *костищами* Пермской губерніи найдутъ любопытныя свѣдѣнія въ ст. *А. Е. Теплоухова*: „Ueber die prähistorischen opferstätten am Uralgebirge“. Archiv für Anthropologie, November, Freiburg, 1879.

Томалъ (финское названіе Высшаго Существа), въ особенноти привлекалъ корыстолюбіе Скандинавовъ, которые не разъ пытались его ограбить. Самая наружность храма была обложена золотомъ и алмазами, которые лучами своими освѣщали всю окружность. На истуканѣ, внутри храма, блистало золотое ожерелье въ нѣсколько фунтовъ; вѣнецъ на головѣ былъ осыпанъ драгоценными каменьями, а на колѣнахъ стояла золотая чапа такой величины, что четыре богатыря могли утолить изъ нея жажду; наконецъ, облаченіе истукана превышало своею цѣнностію грузъ трехъ кораблей, плававшихъ по Греческому морю.

Все это лишь преданія въ поэтической формѣ; но изъ нихъ мы можемъ извлечь для исторіи тотъ вѣрный фактъ, что задолго до IX столѣтія, Біармія или Пермь была извѣстна уже какъ страна торговая и богатая¹⁾. Это подтверждаютъ и находки древнихъ вещей. Въ 1846 году, въ имѣніи графа Строганова, въ Соликамскомъ уѣздѣ, былъ найденъ кладъ, состоявшій изъ серебряныхъ *сассанидскихъ* монетъ V и VI в. по Р. Хр. Древность этого клада 2½ столѣтіями отдаленнѣе древнѣйшихъ мухамеданскихъ монетъ, найденныхъ въ Россіи²⁾. Въ 1851 г., въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, близъ деревни Шестаковой, вырытъ былъ новый столь-же значительный кладъ, представленный начальникомъ губерніи въ министерство внутреннихъ дѣлъ, состоявшій изъ золотыхъ, серебряныхъ и каменныхъ вещей и 20 *сассанидскихъ, византійскихъ* и *индо-бактрианскихъ* монетъ V, VI и начала VII вѣка отъ Р. Хр.³⁾ Въ разныхъ имѣніяхъ графа Строганова были находимы *англо-саксонскія* и *тѣмеккія* монеты X и XI в. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ С.-Петербургѣ хранится серебряная чара, въ 2½ ф. вѣсомъ, временъ византійскаго императора Анастасія, царствовавшаго съ 491 по 518 годъ, найденная въ окрестностяхъ Чердыни⁴⁾.

¹⁾ П. Савельевъ. Пермская губернія въ археологическомъ отношеніи. Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ. 1852 г., ч. XXXIX, кн. 7, стр. 114.

²⁾ Тотъ-же авторъ. Восточныя древности, найденныя въ Пермской губерніи. Спб. Вѣд. 1847, № 122.

³⁾ Тотъ-же авторъ. Археологическія находки въ Пермской и Вологодской губерніяхъ. Ж. Мин. Нар. Просв. 1852 г., ч. 55, отд. 7, стр. 24.

⁴⁾ Извѣстія И. Археологическаго Общ. 1861 г., т. 2, стр. 360—362. Эта чара принадлежала мнѣ и мною уступлена Эрмитажу.

Означенныя находки вполне подтверждают преданія Скандинавовъ о давнемъ населеніи Біарміи, которую они могли близко знать, будучи въ сношеніяхъ съ нею и совершая чрезъ земли, занимаемыя нынѣ Русскимъ государствомъ, путешествія въ *Асаръ*, который они считали мѣсторожденіемъ законодателя своего богослуженія ¹⁾. Съ VIII вѣка саги наполнены извѣстіями о набѣгахъ Скандинавовъ на *Austerveg* и на Біармію, т. е. на нынѣшнюю Россію. Самъ Шлѣцеръ, называвшій саги „глупыми бреднями сказочниковъ“, согласенъ съ ними относительно древности и процвѣтанія Біарміи: „Пермь—говоритъ онъ—нѣкогда самобытный, великій и не со-всѣмъ непросвѣщенный народъ“ ²⁾.

Въ исходѣ IX вѣка, поэтическія сказанія о древней Перми облекаются въ болѣе положительную форму. Въсто скальдовъ повѣствуетъ мореплаватель, лично бывшій на мѣстѣ, а слова его записываетъ любознательный конунгъ Альфредъ Великій. Изъ словъ Отера, записанныхъ англо-саксонскимъ королемъ, узнаемъ положительно, что уже по Двинѣ начинались жилища Пермь-ковъ (*Beogmas*), что земли ихъ были хорошо обработаны и что они и Финны говорили, повидимому, однимъ языкомъ. Со временъ Отера, отъ исхода IX даже до начала XIII вѣка, есть уже положительные извѣстія о торговлѣ Скандинавовъ съ Біарміею. Слава Перми достигла вполнѣдствіи Константинополя: византійскій историкъ Халхакандила упоминаетъ о Пермькахъ (*Permi*), какъ о весьма древнемъ народѣ ³⁾.

---

¹⁾ *Сенковскій*. Скандинавскія саги. Библ. для чтенія 1834 г., т. 1, отд. 3, стр. 1—77. *Асаръ*—нынѣшній Азовъ—*ас-городъ*, городъ *Асовъ*—духовъ могучихъ.

²⁾ Шлѣцеровъ *Несторъ*, переводъ *Д. Языкова*, т. 1, стр. 74.

³⁾ По изслѣдованіямъ копенгагенскаго профессора Расмуссена, основаннымъ на сказаніяхъ арабскихъ историковъ, изъ странъ прикаспійскихъ, съ которыми Арабы входили въ торговныя сдѣлки, первое мѣсто занимала Хазарія. Она лежала по обоимъ берегамъ Волги и граничила съ Болгаріею, Каспійскимъ моремъ и землями, сопредѣльными Дербенту. Ея обитатели исповѣдывали различныя вѣры; царь и главные сановники были Жиды. Столицею Хазаріи считался городъ Самандеръ, отстоявшій на 24 мили отъ Дербента и на 7 миль отъ нынѣшней Астрахани. Вслѣдъ за Хазарами, какъ ближайшими сосѣдями Арабовъ и Персовъ, упоминаются *Біармы* (?), занимавшіе до 1372 года западный берегъ Урала, но потомъ перешедшіе на сѣверъ, къ р. Оби. Они, вмѣстѣ съ *Сириніанійцами* (*Зырянами*?), финскаго племени, возили къ Ледовитому морю произведе-

Русскія лѣтописи. Сказанія русскихъ временниковъ насколько не противорѣчатъ сказаніямъ сагъ, если отнимемъ отъ послѣднихъ поэтическія прикрасы. Первая наша лѣтопись уже знаетъ Пермь на тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ ее знаютъ Скандинавы: „во Аѳетовѣ-же части (т. е. въ Европѣ) сѣдятъ... Заволочская Чудь, *Пермь*, Печора“... (т. е. между Заволочьемъ и Печорою. Лаврентьевская лѣтопись, стр. 2). При покореніи Перми московскими великими князьями, называли эту страну великою—*Великая Пермь*. Существованіе богатыхъ капищъ и идоловъ, о которыхъ говорили Скандинавы, подтверждаютъ и извѣстія объ обращеніи Пермиковъ св. Стефаномъ, который нашелъ у нихъ богатые кумиры и множество идоловъ, обвиваемыхъ въ тонкія полотняныя пелены. Русскія лѣтописи называютъ пермское божество мужескаго пола *Войнелемъ*, а женское—*Золотою Бабюю*. Послѣдняя, можетъ быть, съ родни тѣмъ каменнымъ *бабамъ*, которыя еще доселѣ разсыяны на югѣ Россіи и въ Сибири: у нихъ, также какъ и у Юмалы, одна изъ принадлежностей—чаша на колѣняхъ.

Біармійцы. Названіе Біармійцевъ (*Biarmar, Veormas, Permti*, Великая Пермь) не слѣдуетъ, однакожъ, по словамъ г. Савельева, приурочивать къ нынѣшнимъ Пермьякамъ, небольшому, еще мало изслѣдованному, народу, сохранившемуся въ числѣ до 59,000 душъ въ Пермской и Вятской губерніяхъ. Названіе Пермь есть нарицательное: *Pääntä*, значитъ, по-фински, Украина, тоже, что *Syriä*, слѣдовательно, Пермьяки и Зыряне—слова синонимическія и значатъ просто: жители Украйны, украинцы финскаго міра. *Ө*. Волеговъ названіе Перми производитъ отъ слова *парма*—гора, покрытая лѣсомъ; *парма-екъ* (пермякъ) значитъ: человекъ или житель лѣсной и гористой страны, каковою и представляется намъ мѣст-

---

нія полуденной Азіи, а замѣнъ того получали оттуда мѣха. На востокъ отъ Хазаровъ арабскіе географы полагали мѣсто пребыванія *Узовъ*, которые заселяли всю страну отъ Волги и Камы до океана; они происходили отъ Гунновъ и удержали свою самостоятельность до конца XIII вѣка, когда подпали подъ иго Монголовъ. Одна изъ рѣкъ ихъ страны заключала въ себѣ большое количество золотого песку; со дна ея доставался лапись-лазури, въ лѣсахъ-же водилось много бобровъ, лисицъ и другихъ цѣнныхъ звѣрей. Русскій Зритель, 1828, ч. 2, № VII и VIII, стр. 136.

ность, гдѣ нынѣ живутъ Пермьки ¹⁾. Пермьки называютъ сами себя: *коми*, точно также, какъ и Зыряне ²⁾.

Чердынь. Главный городъ Великой Перми назывался также Великой Пермью, а потомъ Чердынью. Въ 1472 году упоминается о Чердыни въ числѣ замѣчательнѣйшихъ торговыхъ городовъ, покоренныхъ посланнымъ отъ великаго князя Іоанна III княземъ Василюемъ Пестрымъ. По преданіямъ жителей нынѣшней Чердыни, главное населеніе города составляли Новгородцы, къ которымъ, съ 1591 г., присоединились еще Угличане, разбѣянные по разнымъ городамъ послѣ убіенія царевича. Въ 1792 году большой пожаръ истребилъ всѣ письменные памятники Чердыни. Въ числѣ старинныхъ чердынскихъ документовъ, упоминается о спискѣ великопермскихъ князей и княгинь, всего четырнадцати, съ христіанскими именами, неизвѣстно гдѣ и когда жившихъ. Найдены означенныя свидѣтельства при разборкѣ архивовъ въ 1786 и 1787 годахъ. Въ уставной граматѣ, данной въ Москвѣ 7062 (1553) года, 26 декабря, при ограниченіи суда о земляхъ, рѣкахъ, озерахъ и прочихъ угодьяхъ трехлѣтнимъ срокомъ, воспрещается руководствоваться судомъ и граматами прежнихъ великопермскихъ князей ³⁾.

Происхождение Біармійцевъ и другихъ народовъ, населявшихъ сѣверо-востокъ Россіи. Прослѣдивъ въ общихъ чертахъ преданія о Перми, съ самыхъ отдаленныхъ временъ до покоренія ее русскими великими князьями и до послѣднихъ извѣстій о владѣтеляхъ ея, мы невольно должны задаться вопросомъ: откуда-же взялся народъ, населявшій съ древнѣйшихъ временъ сѣверо-востокъ нынѣшней Россіи? Само собою разумѣется, что свѣдѣнія объ этомъ предметѣ представляются еще скуднѣе, чѣмъ преданія о Біармійцахъ. Не подлежитъ сомнѣнію, однакоже, что Біармійцы были народъ *финскаго* или *чудскаго* племени, вышедшій въ незапамятныя времена съ юго-востока нынѣшней Сибири. Въ этомъ мнѣніи утверждаютъ насъ и преданія, и слѣды древней жизни, сохра-

---

¹⁾ О. В. Пермьки. Перм. Губ. Вѣд. 1854 г., № 44.

²⁾ Н. Роговъ. Матеріалы для описанія быта Пермьковъ. Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ 1858 г., ч. XXIX, кн. 4, стр. 3.

³⁾ Чердынскіе юридическіе памятники съ 1606 по 1718 г. Съ предисловіемъ *Спасскаго*. Временникъ И. Общ. Истор. и Древн. Росс. т. XXV стр. 115—154.

нившіеся въ Сибири и на сѣверо-востокѣ Россіи. Первоначально отъ Чуди алтайской отдѣлилась Чудь уральская, а отъ нея, позже—балтійская, которая нынѣ обитаетъ по Балтійскому морю, въ Эстляндіи, Финляндіи и Лапландіи. Чудь, Пермь, Печора, Ямь и Угра ¹⁾, составлявшіе нѣкогда одинъ народъ, жили, во времена Нестора, въ нынѣшнихъ Пермской и Вологодской губерніяхъ, въ обширной сѣверной сторонѣ, которую долго не могли завоевать Новгородцы; но наконецъ часть ихъ перешла волокъ и поселилась въ странахъ по нижнему теченію Сѣв. Двины. Чудь и Заволочская Чудь были, безъ сомнѣнія, самымъ примѣчательнымъ племенемъ, отъ котораго произошли всѣ другія. Чудь, можетъ быть, уже въ это время, жила на берегахъ Онежскаго озера, а Заволочская Чудь еще далѣе къ сѣверу, за волокомъ, въ окрестностяхъ Вологды, гдѣ она теперь совершенно обрусѣла. Въ нагорныхъ странахъ Сѣверной Россіи, на сѣверо-западномъ отклонѣ Уральскаго хребта, обитала Угра, отъ которой вся страна называлась Угорскою и самый хребетъ Угорскимъ. Названіе Угорской или Югорской земли сохранилось доселѣ въ полномъ титулѣ Русскихъ Императоровъ. Венгры ²⁾ суть древніе Угры, оставившіе сѣверо-востокъ нынѣшней Россіи и по берегамъ Камы, Волги, Азовскаго и Чернаго морей добравшіеся до мѣстности, занимаемой нынѣшнею Венгріею, гдѣ они окончательно осѣли. Остатки Угровъ до сихъ поръ существуютъ въ Пермской губерніи, подъ именемъ Вогуловъ. Въ „Словарѣ“ Чупина говорится: „*Вогулы* или *Вогуличи*, народъ угрско-финскаго племени, находящійся по языку своему въ ближайшемъ сродствѣ съ обскими Остяками и съ Мадьярами или Венгерцами, обитающій нынѣ, главнымъ образомъ, въ юго-западной части Березовскаго уѣзда Тобольской губерніи, въ сѣверной Туринскаго, въ сѣверо-западной Тобольскаго и въ сѣверной

¹⁾ Къ Югрѣ принадлежали Весь, Меря и Мурома, также и Ютунны исландскихъ сагъ. У Лопарей Ютунны извѣстны подъ названіемъ *Чутте*—Чудь“. *Д. П. Европеусъ*. Карта древнихъ мѣстъ жительства финско-венгерскихъ народовъ.

²⁾ Въ 1237 г. венгерскій монахъ Іуліанъ, около нынѣшняго города Казани, на разстояніи двухъ дней пути отъ Болгаръ, встрѣтилъ народъ, говорящій чистымъ венгерскимъ языкомъ. Названія мѣстностей югорскаго происхожденія съ запада дѣйствительно простираются до Казани“. *Д. П. Европеусъ*.

части Верхотурскаго уѣзда; но въ старину жилища ихъ простирались въ Пермской губерніи весьма далеко на западъ и на югъ¹⁾. Въ опредѣленіи происхожденія Вогуловъ г. Чупинъ основывается на изслѣдованіяхъ гельсингфорскаго профессора Аלקвиста²⁾.

Заселеніе и завоеваніе страны Новгородцами. Сѣверо-западная часть Пермской губерніи, по всей вѣроятности, уже съ XII вѣка, стала заселяться выходцами новгородскими, за которыми позже послѣдовали жители и другихъ мѣстностей Россіи. Карамзинъ говоритъ, что жители Біарміи были покорены Новгородцами еще при Владимірѣ Святѣмъ или при Ярославѣ I. По крайней мѣрѣ, въ двухъ грамотахъ, данныхъ Новгородцами великому князю Ярославу Ярославичу, преемнику Невскаго, мы находимъ первыя упоминанія о странѣ Пермской, какъ подвластной Новгородцамъ; въ грамотахъ этихъ она названа *Перемь*.

Св. Стефанъ. Въ XIV столѣтіи св. Стефанъ внесъ въ Пермскій край христіанство. Великій князь Іоаннъ III, раздраженный Новгородцами и желавшій увеличить свои владѣнія, подъ предлогомъ отмщенія за обиды, нанесенныя московскимъ купцамъ въ этой странѣ, вознамѣрился отнять у Новгородцевъ богатую Пермь и послалъ въ 1472 году воеводу, князя Ѳодора Пестраго, „для наказанія Пермяковъ за ихъ неисправленіе“. Пестрый разбилъ Пермяковъ, плѣнилъ ихъ воеводъ и взялъ городъ Искоръ съ другими городками; на слѣдующій годъ, отряженный имъ воевода, Гаврило Нелидовъ, овладѣлъ „Нижнею землею“, съ городами Уросомъ и Чердынью и взялъ въ плѣнъ пермскаго христіанскаго князя Михаила. Вся земля Пермская покорилась тогда Іоанну, а войско его основало по р. Покчѣ или Кемзелкѣ, впадающей въ Колву, городокъ, въ пяти верстахъ отъ Чердыни. Почти во все продолженіе княженія Іоанна, страна

¹⁾ *Н. Чупинъ*. Географич. и Стат. Словарь Пермской губерніи, т. I, стр. 334.

²⁾ *Онъ-же*. О мѣстахъ жительства и образѣ жизни Вогуль по Аלקвисту. Сборн. Пермск. Земства 1874 г., январь—апрѣль, стр. 119—137. См. также о Вогулахъ: *Орлова*, Свѣдѣнія о Вогулахъ, обитающихъ въ Пермской губ., ibid. 1873, май—іюнь; *Н. Маліева*, Отчетъ о Вогульской экспедиціи, Казань, 1873 г.; *Н. Сорокина*, Путешествіе въ Вогуламъ, Казань, 1873; *Н. Чупина*, О результатахъ экспедиціи для изслѣдованія Вогуловъ, 3 кн. Записокъ Уральскаго общ. люб. естествознанія.

Пермская управлялась туземными князьями, въ качествѣ вотчиней. Въ 1505 г., однако-же, послѣдняго изъ нихъ, Матвѣя Михайловича (вѣроятно, сына вышепомянутаго Михаила), Иоаннъ „свелъ съ Великой Перми“ и послалъ туда своего намѣстника. Городокъ на Покчѣ былъ вскорѣ оставленъ, и еще въ 1483 году, великокняжескіе воеводы (вѣроятно, находившіеся въ Перми при ея природныхъ князьяхъ, для наблюденія за ихъ дѣйствіями) переселились въ Чердынь, гдѣ впослѣдствіи жили и намѣстники. Имя Великой Перми съ этихъ поръ сдѣлалось областнымъ названіемъ края и въ грамотахъ стало употребляться нераздѣльно съ именемъ Чердыни. Чердынь много древнѣе Соликамска; одни преданія мѣстныхъ жителей прямо приписываютъ основаніе ея новгородскимъ выходцамъ, другіе говорятъ, что городъ стоитъ уже на пятомъ мѣстѣ. Нынѣ показываютъ, въ 25 верстахъ отъ Чердыни, на берегу Камы, мѣсто, гдѣ былъ старый городъ. Уже воевода Пестрый, какъ сказано выше, нашелъ Чердынь значительнымъ городомъ, такъ что основаніе его должно отнести, по крайней мѣрѣ, къ началу XIV вѣка, если еще не ранѣе. Точно также неизвѣстно въ точности и время основанія возникшаго позже Соликамска.

Калинниковы. Есть извѣстіе, что, въ началѣ XV вѣка, посадскіе Калинниковы (вѣроятно, выходцы изъ Вологодскаго края) завели соляные промыслы при рѣчкѣ Боровой, выше села Верхъ-Боровскаго, въ нынѣшнемъ Соликамскомъ уѣздѣ. Эти промыслы, однако-же, по скудости рассола, вскорѣ были оставлены и около 1430 г., Калинниковы перенесли свою дѣятельность на рѣчку Усолку, гдѣ теперь стоитъ Соликамскъ.

Соликамскъ. Такимъ образомъ, начало Соликамска, какъ города, должно отнести уже ко второй половинѣ XV вѣка.

Строгановы. За симъ являются въ Пермскомъ краѣ новые дѣятели—купцы Строгановы. Около времени покоренія Казани, сольвычегодскій житель Аника (Иоанникій Ѳедоровъ) Строгановъ торговалъ съ зауральскими народами. Провѣдавъ о богатствѣ рассоловъ близъ р. Камы, сынъ его Григорій сталъ просить Иоанна Грознаго о дозволеніи заводить здѣсь поселенія, варить соль и воздѣлывать пустыя земли. Иоаннъ, вѣроятно, знавшій пред-

пріимчивость и богатство Строгановыхъ, даль Григорью, въ 1558 году, первую грамоту на владѣніе роду его землями по обѣ стороны Камы, отъ Лысвы и Пыскора до Чусовой, приказавъ ему заниматься соляными промыслами и дозволивъ заселять дарованныя земли, по произволу, людьми „не тяглыми и не письменными“ (т. е. не записанными ни въ какой окладъ), а для защиты отъ набѣговъ инородцевъ, строить „на усторожливыхъ мѣстахъ“ укрѣпленные городки. Предоставивъ многія льготы поселенцамъ, на 20 лѣтъ, царь, вмѣстѣ съ тѣмъ, освободилъ ихъ отъ власти суда царскаго намѣстника, „а вѣдаетъ и судить Григорей своихъ слобожанъ самъ во всемъ“.

Камкорь. Строгановы, Аника, съ сыновьями Григорь-емъ и Яковомъ, переселились на пожалованныя земли, приведа съ собою своихъ людей, также Зырянъ, Пермь-ковъ и другихъ вольныхъ людей изъ разныхъ мѣстъ и срубили, на мысу Пыскорскомъ, гдѣ впослѣдствіи былъ извѣстный Пыскорскій монастырь, на горѣ, съ правой стороны Камы, городъ Камгорть или Камкорь.

Орель-городокъ. Черезъ 6 лѣтъ, Аника нашель, ниже по Камѣ, другое, лучшее мѣсто съ рассолами и рѣшилъ построить тутъ другой городъ. Вскорѣ новою грамотою 1564 года, на имя того же Григорья Строганова, дозволено было выстроить этотъ городъ „на Орлѣ, на наволокъ“, на правомъ же берегу Камы, въ 20 верстахъ ниже Камкора, который названъ былъ первоначально *Кергеданомъ* (нынѣ Орель-городокъ).

Чусовскіе городки. Впослѣдствіи, когда Строгановы (грамотою 1568 г. на имя Якова Аникіева) получили земли во владѣніе по Чусовой*), они основали еще два городка на этой рѣкѣ и нѣсколько остроговъ; остатки этихъ городковъ и теперъ еще сохранились, подъ именемъ *Чусовскихъ городковъ*.

Очерскій острогъ. На этомъ мѣстѣ былъ основанъ Строгановыми Чусовской соляной промыселъ, давно уже оставленный. Грамотою 1597 года, Строгановымъ отданы

*) „... отъ Лысвы рѣчки внизъ по р. Камѣ до Чусовне рѣки, а отъ устья рѣки Чусовне по рѣкѣ по Чусовой вверхъ и по другую сторону Чусовне рѣки, съ устья и до вершины, и отъ Чусовне рѣки по обѣ стороны Камы рѣки... на двадцать верстъ до Лысвинскаго бору“ (до того мѣста, гдѣ нынѣ стоитъ Пермь).

были земли, лежащія по правую сторону Камы, на 250 верстъ отъ Лысьвы до р. Опала; здѣсь они основали *Очерскій острогъ*.

Такимъ образомъ большая часть сѣверо-западнаго пространства нынѣшней Пермской губерніи перешла во владѣніе фамиліи Строгановыхъ и была заселена ихъ стараніями. Льготы, имъ данныя, привлекли на новыя земли множество гулящихъ людей изъ разныхъ мѣстъ Россіи, даже Нѣмцевъ, Литовцевъ, Татаръ.

Набѣги сибирскихъ князей. Въ граматѣ 1561 г., данной Строгановымъ, упоминается, что сибирскій Салтанъ и Ишбаны грозили войною Перми. Въ 1573 году, сибирскій царевичъ Маметкуль, сынъ Салтана Кучума, приходилъ войною на р. Чусовую, вторгнулся въ Пермь Великую, побилъ много народу и убилъ государева посланника, шедшаго въ Киргизъ-кайсацкую орду. Въ 1581 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, мурза Бегбелій съ Вогуличами и Остяками напалъ на Чусовскіе городки и на Сылвинскій острожекъ, но былъ разбитъ людьми Строгановыхъ и взятъ въ плѣнъ. Наконецъ, важнѣйшій набѣгъ пелымскаго князя Кихека, съ сибирскими, сылвенскими и иренскими Татарами, съ Остяками, Вогуличами, Вотяками и Башкирцами, въ сентябрѣ того же года, отличался своею опустошительностію и распространился даже до Кай-города (въ нынѣшнемъ Глазовскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи).

Всѣ эти враждебныя попытки крайне озабочивали Московское правительство и Строгановыхъ. Последніе ясно понимали, что имъ слѣдуетъ подвинуться на востокъ, за Каменный Поясъ. Поэтому они, еще въ 1574 году, просили Государя дозволить имъ между Тахчеями, по р. Тоболу и по рѣкамъ, которыя въ Тоболѣ впадаютъ, до вершины ихъ, „на усторожливомъ мѣстѣ крѣпости дѣлать, сторожей нанимать и огненный нарядъ держать“, на свой счетъ, „жельзо выработывать, пашни пахать и угодыями владѣть“. Іоаннъ Грозный, имѣя въ виду охрану своихъ восточныхъ владѣній, охотно предоставилъ Строгановымъ заводить военныя и промышленныя поселенія по ту сторону Уральскихъ горъ, на тѣхъ-же условіяхъ, какъ они заводились по Камѣ и Чусовой, и съ тѣми-же льготами. Но Строгановымъ нужно было приготовить необходимыя средства.

Призваніе Ермака. Поэтому они призвали, въ 1579 г., волжскихъ казаковъ Ермака *) съ товарищи, разбойничавшихъ по Волгѣ, собрали рать изъ Русскихъ, Татаръ и Нѣмцевъ и, снабдивъ ее оружіемъ и припасами, отправили, подъ предводительствомъ Ермака, воевать Сибирь.

Завоеваніе Сибири. Отрядъ состоялъ всего изъ 540 казаковъ и 300 человекъ строгановскихъ поселенцевъ, тѣмъ не менѣе онъ совершилъ извѣстное дѣло покоренія Сибири. Когда царскіе воеводы, по слѣдамъ Ермака, упрочили завоеваніе, Московское правительство старалось всѣми мѣрами ввести въ зауральскихъ земляхъ гражданское устройство. Въ 1589 году былъ основанъ тамъ первый русскій городъ Лозьва (въ нынѣшнемъ Верхотурскомъ уѣздѣ); но теперь неизвѣстно даже мѣсто, гдѣ онъ находился. Борисъ Годуновъ принялъ гораздо важнѣйшія мѣры открытіемъ пути черезъ Уральскія горы и основаніемъ Верхотурскаго воеводства. Еще по указу царя Θεодора Іоанновича, въ 1595 году, велѣно было прокладывать прямую дорогу изъ Соликамска въ Сибирь.

Бабиновская дорога. Крестьянинъ Верхняго Усолья Артемій Бабиновъ нашелъ этотъ прямой путь, сократившій разстояніе въ восемь разъ. Эта дорога отъ Соликамска до Верхотурья составляетъ только 250 верстъ. Названная Бабиновскою, она считалась единственнымъ торговымъ и правительственнымъ путемъ до времени основанія и распространенія горныхъ промысловъ на Уралѣ и даже почти до открытія Пермскаго намѣстничества. Остатки его существуютъ по сіе время и онъ еще недавно служилъ, въ зимнее время, для проѣзда купцовъ вологодскихъ, соликамскихъ и чердынскихъ на Ирбитскую ярмарку.

Верхотурье. Для обезпеченія власти правительства въ новопокоренномъ краѣ, основанъ былъ, въ 1598 году, на р. Турѣ, городъ Верхотурье, въ которомъ образовано

---

*) По словамъ Черепановской лѣтописи, Ермакъ былъ сынъ бѣднаго посадскаго человека въ Суздаль; подлинное имя его было *Василій Тимофеевичъ Аленинъ*. Ермакомъ же прозвали его въ шутку разбойники, въ шайкѣ которыхъ на Волгѣ онъ былъ первоначально кашеваромъ. *Ермакъ* значитъ *таганъ*—треножникъ, на который ставится котелокъ для варки, или также ручной жерновой камень. Извѣстіе о новѣйшей лѣтописи Сибирской, сочиненной Ильею Черепановымъ. Сибирск. Вѣстн. 1821 года, часть XIV.

особое Верхотурское воеводство. Въ 1600 г. тамъ учреждена таможня, для взысканія пошлинъ съ товаровъ, идущихъ въ Сибирь и обратно.

Монастыри, села и города. Распространявшееся христіанство содѣйствовало правительству въ цивилизаціи края. Въ 1560 г. основанъ Аникою Строгановымъ Пыскорскій Преображенскій монастырь; около того-же времени, въ Соликамскѣ, возникъ Вознесенскій монастырь и нѣкоторыя изъ приходскихъ церквей; преподобный Трифонъ Вятскій основалъ на рѣкѣ Чусовой, около Чусовскихъ городковъ, Успенскую обитель; въ Верхотурьѣ построена соборная Троицкая церковь и Никольскій монастырь. Съ основаніемъ Очерскаго острога, появились вокругъ него села: Сосновское, Карагайское, Степановское и др., въ которыхъ тоже возникли христіанскіе храмы.

Около 1606 года построена церковь въ Новоникольской дворцовой слободѣ (что нынѣ городъ Оса). Въ 1621 году учреждена тобольская митрополія. Во время управленія ея перваго митрополита Кипріяна, возникли монастыри: Невьянскій, Богоявленскій, женскій Покровскій, въ Верхотурьѣ, другой Покровскій, близъ села того же имени, въ нынѣшнемъ Невьянскомъ заводскомъ округѣ, Рождественскій, на р. Тагилѣ, и Введенскій, при рѣкѣ Нейвѣ. Въ 1624 году уже существовала Никольская деревянная церковь въ селѣ Верхнихъ Муллахъ, или Никольскомъ, близъ нынѣшняго города Перми. Въ первой половинѣ XVII вѣка, за Ураломъ возникли многія русскія поселенія, подъ именемъ слободъ, изъ выходцевъ Вологды, Тотмы, Устюга, Вятки, Кай-города, Чердыни, Соликамска; нѣкоторыя изъ нихъ впослѣдствіи обратились въ города: **Шадринскъ** (Шадринская, съ 1712 г.), **Ирбитъ** (Ирбитская, съ 1775 г.), **Камышловъ** (Камышловская, съ 1781 г.). Въ 1644 г. возникъ въ Шадринскомъ округѣ Далматовскій Успенскій монастырь, названный по имени своего основателя, старца Далмата.

По сю сторону хребта основался, въ 1649 г., городъ **Кунгуръ**, первоначально на рѣкѣ Кунгуркѣ, впадающей въ Ирень, но, разоренный въ 1664 году до основанія Башкирцами, былъ переведенъ на нынѣшнее мѣсто. Вскорѣ онъ приобрѣлъ значеніе какъ опорный пунктъ для наблюденія за Башкирами, безпокоившими край своими набѣгами, для защиты отъ которыхъ были вы-

строенъ цѣлый рядъ маленькихъ крѣпостей: Осинская, Красноуфимская (**Красноуфимскъ**), Ачитская, Бисертская, Грбовская. Въ виду центральности Кунгура, въ 1737 году, въ него было переведено изъ Соликамска провинціальное управленіе и онъ сталъ имѣть особыхъ воеводъ. Оживленію его много способствовала проложенная чрезъ него, въ половинѣ XVI вѣка, новая дорога въ Сибирь, которая, впрочемъ, сначала была преслѣдуема правительствомъ, такъ какъ давала возможность провозить товары, минуя Верхотурье, безъ оплаты пошлинами.

Горное дѣло. Дальнѣйшее участіе въ цивилизаціи края принадлежитъ развитію горнозаводской промышленности. Впервые встрѣчаются въ лѣтописяхъ указанія на это въ 1491, когда „князь великій Иванъ Васильевичъ послалъ на Печору руды искать“. Въ 1557 году, англійское правительство, по его желанію, съ возвращающимся изъ Англійи русскимъ посланникомъ Іосифомъ Непеею, отпустило „мастеровъ многихъ, дохтуровъ, и злату и серебру искателей и дѣлателей и иныхъ“. Въ 1569 году Іоаннъ предоставилъ англійскимъ купцамъ право искать желѣзныя руды и плавить ихъ, съ условіемъ выучить этому искусству Русскихъ. Въ первыхъ грамотахъ, данныхъ Строгановымъ, предписывалось имъ доносить немедленно ежели найдутъ руды серебряныя, мѣдныя или оловянныя, а самимъ, безъ вѣдома царскаго, не плавить; въ грамотѣ же 1574 г. предоставлено было имъ выдѣлывать желѣзо въ свою пользу, а мѣдныя, оловянныя и свинцовыя руды и сѣру проплавливать только для испытанія, во сколько обойдется добытый металлъ съ производствомъ; право это было предоставлено и другимъ промышленникамъ, кто пожелаетъ. Однако только въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича можно полагать начало горныхъ заводовъ въ Россіи. Въ 1628 году, въ Ницинской слободѣ (нынѣ Ирбитскаго уѣзда) открыты были однимъ Татаринкомъ первыя желѣзныя руды, вслѣдствіе чего тамъ образовались рудники, слобода и построенъ **Ницинскій** желѣзный заводъ. Потомъ найдены были руды въ дачахъ Строгановыхъ, на р. Яйвѣ, въ горѣ Кужгортъ, которыя плавилась въ Пыскорскомъ монастырѣ; съ открытіемъ же Григорьевскаго рудника, въ 28 верстахъ отъ монастыря, въ 1640 году, былъ основанъ **Пыскорскій** мѣдиплавильный заводъ. Но истинное начало горнаго дѣла относится уже

къ царствованію Петра Великаго. Еще въ 1699 году основанъ за Ураломъ, на р. Нейвѣ, казенный **Невьянскій** заводъ, въ 1700 г. **Каменскій**, на р. Каменкѣ, въ 1703 г. **Алапаевскій**. Тульскій уроженецъ Никита Антуфьевъ, прозванный по отчеству Демидовымъ, былъ посланъ въ здѣшній край Петромъ Великимъ, гдѣ открылъ множество рудныхъ приисковъ, вслѣдствіе чего возникли многіе частныя заводы. Въ 1722 году, артиллеріи генераль-маіоръ де-Генинъ открылъ, по указу Государеву, городъ **Екатеринбургъ**, гдѣ учреждена главная канцелярія для управленія заводами, существовавшая до открытія Пермскаго намѣстничества. Де-Генинъ открылъ также нѣсколько новыхъ заводовъ, въ томъ числѣ, въ 1723 году, **Ягошихинскій** мѣдиплавильный заводъ¹⁾.

Административныя дѣленія Россіи. Въ 1708 году Петръ Великій раздѣлилъ Россію на 8 губерній. Занимаемое нынѣ Пермскою губерніею пространство вошло, при этомъ раздѣлѣ, въ составъ Сибирской губерніи, за исключеніемъ Осы съ областію, принадлежавшей къ Казанской губерніи. Въ числѣ 26 городовъ Сибирской губерніи значатся: Верхотурье, Кунгуръ, Пермь Великая, Чердынь и Соликамскъ. Въ 1719 году, указомъ отъ 29 мая, Россія раздѣлена была снова на 11 губерній; губерніи эти дѣлились на провинціи, провинціи, съ городами, пригородками и селеніями, на уѣзды. Губерніи находились подъ властію губернаторовъ и генераль-губернаторовъ, провинціи завѣдывались провинціальными воеводами, подчиненными губернаторамъ, города съ уѣздами подчинялись городскимъ воеводамъ. Сибирская губернія была раздѣлена въ то время на три провинціи: Вятскую, Соль-Камскую и Тобольскую. Къ Вятской губерніи причисленъ былъ Кунгуръ съ 3,202 дворами. Соль-Камская провинція заключала въ себѣ города: Соль-Камскую съ 12,005 дворами, Пермь Великую²⁾, и Чердынь съ 1421 дворомъ Верхотурье съ 3,483 дворами вошло въ составъ Тобольской провинціи. Осы не значилось въ это время (городъ былъ упраздненъ), но пространство края, съ

¹⁾ *А. Крутинъ*. Краткій историческій очеркъ заселенія и цивилизаціи Пермскаго края. Пермск. Сборн. т. 1, стр. 1—49.

²⁾ Усть-Вымь, по мнѣнію *Г. И. Балбашевскаго*. См. его статью: Кратк. историч. очеркъ гражд. устройства Пермскаго края. Пермск. Губ. Вѣд. 1855 г., №№ 21—26.

Осою, принадлежавшее къ Казанской провинціи, отошло къ Оренбургской. Горнозаводская часть, въ правленіе Петра Великаго, находилась въ вѣдѣніи сперва Руднаго приказа, а потомъ Бергъ-коллегіи. Въ Екатеринбургѣ, какъ выше сказано, учреждена была главная канцелярія для управленія заводами. Въ 1728 году Соль-Камская провинція, вмѣстѣ съ Вятскою (слѣдовательно и съ городомъ Кунгуромъ), изъ вѣдомства Сибирской губерніи, перешла въ составъ Казанской. По атласу, изданному академіею наукъ въ 1745 году, видно, что большая половина Пермскаго края, по сѣю сторону Урала, присоединена къ Казанской губерніи, какъ уже нѣчто цѣлое, подъ названіемъ Кунгурской провинціи, заключавшей города: Кунгуръ, Соликамскъ, Чердынъ, Новое Усолъе, Орель-городокъ и Чусовскіе городки. Другая же половина, по ту сторону Урала, съ городками Верхотурьемъ, слободами Тагильскою, Ирбитскою, Ницинскою, принадлежала къ Сибирской губерніи и находилась въ вѣдѣніи Тобольской провинціи. Екатеринбургъ не входилъ въ составъ губерніи и подчинялся, со всѣми казенными и частными заводами, правленію Сибирскихъ и Казанскихъ заводовъ. Екатеринбургъ подчинены были три дистрикта: Екатеринбургскій, Алапаевскій и Катаевскій. Кромѣ того, здѣсь уже упоминается крѣпость Красноуфимская, принадлежавшая съ пригородкомъ Осою къ Уфимской провинціи, слѣдовательно, составлявшая часть Оренбургской губерніи. Въ 1781 году, вся Россія раздѣлена на 19 генераль-губернаторскихъ округовъ, въ вѣдѣніи которыхъ находились 40 намѣстничествъ. Въ этомъ году, по указу Сената отъ 27 января, открыто было и Пермское намѣстничество, находившееся, вмѣстѣ съ Тобольскимъ, подъ управленіемъ тринадцатаго генераль-губернаторскаго округа. Пермское намѣстничество (по неизданному атласу, составленному въ Перми, при губернской чертежной, въ 1793 г.) граничило къ сѣверу съ Вологодскимъ, къ западу съ Вятскимъ, къ югу съ Уфимскимъ, къ востоку съ Тобольскимъ. Уральскимъ хребтомъ оно раздѣлялось на двѣ области: Пермскую и Екатеринбургскую. Первая дѣлилась на уѣзды: Пермскій, Соликамскій, Чердынскій, Кунгурскій, Красноуфимскій, Осинскій, Оханскій и Обвинскій; вторая заключала въ себѣ: Екатеринбургскій, Верхотурскій, Алапаевскій,

Ирбитскій, Камышловскій, Далматовскій, Шадринскій и Челябинскій ¹⁾. Въ 1787 году послѣдовало новое административное дѣленіе, по которому Россія была раздѣлена на губерніи. Въ составъ Пермской вошли нынѣшніе ея 12 уѣздовъ, при чемъ города Алапаевскъ, Далматовъ и Обвинскъ обращены въ заштатные.

(Пермскія Губ. Вид. 1883 г., №№ 1, 2 и 4).

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРИИ ГОРОДА ПЕРМИ.

I.

Взглядъ современника на выгоды мѣстности, избранной для учрежденія города.—Первые жители.—Первые городскіе выборы.—Городскіе головы въ періодъ намѣстничества.—Организація городского общества и права его.—Открытие Общей и Шестигласной думъ.

Въ любопытной рукописи, временъ намѣстничества, выгоды пункта, избраннаго кн. Мещерскимъ для основанія губернскаго города Перми, описываются такимъ образомъ: „Мѣстоположеніе онаго (т. е. города Перми), въ разсужденіи знатныхъ выгодъ, кои посредствомъ водяныхъ путей, распространяющихся по Камъ и Волгѣ до Каспійскаго, Балтійскаго и, съ небольшими перелоками, до Бѣлаго морей, удобно приобрѣтать можно, требовало обширнѣйшаго селенія, нежели каковъ былъ помянутый заводъ (Ягошихинскій), дабы многолюдное общество, составленное изъ людей различныхъ промысловъ, тѣмъ удобнѣе могло умножать свою торговлю и содержать оную въ непоколебимости. И въ самомъ дѣлѣ, еще до преобразования сего мѣста, многіе въ торговлѣ упражняющіеся люди привлечены были сюда для поселенія и произведенія оной, къ чему приключились и коренные жители. И такъ построены были лавки для содержанія нужныхъ товаровъ ²⁾, учредились многолюд-

¹⁾ Въ 1783 г. Челябинскій уѣздъ былъ причисленъ къ Оренбургской губерніи.

²⁾ Заводскій рынокъ на берегу Камы, противъ Петропавловскаго собора, гдѣ теперь зданія Уральской желѣзной дороги.

39023 57

ные съѣзды отъ окрестныхъ поселянъ, которые на торжище привозили домашнія и земледѣльческія произведенія, а на ономъ покупали вещи, потребныя для себя и домоводства. Здѣсь также приставало множество судовъ, идущихъ Камою въ Волгу и далѣе, съ приготовленными припасами. Все это было первымъ поступкомъ выгодъ къ возвышенію здѣшняго мѣста. Наконецъ палъ въ оное благополучный жребій, чтобы поставить въ немъ престолъ правосудію и главное правленіе, коего власть должна распространяться на обширную страну, заключающую многіе города и множество народа, то есть учрежденъ въ немъ намѣстнической городъ. Сія есть знатнѣйшая онаго эпоха, случившаяся въ 781 году. Сколь важно оное учрежденіе на такомъ мѣстѣ, которое, кажется, самая природа назначила къ содержанію великаго города, столь достохваленъ выборъ того, котораго разсужденіе и опредѣленіе съ оною было согласно. Итакъ, желать должно, чтобы здѣшніе жители, ревнуя о славѣ и богатствѣ древнихъ обитателей сея страны, которая доставила имъ простиранная торговля и прилежаніе къ домостроительству, слѣдовали по тѣмъ-же стезямъ, по которымъ рачительные ихъ предки достигли своего величества; уповаательно, что не меньше-бъ оныхъ учинились славными“.

Все, сказанное въ приведенной выдержкѣ, въ общихъ чертахъ, справедливо, хотя выгоды пункта, избраннаго для основанія губернскаго города, весьма преувеличены воображеніемъ автора.

Въ обывательской книгѣ 1788 года помѣчены *старожилыми* 344 семьи. Все это жители бывшаго Ягошихинскаго завода. Съ открытіемъ города, какъ и слѣдовало ожидать, началъ стекаться въ него народъ со всѣхъ концовъ Россіи, въ числѣ котораго, несомнѣнно, было много безталанныхъ людей, не знавшихъ гдѣ преклонить голову и искавшихъ въ новомъ городѣ „новаго счастья“, или приписанныхъ къ городу волею начальства изъ „праздноживущихъ церковниковъ“ и тому подобнаго гулящаго люда.

Въ дѣлахъ сохранились любопытные документы, по которымъ до нѣкоторой степени можно прослѣдить происхожденіе этихъ пришельцевъ.

Изъ ревизскихъ сказокъ, уцѣлѣвшихъ частію въ городскомъ архивѣ, видно, что въ 1765 семей, по ревизіи

1795 года, отмѣчены: 2 изъ крестьянъ Ягошихинскаго завода, 9 изъ чердынскихъ мѣщанъ, 2 изъ чердынскихъ крестьянъ, 14 изъ соликамскихъ мѣщанъ, 3 изъ соликамскихъ крестьянъ, 4 изъ кунгурскихъ мѣщанъ, 1 изъ кунгурскихъ купеческихъ дѣтей, 1 изъ кунгурскихъ крестьянъ, 1 изъ ирбитскихъ крестьянъ, 1 изъ далматовскихъ крестьянъ, 1 изъ алапаевскихъ мѣщанъ, 2 изъ алапаевскихъ крестьянъ, 2 изъ вятскихъ мѣщанъ, 7 изъ вятскихъ крестьянъ, 1 изъ владимѣрскихъ мѣщанъ, 1 изъ рязанскихъ мѣщанъ, 1 изъ тамбовскаго купечества, 1 изъ челябинскаго купечества, 4 изъ праздноживущихъ церковниковъ, 1 солдатка, 2 изъ вольноотпущенныхъ, 1 крещеный татаринъ, 1 крещеный вотякъ, 1 „изъ явившихся изъ-за границы бѣжавшихъ рядовыхъ Рыльского мушкатерскаго полку дезертировъ солдатъ“, 2 неизвѣстнаго происхожденія, приписанные „по повелѣнiю“ И. В. Колтовскаго. Въ числѣ 107 купеческихъ семей, 49 обозначены, въ 1807 году, происхожденiемъ: 1 изъ тамбовскихъ купцовъ, 1 изъ софiйскихъ купцовъ, 2 изъ чебоксарскихъ мѣщанъ, 3 изъ архангельскихъ государственныхъ и черносошныхъ крестьянъ, 4 изъ соликамскихъ мѣщанъ, 3 изъ соликамскихъ экономическихъ крестьянъ, 8 изъ кунгурскихъ купцовъ, 3 изъ кунгурскихъ государственныхъ и экономическихъ крестьянъ, 4 изъ кунгурскихъ мѣщанъ, 4 изъ вольноотпущенныхъ, 1 изъ государственныхъ крестьянъ Пермской округи, 1 изъ осинскихъ купцовъ, 1 изъ экономическихъ крестьянъ Оханской округи, 1 изъ приписныхъ къ Юговскому казенному заводу, 7 изъ приписныхъ къ Ягошихинскому заводу, 1 изъ чердынскихъ мѣщанъ, 1 уволенный изъ священниковъ, 1 изъ государственныхъ крестьянъ Алапаевской округи, 1 изъ служительскихъ дѣтей пермскихъ казенныхъ солеваренныхъ заводовъ, 1 „гость изъ купцовъ Римской имперiи, города *Кому*“ (Комо). Остальныя 58 семей записались въ гильдiи изъ первыхъ поселенцевъ—пермскихъ мѣщанъ и посадскихъ.

Вотъ изъ какихъ разнородныхъ элементовъ составилось первоначальное населенiе новаго города.

Обратимся теперь къ первымъ выборамъ въ городскiя должности. За отсутствiемъ въ новомъ городѣ обывателей, выборы эти совершились довольно оригинально.

Въ ордерѣ генераль-губернатора Кашкина губернатору Ламбу отъ 18-го сентября 1781 года, предлагается произвести выборы въ должности губернскаго и уѣздныхъ городовъ „подобно тому, какъ учинено уже для Екатеринбургской области“ *).....

„Ваше превосходительство благоволите таковыя же о выборѣ распоряженія и предписанія сдѣлать и для Пермской области, предполагая сей выборъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ купечество и мѣщанство уже есть, а именно: въ Кунгурѣ, въ Соликамскѣ и въ Чердынѣ, а какъ по вышесказанному учрежденію (о губерніяхъ) неминуемо должно будетъ снабдить всѣ мѣста въ губернскомъ городѣ назначенныя, то хотя и извѣстно мнѣ, что нѣкоторые изъ пребывающихъ нынѣ въ городѣ Пермѣ государственныхъ разночинцевъ записываться желаютъ въ купечество и въ мѣщанство по сему городу, но въ разсужденіи небольшого количества, неуповательно что-бъ во всѣ положенныя по учрежденію званія заступить могли, а потому выборъ надлежитъ сдѣлать изъ купечества и мѣщанства въ старыхъ городахъ состоящихъ, чего для и изволите ваше превосходительство, по поводу сего выбора, сдѣлать распisanіе, чтобъ въ Кунгурѣ, Соликамскѣ и Чердынѣ, по числу счисляющихся въ купечествѣ и мѣщанствѣ душъ, сдѣланъ былъ выборъ во всѣ тѣ мѣста, по губернскому городу положенныя, назнача именно изъ каждаго сказанныхъ городовъ въ какое званіе избраніе сдѣлать должно, которымъ и явиться въ оной неукоснительно будущаго октября къ 10 числу; егда-же будетъ свѣдомо число записывающихся по губернскому городу въ купечество и мѣщанство, то и изъ оныхъ надлежаній выборъ учиненъ быть имѣетъ, колико безъ препятствія торгу въ разныя должности помѣстить можно, за которыми нѣкоторые изъ избранныхъ останутся въ излишествѣ и возвратятся въ свои дома“.

Получивъ этотъ ордеръ, Ламбъ предложилъ кунгурскому, соликамскому и чердынскому магистратамъ, отъ 21 сентября 1781 года, выбрать кандидатовъ на городскія службы въ Пермь.... „Выборъ симъ кандидатамъ по Екатеринбургской области, по ордеру его высоко-

---

*) Въ Екатеринбургской области выборы были произведены нѣсколько ранѣе.

превосходительства, велѣно было сдѣлать на основаніи обряда 1766 года, декабря 11 дня, о выборѣ въ депутаты, и къ 1-му октября предписано было представить къ его высокопревосходительству именной списокъ, кто именно изъ купцовъ или мѣщанъ въ каждомъ городѣ въ кандидаты избранъ будетъ. Въ губернскомъ городѣ Пермѣ, сверхъ вышепрописанныхъ (должностей для Екатеринбургской области), въ каждомъ окружномъ городѣ, по силѣ Всевысочайшаго учрежденія о управленіи губерніями, по общественнымъ должностямъ полагаемыхъ членовъ, положенъ губернской магистратъ, и во ономъ мѣщанскихъ засѣдателей шесть, да въ совѣстной судъ два; всего-же, всѣхъ къ симъ общественнымъ должностямъ членовъ, обще съ прописанными выше, въ каждомъ городѣ положенными, потребно 17, и на каждое мѣсто полагая по два кандидата, должно выбрать 34 человекъ. По мѣрѣ-же состоящихъ въ помянутыхъ выше трехъ городахъ, въ Кунгурѣ, въ Соликамскѣ и въ Чердынѣ купечества и мѣщанства, полагается въ кандидаты въ городъ Пермь выбрать и выслать изъ Кунгура 16, изъ Соликамска 12, изъ Чердыни 6 человекъ“.

Далѣе Ламбъ прописываетъ статьи изъ учрежденія о губерніяхъ, относящіяся къ выборамъ.

Согласно этого распоряженія, выборы кандидатовъ были произведены подъ наблюденіемъ: въ Кунгурѣ—воеводскаго товарища коллежскаго ассесора Дмитрія Минеева, въ Соликамскѣ—воеводскаго товарища титулярнаго совѣтника Бушуева и въ Чердынѣ—бургомистра Спиридона Углицкихъ.

Въ рапортѣ губернатору Ламбу предсѣдатель пермскаго губернскаго магистрата, надворный совѣтникъ Дмитрій Маслениковъ, отъ 15 октября 1781 года, говоритъ: прибывшіе въ Пермь кандидаты „собранны были къ слушанію божественной литургіи, а по окончаніи оной приведены къ присягѣ; потомъ, по отведеніи ихъ въ домъ, назначенный для городскаго магистрата *), на основаніи порядка, предписаннаго въ обрядѣ 1763 года, декабря 14 дня, о выборѣ въ депутаты, выборъ имъ послѣдовалъ, а кто и къ какимъ должностямъ баллотированіемъ избраны

---

*) Въ какомъ домѣ помѣщался въ первое время магистратъ, свѣдѣній не сохранилось.

и затѣмъ остались, учиненное росписаніе, также при-
саяжный листъ, ими подписанный, и оныхъ кандидатовъ
самихъ представляю при семъ⁴.

Росписаніе избранныхъ лицъ, упоминаемое въ ра-
портѣ, приводимъ цѣликомъ:

Въ губернской магистратъ, въ засѣдатели:

		Изъ купцовъ:	
отъ городовъ:		извн- РАТ.	виз- ВНР.
Кунгура	{	Бургомистръ Филипъ Кротовъ . . .	30—4*
		Публичн. нотаріусъ Тимофей Шав- куновъ	10—24
		Пантелей Матвеевъ Порошинъ . . .	18—16
Соликамска	{	Петръ Васильевъ Чузовъ	19—15*
		Степанъ Игнатьевъ Черевковцевъ .	29—5*
		Федотъ Яковлевъ Ксенифоновъ . .	6—28

Изъ мѣщанъ:

Кунгура	{	Андрей Савинъ Лунеговъ	6—28
		Тимофей Гавриловъ Оминыхъ . . .	21—13*
Соликамска	{	Андрей Васильевъ Молчановъ . . .	26—8*
		Иванъ Ивановъ Тарутинъ	4—30
		Федоръ Ивановъ Пономаревъ . . .	28—6*
	{	Михайло Ивановъ Сваловъ	4—30

Въ совѣстный судъ, въ засѣдатели:

Изъ мѣщанъ:

Кунгура	{	Петръ Филиповъ Рѣзановъ	15—19*
		Матвѣй Афанасьевъ Мозжеринъ . .	9—25
Чердыни	{	Федоръ Трофимовъ Валувевъ . . .	12—22
		Купецъ Николай Удниковъ	22—12*

По городу Перму, въ городскіе головы:

Изъ купцовъ:

Кунгура	{	Михайло Абрамовъ Поповъ	29—5*
		Федоръ Ефимовъ Быковъ	14—20

Въ бургомистры:

Изъ мѣщанъ:

Кунгура	{	Иона Ивановъ Собенинъ	24—10*
		Алексѣй Николаевъ Любимовъ . . .	2—32

Соликамска	{	Петръ Филиповъ Рязанцевъ . . .	16—18
		Андрей Степановъ Залѣсовъ . . .	17—17*

Въ ратманы:

Кунгура	{	Петръ Иван. Шавкуновъ	9—25
		Андрей Ивановъ Галдинъ	23—11*
		Ѳеодоръ Ильинъ Поповъ	4—30
		Филипъ Фотіевъ Суковъ	19—15*
Соликамска	{	Антонъ Степановъ Смирнягинъ . . .	15—19*
		Данило Герасимовъ Лапинъ	4—35
Чердыни	{	Яковъ Емельян. Береговъ	13—21
		Матѳеѣй Яким. Мичуринъ	16—28*

Въ городовые старосты:

Изъ мѣщанъ:

Соликамска	{	Петръ Алексѣевъ Матвѣевъ . . .	24—10*
		Степанъ Николаевъ Ростовцевъ . .	20—14

Въ словесные судьи:

Чердыни	{	Сергѣй Ивановъ Валуевъ	28— 6*
		Абрамъ Гордѣевъ Воложаниновъ .	10—24

Звѣздочки противъ именъ означаютъ *избранныхъ* лицъ и поставлены Маслениковымъ, и притомъ довольно произвольно, ибо отмѣченные ими Рѣзановъ, Смирнягинъ и Мичуринъ получили неизбирательныхъ шаровъ болѣе, чѣмъ избирательныхъ. Въ этомъ видѣ списокъ избранныхъ лицъ Маслениковъ представилъ и на утверждение начальства.

Выборщики были приведены 15 октября къ присягѣ протопопомъ Петропавловскаго собора Антоніемъ Поповымъ, а избранныя лица—17 октября, того-же собора іереемъ Дометіемъ Черепанонимъ*).

*) 15-же октября произведены были выборы въ должности изъ присланныхъ въ Пермь сельскихъ повѣренныхъ отъ разныхъ округъ, подъ наблюдениемъ коллежскаго совѣтника Антона Бредихина, изъ коихъ избрано засѣдателей: въ Красноуфимскую, Осинскую, Оханскую, Чердынскую, Соликамскую и Кунгурскую округи, въ верхнюю расправу 10 человекъ, въ совѣстный судъ 2, въ нижнюю расправу 16, въ нижній земскій судъ 14, всего 42 человекъ. Двое изъ засѣдателей верхней расправы и двое изъ засѣдателей 1 и 2 департаментовъ губернскаго магистрата отряжены для присутствования въ пермскомъ приказѣ общественнаго прирѣзня.

Въ разсматриваемый нами періодъ служили въ должности городского головы:

1. Михайло Абрамовичъ Поповъ, 2-й гильдіи купецъ, приписавшійся изъ кунгурскаго купечества. Служилъ съ открытія города по 18 октября 1784 года.

2. Фѣдоръ Ефимовичъ Быковъ, 3-й гильдіи купецъ, приписавшійся изъ кунгурскаго купечества. Служилъ съ 18 октября 1784 по то-же число 1787 года.

3. Василій Герасимовичъ Лапинъ, 2-й гильдіи купецъ, приписавшійся изъ соликамскаго купечества. Служилъ съ 1787 по 1790 годъ.

4. Петръ Абрамовичъ Поповъ, 2-й гильдіи купецъ, приписавшійся изъ кунгурскаго купечества. Съ 1790 по 1793 годъ.

5. Михайло Абрамовичъ Поповъ, избранный вторично, служилъ съ 1793 по 1796 годъ.

Два первыя трехлѣтія городскіе головы дѣйствовали единолично, и думы, Общая и Шестигласная, открыты были только 18 октября 1787 года.

Для того, чтобъ понятно было дальнѣйшее, припомнимъ организацію городского общества и управленія, какъ она опредѣлена городовымъ положеніемъ 1785 года.

По этому положенію, городамъ предоставлено право собственности на всѣ, законнымъ путемъ пріобрѣтенныя, земли, угодья, мельницы и т. п. Городъ получаетъ выгонную землю, въ опредѣленномъ закономъ количествѣ, которую воспрещается запахивать, въ противномъ случаѣ, новыхъ выгоновъ не отводится и даже не дозволяется пріобрѣтать ихъ покупкою. Городамъ предоставлено заводить на ихъ земляхъ разнаго рода мельницы, устраивать, содержать и отдавать въ наемъ харчевни, корчмы, герберги, трактиры, имѣть гостинный дворъ, клейменные вѣсы и мѣры, устанавливать бракъ товаровъ и т. д. Въ городахъ устраиваются школы, еженедѣльные торги и ежегодныя ярмарки. Права города защищаются городовымъ магистратомъ и въ случаѣ нарушенія ихъ, послѣдній приноситъ жалобу губернскому магистрату и доноситъ Сенату; онъ же заботится о нуждахъ и недостаткахъ города и ходатайствуетъ предъ высшими установленіями.

Подъ именемъ городскихъ обывателей „разумѣются всѣ тѣ, кои въ томъ городѣ или старожилы, или посе-

лились, или дома, или иное строеніе, или мѣста, или землю имѣютъ, или въ гильдіи, или въ цехъ записаны, или службу городскую отправляли, или въ окладъ записаны, или по тому городу носятъ службу или тягость“. *Настоящими*-же городскими обывателями считаются всѣ, имѣющіе въ городѣ недвижимую собственность. Каждый такой владѣлецъ или обыватель, записанный въ гильдію или цехъ, или занимающійся мѣщанскимъ промысломъ, долженъ быть записанъ въ городскую *обывательскую книгу*, раздѣленную на 6 частей, по числу различныхъ классовъ обывателей. Въ первую часть вносятся *настоящіе* городскіе обыватели, во *вторую* записанные въ одну изъ трехъ гильдій, что дозволено всѣмъ объявившимъ капиталъ, опредѣленный отъ 10 до 50 тысячъ рублей для первой, отъ 5 до 10 т. руб. для второй и отъ одной до 5 т. руб. для третьей гильдіи; въ *третью*—цеховые, въ *четвертую*—иногородные и иностранные гости и мѣщане, въ *пятую*—именитые граждане, въ *шестую*—посадскіе, т. е. старожилы города, или поселившіеся, или родившіеся въ немъ, занимающіеся промыслами, руководѣльями и не внесенные въ другія части книги.

Для составленія обывательской книги, городское общество избираетъ старостъ и депутатовъ. Старосты составляютъ алфавитный списокъ всѣмъ обывателямъ и представляютъ его головѣ, и послѣдній, вмѣстѣ съ депутатами, по разсмотрѣніи представленныхъ гражданами доказательствъ своихъ правъ, вносятъ всѣхъ въ обывательскую книгу, которая, для повѣрки, прочитывается предъ городскимъ обществомъ. Недовольные приносятъ жалобы въ городской магистратъ.

Обыватели города имѣютъ право составить *городское общество*, пользующееся особыми правами и преимуществами. Городскіе обыватели собираются по приказанію и дозволенію генераль-губернатора или губернатора, каждые три года, въ зимнее время. Запрещается выбирать въ должности мѣщанъ, имѣющихъ капиталъ, приносящій менѣе 50 руб. въ годъ и которые моложе 25 лѣтъ; имъ дозволено однако-же присутствовать въ городскихъ общественныхъ собраніяхъ, но безъ права голоса. Исключеніе допускается только въ случаяхъ, когда нѣтъ лицъ, удовлетворяющихъ означеннымъ условіямъ. Городскому обществу дозволяется имѣть собственный домъ для

общественныхъ собраній и архивы, печать съ изображеніемъ городского герба, собственнаго писаря и составлять особую кассу изъ добровольныхъ складовъ.

Для общественнаго городского управленія дозволено городскимъ обывателямъ составить *общую городскую думу*, состоящую изъ городского головы и гласныхъ отъ *настоящихъ* городскихъ обывателей, отъ гильдій, отъ цеховъ, отъ иногородныхъ и иностранныхъ гостей, отъ именитыхъ гражданъ и отъ посадскихъ. Чтобъ *составить* *голосъ* настоящихъ городскихъ обывателей, настоящие обыватели собираются въ каждой части города чрезъ три года и выбираютъ по баламъ одного гласнаго; каждый такой гласный долженъ явиться къ городскому головѣ. Такимъ-же образомъ избираютъ гласныхъ каждая гильдія, каждый цехъ, и изъ иногородныхъ и иностранныхъ, особо каждый, *народъ*. Для составленія голоса именитыхъ гражданъ, они собираются по каждому изъ семи разрядовъ ихъ или названій *); каждый разрядъ, если въ немъ не менѣе пяти гражданъ, избираетъ своего гласнаго. Посадскіе каждой части города собираются чрезъ три года для выбора по баламъ одного гласнаго. Всѣ гласные должны явиться къ городскому головѣ.

Общая городская дума избираетъ Шестигласную городскую думу изъ своихъ гласныхъ. Послѣдняя составляется изъ одного представителя отъ cadaго изъ шести разрядовъ обывателей, подъ предсѣдательствомъ городского головы. Въ случаѣ выбытія кого-либо изъ думы до истеченія срока, Общая городская дума замѣщаетъ его новымъ лицомъ изъ того-же голоса.

Обязанности городской думы заключаются въ слѣдующемъ: 1) Доставлять жителямъ города нужное пособие

*) Именитыми гражданами считаются: 1) служившіе въ должностяхъ по выборамъ, получившіе уже званіе именитыхъ и потомъ вновь съ честию занимавшіе должности мѣщанскихъ засѣдателей словеснаго суда или губернскаго магистрата, или бургомистра, или городского головы; 2) ученые, имѣющіе академическіе или университетскіе аттестаты и признанные достойными, по испытаніи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи; 3) художники, состоящіе членами академическими или имѣющіе академическія свидѣтельства и признанные достойными также по испытаніи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ русскихъ; 4) капиталисты, объявившіе капиталы отъ 50 и болѣе тысячъ; 5) банкиры, занимающіеся переводами денегъ и объявившіе капиталъ отъ 100 до 200 тысячъ рублей; 6) занимающіеся оптовою торговлею и 7) кораблехозяева, отправляющіе за море собственные свои корабли.

къ ихъ прокормленію или содержанію. 2) Охранять городъ отъ ссоръ и тяжбъ съ окрестными городами или селеніями. 3) Сохранять между жителями города миръ, спокойствіе, тишину и доброе согласіе. 4) Возбраняется все, что противно доброму порядку и благочинію не касаясь, впрочемъ, дѣлъ, предоставленныхъ вѣдѣнію лицъ и учрежденій полицейскихъ. 5) Стараться всѣми законными способами поощрять привозъ въ городъ и продажу всего того, что можетъ служить ко благу и выгодамъ жителей. 6) Наблюдать за прочностію публичныхъ зданій, устраивать торговыя площади, пристани, амбары, магазины и все, сему подобное, что можетъ быть необходимымъ, выгоднымъ или полезнымъ для города. 7) Стараться о приращеніи городскихъ доходовъ для пользы города и для распространенія заведеній, состоящихъ въ вѣдомствѣ приказа общественнаго призрѣнія. 8) Разрѣшать сомнѣнія и недоразумѣнія по ремесламъ и гильдіямъ, руководствуясь при этомъ изданными положеніями.

Городской думѣ воспрещено было вмѣшиваться въ дѣла судныя, возникающія между жителями города и дѣлать представленія, противныя городскому или ремесленному положеніямъ и прочимъ государственнымъ узаконеніямъ. Городская дума должна хранить какъ всякое городское, такъ и ремесленное положеніе и наблюдать, чтобы они всѣми и каждымъ исполняемы были точно и безъ нарушенія.

Общая городская дума должна собираться разъ въ три года, а также и въ другое время, если того потребуютъ общественной нужды и польза. Городская Шестигласная дума, установленная для постоянного веденія дѣлъ, должна собираться въ городскомъ домѣ и имѣть свою печать. Предметы ея вѣдомства тѣ-же, что и Общей думы. Сомнительныя, важныя и трудныя дѣла она обязана представлять Общей думѣ. Недовольный рѣшеніемъ той или другой думы могъ приносить жалобу въ губернской магистратъ. Наконецъ, городская дума должна была завѣдывать городскими доходами, которые составлялись изъ двухпроцентныхъ денегъ съ каждаго пошлиннаго рубля съ привозимыхъ товаровъ (гдѣ существовали таможи), однопроцентныхъ денегъ съ прибыльной суммы отъ продажи вина, денегъ, полученныхъ съ вымороч-

ныхъ имѣній, мѣщанскихъ городскихъ мельницъ, перевозовъ, рыбныхъ ловель и т. п. и штрафныхъ съ купцовъ и мѣщанъ. Городскіе доходы должны были употребляться лишь на законные городовые расходы: на содержаніе магистратовъ, на жалованье должностнымъ выборнымъ лицамъ, содержаніе школь и другихъ заведеній приказа общественнаго призрѣнія, на городскія строенія и ихъ починку; прочіе необходимые или полезные расходы дума могла дѣлать только съ разрѣшенія губернатора, которому и должна давать отчетъ во всѣхъ доходахъ и расходахъ и представлять счета въ казенную палату на ревизію.

Независимо отъ установленій Общей и Шестигласной городскихъ думъ, учреждались особыя управы для ремесленниковъ. Для cadaго ремесла, имѣющаго въ городѣ не менѣе пяти мастеровъ, положено устанавливать, по распоряженію и подъ вѣдомствомъ магистрата или ратуши, особый цехъ или управу, вѣдомство и дѣятельность которой опредѣляются ремесленнымъ положеніемъ.

Изъ дѣлъ видно, что въ 1787 году намѣстническое правленіе настаиваетъ на учрежденіи Общей думы и составленіи обывательской книги, безъ которой не представлялось возможнымъ и избраніе думы *).

Городской голова Лапинъ, 19-го октября 1787 года, рапортуетъ губернскому магистрату: „Пермская Общая дума, составленная изъ общества городскихъ жителей, пермскимъ комендантомъ господиномъ подполковникомъ Иваномъ Ивановичемъ фонъ-Будендикомъ, сего октября 18 числа открыта и опредѣленные въ нее присутствующіе, по приводѣ къ присягѣ, въ засѣданіе вступили“.

Въ дѣлахъ упоминаются слѣдующія, присутствовавшія въ Общей думѣ лица:

Градской глава Василій *Лапинъ*.

Поручикъ Тихонъ Петровичъ *Плетневъ*.

Бергешворенъ Евдокимъ Петровичъ *Веселковъ*.

Терентій Прокопьевъ *Быковъ* (2-й гильдіи купецъ, приписался изъ государственныхъ крестьянъ).

---

*) Выборы затруднены были еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что ко дню ихъ оказалось въ отпуску 59 купцовъ, 51 мѣщанинъ и 46 цеховыхъ и записавшихся въ пермское общество, но живущихъ: въ Красноуфимской округѣ 1, въ Кунгурской 2, въ Соликамской 2, въ Чердынской 2, въ Обвинской 5, въ Верхотурьѣ 1, въ Екатеринбургѣ 2.

Кондратій Петровъ *Соколовъ* (3-й гильдіи купецъ, приписался изъ государственныхъ крестьянъ).

Никита Степановичъ *Шишинъ* (3-й гильдіи купецъ, приписался изъ государственныхъ крестьянъ).

Константинъ Аврамовъ *Южаниновъ* (посадскій, приписался изъ государственныхъ крестьянъ).

Иванъ Борисовъ *Могильниковъ* (цеховой, приписался изъ государственныхъ крестьянъ)*).

Составъ первой Шестигласной думы оказался не совсемъ удачнымъ, какъ видно изъ доношеній ей губернскому магистрату отъ 3 и 18 апрѣля 1789 года. Гласный Соколовъ—доносила дума—, по старости его лѣтъ, находится въ тягчайшей болѣзни, такъ что едва имѣеть движеніе, въ Шестигласной думѣ, въ общемъ засѣданіи,

*) Выборный листъ Плетнева и Веселкова подписанъ избирателями-чиповниками, имена которыхъ, можетъ быть, пригодятся для какихъ-либо справокъ, а потому мы ихъ здѣсь и приводимъ:

Предсѣдатель уголовной палаты, коллежскій совѣтникъ Андрей Ивановичъ *Орловъ*, совѣтникъ уголовной палаты, надворный совѣтникъ Елисей Леонтьевичъ *Чудинъ*, ассесоръ уголовной палаты, поручикъ Петръ Ивановичъ *Морелли*.

Предсѣдатель гражданской палаты, коллежскій совѣтникъ Иванъ Даниловичъ *Прянишкинъ*, совѣтники: надворный совѣтникъ Степанъ Ивановичъ *Пиллюинъ*, надворный совѣтникъ Петръ Петровичъ *Чижевъ*, ассесоры: титулярный совѣтникъ Иванъ Варламовичъ *Ларинъ*, провинціальный секретарь Павелъ Ульяновичъ *Протейкинскій*.

Совѣтники казенной палаты: надворный совѣтникъ Гаврило Прохоровичъ *Козьминъ*, надворный совѣтникъ Дмитрій Петровичъ *Масленниковъ*, Фѳдоръ Ивановичъ *Гренъ*, Андрей Егоровичъ *Груберъ*.

Ассесоры казенной палаты: Алексій Никитичъ *Гладковъ*, Захаръ Родіоновичъ *Виколовъ*, Егоръ Артамоновичъ *Ольшевъ*, Николай Ивановичъ *Кощенецъ*.

Губернскій казначей, коллежскій ассесоръ Илья *Гожевъ*.

Совѣтники наместническаго правленія: надворный совѣтникъ Иванъ Михайловичъ *Лихаревъ* и коллежскій ассесоръ Иванъ Даниловичъ *Шестаковъ*.

Совѣстный судья, надворный совѣтникъ Антонъ Ивановичъ *Бредихинъ*.
Первый предсѣдатель верхняго земскаго суда, артиллеріи майоръ Фѳдоръ Андреевичъ *Кузнецовъ*.

Второй предсѣдатель верхняго земскаго суда, надворный совѣтникъ Гаврило Даниловичъ *Шестаковъ*.

Дворянскій засѣдатель совѣтнаго суда, коллежскій ассесоръ Петръ Степановичъ *Глозовъ*.

Тоже, поручикъ Никита *Картаковъ*.

Засѣдатель верхняго земскаго суда, коллежскій ассесоръ Иванъ Ульяновичъ *Вансловъ*.

Первый предсѣдатель верхней расправы, коллежскій ассесоръ Михайло Ильичъ *Пиллюинъ*.

по незнанію грамотѣ и при сборѣ поземельныхъ денегъ, между собою съ переменною быть не можетъ“, а Никита Шишинъ „опримѣченъ тѣмъ, что по часту приходитъ въ Шестигласную думу въ пьяномъ образѣ и добропорядочнаго и законнаго разсужденія не имѣеть, но дѣлаетъ только въ производствѣ помѣшательство и остановку; къ тому нынѣ и сборъ поземельныхъ денегъ ввѣрить ему весьма опасно, потому что по прежнему, изъ намѣстническаго правленія въ городской магистратъ, указу, за состоящіе за нимъ долги, вѣлно его конфисковать“.

Вмѣсто Соколова и Шишина выбраны были 15 мая 1789 года 3-й гильдіи купцы Прокопій Ефимовъ Быковъ и Петръ Яковлевичъ Ломтѣвъ.

Второй предсѣдатель верхней расправы, маркшейдеръ Иванъ Ивановичъ *Бьловъ*.

Предсѣдатель губернскаго магистрата, коллежскій ассесоръ Григорій *Щаюгинъ*.

Губернскій казенныхъ дѣлъ стряпчій, тигулярный совѣтникъ Іосифъ Федоровичъ *Арендъ*.

Стряпчій верхней расправы, прапорщикъ Василій Артемьевичъ *Шестаковъ*.

Стряпчій уголовныхъ дѣлъ губернскаго магистрата, прапорщикъ Николай Дмитріевичъ *Протопоповъ*.

Дворянскій засѣдатель уѣзднаго суда, подпоручикъ Петръ Андреевичъ *Бутковичъ*.

Губернскій землемѣръ, подпоручикъ Никита Федоровичъ *Мелешенковъ*.

Штабъ-лекарь Михайло Леонтьевичъ *Гималтя*.

Секретарь намѣстническаго правленія, провинціальный секретарь Никита Васильевичъ *Овчинниковъ*.

Секретарь казенной палаты Степанъ *Меньшенинъ*.

тоже   тоже,   экспедиціи директора домоводства Петръ Григорьевичъ *Базановъ*.

тоже   тоже,   по части винной и соляной Григорій Ивановичъ *Зубричкінъ*.

Секретарь верхней расправы Константинъ Федоровичъ *Волковъ*.

Секретарь верхняго земскаго суда, провинціальный секретарь Федоръ Андреевичъ *Воротниковъ*.

Секретарь приказа общественаго призрѣнія коллежскій регистраторъ Петръ Дмитріевичъ *Бьлозеровъ*.

Секретарь 2 департамента губернскаго магистрата, коллежскій регистраторъ Иванъ *Стелановъ*.

Бухгалтеръ экспедиціи, по части винной и соляной, казенной палаты Василій Яковлевичъ *Сивелковъ*.

Архивариусъ намѣстническаго правленія Иванъ Петровичъ *Бучениковъ*.

II.

Городскіе головы Перми, въ теченіи перваго полустолѣтія ея существованія.

(1781—1832).

Съ большимъ трудомъ розыскали мы въ архивныхъ дѣлахъ имена городскихъ головъ, служившихъ въ теченіи первыхъ пятидесяти лѣтъ съ ея открытія и составили полный ихъ списокъ, который и предлагаемъ читателямъ, интересующимся прошлымъ города Перми.

1781—1784 годы. Михайло Абрамовичъ *Поповъ*, 2-й гильдіи купецъ, изъ кунгурскихъ купцовъ.

1784—1787. Ѳедоръ Ефимовичъ *Быковъ*, 3-й гильдіи купецъ, изъ кунгурскаго купечества.

1787—1790. Василій Герасимовичъ *Ланингъ*, 2 гильдіи купецъ, изъ пермскихъ мѣщанъ. Онъ положилъ начало нынѣшней Богородицкой церкви, выстроивъ, при помощи своихъ и стороннихъ пожертвованій, нижній ея этажъ.

1790—1793. Петръ Абрамовичъ *Поповъ*, братъ Михайла Абрамовича, 2-й гильдіи купецъ, изъ кунгурскаго купечества.

1793—1796. Михайло Абрамовичъ *Поповъ*.

1796—1799. Иванъ Николаевичъ *Коршуновъ*, изъ соликамскаго купечества.

1799—1802. Антонъ Трофимовичъ *Пономаревъ*, 1-й гильдіи купецъ, изъ государственныхъ крестьянъ Соликамскаго уѣзда.

1802—1805. Иванъ Романовичъ *Жмаевъ*, коллежскій ассесоръ, 1-й гильдіи купецъ, изъ тамбовскаго купечества. Служилъ прежде въ Невьянскомъ, Ивана Савича Яковлева, заводѣ управляющимъ. Изъ обывательскихъ книгъ 1795 года видно, что у него было двѣ дочери: Авдотья, имѣвшая тогда 25 лѣтъ отъ роду и бывшая съ 1786 г. замужемъ за драгунскимъ капитаномъ Дормидонтомъ Ивановичемъ Суховымъ, и Марія, 16 лѣтъ, вышедшая потомъ замужъ за пермскаго казначея Дмитрія Васильевича Дягилева, имѣвшаго въ Перми, въ Монастырской улицѣ, свой домъ,—отца Павла Дмитриевича Дягилева. Жмаевъ строилъ въ Перми гостинный дворъ и имѣлъ собственный каменный домъ, принадлежащій теперь городскому обществу.

1805—1808. Петръ Абрамовичъ *Поповъ*. Умеръ 10-го июня 1807 года; вмѣсто него избранъ Кирилль Ѳедоровичъ *Ломакинъ*, 3 гильдіи купецъ, изъ софійскаго купечества, но представилъ свидѣтельство о болѣзни, и вмѣсто него выбранъ и дослуживалъ трехлѣтіе Ѳедоръ Ефимовичъ *Быковъ*.

1808—1811. Антонъ Трофимовичъ *Пономаревъ*, съ 17 сентября 1808 года; за болѣзнію его, былъ выбранъ и дослуживалъ трехлѣтіе, съ 15-го ноября 1809 года, Сидоръ Семеновичъ *Силинъ*, 3-й гильдіи купецъ, изъ экономическихъ крестьянъ Оханскаго уѣзда, Шерьинской волости.

1811—1814. Григорій Даниловичъ *Бѣлыхъ*, съ 12-го сентября 1811 года; 11 декабря того-же года отозвался болѣзнію; вмѣсто него былъ избранъ и дослуживалъ трехлѣтіе Денисъ Сергѣевичъ *Дружининъ*, 3-й гильдіи купецъ, въ 1808 году приписавшійся въ пермское купечество, съ сыновьями Константиномъ, Николаемъ, Ивановъ и Семеномъ, изъ заводскихъ крестьянъ Юговской казенной волости. Имѣлъ собственный каменный домъ, принадлежащій нынѣ В. М. Нассонову. Денисъ Сергѣевичъ былъ кривъ на одинъ глазъ и лишенъ правой руки.

1814—1817. Сидоръ Семеновичъ *Силинъ*.

1817—1820. Денисъ Сергѣевичъ *Дружининъ*.

1820—1823. Былъ избранъ Тимофей Ильичъ *Серебряниковъ*, 2-й гильдіи купецъ, изъ пермскихъ мѣщанъ, но не утвержденъ, за подсудностію; вмѣсто него былъ выбранъ Сидоръ Семеновичъ *Силинъ*.

1823—1826. Дмитрій Емельяновичъ *Смышляевъ*. Въ 1784 и 1788 годахъ въ числѣ купцовъ 3 гильдіи города Соликамска, значится Меркурій Трофимовичъ Смышляевъ, съ сыномъ *Емельяномъ*, который предъ тѣмъ долгое время былъ дьячкомъ; въ 1789 году, въ числѣ соликамскихъ купцовъ третьей-же гильдіи, значится Емельянъ Меркурьевичъ Смышляевъ, съ сыномъ *Дмитріемъ* (род. 2 февраля 1789 года). Дмитрій Емельяновичъ, въ 1810 году, значится въ числѣ пермскихъ мѣщанъ, въ 1813 г. записанъ въ купцы третьей гильдіи, въ Перми, въ 1828 году записался въ первую гильдію. Въ 1817—1820 г.г. служилъ вторымъ бургомистромъ, въ 1841—1843—вторично городскимъ головою.

1826—1829. Прокопій Андреевичъ *Шавкуновъ*, 3 гильдіи купецъ. Отецъ его, Андрей Семеновичъ, бывшій въ 1807 году пермскимъ 3-й гильдіи купцомъ, приписался въ Пермь изъ кунгурскаго мѣщанства.

1829—1832. Петръ Петровичъ *Домтевъ*, 3-й гильдіи купецъ. Отецъ его Петръ Яковлевичъ приписался въ Пермь изъ приписныхъ къ Юговскому казенному заводу крестьянъ и значится въ 1807 году въ числѣ пермскихъ третьей гильдіи купцовъ. Петръ Петровичъ, за злоупотребленія по службѣ городского головы, былъ лишень правъ состоянія и сосланъ въ Сибирь на поселеніе.

~~~~~

III.

Городскіе доходы и расходы.

Обращаемся за симъ, на сколько позволяютъ сохранившіеся документы, къ обзору городского управления въ періодъ намѣстничества.

Кромѣ удовлетворенія постоянныхъ нуждъ, какъ-то: содержанія городского магистрата, полиціи и т. д., мы видимъ много потребностей по первому устройству города, въ которомъ все приходилось заводить вновь, затрачивая болѣе или менѣе значительныя по тогдашнему времени суммы, между тѣмъ какъ средствъ къ удовлетворенію расходовъ было недостаточно. Городъ не имѣлъ ни выгона, ни угодій, ни мельницъ и т. п., что предоставлялось городамъ положеніемъ 1785 г., въ качествѣ доходныхъ статей.

Въ первое время городъ имѣлъ три источника доходовъ:

а) Процентный съ питейныхъ прибылей, б) сборъ съ иногородныхъ за право торговли и в) съ 1789 года—поземельный сборъ съ городскихъ домовладѣльцевъ. Процентный сборъ съ прибылей отъ продажи вина былъ предоставленъ закономъ преимущественно на нужды общественнаго призрѣнія и школы; сборъ съ иногородныхъ—на остальные городскія потребности; поземельный—преимущественно на содержаніе полиціи.

Чтобъ познаться со свойствомъ и размѣрами расходовъ, мы воспользуемся нѣсколькими сохранившимися отчетными вѣдомостями городского головы *Быкова*.

а) *Питейный сборъ* (отчетная вѣдомость за 1786 и по 1-ю июня 1787 годъ).

Прошлого 1786 г. изъ пермскаго уѣзднаго казначейства получено прибыльныхъ отъ вина денегъ . . . . . 133 р. 35³/₄ к.

Сего 1787 года мая 3-го дня принято оттуда-же . . . . . 107 „ 27 „

---

240 р. 62³/₄ к.

Января съ 1-го 1786 года по ноябрь мѣсяць, на пропитаніе 4-хъ незаконнорожденныхъ мальчиковъ употреблено . . 31 „ — „

Выдано по повелѣнію вашего п—ва (губернатора Колтовскаго) въ пермскую комендантскую канцелярію, на пропитаніе незаконнорожденного мальчика, по 60 к. въ мѣсяць, съ 1-го августа по декабрь . 2 „ 40 „

Съ 1 декабря по іюнь текущаго сего года, двумъ на пропитаніе . . . . . 1 „ 20 „

---

40 р. 60 к.

Остатокъ . . 200 „ 2³/₄ „

(За іюнь, іюль и августъ).

Употреблено по приказанію его п—ва на сдѣланіе знамя *) . . . . . 3 „ 50 „

За іюнь, іюль и августъ двумъ незаконнорожденнымъ . . . . . 3 „ 60 „

Отдано за построеніе моста ко кладбищу маіору Захарьину . . . . . 64 „ 66 „

---

71 р. 76 к.

Остатокъ . . 128 „ 26³/₄ „

(Вѣдомость представленная 3-го ноября 1788 года).

Изъ питейной прибыльной суммы 1787 года остаточныхъ процентныхъ поступило 128 „ 26³/₄ „

---

*) Торговаго флага на базарной площади.

Р а с х о д ь .

2 трубочистамъ за январьскую и майскую трети	48 р. — к.
Часоводителю Симонову, съ января по 15 іюня, за 5 ¹ / ₂ мѣсяцевъ	15 " — "
Пожарной машины мастеру Авраму Кокорину съ января	10 " — "
Вольнонаемному Косолапову, нанятому за отрѣпченіемъ Симанова и Кокорина, выдано по 1 сентября	10 " — "
Двумъ незаконнорожденнымъ младенцамъ съ января по сентябрь, на 8 мѣсяцевъ, каждому по 60 коп. въ мѣсяцъ . .	9 " 60 "
За два портрета Ея Императорскаго Величества въ присутствіи магистрата и думы и за выставленный при городскомъ магистратѣ городской гербъ	20 " — "
За дѣло стола и скамеекъ въ городскую думу для засѣданія	3 " — "
На столъ за красное сукно 3 арш., по 1 р. 50 коп.	4 " 50 "
На скамейки зеленого сукна, за 5 арш., по 60 коп.	3 " 25 "
Подъ оное войлоковъ и на обойку гвоздья, тесемки и за работу	— " 75 "
Въ екатеринбургскую монетную экспедицію за вырѣзаніе въ городскую думу печати	— " 39 ³ / ₄ "
Для содержанія печати за ящикъ	— " 10 "
На выравниеніе въ Новой Средней ¹⁾ каменнаго строенія улицъ магистратскаго мѣста, за относь земли	1 " 20 "
На починку въ Большой Дворянской ²⁾ и подлѣв оную, въ Старой Средней улицѣ,	

¹⁾ Петропавловской.

²⁾ Петропавловская улица называлась различно: Дворянскою, Большою Дворянскою, Среднею, Новою и Старою Среднею, по кварталамъ, и вообще Петропавловскою.

проѣзжихъ мостовъ, за покупной лѣсъ и
работникамъ за починку . . . . . 1 р. 96 к.

Итого въ расходѣ . 127 р. 75³/₄ к.

Въ остаткѣ . — „ 51 „

б) Сборъ съ иногородныхъ торговцевъ.

Вѣдомость здѣшнему городу Перми, по данной отъ пермскаго городского магистрата рядовому альдерману Аванасію Сыропятову книгѣ, съ торгующихъ здѣсь иногородныхъ купцовъ и крестьянъ, на 1786 годъ, за торги оброчныхъ денегъ сколько собрано и куда оныя въ расходъ употреблены.

Съ торгующихъ въ здѣшнемъ городѣ Пермѣ иногородныхъ купцовъ и разныхъ селеніевъ помѣщичьихъ и государственныхъ крестьянъ за производство торгоа . 613 р. 95 к.

Р а с х о д ъ.

Находящимся въ городскомъ магистратѣ, при исправленіи письменныхъ дѣлъ, писцамъ, 8 человекамъ*), выдано	486 р. 75 к.
На дрова	20 „ — „
На бумагу, сургучъ и два большія зеркала	75 „ — „
На свѣчи	31 „ — „
На чернила, перья, иглы, нитки, на починку окончинъ, на поправку печей, на мытье половъ, на переплетъ дѣлъ и на разные по магистрату мелочные расходы употреблено	10 „ — „
Пойманнымъ (?) для отдачи въ рекруты употреблено	8 „ — „
Двумъ мальчикамъ отпущено въ комендантскую канцелярію	4 „ 20 „
Отослано въ пермскій губернской магистратъ, на жалованье пробирному мастеру и ученикамъ	22 „ 43 „
	657 р. 38 к.

*) Получали по 5 руб. 7 коп. въ мѣсяцъ.

Противъ приходу употреблено изъ собранныхъ въ декабрѣ мѣсяцѣ за торги на 1787 годъ оброчныхъ денегъ	43 р. 43 к.
(Съ 4 января по 1 июня 1787 года).	
Рядовымъ альдерманомъ Терентьемъ Шалаевскимъ собрано оброчныхъ денегъ .	170 " — "
Въ расходъ употреблено въ прошломъ 1786 году изъ числа собранныхъ на 1787 годъ	43 " 43 "
Въ жалованье приказнымъ служителямъ выдано	83 " 50 "
Въ губернской магистратъ отослано на жалованье пробирному мастеру и ученикамъ	23 " — "
На свѣчи съ 1 января употреблено .	7 " — "
На шкапъ для дѣлъ	3 " — "
На чернила, нитки, иголки, на починку окончинъ и мытье половъ	2 " 50 "
Итого	163 р. 43 к.
Остатокъ	8 " 57 "

Всего сборовъ двухъ первыхъ категорій поступило въ періодъ намѣстничества—перваго 788 р. 90¹/₄ коп. и втораго 2,978 руб. 85 к.

г) *Поземельный сборъ*, процентъ обложенія которымъ былъ неодинаковъ, смотря по потребностямъ, начался лишь съ 1789 года, въ дополненіе къ городскимъ доходамъ, и употреблялся преимущественно на содержаніе полиціи. По 1797 годъ его поступило 15,283 р. 22¹/₂ к.

д) Кромѣ означенныхъ сборовъ, съ 1791 года, былъ установленъ сборъ съ городскихъ вѣсовъ. Городское общество, приговоромъ 9 декабря 1790 года, постановило: „1. Съ 1791 года, на Торговой площади и въ двухъ мѣстахъ, гдѣ потребно будетъ, имѣть городовые вѣсы, а на заведеніе ихъ употребить деньги изъ сбора съ торгующихъ иногородныхъ кушцовъ и крестьянъ. 2. Такъ какъ за долго до открытія города существовали вѣсы отъ Петропавловской церкви, то ихъ принять, и что при нихъ есть гирь и прочаго, и имѣть ихъ уже общественно-городовыми, а такъ какъ они заготовлены были коштомъ церкви, то ежегодно жертвовать изъ вѣсоваго сбора въ пользу церкви по 50 руб.“.

е) Съ 1791 по 1796 годъ сбору съ вѣсовъ поступило 857 руб.; за 1796 годъ свѣдѣній не сохранилось.

ж) Съ кузницъ и перевоза собрано (1789—1796) 45 руб. 5 коп.

з) Изъ числа временно-назначавшихся сборовъ, до 1797 года собрано:

На жалованье директору и учителямъ главнаго народнаго училища (см. статью о первыхъ школахъ) 234 руб. 14¹/₂ коп. и на постройку каменнаго дома для городского магистрата 5,112 руб. 9¹/₄ коп.

и) Случайныхъ поступлений было (штрафовъ) 30 руб.

Позаимствовано, по недостатку наличныхъ сборовъ, 724 руб. 14 коп.

Городскіе расходы.

А. На содержаніе думы, магистрата, сиротскаго и словеснаго судовъ (въ 1783—87 и 95 годахъ; за 81, 82, 88—92 и 96 годы свѣдѣній не сохранилось):

На жалованье служащимъ . 4117 р. 95 к.

На канцелярскіе припасы . 647 " 28 "

На отопленіе и освѣщеніе . 293 " 66 "

На ремонтъ помѣщеній . . 63 " 49 "

На всѣ означенные предметы, безъ раздѣленія, израсходовано

въ 1793 и 94 г.г. . . . . 3242 " 39 "

8364 р. 77 к.

Въ теченіи 8 лѣтъ, за которыя сохранились свѣдѣнія, приходится такимъ образомъ расхода на содержаніе городскихъ присутственныхъ мѣстъ среднимъ числомъ по 1394 руб. 12 коп. въ годъ.

Б. На содержаніе городской полиціи, пожарныхъ инструментовъ, устройство улицъ и т. под. (по свѣдѣніямъ за 87—90, 93—95 годы; за 91, 92 и 96 годы свѣдѣній нѣтъ):

На жалованье полицейскимъ служителямъ, сотскимъ, десятскимъ, бочарамъ, трубочистамъ, часовщику, повивальной бабкѣ и проч. . . . . 6540 р. 50 к.

На содержаніе пожарныхъ лошадей въ 89, 90 и 95 годахъ . 716 " 65 "

На заведеніе и ремонтъ пожарныхъ инструментовъ и обоza, въ 93—95 годахъ . . . . . 539 р. 56¹/₄

На исправленіе городского вала и устройство фонарей (въ 87, 88, 90 и 93 годахъ) . . . . . 202 „ 82 „

На мелочные расходы по полиціи въ 93 и 94 годахъ . . . . . 572 „ 84 ¹/₂)

8572 р. 37¹/₄

Въ теченіи 7 лѣтъ израсходованная на предметы настоящей категоріи сумма составляетъ среднюю цифру въ годъ по 1224 руб. 62 коп.

В. Общіе городскіе расходы (свѣдѣнія 86—87, 93—95 годовъ).

За купленный домъ для городского магистрата . . . . . 400 р. — к.

На постройку каменнаго дома для магистрата . . . . . 2049 „ 72¹/₂)

2449 р. 72¹/₂

На устройство лавокъ и магистрата . . . . . 8635 „ 14 „

На содержаніе училища, пожертвованія на церкви и предметы общественнаго призрѣнія . . . . . 587 „ 94 „

На жалованье пробирному мастеру въ 86 и 87 годахъ . . . . . 45 „ 43 ²)

Въ уплату позаймствованныхъ суммъ . . . . . 229 „ 4¹/₂)

11947 р. 28 к.

Самою крупною цифрою являются здѣсь расходы на приобрѣтеніе и устройство зданій, произведенные въ 4 года, среднимъ числомъ по 2771 руб. 21 коп. въ годъ. Расходы на предметы богоугодные и общественнаго призрѣнія составляютъ менѣе 100 руб. въ годъ.

¹) Изъ этой суммы 523 руб. 39¹/₂ коп. издержаны, по распоряженію генераль-губернатора Волкова, „на построение иллюминаціи, бывшей сентября 2 дня 1793 года“. По какому случаю была эта иллюминація, изъ дѣлъ не видно.

²) Жалованье пробирному мастеру производилось постоянно, но свѣдѣній за другіе годы нѣтъ.

Вотъ все, что представилось возможнымъ извлечь изъ сохранившихся дѣлъ относительно городскихъ доходовъ и расходовъ въ періодъ намѣстничества.

Такъ какъ мы, при скудости матеріала, и не задавались мыслию представить нѣчто въ родѣ отчета о доходахъ и расходахъ города за это отдаленное время, то полагаемъ, что приведенныхъ свѣдѣній достаточно для того, чтобы можно было составить по нимъ общее понятіе о свойствѣхъ и размѣрахъ городскихъ нуждъ, въ первые 15 лѣтъ съ открытія города, и о средствахъ, имѣвшихся на ихъ удовлетвореніе.

Обратимся теперь къ дѣятельности городского управленія по благоустройству города вообще:

Первый планъ города *Перма* (sic) Высочайше утверждёнъ 16-го января 1784 года, но, къ сожалѣнію, его не сохранилось. Въ 1787 году городъ былъ раздѣленъ, въ полицейскомъ отношеніи, на двѣ части. Улицы значатся, по книгамъ поземельнаго сбора, слѣдующія:

Въ 1787.	Въ 1792.	Что нынѣ:
	Ягошихинская ¹⁾ .	
Береговая	Набережная. . . .	Монастырская.
	Монастырская . .	Монастырская.
Базарная	Торговая	Торговая.
Дворянская, она же Средняя, она же Петропавловская	Петропавловская .	Петропавловская.
Орловская ²⁾ . . .	Нагорная	Покровская.
Гамалѣвская ³⁾ .	Заводская площадь	Чердынскій проул.
Глотовская ⁴⁾ . .	Плоская.	Пермская.
Пучельникова . .	Земляная	Екатерининская.
Редутская	Вознесенская . . .	Вознесенская.
	Ямская	Большая Ямская.
	Кузнечная.	Малая Ямская.

¹⁾ Ягошихинская шла по предмѣстью, за р. Ягошихою, которое нынѣ не существуетъ.

²⁾ По имени домовладѣльца, коллежскаго совѣтника Андрея Ивановича Орлова.

³⁾ По имени домовладѣльца, штабъ-лекаря Михаила Леонтьевича Гамалѣи.

⁴⁾ По имени домовладѣльца, коллежскаго ассесора Петра Степановича Глотова.

Обязанности городской стражи отбывали сначала граждане натурою; лошадей на пожарные случаи также должны были имѣть по очереди наготовѣ.

Первое свѣдѣніе по благоустройству города, сохранившееся въ дѣлахъ, относится къ 1787 году и касается исправленія дороги къ кладбищу. Изъ бумагъ городской думы видно, что генераль-губернаторъ Волковъ, въ ордерѣ отъ 6 апрѣля 1787 года, „между прочимъ предписать изволилъ, что собираемыя процентныя отъ питейнаго дохода деньги предоставляются единственно только на нужнѣйшіе и полезнѣйшіе по городу предметы, яко то: на воспитаніе сиротъ, на заведеніе школъ и на другія, сему подобныя, человѣколюбіемъ и соболѣзнованіемъ къ роду человѣческому надобности, на устройство и украшеніе городского общественнаго строенія, возведеніе гостинаго двора, содержаніе и поправленіе мостовъ и улицъ, такъ и дороги, идущей ко кладбищу для погребенія усопшихъ, которая, *яко необходимѣйшая по теченію жизни человѣческой, должна быть сочтена равно якобъ лежащая среди города улица*, почему и показано было отъ меня засѣдающему въ приказѣ общественнаго призрѣнія господину премьеръ-маіору Захарьину сказанную къ церкви дорогу исправить“.... и потому предлагается деньги 64 руб. 66 коп., издержанныя на сей предметъ, возвратить въ суммѣ приказа.

Въ 1788 году, отъ 20-го сентября, пермская управа благочинія требовала отъ думы, на основаніи 137 ст. устава благочинія 8-го апрѣля 1782 года, устройства и мощенія улицъ, учрежденія карауловъ, освѣщенія города и проч.; но дума никакого исполненія по сему не чинила, а потому управа 7-го іюля 1789 года напоминаетъ свое требованіе: „1. Сдѣлать въ здѣшнемъ городѣ, по концамъ, для запиранія и отпиранія улицъ, рогатки, при которыхъ учредить караулъ, съ окованными въ концѣ желѣзомъ, на подобіе рогатины, дубинами. 2. Для зажиганія въ каждую темную ночь огня, на всякой отъ семидесяти до девяноста сажень дистанціи, имѣть два фонаря, каковымъ-же имъ быть надлежитъ,—апробованный правителемъ намѣстничества фонарь градская дума давно, такъ какъ и подобный указъ, у себя имѣеть. Но какое въ теченіи девяти съ половиною мѣсяцевъ тою думою приготовленіе учинено, неизвѣстно, да и совсѣмъ не

видно, изъ чего не иное что управа благочинія замѣчаетъ, какъ только одно упущеніе возложенной на думу должности и слабое исполненіе данныхъ отъ вышняго правительства повелѣній. Въ такомъ случаѣ, сказанная управа, поставляя себѣ за долгъ напомянуть о семь, и требовать, чтобъ оная дума, по полученіи сего, благоволила, не дожидаясь глубокой осени, нынѣшнимъ лѣтнимъ временемъ, къ скорѣйшему построенію рогатокъ, фонарей и дубинъ принять удобныя мѣры, а почему столь долговременно къ исполненію сего приступлено не было, о томъ, для донесенія правленію (намѣстническому), не-продолжительно увѣдомить“.

Отвѣтъ городской думы на это требованіе на столько оригиналенъ, что мы приводимъ и его . . . . . „*Приказали:* Хотя здѣшняго города по концамъ, для запиранія и отпиранія улицъ, рогатки сдѣлать и велѣно; токмо въ здѣшнемъ городѣ, къ деревнѣ Данилихѣ и на Слуткѣ, здѣшніе обыватели застраиваются все еще вновь домами, *потому и конца города нынѣ знать не можно.* Да и для зажиганія въ каждую темную ночь огня, на всякой отъ семидесяти до девяноста сажень дистанціи по два фонаря, тому надлежитъ учинить установленіе отъ господъ архитектора или губернскаго землемѣра. Да и то установленіе фонарей — *въ одной-ли улицѣ учредить, или въ каждой—того отъ управы благочинія не объявлено;* да сверхъ того и особливой на ту постройку рогатокъ, фонарей и дубинъ, по здѣшней городской думѣ суммы не положено, и затѣмъ, оную постройку учинить и невозможно. А хотя, по здѣшней городской думѣ, съ живущихъ здѣсь въ городѣ Перми своими домами поземельныя деньги съ каждой квадратной сажени по одной деньгѣ и собираются, токмо, по тому малому положенію тѣхъ поземельныхъ денегъ на однихъ нанятыхъ по полицейской должности, сотскихъ, пятидесятскихъ, бутошныхъ караульщиковъ, часовщика и машиннаго мастера, трубочистовъ, подъ огнегасительныя машины и подъ пожарные инструменты и бочки съ водою, по ихъ договорамъ, въ отдачу платы всей суммы достаточно быть не можетъ“.

Управа довела объ этомъ отвѣтѣ до свѣдѣнія намѣстническаго правленія, въ которомъ, по справкѣ, оказалось . . . . . „по случаю исполненія въ губернскомъ городѣ не съ такою точностію предписанныхъ прежде состояв-

шимися узаконеніями и уставомъ благочинія, въ разсужденіи мощенія и чищенія улицъ, освѣщенія въ высоко-торжественные дни домовъ, содержанія ношныхъ карауловъ и прочихъ правилъ, 14 августа 1788 года, было опредѣлено: 1. На основаніи устава благочинія, состоявшагося 1782 г. апрѣля 8 числа, 137 статьи, сдѣлать по концамъ улицъ рогатки, при которыхъ учредить изъ обывателей денной и ночной караулъ; а чтобъ караульные имѣли отъ дождя и снѣгу нѣкоторую защиту, поставить бутки, и при каждой по три караульщика, съ дубинами, окованными въ концѣ желѣзомъ, на подобіе рогатины. Оными рогатками улицу затворять въ 11 часу по полудни, а отворять по пробитіи утренней зари, а ежели, во время затворенныхъ рогатокъ, случится идти воинской командѣ, то-жъ дѣлать знатымъ людямъ, докторамъ, лекарямъ, священникамъ, бабкамъ и посыльнымъ отъ своихъ командировъ и господъ, равно проходящимъ и пріѣзжающимъ для продажи своихъ продуктовъ изъ деревень крестьянамъ и проѣзжающимъ съкладами обозамъ, отворяя рогатки, чинить пропускъ. Прочіе-жъ должны имѣть при себѣ фонари, а безъ оныхъ никого не пропускать. Таковымъ караульщикамъ, буде они свою стражу отправлять порядочно будутъ,—ежели они наемные, за обывателей, производить платежъ, по чему опредѣлено будетъ, а самихъ обывателей отмѣчать въ нарочно содержимой на то книгѣ; въ случаѣ-жъ подозрѣнія въ умысленности, отсылать ихъ къ суду, для наказанія какъ въ законахъ написано. 2. Для лучшаго смотрѣнія, имѣть при каждой улицѣ сотскаго и десятскаго, да въ каждой части города пятидесятскаго, предписавъ имъ отъ управы благочинія пункты въ поступаніи и что наблюдать должны. 3. По силѣ устава благочинія, статей 138, 139, 140 и 141, въ здѣшнемъ городѣ трубочистные мастера содержатся отъ общей градской думы; но въ содержаніи и мощеніи улицъ, въ вывозѣ изъ города нечистоты, въ постройкѣ и зажиганіи въ каждую ночь фонарей, управѣ благочинія наблюдать со всякою точностію, а какъ каждый кварталъ имѣетъ по улицѣ отъ семидесяти до девяноста саженъ, то по сей дистанціи имѣть два фонаря; каковые-жъ быть должны, управѣ благочинія съ градскою думою сочиня, представить къ правителю намѣстничества рисунки, которые

предписаніемъ его утвердятся и возвращены будутъ. 4. По запискамъ отправляющихъ частями здѣшняго города адъютантовъ Скорнякова и Титова, значить, что сотскихъ и десятскихъ тридцать три человекъ выбираются отъ купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ. Живущіе-жъ въ городѣ заводскіе мастеровые, солдаты и ихъ жены, вдовы, въ сихъ и другихъ по управѣ благочинія повинностяхъ не участвуютъ; о находящихся-жъ по службѣ въ разныхъ должностяхъ, состоящихъ въ классахъ, равно о приказныхъ служителяхъ, вахмистрахъ, переплетчикахъ, сторожахъ и тому подобныхъ—умолчано. А городского положенія, состоявшагося 21 декабря 1785 года, въ 14-й статьѣ, напечатано: Императорскаго Величества въ военной или гражданской службѣ находящіеся люди, кои по должности или-же по собственнымъ нуждамъ въ городѣ находятся, или живутъ, или приходятъ или прѣзжаютъ на время и мѣщанскимъ промысломъ не промышляютъ,—всѣмъ таковымъ отъ мѣщанскихъ тягостей, податей и службъ быть свободнымъ, то, по самымъ словамъ сего Высочайшаго законоположенія отъ должностей и повинностей служащихъ и личной и домовней безопасности, содержанію чистоты, прекращенію дракъ и безпорядковъ и прочихъ многихъ выгодъ, для каждаго живущаго въ городѣ нужныхъ, не освобождаются; ибо въ уставѣ управы благочинія никакова изъятія для всѣхъ оныхъ не положено. И для того, управѣ благочинія, къ иманію караульщиковъ, сотскихъ, десятскихъ, пятидесятскихъ, къ мощенію и чищенію улицъ, построенію бутокъ, рогатокъ, фонарей и всѣхъ прочихъ по управѣ благочинія повинностей, всѣхъ имѣющихъ свои дома, кромѣ церковнослужителей, дѣйствительно при церквахъ находящихся, которые, по указу 736 году мая 16 числа отъ всѣхъ карауловъ освобождаются, во оное соучастіе причислить и, обще съ градскою думою, расположить, по пространству каждаго дома, по улицѣ простирающагося, и назначить по-мѣсячно, или по-недѣльно, или по-суточно, пятидесятскихъ, сотскихъ и караульщиковъ перемѣнять, и кому именно въ какомъ году, мѣсяцѣ и числѣ, въ какомъ изъ сихъ званіевъ быть—сдѣлать двѣ книги и, утвердя общимъ подписаніемъ, содержать въ каждой части открытыми, дабы всякій хозяинъ, когда захочетъ, могъ видѣть свою очередь, въ

которое время стать ему или вмѣсто себя нанять чело-
вѣка въ вышеписанныя повинности, или держать на
дворѣ лошадь для пожарнаго случая. 5. По онымъ-же
запискамъ значится: сотскихъ, собираемыхъ по-мѣсячно—
пять, десятскихъ, по-недѣльно—семнадцать, карауль-
ныхъ, по-суточно—восемнадцать, которые употребляются
еовсѣмъ въ непринлежащія имъ мѣста и должности, а
поелику существуетъ нынѣ въ городѣ пять (?) улицъ,
то съ каждой по одному сотскому и десятскому, да всѣхъ
улицъ вообще двухъ пятидесятскихъ, и оныя въ обѣихъ
частяхъ города слѣдующія до ихъ службы исправить
могутъ, ибо всякій разъ, когда три человѣка отъ каждой
части пойдутъ дозоромъ, толикое-жъ число для караула
пожарныхъ инструментовъ и содержимыхъ озорниковъ
и бевчинниковъ останутся, а въ день все на разныя
посылки употребляться могутъ. Употребленіе-жъ ихъ для
справки прибывшихъ и выбывшихъ и прочая, отмѣнить,
ибо о томъ, такъ какъ о умершихъ, родившихся и тому
подобное, слѣдующее до управы благочинія свѣдѣніе
каждый хозяинъ дать знать обязанъ, о чемъ каждому
подписками объявить; равно содержаніе караула на
плотѣ рѣки Камы и для отгону скота совсѣмъ оставить.
Караульныхъ при четырехъ буткахъ и на колокольнѣ,
на каждой притинѣ по три, а всего потребно пятнадцать.
Прочія-жъ должности, какъ выше упомянуто, исправлять
будутъ десятскіе, сотскіе и пятидесятскіе, о чемъ и въ
градскую думу указъ посланъ; а вслѣдствіе того, она
градская дума, описывая состояніе здѣшнихъ гражданъ,
и объявляла, что требующихся по полицейскойъ должно-
сти сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, буточныхъ
и на колокольнѣ караульныхъ, тако-жъ подъ огнегаси-
тельные машины, подъ водовозныя бочки и пожарные
инструменты лошадей положила имѣть наемныхъ, и на
сей наемъ, кромѣ церковнослужителей, со всѣхъ живу-
щихъ въ городѣ домами, по числу квадратныхъ сажень,
собрать на первый годъ по одной деньгѣ съ сажени“.....
„Приказали: пермской градской думѣ предписать, когда
она собранная съ жителей, живущихъ въ городѣ своими
домами..... употребила все безъ остатку, то все, описан-
ное въ рапортѣ управы благочинія—раскладкою-ли вновь
на жителей сбора денегъ, или другимъ какимъ-либо
средствомъ, самую ею изобрѣтеннымъ, непременно вы-

полнить. Что-же принадлежит до выставленія фонарей и рогатокъ, то оныя непременно выставлятъ, по сходствію учиненнаго отъ здѣшняго правленія предписанія, на всѣхъ улицахъ, при каждомъ кварталѣ, на предписанной дистанціи, по два, а рогатки—при концахъ нынѣ существующихъ улицъ и по которымъ въѣздъ въ городъ и выѣздъ изъ онаго бываетъ, ибо буде тѣ улицы постройкою домовъ прибавятся, то тогда и рогатки съ бутками, построенными для караульныхъ, перенести можно, поелику оныя вещи есть не непремѣнныя“.

Руководствуясь приведеннымъ указомъ и найдя, въ то-же время, затруднительнымъ для жителей отбываніе карауловъ и содержаніе въ готовности, на случаи пожара, лошадей натурою, городская дума рѣшила обратить эти повинности въ денежныя, назначивъ жалованья: 5 сотскимъ 175 руб., 5 десятскимъ 150 р., 2 пятидесятскимъ 72 р., 9 буточникамъ и 3 колокольнымъ караульщикамъ 288 р., 5 человѣкамъ съ лошадьми и бочками 300 руб., 2 трубочистамъ 70 р. и часовому и машинному мастеру 40 руб. (последніе получали и прежде денежное жалованье), всего-же исчислила на наемъ означенныхъ лицъ 1,095 руб. и для покрытія какъ этого расхода, равно и на устройство бутокъ, рогатокъ, дубинъ и фонарей, обложила домовладѣльцевъ съ 1790 года поземельнымъ сборомъ по 1 коп. съ квадратной сажени подъ домовыми мѣстами (вмѣсто взимавшейся до того времени 1 денъги съ сажени) и по 5 коп. съ сажени сплошь подъ лавками и кузницами.

Спустя слишкомъ годъ послѣ вышеприведеннаго указа, дума поставила 44 столба съ фонарями, для которыхъ „желѣзныя плошки“ были доставлены ей управою, а еще чрезъ годъ построила 4 бутки.

Управа благочинія продолжала быть недовольною распоряженіями думы и 11 октября 1790 года жаловалась, что „въ караульные къ буткамъ посылаются малолѣтніе, которые не токмо возложенное на полицію служеніе исполнить, но и никакого въ нужномъ случаѣ пособія учинить не могутъ, да и караулъ порядочно, будучи отягощены сномъ, исправлять не въ силахъ“, а потому требовала, чтобъ нанимались люди взрослые.

IV.

Постройка дома для городского магистрата.—Трактиры, герберги и харчевни.—Пастьба скота.—Содержаніе прорубей.

Городовой магистратъ помѣщался въ первое время по открытіи города на наемной квартирѣ, но гдѣ именно—изъ дѣлъ не видно; въ 1786 году общество приобрѣло для него деревянный домъ у ассесора казенной палаты Ѳедорова, за 400 рублей. Домъ этотъ находился около Петропавловскаго собора, неподалеку отъ нынѣшняго дома убѣжища для бѣдныхъ дѣтей, былъ вѣроятно, не великъ, да къ тому же и для открывшей свои дѣйствія думы требовалось помѣщеніе; поэтому, въ августѣ 1787 года, „будучи въ собраніи, пермское купечество, мѣщанство и цеховые согласились“, на купленномъ обществомъ у означеннаго Ѳедорова съ домомъ мѣстѣ, „по данному отъ пермскаго намѣстническаго правленія плану и фасаду, построить домъ для присутствія городского магистрата, на счетъ здѣшняго городского общества доходовъ или изъ расположенныхъ съ общества денегъ, для чего и начать приготавливать всѣ потребныя припасы съ будущей сего года зимы; и сколько на постройку онаго употреблено будетъ думою, дать вѣрный отчетъ“.

Средствъ, однако же, на этотъ предметъ было недостаточно, и потому уже 1 декабря 1791 года „пермскіе купцы, мѣщане и цеховые приговорили: построить противъ гостинаго двора (проще—рынка на берегу Камы), на отведенномъ мѣстѣ, для собранія общества и градской думы и прочихъ, принадлежащихъ по городской службѣ присутственныхъ мѣстѣ, *каменный* домъ, и на таковое заведеніе, на первый случай, собрать со всѣхъ купцовъ, съ объявленнаго ими капиталу по полупроценту, а съ мѣщанъ и цеховыхъ, по расположенію государственныхъ податей, половинное-жъ число и продолжать таковой сборъ ежегодно, до совершенной постройки, и производить тотъ сборъ сполна, въ тогдашнее-же время, когда собирается капитальная сумма, и по собраніи сихъ доходовъ, имѣть надъ оными смотрѣніе и употреблять изъ оныхъ на строеніе въ расходъ пермской градской думѣ“.

15 декабря 1791 года были представлены губернатору Колтовскому приведенный приговоръ, планъ и фасадъ дома, на утверждѣніе. Колтовской, предложеніемъ отъ 31-го декабря, увѣдомилъ думу, что „находя положеніе общества о построеніи потребныхъ по городской службѣ присутственныхъ мѣстъ весьма похвальнымъ, представлялъ сдѣланный тому строенію планъ съ фасадомъ „генераль-губернатору Волкову“, и по волѣ его высокопревосходительства, дабы означенный фасадъ сдѣлать лучшую архитектурую, отосланъ для переправки въ Москву“, а затѣмъ разрѣшилъ пока обществу заготовлять матеріалы для постройки.

20 мая 1795 года, „пермскіе купцы и мѣщане, будучи въ собраніи, имѣли разсужденіе о томъ, что подъ постройку деревяннаго городского магистрата дому, въ прошломъ 786 году, отведено было мѣсто, на коемъ нынѣ деревяннаго стараго строенія покупной для магистрата домъ существуетъ; но почитая мы на семь мѣстѣ строеніе магистрата строить невыгоднымъ, выпросивъ другое мѣсто, состоящее подъ гостинымъ дворомъ, и 1791 года учиненнымъ приговоромъ утвердили построить для магистрата домъ уже каменный, для чего и мѣсто то почти уже выравнено, на коемъ имѣя пермскій купецъ Прокопій Быковъ домъ, и во время ровненія, по надобности мѣста, сломаны у него всѣ нужныя для дому службы, да и дому быть уже, въ разсужденіи съ одной стороны подъ самыя стѣны окопу, имѣть никакъ не можно, а притомъ, чтобъ отдать ему, для перенесенія онаго, прежде отведенное вышеупоминаемое въ 786 году, для постройки магистрата нынѣ пустолежащее мѣсто, и мы имѣвъ въ виду, что онъ чрезъ сіе несетъ немалые убытки, просимое имъ мѣсто, по ненадобности обществу, отдать согласны“.

Предположенный домъ наконецъ былъ начатъ строеніемъ, каменные работы сданы ярославскимъ крестьянамъ Васильеву и Оганову. Строился онъ долго и не безъ приключеній. Въ журналѣ думы 17-го августа 1797 года записано, что „въ томъ каменномъ магистратѣ, противъ теченія рѣки Камы, въ первой исподней комнатѣ, каменный сводъ не удержался, и по непрочности того Васильева и Оганова работы, безъ остатку упалъ, которому и устоять было не можно, въ разсужденіи несдѣлки

въ стѣнахъ пять, на коихъ можетъ тотъ сводъ быть“..... а потому было постановлено: работу освидѣтельствовать чрезъ архитектора и знающихъ кладку сводовъ людей.

Изъ разныхъ счетовъ видно, что въ 1795 году на постройку было уже затрачено 5901 р. 26 коп., каковая сумма покрыта сборомъ 5112 р. 9³/₄ коп. и займомъ въ приказѣ 487 р. 50 к. и изъ вѣсоваго сбора 301 р. 66¹/₄ коп. 13 июня 1797 года выдано думѣ свидѣтельство для залога дома въ 6000 руб. и занято подъ него думою въ приказѣ общественнаго призрѣнія 1500 руб. Желѣзомъ покрытъ былъ домъ уже въ 1810 году*).

Въ числѣ доходныхъ статей, предоставленныхъ въ пользу городовъ, были трактиры и герберги и харчевни. По Высочайшему указу 4-го января 1766 года, повелѣно было: „для довольства всякаго званія людей, кромѣ подлыхъ и солдатства, быть какъ въ городахъ, такъ и уѣздахъ, гербергамъ и трактирамъ, четырехъ номеровъ: въ *первомъ*, содержать столъ, ночлегъ и продавать вейновую водку, виноградныя вина, англійское пиво, полпиво легкое, кофе, чай, щекаладъ и курительный табакъ; во *второмъ*, содержать столъ безъ ночлега и продавать-же вейновую водку, виноградныя вина, англійское пиво, полпиво легкое, кофе, чай, щекаладъ и курительный табакъ; въ *третьемъ*, имѣть одинъ ночлегъ безъ стола, а притомъ держать чай, кофей, щекаладъ и курительный табакъ и, кромѣ водки, прочія дозволенные питья; въ *четвертомъ*, безъ стола и ночлега, продавать токмо чай, кофей, щекаладъ, курительный табакъ и, кромѣ водки, прочія позволенные питья и во всѣхъ оныхъ, для увеселенія приходящихъ, дозволить имѣть беляры“.

Содержать трактиры и герберги предоставлялось только купцамъ 3-й гильдіи и мѣщанамъ.

Имѣя въ виду, что эти заведенія представляютъ для города доходныя статьи, начальство побуждало думу содѣйствовать къ открытію ихъ въ городѣ.

---

*) Приводимъ цѣны строительныхъ матеріаловъ, употребленныхъ на постройку, и работъ: буть 6 руб. 67 коп. сажень, кирпичъ 7 р. тысяча, съ поставкою на мѣсто, известь 4 коп. съ поставкою, связное желѣзо 1 р. 20 к. Кладка фундамента 6 р. съ сажени, кирпичная 3 р. съ тысячи. Листовое желѣзо куплено у повѣреннаго А. И. Яковлева, Григорія Зотова по 4 р. 50 к.

Первый гербергъ номера четвертаго предоставленъ былъ 19-го іюля 1789 года купцу Мальцеву. Казенная палата назначила съ него $\frac{1}{3}$ часть противъ петербургскаго оклада, т. е. по 26 р. 66 $\frac{3}{4}$ коп. въ годъ*). „По выслушаніи-жъ сего, означенный купецъ Мальцевъ призванъ былъ въ присутствіе палаты и о учиненіи къ слѣдующей къ платежу за тотъ гербергъ суммѣ прибавки довольно увѣщеванъ, и по тому увѣщеванію и согласился прибавить 33 $\frac{1}{4}$ коп., болѣе-же прибавить нисколько не согласился“.

Въ 1792 году, 24 іюня, въ журналѣ думы записано: трактиры и герберги предоставлено содержать купцамъ 3-й гильдіи, посадскимъ и мѣщанамъ..... „3-й гильдіи купцовъ, по здѣшнему городу, на 792 годъ, записано 69 семействъ, приписанныхъ изъ другихъ городовъ, а паче болѣе изъ государственныхъ крестьянъ, и которые обращаются въ торговлѣ мелочнымъ товаромъ, въ купецкихъ услугахъ и нѣкоторыми малыми при домахъ промыслами; по посаду-же ни отъ кого капиталовъ не объявлено, а хотя нѣкоторые по здѣшнему городу и записываются изъ государственныхъ крестьянъ, но въ званіе мѣщанъ, и обращаются при домашнихъ и по наймамъ у другихъ работахъ, почему градская дума, въ содержаніи трактировъ и герберговъ, какъ на непривычныхъ къ тому, изъ записавшихся разнаго званія въ 3-й гильдіи купцовъ, а кольми паче на мѣщанъ, положиться нынѣ не можетъ; но въ разсужденіи здѣшняго города Перма, хотя въ недавнемъ времени изъ Яхошихинской слободы губернскимъ городомъ учрежденнаго, а паче что чрезъ сей городъ путь лежитъ большой дороги изъ Россіи въ Сибирь, то какъ ради живущихъ и временно находящихся, а равно и мимо сего города проѣзжающихъ людей, къ удовольствію желающихъ и ради ночлегу и покою проѣзжающихъ, необходимо быть должно трактиру,

*) Въ первое время казенная палата взыскивала, по недоразумѣнію, плату за содержаніе герберговъ въ казну. Вслѣдствіе возникшей по этому поводу перениски, взимать означенную плату было предоставлено городу въ его пользу. Въ контрактѣ 1810 года, заключенномъ думою съ иностранцемъ Рейнцигелемъ, говорится: „За содержаніе-же означеннаго трактира № 3, обязуюсь я, на основаніи проекта условія на винный откупъ § 10-го, заплатить акцизъ по вышеозначенный срокъ 60 рублей въ пермскую градскую думу, ибо, по означенному параграфу, таковой акцизъ положенъ въ пользу городскихъ доходовъ“....

почему градская дума мнѣніемъ полагаетъ: имѣть одинъ трактиръ № 2-й и плату принять на себя“. Казенная палата разрѣшила открыть трактиръ № 3-й и назначила плату за него 60 руб. въ годъ. Дума 8 октября того-же года передала его купцу Копылову.

Въ контрактахъ на содержаніе трактировъ и герберговъ прописывались условія, поставленныя въ Высочайшемъ указѣ 1766 года и прибавлялось, чтобы „покои имѣть въ порядкѣ и чистотѣ, усыпать въ нихъ поли пескомъ, ельникомъ или пихтою и наблюдать во всякомъ случаѣ чистоту и благопристойность и не впускать всякаго званія развратныхъ и подлыхъ людей, особливо зерни, закономъ запрещенной“, а содержатели выговаривали себѣ содѣйствіе, въ случаѣ надобности, полиціи.

Для характеристики тогдашняго времени не мѣшаетъ упомянуть, что полиція плохо „содѣйствовала“, когда дѣло касалось самовольства лицъ, если можно такъ выразиться, привилегированныхъ, хотя и изъ низшаго званія. Такъ, купецъ Копыловъ жалуется думѣ, что люди губернатора Колтовскаго насильно входятъ въ его заведеніе, назначенное „для благороднаго и знатнаго общества, дѣлають дебоширствы и даже однажды проломили ему голову, бьютъ его прислугу и такимъ образомъ разганивають благородное и прочее неподлое собраніе, коему Высочайшимъ закономъ бытіе и увеселеніе въ гербергѣ дозволено“. Копыловъ жаловался и частному приставу и коменданту фонъ-Будендику и доходило до самого Ильи Васильевича (губернатора), но ни отъ кого удовольствія не получилъ, а отовсюду его выгнали, и потому обращается съ просьбою о защитѣ къ городской думѣ, ссылаясь на условіе, помѣщенное въ контрактѣ.

За содержаніе харчевень городъ взималъ отъ 10 до 35 руб. въ годъ. Въ харчевняхъ разрѣшалось производить продажу съѣстныхъ припасовъ и сбитню, а также продавать орѣхи, пряники, медъ, патоку и фрукты; „кромѣ-же вышеписаннаго ничего не имѣть“.

Пастьба скота сдавалась на время съ 15 мая по 1-е октября, а если будетъ тепло, то и далѣе. Скотъ вносился, при посредствѣ командированнаго отъ думы лица, въ опись и оцѣнивался. Пастухъ по этой описи собиралъ съ владѣльцевъ скота по 10 коп. съ оцѣночнаго

рубля и обязывался скота, по приѣмѣ, таврить „сдѣлан-нымъ для здѣшняго города тавромъ“. По утру скоть долженъ былъ загоняться въ загонъ, для корму, а также и ввечеру. Для собиранія скота пастухъ обязывался имѣть трубы, „съ коиими, ходя по улицамъ, скликать скота“. Если потерявшаяся скотина не отыщется въ течение болѣе пяти дней, то пастухъ, за каждый удоѣ, платилъ хозяину 3 коп.; по истеченіи-же мѣсяца со дня потери, уплачивалъ владѣльцу ея стоимость. На пастбу лошадей заключались условія съ особыми пастухами, которые получали съ хозяевъ по 12 коп. съ оцѣночнаго рубля.

Въ 1791 году отданы думою въ содержаніе проруби на Ягошихѣ, Ягошихинскомъ пруду и на Камѣ, противъ Медвѣдки и противъ взвозу у нижняго Демидовскаго дому (гдѣ теперь домъ управленія Уральской желѣзной дороги). „А за таковое исправленіе содержатель обязывался—отъ думы и жителей ничего не требовать, кромѣ обыкновеннаго въ недѣлю хлѣбнаго подаванія, а съ приѣзжающихъ изъ разныхъ мѣстъ торгующихъ людей и ямщиковъ собирать за водопой изъ доброходства, по прежнему-же обыкновенію“.

Вотъ и всѣ свѣдѣнія, сохранившіяся о несложной дѣятельности городского управленія въ періодъ намѣстничества.

V.

Первыя школы въ Перми.

Начало школьнаго дѣла.—Градская народная школа.—Главное народное училище.—Постройка для него каменнаго зданія.

Конечно, было-бы странно предполагать, что инициатива школьнаго дѣла могла исходить изъ среды первобытнаго пермскаго общества, состоявшаго изъ людей пришлыхъ, частію не знавшихъ гдѣ преклонить голову, искателей въ „новомъ городѣ новаго счастья“. Людямъ бѣднымъ, хлопочущимъ изо дня въ день о кускѣ хлѣба, не до науки. Только тогда, когда матеріальныя нужды человѣка удовлетворены, когда у него явился досугъ, необходимый для работы свободной отъ матеріальныхъ

заботъ мысли, у него возникаютъ потребности духовнаго свойства: желаніе почитать книжку, для чего нужна грамотность, желаніе понимать читаемое, для чего нужна наука. Это естественный законъ, доказывающій полную несостоятельность придуманной школьными педантами поговорки, будто-бы „сытое брюхо къ ученію глухо“. Въ дѣйствительности мы видимъ противное: бѣдность народнои массы неразлучна съ невѣжествомъ и суевѣріями, и наоборотъ, обезпеченность ея въ матеріальномъ отношеніи вызываетъ стремленіе къ просвѣщенію. То-же самое мы замѣчаемъ и относительно первыхъ обывателей города Перми. Возникновеніемъ и развитіемъ школьнаго дѣла новооткрытый городъ всецѣло обязанъ правительственной власти, какъ показываютъ документы. Но изъ тѣхъ-же документовъ видно, что и само мѣстное начальство, заботившееся объ учрежденіи школъ, будучи къ тому побуждаемо Высочайшею волею Императрицы Екатерины II-й, выраженной еще въ 1775 году, встрѣчало большія затрудненія на этомъ пути и въ отсутствіи преподавателей и въ недостаткѣ учебныхъ пособій и даже въ недостаткѣ матеріальныхъ средствъ на удовлетвореніе школьныхъ потребностей.

Школьное дѣло въ провинціяхъ находилось въ вѣдѣніи приказовъ общественнаго призрѣнія, на средства которыхъ и содержались учебныя заведенія. Первая школа въ Перми была учреждена отъ приказа губернаторомъ Колтовскимъ уже въ 1783 году, т. е., чрезъ два года по открытіи города, и называлась *градскою народною школою*; но ученіе въ ней началось лишь 1 апрѣля 1784 года, съ того времени, когда явился на должность учитель, присланный вятскимъ архіереемъ—слушатель богословія, „Семенъ Ивановичъ сынъ Филимоновъ, человѣкъ житія и состоянія честнаго и безподозрительнаго“, какъ значится въ отношеніи вятской консисторіи въ пермскій приказъ общественнаго призрѣнія. Обучалъ онъ чтенію, письму, ариметикѣ, катихизису и рисованію. Въ 1784 году, въ школѣ было 29 учениковъ, изъ которыхъ 20 на казенномъ содержаніи и 9 своекоштныхъ. Казеннокоштные ученики жили на квартирахъ, приказъ выдавалъ имъ ежемѣсячно изъ процентныхъ суммъ по 50 коп. на человѣка и снабжалъ ихъ обувью и одеждою, которая обходились около 8 рублей въ годъ на каждого. Содер-

жаніе школы, по счетамъ приказа, кромѣ расхода на казеннокоштныхъ воспитанниковъ, стоило въ 1785 году 95 р. 20 к., считая въ томъ числѣ и годовое жалованье учителю 40 р. Изъ дѣлъ не видно, гдѣ помѣщалась эта школа въ первое время. Въ документахъ приказа общественнаго призрѣнія сохранилась только смѣта архитектора Паульсона на постройку дома для школы изъ стараго флигеля, бывшаго во дворѣ губернаторскаго дома, на 269 р. 78 к., включая въ то число и перевозку лѣсу на новое мѣсто. Смѣта эта представлена 13 мая 1784 г. Изъ послѣдующихъ счетовъ видно также, что подряжены были рабочіе выкопать канаву и сложить фундаментъ за 25 руб., а всѣ остальные работы сданы за 390 руб. Домъ былъ построенъ въ Покровской улицѣ, рядомъ съ домомъ протоіерея Сапожникова, принадлежащимъ нынѣ В. К. Грибелю.

По распоряженію комиссіи народныхъ училищъ, которой были подчинены всѣ приказы общественнаго призрѣнія по дѣламъ народнаго образованія, градская народная школа была преобразована въ *главное народное училище*, открытіе котораго послѣдовало 22-го сентября 1786 года, въ день, назначенный Высочайшимъ указомъ отъ 12 августа 1786 года, на имя генераль-губернатора Е. П. Кашкина.

Пермскій губернаторъ Илья Васильевичъ Колтовской увѣдомляетъ Кашкина о приготовленіяхъ къ открытію училища слѣдующимъ письмомъ:

„Во исполненіе полученнаго мною отъ вашего превосходительства письма отъ 6 числа (сентября), всепокорно доношу: четыре человѣка учителей, за день до получения вашего письма, сюда прибыли, и какъ отъ Петра Васильевича Завадовскаго ¹⁾ письмо на ваше имя ко мнѣ подали, то дабы знать, на какомъ основаніи они присланы, а паче въ надеждѣ къ себѣ на вашу милость и узнавъ отъ нихъ, что письмо касательно только школьъ, распечаталъ оное, которое при семъ и препровождаю“ ²⁾.

---

¹⁾ Предсѣдателя комиссіи объ учрежденіи училищъ.

²⁾ Письмо это напечатано въ Пермскомъ Сборникѣ 1859 г., въ приложеніи къ статьѣ Н. Ойрсова „Объ открытіи народныхъ училищъ въ Пермской губерніи“.

„Какому открытію быть, мы съ Иваномъ Ульяновичемъ *) лучше не придумали, какъ по приложенной при семъ запискѣ. Учениковъ на казенномъ содержаніи и платѣ, по неимуществу ихъ, находится нынѣ двадцать одинъ, да на своемъ содержаніи, не платя учителю ничего, десять. Сверхъ того, у пастора на пансіонѣ, съ его собственными тремя дѣтьми, четырнадцать человекъ, съ коихъ онъ въ годъ съ каждаго получаетъ по 25 рублей“.

Церемонія открытія, предписанная Колтовскимъ, изложена въ упомянутой выше его запискѣ такъ:

„По обвѣщанію отъ намѣстническаго правленія чрезъ коменданта здѣшнему всему городу, что будетъ открываться главное народное училище, имѣютъ собраться ученики къ правителю намѣстничества (т. е. къ губернатору), въ случаѣ небытности вашего высокопревосходительства, откуда, подъ предводительствомъ двухъ дворянскихъ засѣдателей приказа общественнаго призрѣнія, преслѣдуемые четырьмя присланными учителями, будутъ слѣдовать въ соборную церковь, по два въ рядъ, а за ними ихъ прежній учитель. Послѣ обѣдни, протопопъ будетъ говорить проповѣдь; а послѣ молебна произвестъ пушечную пальбу пятьдесятъ одинъ разъ. Изъ церкви возвращаются ученики тѣмъ-же порядкомъ, въ тотъ домъ, который построенъ для школы, гдѣ, по собраніи зрителей и по водосвященіи и по окропленіи святою водою дому, говорить будетъ рѣчь первый учитель, съ которой копія при семъ прилагается, по которомъ преподаваться будутъ правила ученія перваго, втораго и третьяго классовъ. По окончаніи-же всего, ректоръ надъ школами, господинъ пасторъ Герингъ заключить рѣчью, на сей случай прилично, на нѣмецкомъ языкѣ“.

Рѣчь учителя Назаретскаго, также сохранившаяся въ дѣлахъ, была такого содержанія:

„Достопочтеннѣйшее собраніе!

„Преславный день сей воспоминаетъ намъ достопамятнѣйшую эпоху священнѣйшаго помазанія и вѣнчанія на всероссійскій престолъ всемилостивѣйшія Государыни нашей Императрицы Екатерины, и толь славное событіе,

---

*) Вансловымъ, премьеръ-маіоромъ, засѣдателемъ верхняго земскаго суда.

изображающее щедрое изліяніе творческихъ благодѣяній на наше отечество, тѣмъ чистѣйшимъ къ Богу благоговѣніемъ Россія освящать должна, что принятіе надъ нею владычества Великою Екатериною было поступленіе Ея къ тому степени блаженства, на которомъ мы нынѣ ее видимъ, ибо царствованіе Екатерины II есть время для Россіи благополучнѣйшее; сладчайшая тишина, въ которой нынѣ все отечество безопасно покоится, спасительныя гражданскія установленія, сохраняющія внутреннее благоустройство и спокойствіе народа, полезнѣйшія заведенія, служащія къ удовольствію подданныхъ, превосходныя, въ сравненіи съ протекшими временами, успѣхи сыновъ россійскихъ въ наукахъ и художествахъ, суть плоды премудраго правленія Великія Екатерины. Ея попеченіями даровано Россіи все то, что дѣлаетъ государство могущественнымъ и славнымъ. Но сего не довольно: намѣреніе великія нашей благодѣтельницы къ тому стремится, чтобы блаженство своего народа утвердить на вѣки.

„Никому не сомнительно, что гражданскія общества тогда только въ полномъ находятся благосостояніи, когда они состоятъ изъ добрыхъ согражданъ и полезнѣйшихъ для нихъ членовъ; но общество не можетъ ожидать полезныхъ для себя людей, если они съ самыхъ младыхъ лѣтъ къ званіямъ своимъ не будутъ предуготовлены, соотвѣтственно его намѣренію, ибо воспитаніе, основанное на правилахъ честности и благоразумія, доставляетъ обществу истинныхъ согражданъ; но воспитаніе, не управляемое ни здравымъ разумомъ, ни добродѣтелію, производитъ отечеству сыновъ недостойныхъ; слѣдовательно, отъ воспитанія можетъ зависѣть благосостояніе и злополучіе каждаго общества. Для того-то многіе древніе народы воспитаніе дѣтей почитали общественнымъ предметомъ, дабы всеобщимъ попеченіемъ наставить ихъ во всемъ томъ, чрезъ что-бъ они могли быть обществу полезными.

„Всемиловитѣйшая наша Государыня, принявъ въ разсужденіе толь важный пунктъ общественнаго благополучія, предоставила собственному попеченію доставить своему отечеству полезныхъ сыновъ для будущихъ временъ, дабы они славу россійскаго народа, во дни счастливаго Ея царствованія и въ отдаленнѣйшія страны все-

ленные проникшую, сохранили на вѣки. Для сего надежнѣйшимъ средствомъ избрала она такой образъ воспитанія російскаго юношества, которое-бы въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ ихъ положило въ нихъ твердое основаніе добродѣтели и благоговѣйныхъ чувствованій къ Творцу своему, которое-бы внушило имъ совершенное познаніе должностей истиннаго гражданина и учинило ихъ способными къ принятію на себя cadaго общественнаго званія; кратко сказать,—воспитаніе, основанное на истинномъ просвѣщеніи. На сей конецъ, во всемъ почти пространномъ отечествѣ, щедротами монаршескими основываются служащія къ распространенію народнаго просвѣщенія училища, въ которыхъ юношество всякаго состоянія наставляемо будетъ всѣмъ тѣмъ знаніямъ, которыя могутъ учинить ихъ обществу и самимъ себѣ полезными. День сей, уже ознаменованный незабвеннымъ для Россіи происшествіемъ, посвященъ для торжественнаго оныхъ открытія. Съ какимъ благоговѣніемъ должны россияне прославлять сей знакъ монаршей благодати къ своимъ подданнымъ, съ какимъ усердіемъ должны споспѣшествовать Ея спасительному намѣренію своея Самодержицы! А мы, яко люди, употребленные орудіями къ совершенію онаго, при покровительствѣ нашихъ меценатовъ, почтеннѣйшихъ отечества сыновъ и истинныхъ наукъ любителей, потщимся сколь возможно самымъ дѣломъ доказать, сколько настоящее заведеніе Всеавгустѣйшія нашея Монархини російскому народу полезно быть можетъ“.

Отъ 9 октября 1786 года Колтовской доносилъ Кашкину рапортомъ о торжественномъ открытіи училища.

Четыре учителя, о которыхъ упоминалось выше, были воспитанники учительской семинаріи извѣстнаго Янковскаго и присланы отъ предсѣдателя комиссіи объ учрежденіи училищъ, тайнаго совѣтника, сенатора Петра Васильевича Завадовскаго. Всѣ они происходили изъ духовнаго званія: Петръ Назаретскій—Костромскаго намѣстничества и округа, Никита Савичъ Поповъ *)—Пермскаго намѣстничества Красноуфимской округи, Михайло Гречановскій—Кіевскаго намѣстничества Галицкой округи и Алексѣй Хрѣновъ—Тверскаго намѣстничества Осташковской округи.

*) Впоследствии директоръ народныхъ училищъ и потомъ гимназій и составитель извѣстнаго „Хозяйственнаго описанія Пермской губерніи“.

Въ дѣлахъ губернскаго правленія, по канцеляріи на-
мѣстника, сохранилась любопытная вѣдомость о состоя-
ніи училища, съ открытія его по 15 февраля 1787 года,
представленная генераль-губернатору Кашкину директо-
ромъ училища докторомъ философіи, лютеранскимъ па-
сторомъ Христіаномъ Михаелемъ Герингомъ. Изъ этой
вѣдомости видно, что учителя получали жалованья изъ
приказа общественнаго призрѣнія: Назаретскій и Поповъ
по 225 р., вмѣсто 400 р., положенныхъ по уставу, „по
той причинѣ, что какъ четвертый классъ еще не открытъ,
то и не заняты они преподаваніемъ опредѣленныхъ въ
ономъ учений“; Гречановскій 200 р. и Хрѣновъ 150 р.,
оба по положенію.

При открытіи училища было
учениковъ . . . . . 41 мальч. 1 дѣв., всего 42
Затѣмъ прибыло по февраль
1787 года . . . . . 53 „ 5 „ „ 58

---

94 „ 6 „ „ 100

Изъ нихъ 4-лѣтнихъ мальчиковъ 1
5 „ „ 4
6 „ „ 6
7 „ „ . . . . . 12, дѣвочекъ 2
8 „ „ . . . . . 17 „ 1
9 „ „ . . . . . 7 „ 2
10 „ „ . . . . . 15 „ „
11 „ „ . . . . . 8 „ 1
12 „ „ . . . . . 9 „ „
13 „ „ . . . . . 4 „ „
14 „ „ . . . . . 4 „ „
15 „ „ . . . . . 6 „ „
20 „ „ . . . . . 1 „ „

---

94 „ 6

100

Всѣ ученики были урожденцы Пермскаго намѣстни-
чества, и изъ нихъ: дѣтей дворянъ 16, духовныхъ 2,
солдатскихъ 23, приказныхъ 28, присяжныхъ 4, масте-
ровыхъ 8, помѣщичьихъ 19.

Въ 1 классѣ обучались 26, „изъ букваря, о складахъ,
19 до вторыхъ повѣсти изъ букваря-жъ, 10 въ правилахъ
изъ сокращеннаго катихизиса.

Во 2 классѣ: 9—изъ пространнаго катихизиса, о Богопознаніи естественномъ и откровенномъ, изъ священной исторіи періодъ 1 и 2; 14—вышеписанное-же и изъ ариеметики предварительныя изъясненія.

Въ 3 классѣ: 22 въ ариеметикѣ, до сложенія именованныхъ чиселъ, грамматики російской до втораго склоненія, всемірной исторіи до израильтянъ, всеобщей географіи до раздѣленія Европы на главныя части.

Изъ нихъ съ особливымъ успѣхомъ и благопріемъ себя оказали: въ 3 классѣ 9, во 2—4 и въ 1—14 учениковъ.

Руководства были въ употребленіи: для учениковъ: російскій букварь, правила для учащихся, прописи, руководство къ чистописанію; для учителей: сокращенный катихизисъ, священная исторія, пространный катихизисъ, книга о должностяхъ человѣка и гражданина, первая и вторая части ариеметики, исторія всеобщая по манускрипту, географія всеобщая также, общій чертежъ земнаго шара, російская грамматика по манускрипту.

Въ уставѣ назначено быть въ главномъ народномъ училищѣ шести учителямъ, изъ коихъ четыре на лицо; два-же остающіеся суть учителя рисованія и иностраннаго сосѣдственнаго языка, изъ коихъ первый не помѣщенъ въ вѣдомость, потому что до настоящаго испытанія рисовальный классъ не былъ еще открытъ, за неполученіемъ изъ Санктпетербурга потребныхъ матеріаловъ и прочаго къ тому нужнаго, о покупкѣ коихъ въ исходѣ еще прошедшаго года препоручено было и вскорѣ она имѣеть быть исполнена, по полученіи коихъ рисовальный классъ немедленно откроется. Касательно-же до класса сосѣдственнаго языка, то оный не открытъ, за неимѣніемъ здѣсь способнаго къ тому учителя; но правящій должность директора училища прилагаетъ стараніе свое о снабженіи онаго таковымъ учителемъ и надѣется въ скоромъ времени выполнить и сіе предписаніе устава о училищахъ“.

Изъ приведенныхъ выше документовъ видно, что правительство усердно старалось объ открытіи школъ и слѣдовательно, желало ихъ процвѣтанія; но общество, къ сожалѣнію, оставалось къ нимъ равнодушно. Существованіе училища было затруднено недостаткомъ матеріальныхъ средствъ. На содержаніе главнаго училища назна-

чено было по уставу 3000 рублей; но приказъ не располагалъ достаточною для удовлетворенія потребностей училища суммою; поэтому учителя получали жалованье съ большими затрудненіями и не иначе, какъ по нескончаемой каждый разъ перепискѣ; въ учебныхъ пособіяхъ чувствовался недостатокъ, даже казеннокоштные воспитанники неаккуратно получали свое скудное содержаніе, выдававшееся имъ чрезъ полицію.

Г. Ойрсовъ, въ прекрасной статьѣ: „Открытіе народныхъ училищъ въ Пермской губерніи“*), не имѣя подъ рукою городскихъ дѣлъ, приписывалъ равнодушіе гражданъ къ открытію школъ исключительно грубости и невѣжеству тогдашняго общества. Но документы городского архива намъ показываютъ, что городское общество переживало въ то время трудную эпоху всевозможныхъ лишений, обременительныхъ сборовъ на общественныя надобности, возникшія съ устройствомъ новаго города и вообще чувствовало на себѣ всѣ неудобства, сопряженныя съ новосельемъ небогатаго люда. Понятно, что, при бѣдности новосельцевъ, имъ не могли идти въ голову золотыя мечты о распространеніи лучезарнаго свѣта наукъ, желудокъ направлялъ ихъ дѣятельность исключительно на то, чтобы промыслить себѣ кусокъ хлѣба; нѣсколько зажиточныхъ горожанъ, конечно, здѣсь въ счетъ не идутъ. Къ нимъ развѣ и можно только отнести упрекъ г. Ойрсова.

Мы приведемъ здѣсь нѣсколько документовъ изъ этой скорбной эпохи, имѣющихъ отношеніе къ училищу. Пермскій и Тобольскій генералъ-губернаторъ Волковъ, видя безсиліе приказа поддерживать училище, предложилъ 23 января 1792 года общей городской думѣ прислать въ приказъ за этотъ годъ 1250 рублей и на будущіе годы доставлять такую-же сумму изъ городскихъ доходовъ. Дума отвѣчала отказомъ, мотивируя его тѣмъ, что содержаніе училища возложено закономъ на средства приказа, что поземельный городской сборъ весь уходитъ на содержаніе полиціи, что у города нѣтъ выгона и другихъ доходныхъ статей и что „почитаеть требуемый взносъ для народнаго училища денегъ городу новымъ поборомъ и податью, къ чему, за силою городского

*) Пермскій Сборникъ 1859 г., т. I.

положенія 7-й статьи, общая дума приступить не осмѣливается“.

На это послѣдовало отъ 11 апрѣля такое предложеніе генераль-губернатора общей думѣ:

„На доношеніе сей градской общей думы, которымъ она, описывая свои и градскаго общества невозможности ко вносу въ приказъ общественнаго призрѣнія, по недостатку въ ономъ суммы, для производства учителямъ и директору училищъ жалованья, потому, 1-е, что доходовъ мало и градскаго выгону нѣтъ, а собираемая по согласію общества со всѣхъ градскихъ жителей поземельныя деньги для найму сотскихъ, десятскихъ и прочихъ городскихъ надобностей, всѣ безъ остатку въ расходъ выходятъ; 2) почитаетъ таковой взносъ для народнаго училища денегъ городу новымъ поборомъ и податью, къ чему, за силою городского положенія 7 статьи, общая дума приступить не осмѣливается и наконецъ 3-е, что въ училищѣ, по 384 статьѣ Высочайшаго учрежденія, обучаться должны неимущіе безъ платы, а имущіе за умѣренную плату, — предлагаю градской общей думѣ, *первое*: какъ о умноженіи градскихъ доходовъ общая дума обязана имѣть попеченіе, то оной изыскивать къ тому способы, а о выгонахъ градскихъ, по разсмотрѣніи потребныхъ обстоятельствъ и по окончаніи сочиненіемъ плановъ, не останется отъ прочихъ и здѣшній городъ Пермь безъ удовлетворенія въ выгонѣ; *второе*: 7 статью городского положенія общая дума превратнымъ образомъ толкуетъ, что будто взносъ предписанной суммы для училища есть новый поборъ или подать; но по 152 статьѣ того-жъ городского положенія, утверждены законнымъ расходомъ; а по именному Высочайшему Ея Императорскаго Величества указу, прописанному въ прежнемъ моемъ сей думѣ отъ 23-го генваря сего года, подъ № 62, предложеніи, просвѣщеніе народное, въ числѣ городскихъ надобностей, такъ какъ и самая градская общая дума, располагая, по согласію общества, сборъ съ вышеозначенныхъ поземельныхъ денегъ для разныхъ по городу исправленій, не почитала и нынѣ не почитаетъ новымъ сборомъ или податью; *третье*: что-жъ принадлежитъ до 384 статьи Высочайшаго учрежденія о ученіи имущихъ за умѣренную плату, то и въ семъ случаѣ, какъ видно, не понимаетъ городская дума послѣдне-изданнаго зако-

ненія, и именно Высочайшаго устава о народныхъ училищахъ, въ 5-й день августа 1786 года состоявшагося, 3 главы 28 §, въ которомъ точно положено всѣмъ обучаться безъ всякой платы. И для того, долгомъ поставляю вразумить сей думѣ о прямомъ смыслѣ и содержаніи означенныхъ узаконеній, подтверждая притомъ накрѣпко, дабы она впредь отъ превратнаго законовъ толкованія воздержалась, подъ опасеніемъ, въ противномъ тому случаѣ, неупустительнаго, по всей строгости законовъ, взысканія, и вышеупомянутое прежнее мое отъ 23 числа генваря сего года предписаніе непремѣнно выполнить и впредь исполнять“.

Городская дума, воспользовавшись отлучкою головы, 12-го апрѣля постановила, что, за отсутствіемъ его, она „никакого положенія сдѣлать не можетъ“.

Но голова наконецъ возвратился и вступилъ въ должность: такъ или иначе, надобно было дать положительный отвѣтъ на предложеніе Волкова. Наконецъ, въ собраніи общей думы 19 іюля 1792 г. было постановлено:

„Какъ его высокопревосходительство, правящій должность генераль-губернатора Пермскаго и Тобольскаго и кавалеръ Алексѣй Андреевичъ, отъ 11-го числа апрѣля сего года предписывать изволить со строжайшимъ подтвержденіемъ градской думѣ на поданное отъ 11 числа марта сего-же году доношеніе, при которомъ его высокопревосходительству о доходахъ, сборахъ и по думѣ расходахъ вѣдомость приложена была, чтобъ прежде насланное отъ его высокопревосходительства 23 числа генваря нынѣшняго-же года предложеніе непремѣнно выполнить и впредь выполнять, подтверждая притомъ накрѣпко, за неисполненіе, неупустительнаго по всей строгости законовъ взысканія, и *первое*, во второмъ, отъ 11-го числа апрѣля сего года предложеніи градской думѣ, предписывать изволить какъ о умноженіи градскихъ доходовъ дума обязана имѣть попеченіе, то оной и изыскивать къ тому способы, а Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества указомъ, прописаннымъ въ первомъ его высокопревосходительства предложеніи, названо просвѣщеніе народное въ числѣ городовыхъ надобностей и что-де дума сборъ поземельныхъ денегъ, располагаемый по согласію общества для разныхъ по городу исправленій, не почитаетъ новымъ сборомъ или податью. Градская дума о

умноженіи доходовъ пещись всегда не оставляетъ; но по здѣшнему городу Перму не можетъ умножить знатный капиталъ въ доходъ города потому, ибо не имѣетъ такихъ выгодъ, способовъ и удобностей, каковыми пользуются другіе города, умалчивая пограничныхъ, а старинные и умноженные какъ коммерціею, такъ и обществомъ градскимъ, хотя по Высочайшему городовому положенію и предоставлены въ пользу города доходы, по статьямъ 146, 148, 149 и 150; но здѣшній городъ Пермь, по вышеписаннымъ статьямъ, какъ не имѣетъ тѣхъ выгодъ и случаевъ, а потому въ доходъ города городская дума и получать ничего не можетъ; а получаетъ только, по 147 статьѣ городского положенія, отъ прибыли выпроданнаго въ городѣ вина процентныя деньги; но и тѣхъ съ небольшимъ въ годъ по 200 рублей; равно отъ городовыхъ вѣсовъ, только еще съ заведенія оныхъ во второй годъ, менѣе 150 руб., которые, по силѣ насланныхъ отъ его превосходительства, правителя Пермскаго намѣстничества и кавалера Ильи Васильевича предложеніевъ, ни на какой расходъ сама собою употребить не можетъ; сборы-жъ денегъ хотя и есть по думѣ, первой, по согласію всѣхъ живущихъ въ здѣшнемъ городѣ своими домами поземельныхъ денегъ, кто сколько подъ своимъ домомъ имѣетъ земли квадратныхъ сажень, по расчисленію думы, на содержаніе служенія вольнонаемными людьми всѣхъ по городской полиціи должностей и на другіе необходимые расходы, каковыхъ денегъ и собирается по столько въ годъ, сколько въ которой на расходъ потребно, а не болѣе, чѣмъ всякаго дому хозяинъ и освобождается отъ личной полицейской службы; второй, который ежегодно, по приговорамъ записаннаго въ городѣ гражданства, собирается за даваемый кредитъ торговать въ здѣшнемъ городѣ всякому пріѣзжающему иногородному купцу, какъ они сами по себѣ торговать права не имѣютъ, каковыхъ денегъ, по выправкамъ, и собирается въ прошлыхъ годахъ, не по равному числу въ годъ, въ которой менѣе, а въ другой съ небольшимъ 1000 рублей, и сіи деньги, какъ получаютъ по волѣ съ желающихъ здѣсь торговать выбираемые къ тому ежегодно городовымъ обществомъ изъ записаннаго гражданства альдерманы, а по сборѣ, по тѣмъ-же приговорамъ, и отдаютъ деньги городовому старостѣ; староста-жъ упо-

требляетъ въ расходъ, вмѣсто положенныхъ по статьѣ 152 городского положенія, на содержаніе при городскомъ магистратѣ, сиротскомъ и словесномъ судахъ, равно и градской думы приказныхъ служителей и на протчіе необходимыя расходы, на дрова, свѣчи, сургучъ, бумагу и чернила и тому подобныя, и сіи сборы, какъ первой, такъ и послѣдній, непремѣнными и яко окладными, навсегда градская дума почитать не можетъ; а продолжаются оныя, по волѣ записаннаго по здѣшнему городу и незаписаннаго, но живущихъ домами общества, каковымъ обстоятельствомъ, по силѣ насланныхъ отъ его высокопревосходительства, правящаго должность генераль-губернатора Пермскаго и Тобольскаго и кавалера Алексѣя Андреевича предложеніевъ, градская дума, какъ не имѣя у себя доходовъ вносить въ Пермской приказъ общественнаго призрѣнія денегъ на содержаніе въ Перми главнаго народнаго училища по 1250 руб., какъ на сей 792, такъ и въ будущіе годы, а тѣмъ паче, что изъ вышеписанныхъ поступаемыхъ въ думу сборовъ, изъ которыхъ, за расходомъ отъ года въ послѣдующій другой годъ, нисколько не остается,—слѣдовательно выполнить по онымъ предложеніямъ его высокопревосходительства сія дума не иначе можетъ, какъ пригласить къ взносу въ приказъ общественнаго призрѣнія денегъ въ каждый годъ по 1250 р. живущихъ въ здѣшнемъ городѣ Перми своими домами почтенныхъ господъ, записанныхъ гражданъ, а потомъ и всякаго званія людей; чего ради, располагая то число денегъ, по чему причтется съ квадратной сажени, сколько всякой имѣеть подъ своимъ домомъ, строеніемъ и мѣстомъ земли; а на записку полученія денегъ учинить двѣ книги, за шнуромъ и печатю и съ роспискою отдать первую господину коллежскому ассесору Минееву, члену сей думы, дабы онъ благоволилъ по оной получить съ господъ высокородныхъ и записанныхъ гражданъ и протчихъ живущихъ домами въ здѣшнемъ городѣ, и егда сколько получаютъ, то-бъ число денегъ вносили въ градскую думу, для отсылки въ приказъ общественнаго призрѣнія. Градская-жъ дума надѣется, что всякій хозяинъ дому, для прописанныхъ отъ его высокопревосходительства въ предложеніяхъ изъясненіевъ, не оставитъ выполнить волю его, по числу пользующихся въ здѣшнемъ городѣ землею“.

Вслѣдъ за этимъ постановленіемъ выданы были гласнымъ Терентію Шалаевскому и Григорію Сыропятову книги для сбора 1250 руб. на училище. 27-го октября того-жъ года, Шалаевскій и Сыропятовъ рапортуютъ думѣ, что деньги „были требованы, но никто ни одной копѣйки не заплатилъ, а отзываются разными отговорками“, и потому они представляютъ книги обратно. Въ тотъ-же день дума отослала означенныя книги въ Пермскую управу благочинія для взысканія разложенныхъ на жителей денегъ. Управа взыскала и препроводила въ думу сначала 109 р. 78 коп. и потомъ 97 р. 3¹/₂ коп. и при отсылкѣ послѣднихъ, комендантъ фонъ-Будендикъ пишетъ: „достальныя деньги, написанныя въ книгахъ, жители, по многократнымъ требованіямъ и вовсе отъ платежа оныхъ отказываются, ради чего вышеписанныя книги при семъ возвращаются“. На другой-же день послѣ этого, т. е. 7-го апрѣля 1793 года, дума постановила: книги возвратитъ фонъ-Будендику для взысканія; но не смотря на всѣ усилія, управа взыскала еще только 27 р. 33 к., и такимъ образомъ собрано было всего 234 руб. 14¹/₂ к., которые и сданы думою 19 іюня 1793 года въ приказъ общественнаго призрѣнія.

Затѣмъ, въ дѣлѣ есть по этому предмету еще только одно предложеніе Волкова городской думѣ отъ 2 апрѣля 1796 года, слѣдующаго содержанія:

„Генваря 23-го числа 1792 года дано было отъ меня сей думѣ предложеніе, чтобъ прислала въ приказъ общественнаго призрѣнія, для надобностей главнаго народнаго училища, изъ городскихъ доходовъ 1250 рублей, половину той суммы, которая положена по штату на содержаніе онаго училища, да и впредь-бы ежегодно по такому числу доставляла. 11-го апрѣля того-жъ года подтвердилъ я помянутое предложеніе, сказавъ притомъ, между прочимъ, дабы она изыскивала способы умножить городскіе доходы. Нынѣ приказъ общественнаго призрѣнія увѣдомилъ меня, что изъ городской думы представлено по 23 апрѣля 1795 года только 234 р. 14¹/₂ к., а болѣе, ни прежде ни послѣ, присылаемо не было, и просить понудитъ думу къ взносу тѣхъ денегъ. Сверхъ того пишетъ, что директоръ народныхъ училищъ не удовольствованъ жалованьемъ почти за два года, коего причтается 901 руб. съ копѣйками, а капитальной суммы въ

приказѣ на лицо только 763 р. 37¹/₂ к.; въ разсужденіи чего за нужное счелъ еще предложить градской общей думѣ: поелику приказѣ общественнаго призрѣнія не въ состояніи одинъ содержать главнаго народнаго училища, которое для всего города нужно, такъ какъ отъ ученія есть величайшая польза и въ именномъ Ея Императорскаго Величества Высочайшемъ указѣ августа 12 числа 1786 года, данномъ предмѣстнику моему, его высокопревосходительству Евгенію Петровичу Кашкину, объ открытіи въ Пермскомъ намѣстничествѣ народныхъ училищъ, между прочимъ изображено: „снабдивъ города наши разными выгодами, въ городскомъ положеніи изображенными, доставили мы имъ доходы на ихъ надобности, а между таковыми надобностями просвѣщеніе народное одно изъ первыхъ почитаться долженствуетъ; содержаніе-же народныхъ училищъ не требуетъ большаго изживенія, какъ то въ штатѣ ясно показано; притомъ на первое время довольно будетъ открытія въ губернскомъ городѣ главнаго, да еще тамъ-же и по самымъ знатнѣйшимъ городамъ малыхъ народныхъ училищъ, то и увѣрены мы, что вы изыщете средства заимствовать нужное сихъ училищъ содержаніе безъ отягощенія казны и безъ оскудѣнія для другихъ полезныхъ заведеній“, то посему, равно и по 152-й статьѣ городского положенія, обязана градская дума помогать приказу въ содержаніи помянутаго училища, что ей самымъ дѣломъ и исполнять присылкою ежегодно по 1250 руб. изъ городскихъ доходовъ, о приращеніи коихъ стараться должно самой ей, по 167-й статьѣ городского положенія. Въ другихъ-же городахъ здѣшняго намѣстничества, гдѣ народныя училища открыты, градскія думы признаютъ таковыя заведенія полезными и необходимо нужными, приняли и все содержаніе оныхъ на себя“.

Въ 1793 г. была составлена унтеръ-шихтмейстеромъ Васильевымъ смѣта на постройку каменнаго зданія для главнаго народнаго училища, по которой исчислено на матеріалы и всѣ работы 15024 р. 45 к. Хозяйственная часть постройки была поручена засѣдателю приказа общественнаго призрѣнія титулярному совѣтнику Федору Слѣпыхъ. Заводчики князя Голицыны, Петръ и Иванъ Савичи Яковлевы, Александръ Григорьевичъ Демидовъ пожертвовали на постройку связнаго и полосоваго желѣза

1110 пудовъ, 80 штукъ разнаго рабочаго инструмента и 38 внутреннихъ мѣдныхъ и желѣзныхъ замковъ, а Лаваревъ, по просьбѣ губернскаго прокурора И. И. Панаева, уступилъ 543 пуда кровельнаго желѣза, по 3 р. за пудъ, поставивъ на видъ, что противъ продажныхъ цѣнъ сдѣлалъ уступку болѣе чѣмъ на 700 рублей. Домъ былъ заложенъ 28 мая 1795 года; школа переведена въ него, кажется, въ 1797 году. Этотъ домъ былъ на мѣстѣ нынѣшняго зданія губернской гимназіи и сгорѣлъ въ пожаръ 1842 года. Это было лучшее, по архитектурѣ и прочности, зданіе въ городѣ и нельзя не пожалѣть о томъ, что оно было, послѣ пожара, безъ всякой нужды, сломано до основанія.

VI.

Гимназія и Алексѣевское реальное училище въ Перми *).

Гимназія.

29-го іюня 1806 года главное народное училище преобразовано, по уставу 5 ноября 1804 года, въ гимназію. Директоромъ ея былъ назначенъ преподаватель бывшаго главнаго народнаго училища Никита Саввичъ Поповъ. Къ сожалѣнію, всѣ дѣла гимназіи сгорѣли въ пожаръ 1842 г., и потому, за первые 34 года ея существованія, не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Нѣкоторыя отрывочныя данныя и память старожиловъ сохранили весьма немногое.

Директорами гимназіи были:

1. *Никита Савичъ Поповъ*, съ 22-го ноября 1807 года (sic) по 19 января 1829. Въ статьѣ о первыхъ школахъ въ Перми, о немъ уже были приведены свѣдѣнія. Мы прибавимъ къ нимъ, что судя по составленному имъ „Хозяйственному описанію Пермской губерніи“, не имѣющему себѣ до сихъ поръ подобнаго и изданному два раза (второе изданіе было сдѣлано И. Вольнымъ Экономическимъ обществомъ въ 1813 г., въ 3 томахъ in 4°),

*) Статья эта нѣсколько исправлена и пополнена позднѣйшими свѣдѣніями противъ напечатанныхъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ.

онъ долженъ былъ быть человѣкомъ весьма свѣдущимъ и трудолюбивымъ. Какъ о педагогѣ, о немъ сохранились неблагопріятныя свѣдѣнія. Это былъ человѣкъ жестокой. Въ „Запискѣ, найденной въ бумагахъ покойнаго пермскаго купца Смышляева“, напечатанной во 2-й книжкѣ „Пермскаго Сборника“, рассказывается, какъ Никита Савичъ, за простую неосторожность, отъ которой разбились нѣсколько тарелокъ, такъ избилъ жившаго у него на квартирѣ ученика, что тотъ долго былъ болѣнъ и родные должны были взять его отъ Попова. Дѣло по своимъ прямымъ служебнымъ обязанностямъ Никита Савичъ велъ также, по видимому, не въ должномъ порядкѣ, ибо, послѣ 43-хъ-лѣтней службы, былъ отставленъ безъ пенсіона.

2. Исправлявшій должность директора *Василій Осиповичъ Грибовскій*, съ 19 января 1829 по 9 февраля 1832 года. Изъ подлиннаго аттестата, сохранившагося у родственниковъ покойнаго, видно, что Василій Осиповичъ происходилъ изъ духовнаго званія и обучался въ новгородъ-сѣверской и черниговской семинаріяхъ; въ октябрѣ 1804 года поступилъ въ с.-петербургскій педагогическій институтъ, по окончаніи курса въ которомъ опредѣленъ, 10 декабря 1807 года, старшимъ учителемъ естественной исторіи, въ пермскую гимназію, а съ 19 января 1829 по 9 февраля 1832 г. исправлялъ должность ея директора; 24 апрѣля 1835 года переведенъ директоромъ училищъ Тобольской губерніи*), отъ каковой должности уволенъ въ отставку, 7 мая 1837 года.

3. *Василій Іоновичъ Антроповъ*, съ 9 февраля 1832 г.; въ 1836 году былъ переведенъ въ Казань инспекторомъ казенныхъ училищъ казанскаго учебнаго округа. Въ свѣдѣніяхъ И. Ф. Грацинскаго говорится, что Василій Іоновичъ былъ „строгимъ и точнымъ исполнителемъ начальственныхъ предписаній“.

4. *Петръ Михайловичъ Васильевъ*, съ 1836 по 1844 г., адъюнктъ казанскаго университета по кафедрѣ архитектуры. Сколько помнать Петра Михайловича бывшіе его воспитанники, онъ былъ человѣкомъ апатичнымъ, не умѣвшимъ внушить своимъ подчиненнымъ и воспитанникамъ ни страха, ни уваженія.

*) Въ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ намъ И. Ф. Грацинскимъ, не вѣрно сказано, что онъ переведенъ въ Астрахань.

б. *Ясонъ Петровичъ Евстроповъ*, въ 1843—1844 г.г. Во время директорства Антропова былъ инспекторомъ пермской гимназіи; въ 1836 году переведенъ на ту-же должность въ Нижній-Новгородъ, а въ 1843 году директоромъ гимназіи въ Пермь, откуда, на ту-же должность, переведенъ снова въ Нижній-Новгородъ.

6. *Иванъ Фроловичъ Грацинскій*, кандидатъ казанскаго университета, назначенный, съ должности инспектора симбирской гимназіи, директоромъ пермской, съ 29 іюня 1844 года,—тайный совѣтникъ и кавалеръ орденовъ Станислава и Анны первой и Владимира второй степени. Уволенъ отъ должности директора 1 января 1884 года и назначенъ почетнымъ попечителемъ гимназіи. Городъ Пермь избралъ его своимъ почетнымъ гражданиномъ; скончался 6 мая 1887 года, 88 лѣтъ отъ роду.

Изъ преподавателей пермской гимназіи, мы приведемъ оставившихъ по себѣ чѣмъ-либо память.

Василій Тихоновичъ Теоновъ, былъ сынъ причетника села Чепчуговъ, находящагося близъ Казани; первоначально учился въ мѣстномъ епархіальномъ училищѣ, но за какія-то провинности былъ разжалованъ въ хлѣбопеки. Въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, въ виду суровости тогдашнихъ педагоговъ, вызвавшей даже въ духовномъ регламентѣ особую статью, которою требовалось, чтобы „префектъ былъ честнаго житія, не весьма свирѣпый и не меланхоликъ“. Около 1815 г., Теоновъ, уволенный изъ духовнаго званія, былъ принятъ въ казанскій университетъ, на этико-филологическій факультетъ. Окончивъ курсъ со степенью кандидата, онъ опредѣленъ преподавателемъ латинскаго языка въ пермскую гимназію и былъ знатокомъ своего предмета, изучивъ его подъ руководствомъ профессора Брауна. Обладая въ добавокъ къ этому способностію передавать ученикамъ свои знанія, онъ имѣлъ въ этомъ отношеніи такой успѣхъ, что историкъ Сибири П. А. Словцовъ, по обязанности визитатора училищъ, посѣщавшій пермскую гимназію, восторженно отзывался о юныхъ латинистахъ—ученикахъ Теонова. Весною 1831 года Теоновъ оставилъ педагогическое поприще и перешелъ на службу въ мѣстную казенную палату, на должность столоначальника, въ каковой и окончилъ свою жизнь въ 1834 году*).

*) Эти свѣдѣнія почерпнуты изъ бумагъ *Θ. А. Прадильщикова*.

Оеоновъ былъ весьма талантливый и прямой человѣкъ, и по своему времени, недурной поэтъ. Муза его внушала ему преимущественно сатирическаго свойства произведенія, въ которыхъ жестоко доставалось мѣстнымъ администраторамъ. Одно изъ такихъ его стихотвореній: „Къ лицемѣру“, стрѣлы котораго направлены были въ мѣстнаго епископа Діонисія, было напечатано въ „Вѣстникѣ Европы“ 1823 года. Нѣкоторыя, весьма недурныя вещи его были помѣщены въ „Заволжскомъ Муравьѣ“, издававшемся въ Казани. Кое-какія воспоминанія о немъ находятся въ 1-й и 2 книжкахъ „Пермскаго Сборника“. Василий Тихоновичъ имѣлъ несчастную слабость къ крѣпкимъ напиткамъ, которая и свела его въ могилу. Знающій преподаватель, онъ, въ то-же время, какъ педагогъ, былъ вполне сыномъ своего времени. Система взаимнаго сѣченія учениковъ была имъ особенно излюблена. Доставалось преимущественно лѣнтяямъ, которыхъ онъ не терпѣлъ и въ памяти его бывшихъ воспитанниковъ сохранилось двустипіе, которымъ онъ клеймилъ тупицъ:

„Тупа главы сея вершина;

Потребна для нея дубина въ три аршина!“

Павель Ивановичъ Мельниковъ, по окончаніи курса въ казанскомъ университетѣ, назначенный старшимъ учителемъ исторіи въ пермскую гимназію, гдѣ оставался, къ сожалѣнію, очень недолго (въ 1837 или 1838 г.). Это—знаменитый, нынѣ покойный, беллетристъ-этнографъ и знатокъ раскольничьяго быта, составившій себѣ извѣстность бытовыми рассказами, подъ псевдонимомъ Андрея Печерскаго.

Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1838 года были напечатаны его: „Дорожныя замѣтки, на пути изъ Тамбовской губерніи въ Пермскую“ и въ Москвитянинѣ: „Поездка въ Кунгуръ“, заключающія въ себѣ любопытныя, преимущественно историческія и археологическія свѣдѣнія о Пермской губерніи.

Федоръ Аванастевичъ Прядильщиковъ—сынъ приказчика Очерскаго графини Софьи Владиміровны Строгановой завода, Аванасья Федоровича, родился въ 1811 году, скончался въ 1870. Въ послѣднее время, благодаря содѣйствію члена оханской уѣздной земской управы Ивана Васильевича Вологодина, я имѣлъ возможность извлечь изъ нѣкоторыхъ бумагъ покойнаго болѣе вѣрныя свѣдѣ-

нія о немъ, чѣмъ помѣщенныя въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, хотя и весьма неполныя. Изъ помянутыхъ бумагъ видно, что графиня Строганова дала, въ 1819 году, отпускную сыновьямъ Аѳанасія Ѳеодоровича—Якову, Ѳеодору и Алексѣю. 3 февраля 1820 года данъ отпускъ отъ заводской конторы маркшейдерскому ученику Камско-Воткинскаго казеннаго завода Ѳеодору Прядильщикову для обученія въ Перми, въ гимназiи. Въ октябрѣ 1820 года графиня предписала заводскому управленiю выдавать на воспитанiе сыновей Аѳанасія Ѳеодоровича по 500 руб. въ годъ. По окончанiи курса въ пермской гимназiи, Ѳеодоръ Аѳанасьевичъ поступилъ въ казанскiй университетъ, вышелъ со степенью кандидата и затѣмъ, 15 iюля 1835 года, назначенъ на службу въ Пермь старшимъ учителемъ росiйской словесности. 30-го мая 1843 года произведенъ въ чинъ надворнаго совѣтника, въ 1844 г. получилъ въ награду 180 руб. и переведенъ въ Томскъ инспекторомъ тамошней гимназiи. 22 августа 1856 года награжденъ знакомъ отличiя безпорочной службы. 10-го iюня 1859 года уволенъ, по болѣзни, отъ службы, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, и возвратился на родину, въ Очерскiй заводъ, гдѣ и провелъ остальные дни жизни*). Ѳеодоръ Аѳанасьевичъ имѣлъ, по мѣсторожденiю своему, возможность собирать и записывать преданiя, сохранившiяся въ имѣнiяхъ графовъ Строгановыхъ и любилъ заниматься архивною стариною. Плодами этого было множество замѣтокъ, оставшихся въ бумагахъ послѣ его смерти, поступившихъ въ распоряженiе бывшаго члена пермской губернской управы—Ивана Васильевича Вологодина; большая часть ихъ помѣщена въ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“. Самый любопытный трудъ его: „Лѣтопись губернскаго города Перми (1781—1844)“.

---

*) Изъ бумагъ, давшихъ приведенныя свѣдѣнiя о Ѳеодорѣ Аѳанасьевичѣ, между прочимъ, видно, что въ 1824 году былъ директоромъ пермской гимназiи коллежскiй совѣтникъ Н. С. Поповъ, законоучителемъ священникъ Иоаннъ Матвеевъ, преподавателемъ естественныхъ наукъ В. О. Грибовскiй, исторiи, географiи, статистики и французскаго языка Валерiанъ Ознобишинъ—литераторъ и поэтъ, служившiй впоследствии въ Петербургѣ и помѣщавшiй свои произведенiя въ тогдашнихъ столичныхъ журналахъ,—физики и математики Николай Пикторовъ, латинскаго языка Василiй Ѳеоновъ, нѣмецкаго—ротмистръ польской національной гвардiи Ѳеофилъ Шапровскiй.

Федоръ Аванасьевичъ былъ знающій и усердный преподаватель и гуманный педагогъ.

Александръ Дмитріевичъ Крупенинъ, старшій учитель исторіи, съ 3-го іюля 1839 года, преподаватель отлично знавшій свой предметъ и излагавшій его ученикамъ изустно. Въ 1850 г. онъ былъ переведенъ на должность инспектора гимназіи въ Пензу, затѣмъ былъ инспекторомъ пермской и директоромъ екатеринбургской гимназій. По выходѣ въ отставку, онъ снова поступилъ на службу директоромъ народныхъ училищъ въ Уфимскую губернію. Въ 1 книжкѣ „Пермскаго Сборника“ напечатана его хорошая статья: „Краткій историческій очеркъ заселенія и цивилизаціи Пермскаго края“, переведенная на нѣмецкій языкъ и напечатанная въ XXII томѣ журнала Эрмана: „Archiv für wissenschaftliche Kunde des Russlands, подъ заглавіемъ: „Historische Skizze des Kulturstandes in Gouvernement Perm“, но безъ указанія имени автора.

Генрихъ Ивановичъ Балбашевскій, старшій учитель словесности, получившій образованіе въ университетѣ св. Владиміра, съ 1 сентября 1851 года; въ 1858 году уволенъ, по болѣзни, въ отставку. Въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ помѣщена хорошая его статья: „Краткій историческій очеркъ гражданскаго устройства Пермскаго края“ (1855, №№ 21—26).

Егоръ Петровичъ Мухачевъ, старшій учитель математики, съ 20 іюля 1862 года, уволенный, по прошенію, отъ службы въ 1863 году. Егоръ Петровичъ, отличный знатокъ своего предмета и весьма умный человѣкъ, къ сожалѣнію, былъ подверженъ обычной слабости русскихъ людей, которымъ выпала „незадача“ въ жизни. Онъ сильно пилъ, можетъ быть, вслѣдствіе этого, ослѣпъ и умеръ въ крайней бѣдности. Въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ имъ помѣщены небезынтересныя для жителей города Перми замѣтки: въ нихъ онъ рассказываетъ исторію разныхъ зданій, преданія старины, обычаи прежнихъ и новыхъ временъ (1861, №№ 28, 29—31). Въ Журн. Министер. Внутр. Дѣлъ была также помѣщена статья его о городѣ Перми.

Николай Алексѣевичъ Ойрсовъ, получившій образованіе въ главномъ педагогическомъ институтѣ, назначенъ старшимъ учителемъ исторіи 5 сентября 1855 года и оста-

вался на этой должности до 1860 года, въ которомъ перемѣщенъ въ казанскій университетъ доцентомъ на кафедрѣ русской исторіи; нынѣ заслуженный профессоръ того-же университета. Николай Алексѣевичъ принималъ большое участіе въ умственной жизни города Перми и искалъ всякаго случая возбудить въ обществѣ интересъ ко всему разумному и полезному. Его настояніямъ въ педагогическомъ совѣтѣ гимназіи обязана своимъ началомъ пермская Маріинская школа 1-го разряда, что нынѣ Маріинская женская гимназія; онъ помогалъ мнѣ совѣтами и непосредственнымъ трудомъ по изданію „Пермскаго Сборника“; содѣйствовалъ устройству съ благотворительными цѣлями литературно-музыкальныхъ вечеровъ, въ зиму 1859—60 годовъ, привлекавшихъ большое количество публики, прежде проводившей свободное время за картами или развлекавшейся другими, еще менѣе полезными и похвальными увеселеніями. Изъ трудовъ его, относящихся къ Пермской губерніи, напечатаны: въ 1-й книжкѣ Пермскаго Сборника: „Объ открытіи народныхъ училищъ въ Пермской губерніи“ и въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ: „Пермская губернская гимназія“ и „Спектакли въ канцелярскомъ училищѣ, въ нынѣшнія святки“*); въ Педагогическомъ Вѣстникѣ: „О воспитаніи дѣвицъ въ Пермской губерніи“. Кромѣ того, имъ изданы въ Казани два сочиненія, на полученіе ученой степени: „Положеніе инородцевъ въ сѣверо-восточной Россіи, въ Московскомъ государствѣ“ и „Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства и колонизація закамскихъ земель“, заключающія интересныя свѣдѣнія для занимающихся исторіей Пермскаго края.

Яковъ Ивановичъ Предтеченскій, старшій учитель латинскаго языка, воспитанникъ главнаго педагогическаго института, трагически окончившій свою жизнь въ Екатеринбургѣ, на должности директора тамошней гимназіи, отъ руки воспитанника. Въ Пермь опредѣленъ на должность 25-го августа 1856 года, а въ 1870 переведенъ въ оренбургскую гимназію. Въ „Пермскомъ Сборникѣ“ (1-й и 2 кн.) была помѣщена большая статья его: „О свадебныхъ обрядахъ города Чердыни“, составленная по матеріаламъ, собраннымъ уѣзднымъ учителемъ Мальцевымъ.

*) Пермск. Губ. Вѣд. 1865 г., №№ 3, 6 и 7; 1860, № 3.

Александръ Петровичъ Орловъ, кандидатъ казанскаго университета, старшій учитель математики, опредѣленъ на должность въ 1861, а въ 1868 году переведенъ на должность инспектора гимназiи, въ Иркутскъ; потомъ былъ директоромъ казанскаго реальнаго училища, въ каковой должности и скончался. Въ „Сборникѣ Пермскаго земства“ были помѣщены двѣ статьи его: „Свѣдѣнiя о Вогулахъ, обитающихъ въ Пермской губерни“ (1873, кн. 3, стр. 440—460) и „Обозрѣнiе нѣкоторыхъ начальныхъ народныхъ училищъ Пермскаго и Соликамскаго уѣздовъ“ (1872, кн. 6, стр. 22—78).

Помянувъ добрымъ словомъ преподавателей гимназiи, что-либо сдѣлавшихъ для края, не можемъ обойти молчанiемъ и воспитанниковъ, составившихъ себѣ извѣстность на поприщѣ общественной дѣятельности.

Алексѣй Ѳеодоровичъ Мерзляковъ. Въ сохранившихся купеческихъ спискахъ за 1795 годъ, по городу Далматову, значится, въ числѣ купцовъ 3-й гильдiи, „Ѳеодоръ Алексѣевъ Мерзляковъ, съ сыномъ его Алексѣемъ, въ нераздѣльномъ капиталѣ“. Вѣроятно, онъ былъ родомъ изъ давнишнихъ далматовскихъ жителей, судя по тому, что въ числѣ далматовцевъ, подписавшихся подъ присяжнымъ листомъ, послѣ усмиренiя пугачевского бунта, значится, можетъ быть, дѣдъ его, монастырскаго правленiя подъячiй, Андрей Мерзляковъ (см. Перм. Сборн., кн. 1, стр. 75).

Бантышъ-Каменскiй, въ своемъ „Словарѣ“, говоритъ объ Алексѣѣ Ѳеодоровичѣ слѣдующее:

„Мерзляковъ Алексѣй Ѳеодоровичъ, стат. совѣтникъ, профессоръ краснорѣчiя, поэзiи и реторики, членъ российской академiи и разныхъ другихъ ученыхъ обществъ, ордена св. Владимiра 4 степени кавалеръ, родился 1788 года, Пермской губерни, въ городѣ Далматовѣ, отъ небогатаго купца. На одиннадцатомъ году возраста, онъ помѣщенъ былъ своимъ отцомъ въ пермское главное народное училище, гдѣ и обучался, подъ покровительствомъ директора училищъ И. И. Панаева. Заключенный Екатериною II миръ съ Швецею пробудилъ въ четырнадцатилѣтнемъ Мерзляковѣ талантъ поэтической, внушилъ ему оду, которая доставлена была графу Завадовскому и поднесена имъ Императрицѣ. Августѣйшая покровительница отечественныхъ талантовъ, благосклонно

принявъ отроческую пѣснь, повелѣла помѣстить ее въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ с.-петербургской академіи наукъ“ и напечатать 150 экземпляровъ въ его пользу. По окончаніи Мерзляковымъ курса наукъ въ Перми, Государыня приказала отправить его въ московскій университетъ, съ тѣмъ, чтобы ей докладываемо было чрезъ каждые полгода о его успѣхахъ. Юный поэтъ поручень былъ пѣвцу Россіянь, Хераскову, куратору московскаго университета, и помѣщенъ 1793 года въ тамошнюю гимназію, гдѣ обучался латинскому и греческому языкамъ у Сохацкаго, російскому азыку и логикѣ у Снегирева, исторіи и географіи у Черепанова, нѣмецкому языку у Геймана. Чрезъ три съ половиною года (1797) Мерзляковъ произведенъ въ студенты, въ 1798 году въ кандидаты. Хотя онъ преимущественно занимался словесными науками, но учился также и философіи, подъ руководствомъ Бранцева, а физику слушалъ у Страхова. Утвержденный въ званіи магистра словесныхъ наукъ въ 1804 году, Мерзляковъ сталъ преподавать оныя въ университетѣ. Вскорѣ послѣ преобразования сего святилища наукъ Императоромъ Александромъ I, онъ вызванъ былъ въ С.-Петербургъ, попечителемъ университета М. Н. Муравьевымъ, который былъ для него то-же, что Шуваловъ для Ломоносова, образца, любимаго Мерзляковымъ и по генію и по сходству. Тамъ, въ домѣ просвѣщеннаго начальника, Алексѣй Ѳеодоровичъ не рѣдко читывалъ свои пѣснопѣнія, и слышавъ голосъ безпристрастной критики и чистосердечнаго одобренія, воспламенялся соревнованіемъ. По возвращеніи своемъ въ Москву, Мерзляковъ произведенъ въ доктора и адъюнкты, потомъ, въ 1807 г., въ экстраординарные профессора, а въ 1810 г. въ ординарнаго профессора російскаго краснорѣчія и поэзіи. Многіе знаменитые вельможи и писатели посѣщали его лекціи. Князь Борисъ Владиміровичъ Голицынъ предложилъ ему въ своемъ домѣ открытыя чтенія объ изящной словесности. Они продолжались въ три зимніе мѣсяца по два раза въ недѣлю и пріобрѣли уважительное вниманіе просвѣщенной публики обоюга пола. Въ слѣдующемъ году, Алексѣй Ѳеодоровичъ возобновилъ лекціи свои въ домѣ А. Ѳ. Кокоскиной. Первые его чтенія ознаменованы были прекрасными разсужденіями изъ теоріи изящныхъ искусствъ, послѣднія критическими

разборами первостепенныхъ русскихъ писателей: Державина, Ломоносова, Хераскова, Сумарокова, Озерова и др. Кромѣ московскаго университета, гдѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, Мерзляковъ занималъ должности декана, своего отдѣленія, члена училищнаго и испытательнаго комитетовъ и директора педагогическаго института, онъ преподавалъ лекціи о російской словесности въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ; обозрѣвалъ, по званію члена училищнаго комитета, училища Московской, Ярославской и Костромской губерній. Однѣ только изнурительныя болѣзни, постигшія Алексѣя Ѳеодоровича въ остальные годы дѣятельной жизни, могли отвлекать его отъ исполненія обязанностей и отъ любимыхъ занятій литературою. Послѣдняя гдѣсь, произнесенная имъ на празднествѣ семидесятилѣтняго юбилея московскаго университета, 26-го іюня 1830 года, была *Юбилей*. „Уже обреченный могилѣ—говоритъ профессоръ М. Т. Каченовскій въ некрологѣ Мерзлякова—доживая дни изочтенные, Мерзляковъ прочиталъ послѣднее твореніе свое съ чувствомъ, съ выразительною живостію; оно и принято было со знаками полнаго удовольствія отъ всѣхъ слушателей. Угасавшій зракъ поэта прояснился при столь лестномъ благоволеніи, но можно было замѣтить, что и напряженіе силъ изнемогшихъ ускорило для него разлуку съ здѣшнимъ міромъ“. Послѣ сего, ровно черезъ мѣсяць, сей достойный профессоръ и писатель окончилъ свою жизнь въ Сокольникахъ, близъ заставы, гдѣ, въ кругу семейства, старался поддержать разстроенное здоровье. 29 іюля отданъ послѣдній долгъ покойному, по особенному усердію, преосвященнымъ викаріемъ московской митрополіи Иннокентіемъ и епископомъ Діонисіемъ, съ архимандритами Виталиемъ и Арсеніемъ и протоіереемъ Василиемъ Богдановымъ. Гробъ Мерзлякова орошенъ былъ слезами и родныхъ и чужихъ. Товарищи и ученики несли на себѣ оный изъ слободки до церкви Тихвинской Богоматери, что въ Красномъ селѣ, а послѣ отиѣванія, отъ церкви до кладбища Ваганьковскаго, гдѣ тѣло его и предано землѣ. Въ числѣ особъ, присутствовавшихъ при погребеніи, находился почтенный ветеранъ нашей словесности Ив. Ив. Дмитріевъ. Признательные ученики соорудили надъ могилою Мерзлякова памятникъ“.

Краткая биографія А. Θ. Мерзлякова помѣщена также проф. И. М. Снегиревымъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1831 г. (№ 57), а некрологъ его, составленный проф. М. Т. Каченовскимъ, напечатанъ въ Вѣстникѣ Европы.

Илья Николаевичъ Березинъ, нынѣ профессоръ петербургскаго университета, извѣстный ориенталистъ, издатель „Энциклопедическаго Лексикона“.

Модестъ Яковлевичъ Китарри, сынъ пермскаго губернскаго землемѣра, воспитанникъ казанскаго университета, докторъ естественныхъ наукъ и технологіи, профессоръ технологіи казанскаго, потомъ московскаго университетовъ, служившій, по выходѣ изъ учебнаго вѣдомства, въ военномъ министерствѣ. Въ пермской гимназіи онъ кончилъ курсъ должно быть въ 1836 году. Это былъ человѣкъ замѣчательный своимъ неутомимымъ трудолюбіемъ и одновременною разнообразною дѣятельностью. Такъ, будучи въ Казани профессоромъ университета, онъ, въ качествѣ секретаря И. Казан. Экономическаго общества, былъ душею его; при немъ только оно и проявило признаки жизни; основалъ ежемѣсячное изданіе „Записокъ“ этого общества, съ его переходомъ въ Москву, прекратившихъ свое существованіе; имѣлъ, въ компаніи съ лаборантомъ университета Грахе, заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ, помогалъ своими опытами и руководствомъ въ устройствѣ многихъ наиболѣе значительныхъ заводовъ въ Казани, какъ напримѣръ, стеариноваго, г.г. Крестовниковыхъ, кожевенныхъ и др. Въ Москвѣ дѣятельность его развилась до невѣроятной степени. Читая лекціи въ университетѣ, онъ былъ, въ то же время, преподавателемъ технологіи въ ремесленномъ училищѣ И. воспитательнаго дома, директоромъ практической коммерческой академіи, секретаремъ И. общества сельскаго хозяйства, редакторомъ ежемѣсячнаго журнала этого общества, редакторомъ собственнаго журнала „Промышленный Листокъ“ (выходилъ три раза въ недѣлю), переводилъ громадное изданіе химіи Муспрата, читалъ въ академіи публичныя лекціи товаровѣдѣнія, читалъ, по приглашенію военнаго министерства, лекціи для чиновниковъ интендантскаго вѣдомства, дѣлалъ опыты надъ приготовленіемъ консервовъ для войскъ и потомъ самъ фабриковалъ ихъ на продажу, приготовлялъ, для продажи, дезинфекціонный порошокъ, не говоря уже о томъ,

что въ рѣдкія минуты, когда онъ бывалъ дома, у него можно было встрѣтить всякаго рода фабрикантовъ и заводчиковъ, которымъ онъ давалъ совѣты, чертежи, по просьбамъ которыхъ производилъ въ ремесленномъ училищѣ опыты и т. д. Ему принадлежитъ самое обстоятельное описаніе кунгурской ледяной пещеры, помѣщенное въ Журн. Мин. Внутрен. Дѣлъ, съ планомъ ея, составленное имъ еще въ бытность студентомъ казанскаго университета, а въ Пермскомъ Сборникѣ (1859 г.) напечатаны его „Воспоминанія о докторѣ Ѳ. Х. Гралѣ“.

Наркизъ Константиновичъ Чупинъ. Свѣдѣнія о немъ приводятся въ особой статьѣ настоящаго Сборника.

Александръ Гавриловичъ Кудрявцевъ, сынъ мѣщанина, окончившій курсъ гимназіи въ 1841 г. Уже въ гимназіи онъ отличался большими способностями и знаніемъ латинскаго языка. Образование свое онъ завершилъ въ казанскомъ университетѣ и впослѣдствіи сдѣлался знаткомъ древнихъ языковъ. Долго онъ былъ домашнимъ учителемъ въ разныхъ семействахъ, но въ послѣднее время жизни служилъ воспитателемъ и преподавателемъ древнихъ языковъ въ Катковскомъ лицейѣ. Умеръ лѣтъ восемь тому назадъ.

Павелъ Андреевичъ Мулловъ, сынъ чиновника, по выходѣ изъ гимназіи, окончившій курсъ въ казанскомъ университетѣ, по юридическому факультету, поступилъ сначала на службу въ пермское губернское правленіе, потомъ нѣкоторое время былъ приватдоцентомъ казанскаго университета и затѣмъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ долго участвовалъ въ редакціяхъ „Журнала Министерства Юстиціи“ и „Юридическаго Вѣстника“. Съ открытіемъ новыхъ судебныхъ учреждений, поступилъ на службу по министерству юстиціи, былъ товарищемъ прокурора кассационнаго департамента Сената, состоялъ предсѣдателемъ судебной палаты въ одной изъ южныхъ губерній и въ настоящее время занимаетъ важный постъ въ министерствѣ юстиціи.

Александръ Ивановичъ Вицинъ, юристъ, былъ и, кажется, теперь состоитъ профессоромъ петербургскаго университета.

Михаилъ Аристарховичъ Хомяковъ, профессоръ медицины въ казанскомъ университетѣ, пользующійся большою извѣстностію, какъ діагностъ и практикъ-терапевтъ.

Федоръ Матвѣевичъ Суворовъ, сынъ протоіерея Кушвинскаго завода, окончившій образованіе въ казанскомъ университетѣ, нынѣ профессоръ этого университета, по кафедрѣ чистой математики.

Порфирій Никитичъ Крыловъ, сынъ пермскаго купца Никиты Кондратьевича Крылова, окончившій образованіе въ казанскомъ университетѣ, въ настоящее время секретарь казанскаго общества испытателей природы, ботанизовавшій, путешествуя пѣшкомъ по Пермской губерніи по два лѣта и издавшій свои труды: „О народныхъ лекарственныхъ растеніяхъ, употребляемыхъ въ Пермской губерніи“ (Казань, 1876) и „Матеріалы къ флорѣ Пермской губерніи“ (вышло 2 выпуска. Казань, 1878 и 1881, стр. 110 и 304).

Въ 1842 г., зданіе гимназіи сгорѣло, каменныя стѣны его были разобраны и гимназія помѣщена временно въ домѣ благороднаго собранія. Въ 1845 году заложено нынѣшнее зданіе, на прежнемъ мѣстѣ, а въ 1848 въ него переведена гимназія. На постройку отпущено было изъ государственнаго казначейства 48,000 рублей. Въ томъ-же 1848 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ открытіи пансіона при гимназіи, на 20 воспитанниковъ, изъ дѣтей чиновниковъ Пермской губерніи, на содержаніе которыхъ, равно и на 4 стипендіатовъ въ казанскомъ университетѣ, ассигнованы суммы изъ государственнаго казначейства. Пансіонъ, по открытіи его, помѣщался въ частномъ домѣ, съ платою по 850 руб. въ годъ. На сбереженія отъ содержанія воспитанниковъ и на частныя пожертвованія былъ построенъ собственный каменный домъ для пансіона, на 60 человѣкъ, въ который и переведены воспитанники въ 1862 году. При пансіонѣ устроена церковь. Вся постройка обошлась въ 60,000 рублей.

Гимназическая бібліотека получила начало въ 1808 году, въ которомъ имѣла книгъ 181 названіе, въ 667 томахъ. Въ 1838 г. было въ ней 786 названій, въ 1890 томахъ; въ 1842 году 917 названій, въ 2086 томахъ. Въ этомъ году пожаръ истребилъ минералогическій и физическій кабинеты, а отъ бібліотеки сохранилось 355 названій, въ 799 томахъ; въ 1882 году бібліотека имѣла 2228 названій, въ 4426 томахъ, на сумму 10,456 руб. 85 коп.

На покупку физических инструментов послѣ пожара было пожертвовано урожденцемъ Пермской губерніи, московскимъ купцомъ Бронниковымъ 5000 руб.

Въ 1867 году открылась при гимназіи „Справочная о Пермскомъ краѣ бібліотека“, но такъ какъ она, по своему назначенію, имѣетъ характеръ публичный, то о ней говорится далѣе въ статьѣ: „О бібліотекахъ въ городѣ Перми“.

Въ 1868 году, при гимназической церкви, открыто „Братство св. Стефана Великопермскаго“, имѣющее цѣлю вспомоствованія бѣднымъ воспитанникамъ изъ пожертвованій членовъ братства. Къ сожалѣнію, отчеты этого братства не печатаются и потому о положеніи его дѣлъ не можемъ здѣсь привести свѣдѣній.

Въ настоящее время въ гимназіи всѣхъ воспитанниковъ обучается 382 человекъ; изъ нихъ живутъ въ пансіонѣ 20 казенныхъ воспитанниковъ, 4 стипендіата, 6 полныхъ своекоштныхъ пансіонеровъ и 12 своекоштныхъ полупансіонеровъ.

Содержаніе гимназіи и пансіона стоитъ 40,889 руб. 13 к. въ годъ, на покрытіе каковаго расхода отпускается отъ казны 28,439 р. 78 к.; остальная сумма, 12,449 р. 35 к., покрывается изъ специальныхъ средствъ гимназіи¹⁾.

Реальное училище.

Въ 1873 году, бывшій въ то время городскимъ головою Иванъ Ивановичъ Любимовъ внесъ въ городскую думу предложеніе объ учрежденіи въ Перми реального четырехкласснаго училища, съ дополнительнымъ отдѣленіемъ, безъ первыхъ двухъ классовъ, на содержаніе каковаго была исчислена необходимая сумма въ 20,000 р., при чемъ Иванъ Ивановичъ предложилъ, на покрытіе этого расхода, давать отъ себя по 2000 руб. въ теченіи первыхъ пяти лѣтъ, и пожертвовать для помѣщенія предполагаемаго училища собственный домъ²⁾. Предложеніе было принято думою и постановлено ходатайство-

¹⁾ Всѣ приводимыя здѣсь о средствахъ содержанія и учебныхъ пособияхъ свѣдѣнія относятся къ 1882 году.

²⁾ Домъ этотъ, съ позднѣйшими пристройками, произведенными г. Любимовымъ на свой счетъ, представляетъ въ настоящее время одно изъ самыхъ обширныхъ зданій въ городѣ и стоитъ не менѣе 50,000 рублей.

вать объ открытіи училища и наименованіи его „Алексѣевскимъ“, въ память посѣщенія города Перми великимъ княземъ Алексѣемъ Александровичемъ. Затѣмъ образованъ былъ комитетъ для завѣдыванія дѣломъ устройства училища, съ тѣмъ, чтобы предположенія свои онъ представлялъ предварительно на разсмотрѣніе и утвержденіе городской думы.

Дополнительныя отдѣленія, по уставу реальныхъ училищъ, допускаются: 1) химико-техническое, 2) механико-техническое и 3) основное. Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Ив. Ив. Любимова, высказался за химико-техническое отдѣленіе, имѣя въ виду, что „основные предметы, преподаваемые въ немъ, химія и химическая технология,—истинные научные двигатели промышленности, посвященной обработкѣ природныхъ богатствъ края, каковы Пермскій, изобилующій произведеніями минеральнаго царства, которыя эксплуатируются въ крайне недостаточной степени, между прочимъ, и по отсутствію дѣятелей, обладающихъ научными химико-техническими знаніями“.

Эти соображенія, высказанныя 8 лѣтъ тому назадъ, остаются и въ настоящее время справедливыми. Химико-техническое отдѣленіе заслуживаетъ безусловнаго предпочтенія предъ механико-техническимъ еще и потому, что всѣ молодые люди, окончившіе курсъ въ первомъ изъ нихъ, безспорно могутъ быть подготовлены въ практической дѣятельности, приобрѣтая въ училищѣ необходимый для нея запасъ специальныхъ свѣдѣній, чего нельзя сказать о механико-техническомъ отдѣленіи, ибо въ одинъ годъ нѣтъ никакой возможности пройти теоретико-практической курсъ механики.

Городская дума постановила 20-го іюня 1873 года: 1) учредить въ Перми реальное училище, на содержаніе котораго отпускать изъ городскихъ доходовъ 3000 р. и изъ прибылей Марьинскаго общественнаго городского банка такую-же сумму; 2) поручить городской управѣ обратиться къ ближайшимъ по времени очереднымъ земскимъ собраніямъ съ ходатайствомъ о принятіи участія въ расходахъ на содержаніе училища; 3) въ предстоящій проѣздъ черезъ городъ Пермь Его Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича, ходатайствовать о присвоеніи училищу названія „Алексѣевскимъ“, въ воспоминаніе посѣщенія Его Высочествомъ города Перми.

Уѣздныя земскія собранія Пермское, Чердынское и Осинское, отозвались сочувственно къ учрежденію училища и постановили отпускать въ пособіе на содержаніе его: Пермское 1000 р., Чердынское 1000 р. и Осинское 500 р. ежегодно.

15 марта 1876 года пермскій губернаторъ увѣдомилъ городскую управу о послѣдовавшемъ разрѣшеніи открыть училище, но съ нѣкоторыми измѣненіями противъ предположеній думы. Такъ, вмѣсто 4-хъ-класснаго, положено открыть 6-ти-классное. Кромѣ того, вмѣсто химико-техническаго отдѣленія въ дополнительномъ классѣ, разрѣшено открытіе механико-техническаго, а съ 5-го класса училище должно было распадаться на два отдѣленія: основное и коммерческое. Правительство ассигновало при этомъ пособіе на содержаніе училища изъ государственнаго казначейства, въ размѣрѣ 14,345 рублей ежегодно. По полученіи разрѣшенія, комитетъ принялъ мѣры къ скорѣйшему открытію его. Вскорѣ былъ назначенъ и директоръ училища—д. ст. сов. Андрей Александровичъ Залежскій, служившій нѣкогда преподавателемъ и потомъ инспекторомъ пермской гимназіи, а 12 сентября 1876 г. совершилось и открытіе училища, на торжествѣ котораго присутствовалъ бывшій въ то время въ Перми министръ народнаго просвѣщенія, гр. Дм. Андр. Толстой. Подробности открытія училища приведены въ книгѣ В. Н. Шишонко: „Матеріалы для описанія развитія народнаго образованія въ Пермской губерніи“.

Потребность въ реальномъ образованіи выразилась прогрессивнымъ увеличеніемъ числа учащихся. Такъ:

къ 1 января 1877 г.	было учениковъ	107		
„ „ „	1878	„ „ „	153,	увелич. на 3,00%
„ „ „	1879	„ „ „	158,	„ „ 3,10%
„ „ „	1880	„ „ „	164,	„ „ 3,60%
„ „ „	1881	„ „ „	189,	„ „ 13,20%

Это увеличеніе представляется однако-же довольно слабымъ въ теченіи 1879 и 1880 годовъ, что объясняется ограниченіемъ правъ воспитанниковъ сравнительно съ классическими гимназіями, равно какъ и приращеніе на 10% въ теченіи 1880 г.—тѣми слухами, которые сулили воспитанникамъ права на продолженіе образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Окончившіе уже курсъ въ механико-техническомъ отдѣленіи дополнительнаго класса всѣ пожелали продолжать образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ настоящее время находятся: 1 въ технологическомъ институтѣ, 2 въ Петровской академіи, 1 въ политехнической школѣ въ Ригѣ, 1 вольнымъ слушателемъ въ университетѣ и 1 готовится къ поступленію въ технологическій институтъ.

Что-же касается коммерческаго отдѣленія, то учрежденное не въ силу мѣстныхъ потребностей, оно остается неоткрытымъ и по настоящее время, за неимѣніемъ желающихъ въ немъ обучаться. Убѣдившись на дѣлѣ въ бесполезности его существованія, попечительный совѣтъ училища постановилъ 16-го апрѣля 1879 года: просить согласія пермской городской думы и участвующихъ въ содержаніи училища земствъ на замѣну коммерческаго отдѣленія дополнительнаго класса химико-техническимъ.

Въ настоящее время третій классъ училища раздѣленъ на два отдѣленія, по значительному числу учащихся въ немъ. Классъ этотъ содержится исключительно на спеціальныя средства училища, т. е., на суммы, поступающія отъ учениковъ за право ученія.

Вообще источники содержанія училища таковы:

пособіе изъ государственнаго казначейства	14,345 р.
отъ городского общества	7,500 "
отъ губернска. и уѣздн. земствъ	6,000 "
спеціальныя доходы училища	4,400 "
	32,255 р.

Такимъ образомъ, расходъ на содержаніе училища падаетъ среднимъ числомъ на cadaго ученика въ размѣрѣ 170 рублей.

Учебныя пособія училища представляются въ весьма удовлетворительномъ видѣ. Физическій кабинетъ имѣетъ 275 предметовъ, естественно-историческая коллекція 873. Училище располагаетъ также довольно полнымъ механическимъ кабинетомъ и значительною коллекціею пособій для преподаванія рисованія. Кромѣ того, послѣднее губернское земское собраніе передало реальному училищу весьма хорошія коллекціи упраздненной ветеринарной школы, существовавшей при губернской управѣ.

Библиотеки училища къ 1 января 1881 года имѣли книгъ:

фундаментальная	1015	названій въ	2183	томахъ
ученическая . .	255	" "	349	"
	<u>1270</u>		<u>2532</u>	

~~~~~

VII.

Публичныя библиотеки города Перми.

Первая публичная библиотека.— Ея исторія.— Городская общественная библиотека.— Б. А. А. Залежскаго.— Б. А. И. Иконникова.— Б. г. Наумова.— Б. Р. Н. Рума.— Справочная о Пермскомъ краѣ библиотека.

Первая публичная библиотека въ Перми возникла на основаніяхъ, изложенныхъ въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ 30 іюня 1830 г., при губернаторѣ Г. К. Селастенникѣ, въ 1831 году. Свѣдѣній за первое время ея существованія сохранилось немного; знаемъ только, что она была учреждена на частныя пожертвованія, по приглашенію къ нимъ губернатора, помѣщалась при училищѣ дѣтей канцелярскихъ служителей и носила названіе публичной; но не сохранилось свѣдѣній ни о составѣ ея, ни объ условіяхъ, на которыхъ выдавались книги. Судя по словамъ хроникера мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостей (начала шестидесятыхъ годовъ), библиотека на самомъ дѣлѣ едва-ли была доступна обыкновеннымъ смертнымъ, существовала почти номинально и даже мало было людей, знавшихъ о ея существованіи. Это приводитъ къ заключенію, что открытіе ея было вызвано не дѣйствительнымъ стремленіемъ принести пользу просвѣщенію общества, а желаніемъ имѣть на счетахъ лишній фактъ, свидѣтельствующій о заботливости начальства по этому важному предмету и о вниманіи его къ министерскимъ циркулярамъ. Затѣмъ видно, что Селастенникъ оставилъ должность въ 1835 году и въ слѣдующемъ-же 1836, таже библиотека „открыта вновь“, на основаніяхъ, изложенныхъ въ предложеніяхъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 30 іюня 1830 г., 14 апрѣля 1832 г. и 18 іюня 1833 года. Это „открытіе вновь“ уже существовавшей, по-видимому,

библіотеки подтверждаетъ справедливость вышеприведеннаго заключенія мѣстнаго хроникера.

Въ 1836 г. дѣло стало, по-видимому, на новую почву; при библіотекѣ былъ учрежденъ комитетъ изъ назначенныхъ губернаторомъ попечителей и въ теченіи перваго же 1836 года поступило въ пользу ея денежныхъ пожертвованій 2316 р., да впослѣдствіи, по 1839 г., 1280 р. 26 к. Комитетъ, „въ первое-же засѣданіе, распорядился, чтобъ пожертвованныя въ библіотеку въ прежнее время изданія, *хранившіяся у директора гимназіи* (?), были переданы въ библіотеку“. Какія это, впрочемъ, были изданія, что затѣмъ выписывалось до 1842 года, поступали-ли новыя денежные пожертвованія—все это покрыто теперь мракомъ неизвѣстности. Есть только свѣдѣніе, что въ 1839 году, въ исполненіе къ прежнимъ пожертвованіямъ, поступило 15 р. 90 к. Самыя имена бывшихъ попечителей канули въ Лету, а пожаръ 1842 г., какъ записано въ журналѣ комитета 27 сентября этого года, уничтожилъ *все* книги и документы библіотеки. Уцѣлѣла только какимъ-то чудомъ книга на записку пожертвованій (заведенная, впрочемъ, какъ нарочно, только въ несчастномъ 1842 году), изъ записей которой, сдѣланныхъ заднимъ числомъ, видно, что выписка книгъ началась съ конца 1834 года (?) и наличнаго капитала оставалось только 8 р. 25½ к. Вотъ и все свѣдѣнія о допожарной эпохѣ существованія *дважды открытой* библіотеки.

Дальнѣйшіе документы показываютъ слѣдующее:

Изъ предложенія губернатора К. И. Огарева отъ 15 іюля 1859 года непремѣнному члену приказа общественаго призрѣнія Нелюбохтину видно, что библіотека послѣ пожара почти не существовала, а потому новый начальникъ губерніи предписываетъ увѣдомить, какія мѣры нужно принять къ ея возстановленію, да изъ бумагъ Нелюбохтина, оставшихся послѣ его смерти, оказалось, что имъ принято было въ декабрѣ 1861 года разрозненныхъ книгъ, журналовъ и брошюръ 63 номера. Бывшій въ то время опять новый губернаторъ Лашкаревъ поручилъ одному изъ своихъ чиновниковъ составить проектъ возобновленія библіотеки и 10 іюля 1863 года открылъ комитетъ, членами котораго назначилъ попечителей библіотеки: предсѣдателя казенной палаты Воскресенскаго, директора гимназіи Грацинскаго, учителя Соловьева и

титularнаго совѣтника Крапивина ¹⁾, которому поручено было дѣлопроизводство комитета и управленіе бібліотекою.

Дѣло приняло, на этотъ разъ, благопріятный оборотъ, благодаря составу комитета, преимущественно-же П. И. Крапивину, человѣку образованному и въ высшей степени добросовѣстному. Подробные отчеты о ходѣ дѣла бібліотеки стали печататься въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (см. 1863, №№ 30 и 35; 1864, №№ 26 и 43; 1865, №№ 1, 18, 20—24, 26, 28, 30, 32 и 42).

9-го апрѣля 1864 года попечители рѣшили соединить бібліотеку съ статистическимъ комитетомъ и поручить управленіе ею дѣлопроизводителю послѣдняго. Въ 1865 году бібліотека помѣщалась въ одной квартирѣ съ означеннымъ комитетомъ, въ центрѣ города.

Въ 1863 году бібліотека имѣла всего 11 подписчиковъ, въ 1864 г. цифра эта возросла до 239, а въ 1865 до 301, которые дѣлились на четыре категоріи: годовыхъ 65, полугодовыхъ 68, мѣсячныхъ 149 и бесплатныхъ 19. По сословіямъ и профессіямъ читатели эти раздѣлялись такимъ образомъ: духовныхъ 4, потомственныхъ дворянъ 30, личныхъ дворянъ 115, купцовъ 40, учителей гимназіи 9, учителей военнаго училища 2, приходскаго 1, студентовъ университета 2, учениковъ гимназіи 24, учениковъ семинаріи 8, канцелярскихъ служителей 25, разночинцевъ 20, мѣщанъ 5, вольноотпущенныхъ 2, временно-обязанныхъ крестьянъ 4 ²⁾. Въ 1864 году, начиная съ 25-го мая, читатели посѣтили бібліотеку 3664 раза, въ 1865 году 12415 (въ послѣдней цифрѣ 9630 мужчинъ и 2785 женщинъ). Наибольшій приливъ посѣтителей былъ въ январѣ, мартѣ и октябрѣ, наименьшій—въ лѣтніе мѣсяца. Движеніе суммъ: въ 1865 г. въ приходѣ было 2128 руб. 73 коп. (въ томъ числѣ билетъ Маринскаго

¹⁾ Хорошо памятный старожиламъ города Перми Петръ Ивановичъ Крапивинъ былъ горнымъ инженеромъ, но перешелъ въ гражданскую службу и во время управленія бібліотекою состоялъ на службѣ правителемъ канцеляріи губернатора; впоследствии былъ въ Перми-же губернскимъ прокуроромъ, а потомъ прокуроромъ окружнаго суда въ Казани, гдѣ и умеръ.

²⁾ По отношенію къ тогдашнему числу жителей города, выходитъ, что читателей было по одному человѣку: на 11,73 потомственныхъ дворянъ, на 5 личныхъ дворянъ, 41,75 духовенства, на 6,7 купцовъ, на 1082,3 мѣщанъ и на 44,8 разночинцевъ.

городскаго банка въ 1000 р.), въ число которыхъ поступило отъ подписчиковъ 1009 р. 57 к., по предписанію губернатора Лашкарева, отъ волостныхъ правленій, за проданную имъ памятную книжку Пермской губерніи 48 руб. и процентовъ по банковому билету 79 р. 16 коп. Изъ того числа израсходовано: въ возвратъ залоговъ 292 р. 26 к., на покупку книгъ и выписку періодическихъ изданій 544 р. 24 коп., на отопленіе и освѣщеніе помѣщенія библіотеки, на переплетъ книгъ, жалованье писцу и канцелярскіе припасы 292 р. 23 к. (Губ. Вѣд. 1866, № 42). По количеству названій, требовались преимущественно книги серьезнаго содержанія; къ сожалѣнію, о числѣ требованій на каждое названіе свѣдѣній нѣтъ.

12 ноября 1866 года состоялся приговоръ пермской городской думы относительно ходатайства о передачѣ публичной библіотеки изъ вѣдѣнія статистическаго комитета въ вѣдѣніе городскаго общества. Этотъ приговоръ состоялся вслѣдствіе предложенія губернатора, не пожелаетъ-ли общество принять библіотеку въ свое завѣдываніе? Губернаторъ, отъ 26 января 1868 г., за № 397, увѣдомилъ думу, что министерство внутреннихъ дѣлъ, въ предложеніи отъ 26 іюля 1867 за № 2070, по главному управленію по дѣламъ печати, изъяснило, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія въ 12 іюля, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: 1) Всѣ существующія въ городахъ Россійской имперіи городскія и общественныя публичныя библіотеки, изъявъ изъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, подчинить вѣдѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, по главному управленію по дѣламъ печати, на точномъ основаніи Высочайше утвержденнаго 6-го апрѣля 1865 года мнѣнія Государственнаго Совѣта о перемѣнахъ и дополненіяхъ въ цензурныхъ постановленіяхъ. 2) Директорамъ гимназій, въ городахъ, имѣющихъ оныя, и штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ въ уѣздныхъ городахъ состоять непремѣнными членами комитетовъ, завѣдывающихъ городскими и общественными библіотеками. Вслѣдствіе сего и имѣя въ виду, что о распубликованіи установленнымъ порядкомъ изложеннаго Высочайшаго повелѣнія министру народнаго просвѣщенія донесено Правительствующему Сенату и

также дано предложеніе по учебному вѣдомству о надлежачемъ исполненіи втораго пункта сего повелѣнія,— управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ просилъ губернатора: 1) Согласно изложеннымъ въ законоположеніяхъ 6 апрѣля 1865 года о печати правиламъ относительно книжной торговли и кабинетовъ для чтенія, сдѣлать распоряженіе какъ о подчиненіи надлежачему надзору существующихъ въ городахъ городскіихъ и общественныхъ публичныхъ библіотекъ, такъ и о примѣненіи установленныхъ правилъ ко всѣмъ подобнымъ заведеніямъ, объ открытіи которыхъ будутъ поступать ходатайства. 2) На основаніи ст. 26 § 3, т. III закона 6 апрѣля 1865 года, потребовать отъ всѣхъ вышеупомянутыхъ библіотекъ въ губерніи указанія постояннаго помѣщенія, въ которыхъ оныя будутъ находиться и свѣдѣній объ отвѣтственномъ въ каждомъ изъ сихъ заведеній лицѣ. 3) Согласно циркулярнаго предложенія министра внутреннихъ дѣлъ отъ 28 мая 1866 г., № 1052, доставить въ главное управленіе по дѣламъ печати свѣдѣніе о поступающихъ нынѣ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 12 іюля, въ вѣдѣніе министра внутреннихъ дѣлъ заведеніяхъ, а также не оставить сообщеніемъ таковыхъ свѣдѣній о вновь открываемыхъ заведеніяхъ, для сосредоточенія въ главномъ управленіи всѣхъ необходимыхъ по сему предмету данныхъ. Вслѣдствіе сего, губернское правленіе предписало всѣмъ по губерніи уѣзднымъ исправникамъ и полицеймейстерамъ, согласно изложеннымъ въ № 22 Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1865 годъ о печати правиламъ относительно книжной торговли и кабинетовъ для чтенія, принять въ свое завѣдываніе существующія въ городахъ городскія и общественныя публичныя библіотеки; на основаніи-же 26 п. Высочайше утвержденнаго 6 апрѣля 1865 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, потребовать отъ всѣхъ библіотекъ указанія и т. д... О подчиненіи-же находящихся въ г. Перми библіотекъ поручить распорядиться совѣтнику губернскаго правленія Фролову. Губернское правленіе, разсматривая вопросъ о передачѣ пермской общественной публичной библіотеки въ завѣдываніе городского общества, приходитъ къ тому заключенію, что эта библіотека, возобновленная въ 1863 году, при содѣйствіи публики, съ участіемъ лицъ разныхъ сословій, въ управленіи своемъ подчиняется коми-

тету, по правиламъ, изъясненнымъ въ уставѣ библіотеки, что передача библіотеки въ завѣдываніе кого-бы то ни было не иначе можетъ произойти, какъ по заключенію комитета, въ предѣлахъ предоставляемой ему уставомъ власти, или-же съ измѣненіемъ самаго устава. Какъ-же нынѣ городское общество изъявило желаніе принять библіотеку въ свое завѣдываніе, то вслѣдствіе этого, какъ комитетъ библіотеки, такъ и уставъ его, должны измѣниться, введеніемъ тѣхъ новыхъ правилъ, которыя обусловливаются измѣненіемъ въ порядкѣ завѣдыванія библіотекою. Но въ такомъ случаѣ, она должна подчиниться вѣдѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, на точномъ основаніи циркуляра 26 іюля 1867 года“.....

Только 10 іюля 1875 года, т. е. чрезъ 7 лѣтъ послѣ вышеприведеннаго сообщенія губернатора, завѣдывавшій библіотекою гласный городской думы Никифоровъ представилъ проектъ новаго устава, принятый городскою думою въ засѣданіи 23-го іюля. 18-го сентября проектъ этотъ представленъ губернатору.

Библіотека первоначально помѣщалась въ домѣ Шеина, а 1 мая 1878 года переведена въ домъ городского общества, гдѣ занимаетъ прекрасное помѣщеніе. Библіотека имѣетъ до 2000 названій книгъ и выписывала въ 1880 г. 73 періодическихъ изданія (нѣкоторыя изъ нихъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ). Отчеты библіотеки, къ сожалѣнію, не печатаются.

Неудовлетворительное состояніе публичной библіотеки, открытой по инициативѣ мѣстной администраціи, вызвало предпріимчивость со стороны частныхъ лицъ. Въ 1859 году открыта была первая такая библіотека преподавателемъ гимназіи А. А. Залезскимъ, въ компаніи съ пароходовладѣльцемъ Н. И. Ильинымъ, Д. Д. Смышляевымъ и чиновникомъ Е. А. Пупковымъ. Въ библіотекѣ этой было до 600 названій книгъ и выписывались слѣдующія періодическія изданія: Московскія Вѣдомости, Русскій Дневникъ (изд. П. И. Мельниковымъ), Сынъ Отечества (изд. Сенковскимъ), Иллюстрація, Искра, Отечественныя Записки, Современность, Русскій Вѣстникъ (послѣднія три изданія въ 3 экземплярахъ), Библіотека для чтенія, Педагогическій Вѣстникъ, Журналъ Садоводства, Собраніе иностранныхъ романовъ въ русскомъ переводѣ. Изъ иностранныхъ изданій получались: Independence Belge, Re-

vuc Contemporaine, Le Monte-Christo, Magazin des demoiselles, La Lecture, Die Welt Familien Zeitung и Payne's Universum. Въ слѣдующемъ затѣмъ году, бібліотека, отвѣчая на требованія публики, выписывала 14 русскихъ періодическихъ изданій, 8 французскихъ и 7 нѣмецкихъ. Плата за чтеніе, сколько помнится, была назначена довольно высокая; о числѣ и свойствѣ подписчиковъ свѣдѣній не сохранилось. Требования предъявлялись преимущественно по части беллетристики, менѣе на спеціальныя изданія. Библіотека закрылась, за выѣздомъ г. Залежскаго на службу въ Казань.

1 февраля 1860 года открыта вторая бібліотека чиновникомъ канцеляріи губернатора А. И. Иконниковымъ. Имѣя въ виду доставленіе возможности наибольшему кругу читателей пользоваться книгами и періодическими изданіями, содержатель назначилъ весьма умѣренную плату за чтеніе, именно по 5 рублей въ годъ. Дѣла бібліотеки пошли блестящимъ образомъ, но къ сожалѣнію, и она вскорѣ прекратила свое существованіе. Вышелъ какой-то переполохъ въ духовной семинаріи, началось слѣдствіе, окончившееся высылкою изъ Перми двухъ преподавателей и нѣкоторыхъ воспитанниковъ семинаріи въ другія губерніи, а вмѣстѣ съ ними и содержатели бібліотеки Иконникова (также бывшаго нѣкогда преподавателя семинаріи), сосланнаго въ Березовъ, Тобольской губерніи. Библіотека была запечатана и книги поступили впослѣдствіи въ городскую публичную бібліотеку.

Съ тѣхъ поръ попытки со стороны частныхъ лицъ къ учрежденію бібліотекъ для чтенія долго, почти въ теченіи 20 лѣтъ, не возобновлялись. Года два (1875—76) существовала, впрочемъ, скудная бібліотека какого-то Наумова, но безъ успѣха. Только въ 1879 г. возникла наконецъ бібліотека, открытая преподавателемъ реальнаго училища Р. Н. Рума, которая велась съ знаніемъ дѣла и удовлетворяла вполнѣ потребностямъ читающей публики. Мы имѣемъ о ней свѣдѣнія за 1880 и 81 годы (за 16 мѣсяцевъ), которыя могутъ дать нѣкоторое понятіе о потребности въ чтеніи пермскихъ жителей.

На 1-е января 1881 года, въ бібліотекѣ г. Рума было книгъ, по отдѣламъ:

Богословія	40 названій, въ	47 томахъ.
Логики, философіи и психологіи	60. " "	68 " "

Педагогика, дидактики и методики . . .	108	названій, въ 115 томахъ.
Правовѣднія, политическихъ и обществен- ныхъ наукъ	196	" " 207 "
Технологіи, строительнаго искусства и сельскаго хозяйства	70	" " 75 "
Исторіи	182	" " 270 "
Географіи, этнографіи, статистики и путе- шествій	196	" " 235 "
Астрономіи, математики и механики . . .	40	" " 46 "
Естествовѣднія и медицины	359	" " 434 "
Теоріи и исторіи словесности, критики . .	60	" " 93 "
Русской словесности	413	" " 555 "
Иностранной словесности	656	" " 765 "
Дѣтскихъ книгъ	169	" " 174 "
Искусствъ	13	" " 13 "
Справочныхъ книгъ	25	" " 25 "
Періодическихъ изданій	—	" " 933 "
	2587	" " 4055 "

Состояло подписчиковъ:

Къ 1-му февраля 1880 года	153
" " марта " "	140
" " апрѣля " "	139
" " мая " "	118
" " іюня " "	98
" " іюля " "	103
" " августа " "	101
" " сентября " "	140
" " октября " "	171
" " ноября " "	180
" " декабря " "	166
" " января 1881 " "	167
" " февраля " "	229
" " марта " "	234
" " апрѣля " "	238

Въ теченіи означенныхъ 16 мѣсяцевъ было выдано книгъ,
по отдѣламъ:

Богословія	53	тома.
Логики, философіи и т. д.	336	"
Педагогика, дидактики, методики	360	"
Правовѣднія, полит., экон. и общ. наукъ	248	"
Исторіи	1061	"
Технологіи	83	"
Сельскаго хозяйства	43	"
Математики	142	"
Географіи	586	"
Естествовѣднія и медицины	1263	"
Русской беллетристики	9710	"
Иностранной беллетристики	11240	"
Исторіи литературы	676	"
Дѣтскихъ книгъ	1996	"

Искусствъ	56	„
Справочныхъ книгъ	62	„
Журналовъ	9790	„
Книгъ на иностранныхъ языкахъ и въ томъ числѣ журналовъ	477	„

38,182 треб.

Изъ вышеизложеннаго можно вывести такого рода заключеніе: весьма вѣроятно, что чтеніе давно составляло насущную потребность пермскихъ жителей, но они не имѣли возможности ей удовлетворять, съ одной стороны, по недостаточности средствъ для выписки книгъ, а съ другой—по отсутствію частныхъ публичныхъ библіотекъ и по недоступности и плохому состоянію публичной общественной библіотеки. Какъ только послѣдняя была поставлена на надлежащихъ основаніяхъ, читатели явились въ значительномъ количествѣ; каждая изъ частныхъ публичныхъ библіотекъ имѣла также успѣхъ тотчасъ по своемъ открытіи. Что-же касается приведенныхъ свѣдѣній о библіотекѣ г. Рума, то они показываютъ, кромѣ того, несомнѣнную наклонность значительной части публики къ чтенію серьезному. Жаль, что мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, какого сорта читатели, по какимъ именно отдѣламъ, требовали книги. Можно, впрочемъ, съ вѣроятностію предположить, что большинство читавшихъ книги серьезнаго, болѣе или менѣе спеціальнаго, содержанія, были воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній.

Въ заключеніе, мы должны упомянуть еще объ одной библіотекѣ, доступной для общаго пользованія. Это „Справочная о Пермской губерніи Д. Д. Смышляева библіотека“, названная такъ по желанію учебнаго начальства и находящаяся при пермской гимназіи. Она пожертвована гимназіи мною—бывшимъ ея воспитанникомъ—на условіи, дабы всякій желающій могъ пользоваться книгами безпрепятственно, но не иначе какъ въ самомъ помѣщеніи гимназіи. Подробный каталогъ пожертвованныхъ книгъ былъ напечатанъ въ „Приложеніяхъ къ циркулярамъ по Казанскому учебному округу“ (1869 г., №№ 19—22). Библіотека состоитъ исключительно изъ книгъ, заключающихъ въ себѣ свѣдѣнія о Пермской губерніи.

VIII.

Типографіи въ городѣ Перми.

Типографія губернскаго правленія.—Ея исторія.—Частныя типографіи.

Первая типографія, возникшая въ Пермской губерніи, получила свое начало еще во времена намѣстничества, именно въ 1792 году. Поводы къ открытію ея изложены въ слѣдующемъ представленіи Пермскаго намѣстническаго правленія генераль-губернатору Волкову:

„Сего мѣсяца въ 1-й день, въ намѣстническомъ правленіи докладывано, что, при составленіи здѣшняго намѣстничества и бывшихъ прежде присутственныхъ мѣстъ, канцелярскихъ нижнихъ служителей вступило количество небольшое, почему по присутственнымъ мѣстамъ, открытымъ по новому образу Высочайшаго утвержденія, и настоялъ великой въ тѣхъ служителяхъ недостатокъ, о присылкѣ которыхъ, для укомплектованія положеннымъ числомъ, хотя и было представлено въ Правительствующій Сенатъ и сообщаемо къ преосвященнымъ архіереямъ Вятскому и Тобольскому, съ тѣмъ, дабы они, выбравъ изъ семинаристовъ, прислали къ опредѣленію въ приказные служители, отъ коихъ хотя и были присланы, но присутственныхъ мѣста полнымъ числомъ служителей не укомплектованы; дѣль-же по намѣстническому правленію бываетъ въ производствѣ великое количество, отъ чего въ перепискѣ, а паче исходящихъ дѣль, происходитъ медленность; къ успѣшному-же оныхъ исходящихъ дѣль теченію другихъ способовъ намѣстническое правленіе не находитъ какъ только имѣть при ономъ типографію; ибо оныя, именнымъ Ея Императорскаго Величества указомъ, даннымъ Сенату въ 15 день января 1783 года, заводитъ всякому, яко фабрики, позволено, и для того, въ канцелярію Императорскаго Московскаго университета, съ приложеніемъ потребнаго числа литеръ и прочаго къ печатанію регистра, сообщено, и требовано, дабы благоволила (канцелярія) намѣстническое правленіе увѣдомить, можетъ-ли регистраторъ значущіяся въ регистрѣ потребныя къ напечатанію литеры и прочія вещи продать, по какой именно что цѣнѣ, такъ равно и нѣтъ-ли въ вѣдомствѣ ея желающаго быть въ здѣшнемъ намѣстничествѣ тередорщика и съ какимъ въ годъ жалованьемъ. Вслѣдствіе

чего, сообщеніемъ, помянутая канцелярія, съ рапорта содержателя типографіи прапорщика О कोरोкова, увѣдомляетъ, что хотя въ настоящее время и нѣтъ у него въ готовности требуемаго количества литеръ; но если о приготовленіи оныхъ заблаговременно увѣдомленъ онъ будетъ, съ тѣмъ, что здѣшнее правленіе согласится заплатить, по нынѣшней на всѣ матеріалы дороговизнѣ, за пудъ по сорока рублей, то въ непродолжительномъ времени, по регистру, комплектное число ихъ, а съ ними и нижеслѣдующія вещи, по полученіи за всѣ тѣ денегъ, онъ отпустить можетъ; имянно-же: тередорной подержанной станъ за двѣсти рублей, кассу каждую за четыре рубли, верстаки желѣзные съ ключемъ по рублю по пятидесяти копѣекъ, кожи бараньей лутшей доброты по два рубля, конской вареной гривы фунтъ по 15 копѣекъ; доставленіе сихъ вещей въ Пермь предоставляеть на попеченіе здѣшняго правленія. Охотниковъ-же изъ типографіи быть при правленіи тередорщикомъ никого нѣтъ. А по учиненной здѣсь Пермскаго верхняго земскаго суда засѣдателемъ Филиповымъ смѣтѣ необходимо денегъ, за 20 пудъ литеръ, полагая каждый по 40 рублей, восемь-сотъ рублей, за станъ тередорной 200 рублей, за 4 кассы для положенія литеръ, по 4 р. за каждую, 16 рублей, за 4 верстака желѣзныхъ съ ключами, по 1 руб. по 50 коп. каждый, 6 рублей, за 4-жъ рамы желѣзныя, каждую по три руб., 12 руб., за 5 кожъ лайковыхъ, по два рубля, 10 руб., за 20 фунтовъ конской вареной гривы, по 15 к. каждый, три рубля, на увязку станка, за рогажи, веревки, за сажу, ящикъ для положенія литеръ и за сани 35 р.; прогоновъ посланному за привозомъ оныхъ вещей, на передній и обратній пути, за двѣ лошади, 100 руб. 72 коп.; за провозъ оныхъ литеръ и вещей сюда примѣрно 100 рублей; итого 1282 руб. 72 коп., а тередорщикомъ быть желаніе объявилъ верхняго земскаго суда сторожъ Иванъ Петровъ; и для того намѣстническое правленіе опредѣлило: за отысканіемъ въ покупку необходимо потребныхъ для типографіи литеръ и прочихъ вещей, командировать въ Москву онаго господина верхняго земскаго суда засѣдателя Филипова, которому давъ прочетной указъ, съ приложеніемъ потребнымъ литерамъ регистра, велѣтъ, взявъ съ собою желющаго быть въ тередорщикахъ сторожа Петрова, въ Москву отправиться,

гдѣ стараться оныя литеры и вещи въ казенныхъ или партикулярныхъ мѣстахъ искупивъ за сходныя цѣны, доставить въ сіе правленіе, равно и сторожа, по обученію гдѣ слѣдуетъ тередорному искусству, и о семъ вдѣшнее намѣстническое правленіе вашему высокопревосходительству симъ доносить“.

Въ маѣ 1792 года, Филиповъ, исполнивъ порученіе, представилъ счетъ, въ которомъ показалъ въ расходѣ: на проѣздъ свой до Москвы (50 р. 36 к.), на покупку типографскихъ и канцелярскихъ принадлежностей, 50 стопъ бѣлой бумаги (по 2 руб. за стопу) и 100 стопъ сѣрой (по 1 р. 20 к.), на укупорку и на обратный проѣздъ до Перми съ купленными предметами, на четырехъ парахъ (160 р.), всего 172 руб. 80 коп.

Типографія открыта не позже начала второй половины 1792 года, ибо въ этомъ-же году была напечатана „въ Перми, при намѣстническомъ правленіи“, сохранившаяся въ дѣлахъ приказа общественнаго призрѣнія брошюра штабъ-лекаря Гамалѣя: „О сибирской язвѣ и о ея народномъ леченіи, съ прибавленіемъ о скотскомъ падежѣ и о осторожностяхъ, бываемыхъ во время падежа“¹⁾. Затѣмъ, въ 1800 году, несомнѣнно въ той-же типографіи, хотя на заглавномъ листѣ не обозначено мѣсто изданія, было напечатано: „Историко-географическое описаніе Пермской губерніи, составленное для атласа“, in-folio, на 267 нумерованныхъ страницахъ. Это описаніе было составлено для „Атласа Россійской имперіи, изданнаго при горномъ училищѣ въ С.-Петербургѣ“, по всей вѣроятности, подъ руководствомъ просвѣщеннаго и дѣятельнаго пермскаго губернатора Карла Фёдоровича Модераха. Оно вошло впослѣдствіи, въ качествѣ матеріала, въ „Хозяйственное описаніе Пермской губерніи“, составленное директоромъ народнаго училища въ Перми Никитой Савичемъ Поповымъ, которое было напечатано, въ первый разъ, въ 1804 году²⁾, въ той-же типографіи (переименованной уже въ типографію пермскаго губернскаго правленія), in-folio, въ 2 томахъ.

¹⁾ Перепечатана мною въ Пермскихъ Губернск. Вѣдомостяхъ 1881 г.

²⁾ Это описаніе издано вторично И. Вольнымъ Экономическимъ обществомъ, въ 1811—13 годахъ, въ 3 томахъ in 4°, съ картою Пермской губерніи и съ рисунками. Въ немъ нѣсколько сокращена противъ перваго изданія исторія горныхъ заводовъ.

Были-ли печатаны другія изданія въ пермской типографіи до 1840-хъ годовъ, неизвѣстно; но въ дѣлахъ пермскаго намѣстничества сохранилось слѣдующее любопытное письмо генераль-губернатора Волкова къ П. В. Завадовскому, отъ 16 января 1792 года:

„М. Г. Петръ Васильевичъ! Въ уставѣ народнымъ училищамъ, въ § 110, изъяснено, что книгопечатню или типографію дозволяется имѣть токмо главному правительству народныхъ училищъ; также и продажа потребныхъ для училищъ книгъ присвоится единственно ему-же, почему и перепечатывать оныхъ, безъ позволенія сего правительства, нигдѣ не можно. Но какъ доставленіе книгъ изъ назначеннаго въ помянутомъ уставѣ мѣста въ губерніи, ввѣренныя мнѣ, въ которыхъ народныхъ училищъ довольно много, сопряжено съ немалыми неудобствами и затрудненіями, слѣдовательно и училища и учащіяся не могутъ снабжены быть такъ, какъ-бы желалось, а я завелъ здѣсь въ Перми типографію, для печатанія указовъ намѣстническаго правленія и прочаго, что будетъ нужно, то и прошу покорнѣйше ваше превосходительство, дабы отъ главнаго училищнаго правительства дано было позволеніе, въ пользу училищъ, подъ присмотромъ приказа общественнаго призрѣнія, перепечатывать потребныя для нихъ учебныя книги въ здѣшней типографіи. Впрочемъ, удостовѣряю, что емь и пребуду навсегда къ вамъ“ и т. д.

Въ 1840, а можетъ быть еще и въ 1839 году, была напечатана въ губернской типографіи книга, подъ заглавіемъ: „Анатомическій ножъ, или разсмотрѣніе внутренняго человѣка“, соч. Льва Ибаева, артиллерійскаго офицера, сосланнаго въ Пермь одновременно и чуть-ли не по одному дѣлу съ Герценомъ. Книжка эта, какъ сочиненіе философское и произведеніе мѣстнаго автора, произвела своимъ появленіемъ извѣстный эффектъ. Содержаніе ея, впрочемъ, могло свидѣтельствовать лишь о ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей автора. Помнится, она удостоилась злой рецензіи Библиотеки для чтенія, издававшейся тогда Сенковскимъ.

Въ 1862 году напечатана была „Памятная книжка Пермской губерніи на 1863 г., изданная при пермскомъ губернскомъ правленіи редакторомъ неофициальной части Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей С. С. Самуи-

домъ Самуиловичемъ) *Пенномъ*⁴. Книжка составлена для того времени весьма хорошо и заключаетъ въ себѣ интересные историческія и физическія данныя.

Послѣ того въ губернской типографіи были напечатаны еще нѣсколько мѣстныхъ адресъ-календарей. О другихъ изданіяхъ мы свѣдѣній не нашли.

Старѣйшая по времени частная типографія была открыта въ Перми заводовладѣльцемъ д. ст. сов. А. В. Всеволожскимъ, съ литографіею при ней, въ 1855 г., и существовала подъ его фирмою до 14 октября 1859 года. Затѣмъ она перешла въ собственность вольно-отпущеннаго г. Всеволожскаго Ивана Ивановича Чиртулова; съ 1874 г. находилась въ арендномъ содержаніи у пермскаго мѣщанина Егора Ильича Заозерскаго, съ 12-го октября 1879 года вдовою умершаго Чиртулова сдана въ арендное содержаніе пермскому мѣщанину Ивану Петровичу Рѣпнину.

Слѣдующая за сею частная типографія была открыта 30 апрѣля 1856 г. чиновницею Александрою Сунгуровой, отъ которой 16 августа 1865 года перешла во владѣніе чиновницы Елизаветы Поповой, а сею послѣднею 30-го сентября 1875 г. продана чиновницѣ Лидіи Никифоровой, отъ которой 17 марта 1880 года приобрѣлъ ее пермскій мѣщанинъ (нынѣ 2 гильдіи купецъ) Петръ Филипповичъ Каменскій. Въ ней печатаются съ самаго основанія ихъ Пермскія Епархіальныя Вѣдомости и были отпечатаны въ разное время нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій.

Въ ней-же печатался „Сборникъ Пермскаго земства“ съ 1872 по 1875 годъ.

20-го мая 1870 года разрѣшено открытіе типографіи пермскому мѣщанину Ивану Денисовичу Третьякову (открыта 1-го іюля). Она занята исключительно печатаніемъ бланковъ.

Въ 1874 году, съ 1-го октября, открыта типографія при губернской земской управѣ. Она преимущественно работаетъ для губернскаго и уѣздныхъ земствъ. Въ ней же печатается съ 1875 г. „Сборникъ Пермскаго земства“ и были отпечатаны нѣсколько книгъ.

6-го сентября 1873 года открыта типографія коллежскимъ регистраторомъ Васильемъ Ивановичемъ Геннихъ, печатающая разнаго рода бланки, объявленія и журналы уѣздныхъ земскихъ собраній.

Типографія пермскаго купца Егора Ильича Заозерскаго открыта 11 января 1874 г. При ней существуетъ хорошая литографія. Исполняются заказы всякаго рода, печатаются журналы земскихъ управъ и разнаго рода бланки, ярлыки, географическія карты и т. д.

Изъ отдѣльныхъ изданій въ ней были напечатаны: Адресъ-календарь Пермской епархіи на 1877 г., составленный протоіереемъ Александромъ Оглоблинымъ (1877 года, стр. 174).

Итакъ, въ Перми существуетъ семь типографій, располагающихъ слѣдующими средствами:

	Скоропеч. машинъ.	Ручныхъ станковъ.	Литограф. станковъ.	Прессовъ.	Перф. маш.
Губернскаго правленія	1	3	1	1	—
Чиртулова (содерж. Рѣпинъ)	—	1	2	—	—
Каменскаго	1	2	—	—	—
Третьякова	1	2	—	—	1
Геннихъ	2	1	—	—	—
Заозерскаго	2	2	3	—	—
Губернской земской управы	2	2	—	1	—
	9	13	6	2	1

	Набор-щико-въ.	Учени-ковъ.	Печат-никовъ.	Батыр-щико-въ.	Наклад-щико-въ.	Вертель-щико-въ.	Машини-стовъ.
Губернскаго правленія	18	1	2	—	2	4	1
Чиртулова	—	—	2	—	—	—	—
Каменскаго	6	—	3	7	—	—	—
Третьякова	5	3	4	4	4	4	—
Геннихъ	4	—	1	—	3	4	—
Заозерскаго	6	2	4	2	4	3	—
Губернской управы	12	5	2	2	6	8	1
	51	11	18	15	19	23	2

IX.

Врачебная часть въ Перми, въ періодъ намѣстничества.

Вся медицинская часть въ губерніи была подвѣдома приказу общественнаго призрѣнія. Первымъ врачомъ въ Перми былъ докторъ Карлъ Крокъ. Въ 1783 году назначенъ, вмѣсто него, „отправляющимъ докторскую должность“ штабъ-лекаръ Михайло Леонтьевичъ Гамалѣя, происходившій изъ малороссійскихъ дворянъ и начавшій свое медицинское поприще съ 1769 года лекарскимъ уче-

никомъ, въ 1771 году получившій званіе подлекаря, въ 1780—лекаря, а въ 1781—штабъ-лекаря. При немъ состоялъ по городу Перми лекарскій ученикъ Егоръ Ивановичъ Карповъ. Помощникомъ Гамалѣи по г. Оханску былъ штабъ-лекарь Карлъ Пренсеръ*).

Въ 1788 году докторъ Гамалѣи былъ командированъ въ Петербургъ, для соглашенія съ дрогистами о доставленіи пермскому приказу медикаментовъ, а въ 1792 году докторъ Фелькнеръ былъ отправленъ туда-же, для приглашенія врачей на службу въ Пермскую губернію. 15 марта онъ пишетъ генераль-губернатору по-нѣмецки, а учитель главнаго народнаго училища Иванъ Рейхвальдъ переводитъ его письмо по-русски такимъ образомъ:

„Симъ честь имѣю васъ увѣдомить, что я по прибытіе моемъ 3 фѣвраля письмо вашего высокопревосходительства (Hochgebietender Herr) господину генералу и кавалеру Турченинову самолично вручилъ; онъ-же общалъ, съ моею обратномъ отъѣздѣ, на оное вашему высокому превосходительству отвѣчать. Касающійся до финляндской Ландролла (Landrolle von Finnland—вѣроятно, реэстръ финляндскихъ изданій), то, по засвидѣтельствованію всѣхъ здѣшнихъ книгопродавцевъ, съ 1765 года, ни одинъ экземпляръ не вышелъ; слѣдовательно, сколько я не старался, ни въ какую книжную лавкѣ найти не могъ, почему я адресовался къ ригскому книгопродавцу Гарткноха (Hartknoch), чтобъ онъ, какъ можно, мнѣ оное доставилъ. Въ прочемъ, тѣ по реэстру о Финляндіи писанія книги имѣть можно и за удовольствіе почту ихъ, какъ скоро вами повелѣно будетъ, самолично доставить.

„Отъ пермской правленіе мнѣ данной приказъ о привлеченіи гг. лекарей и подлекарей я медицинскому коллегію докладывалъ, и три дня тому назадъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ господинъ фонъ-Фитингофъ на то мнѣ отвѣчать изволилъ, что въ прошед-

---

*) Въ 1787 г., по дѣламъ, значатся: въ Перми и Соликамскѣ штабъ-лекарь Гамалѣя, въ Обвѣ докторъ Крокъ и лекарь Барчъ, въ Чердынн лекарь Ануфрій Ровневъ, въ Оханскѣ и Осѣ докторъ Карлъ Пренсеръ и лекарь Цильманъ, въ Кунгурѣ и Красноуфимскѣ докторъ Іоганнъ Христіанъ Шереръ, штабъ-лекарь Целинскій и подлекарь Петръ Барулинъ, въ Екатеринбургѣ и Камышловѣ докторъ Фелькнеръ и лекарь Павелъ Орловскій, въ Березовскомъ заводскомъ госпиталѣ лекарь Лондъ, въ Ирбити и Алапаевскѣ лекарь Карлъ Керстенъ, въ Верхотурѣ лекарь Поступальскій, въ Шадринскѣ и Далматовѣ штабъ-лекарь Зейдель.

шемъ мѣсяцѣ въ мною объявленною копіе опредѣленіи о принятыхъ особъ, хотя двойное жалованья, но прогоннія деньги не положены, то весьма дальнее путешествіе отвращаетъ ихъ на собственномъ иждивеніи ѣхать, почему онъ мнѣ совѣтовалъ къ пермскому правленію вскорѣ о томъ рапортовать и ожидать отъ ней письменное повелѣніе.

„Сіе, и противъ моего желанія, нерѣшенное дѣло, да къ обратной путешествіе препятствуетъ мнѣ тридневное внобучая лихорадка да и еще попорченой зимней путь; поему принужденнымъ нахожусь вашему высокопревосходительству попросить, дабы мнѣ позволено было мое путешествіе до лѣтнаго пути откладывать.

„Отъ находящемуся при швецкомъ дворцѣ російскому посла господина фонъ-Стакельберга, вчерашняго числа, чрезъ нарочитаго, пришла вѣдомость, что нѣкоторой Аксельстиерна (ein gewisser Axelstierna) противъ короля швецкаго, на публичномъ балѣ, разбойническимъ образомъ выстрѣлилъ, что его жизнь тѣмъ болѣе въ опасности, понеже орудіе рубленнымъ свинцомъ и гвоздями зарежено было, а зарядъ, при отъѣздѣ курьера, еще найти и вынуть не можно было.

„Если ваше высокопревосходительство благоволите меня удостоить отвѣтомъ, что адресъ слѣдуетъ: въ домъ коллегскаго совѣтника и кавалера Галласа, за Калинкинскимъ мостомъ, № 1239“.

Приглашеніе врачей поручено было Фелькнеру, вѣроятно, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, имѣлось въ виду устройство въ Перми госпиталя, во-вторыхъ, какъ показываютъ многочисленныя переписки, первоначальный составъ медицинскихъ чиновъ въ губерніи далеко не удовлетворялъ своему назначенію. Мѣстныя власти жаловались на врачей, врачи на подлекарей и учениковъ. Нельзя сказать, чтобъ и положеніе послѣднихъ было удовлетворительно. Нѣкоторые врачи употребляли ихъ вмѣсто домашней прислуги, а врачъ Поступальскій держалъ даже ученика Митрофанова въ цѣпяхъ, который, освободившись отъ нихъ, бѣжалъ къ доктору Кроку, взявшему его подъ свое покровительство. Не видно жалобъ только на врача Гамалѣю.

12 мая 1791 года государственная медицинская коллегія увѣдомила приказъ общественнаго призрѣнія, что

„8 мая 1791 года, медицины докторъ Иоганнъ Фридрихъ *Граль*, по достоинству при экзаменѣ, опредѣленъ въ пермское намѣстничество, съ жалованьемъ 600 руб. въ годъ, съ выдачею онаго за треть впередъ“ и прогонныхъ денегъ на три лошади. Это тотъ Граль, который, впоследствии, прослуживъ въ Перми 44 года, оставилъ по себѣ, какъ врачъ-филантропъ, неизгладимую память.

Федоръ Христофоровичъ (онъ-же Иоганнъ Фридрихъ) Граль, сынъ лютеранскаго пастора, родился въ Россіи; „въ 786 году начало ученія сдѣлалъ въ кievской аптекѣ Бунге; въ 787 году продолжалъ ученіе въ медико-хирургическомъ институтѣ, въ С.-Петербургѣ, подъ начальствомъ коллежскаго совѣтника Рейнка, которымъ, во время швенцкой войны, былъ посланъ въ кронштадтскій гофшпиталь. Возвратясь, получилъ въ 789 году 12 іюля лекарское достоинство и, желая продолжать ученіе, уволенъ въ иностранныя государства, гдѣ удостоенъ доктора медицины и хирургіи, въ какомъ званіи утверждёнъ государственною медицинскою коллегіею 12 мая 1791 г.“

Пріѣхавъ Федоръ Христофоровичъ въ Пермь 25 іюля 1791 года и 3 августа приказъ общественнаго призрѣнія опредѣлилъ: „того доктора Граля въ города Ирбитъ и Алапаевскъ помѣстить, и по случаю надобности въ медицинскихъ чинахъ, находится ему, Гралю, здѣсь, въ губернскомъ городѣ“.

Въ 1784 году приказъ озабочивается учрежденіемъ въ Перми аптеки и проситъ государственную медицинскую коллегію назначить, для управленія ею, гезеля, на что получается въ отвѣтъ, что „гезелю учрежденіе аптеки ввѣрить не можно“. Тогда генераль-губернаторъ Кашкинъ обращается съ письмомъ къ президенту означенной коллегіи Алексѣю Андреевичу Ржевскому, прося „объ опредѣленіи, вмѣсто гезеля, хотя аптекаря или провизора, но на первый случай назначивъ ему жалованье не въ превосходномъ количествѣ, дабы вновь учрежденная аптека, въ первомъ основаніи своемъ, не могла быть обременена излишними расходами“. Коллегія назначила аптекаремъ Герберта Дидриха Дрейера.

8 февраля 1786 года приказъ предписалъ Дрейеру принять отъ доктора Крока имѣющіеся у него на рукахъ купленные приказомъ медикаменты, инструменты и деньги. Дрейеръ принялъ первыхъ на 433 р. 56 коп., а денегъ

7 р. 17 к. Дрейеру назначенъ окладъ 400 р. въ годъ. 11 марта 1786 года, вольный аптекаръ Богданъ Танненбергъ отправилъ изъ Москвы медикаментовъ для аптеки на 1581 р. 36 к. Сумма эта переведена ему приказомъ чрезъ повѣреннаго князя Голицына Константина Кокшарова 6 іюля 1786 года. 28 мая того-же года присланы смотрителемъ екатеринбургской школы въ аптеку два ученика. Въ томъ-же году аптекаръ жалуется, что въ помѣщеніи аптеки протекаетъ крыша и медикаменты портятся по неимѣнію ледника и другихъ необходимыхъ помѣщеній. Приказъ распорядился произвести въ зданіи поправки.

Изъ дѣлъ видно, что, съ ноября 1785 года по 1-е января 1787, выручено аптекою, по рецептамъ и безъ оныхъ, 1041 р. 61½ к., изъ коихъ въ долгу (за чиновниками) 267 р. 74 к. Израсходовано 764 р. 95½ к. и на лицо оставалось 8 р. 92 к. Въ 1786 году отпущено, на счетъ приказа, лекарствъ: для острогу на 13 р. 8 коп., для больныхъ коровъ на 37 р. 40 к. и для бѣдныхъ на 7 р. 24 к., всего на 57 р. 72 к.

Въ 1796 году опредѣленъ аптекаремъ иностранецъ, купеческій сынъ Иванъ Егоровъ Кнутъ.

Х.

Изъ дѣятельности пермскаго приказа общественнаго призрѣнія.

Изъ дѣлъ приказа общественнаго призрѣнія видно, что генераль-губернаторъ Кашкинъ весьма заботился объ устройствѣ общественныхъ и благотворительныхъ учреждений и вообще о нуждахъ недостаточныхъ жителей края. Такъ, на примѣръ, проѣзжая въ Тобольскъ, онъ присылаетъ въ приказъ общественнаго призрѣнія изъ Екатеринбурга, отъ 18 октября 1783 года, слѣдующее „Примѣчаніе“:

„1) О подрядѣ лѣсу для постройки церкви для усопшихъ и для выстроенія при оной-же богадѣльни и съ больницей для нищихъ и неимѣющихъ покрова и нынѣ имѣющихся туда перевести; какимъ-же планомъ и фасадомъ церкви быть съ богадѣльней и оградой, не премину изъ Тобольска прислать планъ, фасадъ и смѣту.

„2) Для фундаментовъ, какъ подъ церковь и подъ прочія строенія, къ возведенію вновь предполагаемыхъ, выломать и пригготовить плиты, и

„3) Вызвать чрезъ нижніе земскіе суды изъ всѣхъ уѣздовъ желающихъ наняться въ плотники, а паче изъ государственныхъ, Чердынскаго и Соликамскаго уѣздовъ по отправленію судовъ съ солью и по сдачѣ солосваренныхъ дровъ, дабы выработывали взятой заимообразно изъ казны хлѣбъ, и хотя-бы вольножелающихъ въ довольномъ числѣ не отыскалось, то выслать по наряду изъ числа тѣхъ, которые хлѣбомъ забрались, а что оныя плотничную работу знаютъ, въ томъ нѣтъ сумнѣнія, потому что ежегодно строятъ суда; равномерно вызвать въ работу изъ крѣпостей, лежащихъ по большой сибирской дорогѣ, гдѣ люди весьма бѣдно живутъ, за неурожаемъ въ нынѣшнемъ году хлѣбовъ, будучи еще и прежде изнурены работами и нерадѣніемъ своимъ къ хлѣбопашеству, также сплавомъ казенныхъ коломенокъ и пригготовленіемъ оныхъ, почему всѣ къ плотничной работѣ приобькли.

„Въ уставщики-же къ работамъ нанять изъ заводскихъ мастеровыхъ, изъ казенныхъ и изъ партикулярныхъ, употребя просьбу въ конторы господскія, которымъ, по одному и по два человѣка отпустить, никакой трудности не будетъ.

„Въ лѣсѣ къ строенію никакой остановки быть не можетъ, ибо сколько надобно, столько изъ верхокамскихъ урочищъ, по подряду, получить можно; но можетъ остановка быть въ доскахъ на полы, на потолки и на крыши и въ кирпичахъ для печей, то о томъ надлежитъ принять надлежащія мѣры благовременно; лѣсъ подрядить не токмо изъ вышеписанныхъ урочищъ, но и зимней поставкой, изъ ближайшихъ къ Перму лѣсовъ, откуда вице-губернаторъ Лапухинъ подряджалъ, при первоначальномъ строеніи, о чемъ казначей Корниловъ и землемѣръ Мелешенковъ знать должны совершенно.

„Доски потребной пропорціи заказать пилить на Холмовской и Пыскорской мельницахъ и посредствомъ ручныхъ пилъ, чрезъ хранящихся подъ стражей, каковымъ средствомъ и онымъ пропитаніе снищется, и отъ вредной праздности, безъ движенія въ кордегардіи, охранятся, а въ случаѣ недостатка—съ мельницы Хлѣбникова, что близъ Кунгура.

„Кирпичъ-же неминусемо должно выжечь близъ города, то благовременно сарай и потребныя дрова приуготовить, или гужевой зимней перевозкой или водянымъ сплавомъ, съ поставкою къ сараямъ, которыя, ежели и сберутся близъ рѣки Камы, то сплавка дровъ водою удобнѣе, а ежели на поверхности горы, то зимой возить дрова кажется полезнѣе для того, что съ воды до кирпичныхъ сараевъ перевозка лѣтняя дровамъ можетъ быть весьма затруднительна; ежели-же можно отыскать желающаго поставщика на потребное количество кирпича, по сходной цѣнѣ, то всего лучше.

„4) Какъ будущей весною назначается строенія вновь не мало, а именно: церковь съ оградой и богадѣльнями, работной домъ, гошпиталь, подъ которой и мѣсто вычистить потребно, школа, къ которому востребуется не малое число работниковъ, а какъ въ нынѣшнемъ году хлѣбъ не во всѣхъ мѣстахъ хорошо уродился, отчего въ будущую весну оному возвышенія цѣнъ ожидать должно, то не благоволятъ-ли приказъ общественнаго призрѣнія, къ сохраненію равной цѣны, а тѣмъ болѣе для вѣрнѣйшаго пропитанія работниковъ до новой жатвы, приказать, на имѣющіяся въ ономъ деньги, нынѣшней зимой, въ окрестностяхъ города Осы, купить до 1000 кулей, которые и приплавить по вскрытіи рѣкъ; а дабы, во время распутицы, въ хлѣбѣ недостатка не было, да и цѣна оному на торгу знатно не поднялась, то въ зимніе мѣсяцы, на торгахъ искупить до 500 четвертей и оной хранить до того времени, какъ распутица настанетъ, во время которой, усмотря возвышеніе цѣны, приказать оной изъ магазиновъ къ народному продовольствію продавать, по тѣмъ цѣнамъ, какъ обойдется, съ покупкою кулей и съ наложеніемъ указныхъ шести процентовъ на весь капиталъ, который въ оборотѣ находился, чрезъ что капиталу законное приращеніе послѣдуетъ и народъ должное попеченіе о его сохраненіи почувствуетъ.

„5) Для построенія рабочаго и протчивъ домовъ, въ силу Высочайшихъ учрежденій, главы 25-й, статьи 390 и 391-й, представляются разсужденію моему два удобныя мѣста, а именно: первое на крутой горѣ, что противъ города Перма на правомъ берегу рѣчки Ягошихи*); но

---

*) Красная гора, что за р. Ягошихой.

въ разсужденіи крутаго входу на оную и можетъ быть за неотысканіемъ въ близости воды, которую изъ рѣки Камы взносить было-бъ весьма затруднительно, сіе мѣсто къ избранію будетъ неудобно; второе—подъ горою, между оною и идущею дорогою на Мотовилихинскій заводъ, *идъ нынѣ кожевенный заводъ застроенъ, которому тутъ существовать не можно, для того, что вся работы, портящія воду, въ числѣ которыхъ кожевенная наипаче протчихъ, сверху теченія водъ построены быть не должны, дабы вода koliko можно помимо селенія протекала безъ поврежденія.* Однако, которое-бы мѣсто подѣ такое зданіе избрано не было, но неминуюемо должно оное обвести каналомъ и укрѣпить палисадникомъ, для охраненія отъ утечки и для уменьшенія стражи, каковую работу произвести будетъ можно посредствомъ содержимыхъ подѣ стражею колодниковъ; но какъ для таковой потребны разныя орудія, именно: топоры, лопатки, кирки, мотыги и ручныя пилы, то и надлежитъ благовременно оныя заказать и имѣть въ запасномъ береженіи до вчинанія работъ“.

5 мая 1785 года Кашкинъ предлагалъ приказу общественнаго призрѣнія слѣдующее:

„Какъ между всѣми чинимыми распоряженіями ко вспоможенію нуждающимся въ пропитаніи жителямъ не вижу я способовъ, непосредственно отъ обязанности приказа общественнаго призрѣнія зависящихъ, то нижеслѣдующее предложить долгомъ себѣ и поставляю:

Прежде узаконенныя горныя школы, устроенія оныхъ вновь и учрежденіе работныхъ домовъ зависить непосредственно отъ приказа, каковыми весьма удобное пособіе дѣлать можно тѣмъ:

1. Бѣдныхъ мастеровыхъ мужескаго пола дѣтей, которыхъ, по молодости лѣтъ, никакого оклада еще не получаютъ, предпочтительно записывать въ горныя, нынѣ существующія уже школы, съ назначеніемъ нѣкотораго оклада: напротивъ-же того, дѣти отцовъ, которыхъ безнуждное пропитаніе имѣютъ, могутъ обучаться въ школь и безъ полученія окладовъ, по естественному праву, дабы нуждающійся предѣ имущимъ имѣлъ въ пропитаніи во всякое время предпочтеніе.

2. Для тѣхъ-же нуждающихся семей женскаго пола учредить въ Екатеринбургѣ прядильный дворъ, безъ

отлагательства, избраніемъ изъ казенныхъ домовъ большаго покоя, и купя прялки, веретена и ленъ, и дозволить всему нуждающемуся въ пропитаніи женскому полу приходить прясть, производя за оное плату, каковымъ средствомъ неимущіе будутъ имѣть пропитаніе, а приказъ общественнаго призрѣнія никакого убытка имѣть не можетъ, ибо чрезъ продажу пряжи выручатся не токмо употребленный капиталъ, но и проценты. Кажется, что въ такомъ заведеніи остановки быть не можетъ, ибо прялокъ, во всѣхъ деревняхъ и городахъ, весьма скоро искупить можно, также скоро получить можно въ покупку и льну; слѣдовательно, къ сему заведенію и не состоитъ никакого препятствія, а чрезъ таковое основаніе гораздо болѣе будетъ бѣднымъ помощи, нежели *чрезъ раздачу въ милостыню нѣкотораго количества денегъ*. Въ разсужденіи чего и ласкаюсь, что приказъ общественнаго призрѣнія не оставитъ въ томъ принять, по носимому служенію, потребныя мѣры, ибо въ нужныхъ случаяхъ всякое отлагательство можетъ въ послѣдствіи означить невозвратный вредъ, къ чему доказательствомъ могу привести данное мною предложеніе въ половинѣ генваря мѣсяца о закупкѣ хлѣба въ пермскій магазейнъ, по зимнему привозу, и если-бъ сіе мое мнѣніе немедленно въ исполненіе приведено было, то-бъ, до наступленія весны, не малое количество было хлѣба въ запасномъ магазейнѣ, изъ котораго-бъ, по вскрытіи рѣки, можно-бъ было во всѣ мѣста водою и гужомъ розослать.

3. Въ городѣ Пермѣ, съ береговъ котораго знатное количество судовъ съ разными припасами отправляется, заложить дѣланіе къ судоходству потребныхъ веревокъ, и хотя-бъ, на первый случай, меньшей пропорціи канатовъ, каковая работа во всѣхъ старыхъ городахъ производится. На таковое-же основаніе не весьма большой капиталъ потребенъ; но выручка оному, по незаведенію еще таковаго мастерства, весьма вѣрна, а сею работою бѣдные жители могутъ имѣть во всякое время пособіе къ ихъ пропитанію; въ случаѣ-же недостатка къ сей работѣ вольноопредѣляющихся, можно употребить изъ содержащихся подъ стражею мужеска и женска пола.

4. Въ прошедшемъ 1784 году преподавалъ я приказу общественнаго призрѣнія мое мнѣніе о заведеніи въ городѣ Перми пиленія досокъ, посредствомъ ручныхъ

пиль, и о приготовленіи къ тому бревенъ; но что по тому учинено, и понынѣ никакого увѣдомленія не имѣю, а потому и сію работу завести рекомендую безъ отлагательства“.

16 апрѣля 1787 года Кашкинъ пишетъ приказу:

„Получа отъ сего приказа увѣдомленіе отъ 10 апрѣля № 130, о вступившихъ въ оный съ открытія намѣстничества налагаемыхъ въ пеню и зарабатываемыхъ преступниками по приговорамъ судебныхъ мѣстъ деньгахъ 1624 руб. 9½ коп., долгомъ себѣ поставляю предложить: поелику въ городѣ Пермѣ приходитъ уже къ окончанію рабочій домъ, отъ котораго получаемое чрезъ работы приращеніе обращаться будетъ въ пользу приказа общественнаго призрѣнія; но нынѣ не достаетъ только потребныхъ инструментовъ и матеріаловъ къ начатію и безостановочному производству работъ, кои содержимыми подъ стражею, такъ приговариваемыми къ зарабатыванію искомъ, оказывающимися въ продрозостяхъ и шатающимися праздно въ городѣ Пермѣ, чего для приказъ и да благоволитъ, вышереченную сумму, сколько ее, за бывшими донынѣ расходами, состоитъ въ наличности, отчислить на заведеніе потребныхъ къ производству въ рабочемъ домѣ работъ, разныхъ инструментовъ и матеріала, которые нынѣ-же и стараться благовременно готовить, дабы, съ наступленіемъ лѣтнаго времени, самое уже дѣйствіе въ работахъ производимо быть могло; сколько же на то употребится денегъ, оныя, по кредиту, возвратятся, какъ чрезъ продажу разныхъ заводскихъ рукодѣлій, такъ и изъ опредѣленныхъ въ пользу приказа процентовъ“.

Въ 1788 году рабочій домъ былъ открытъ. По счету отъ 2 іюня того года, на постройку его употреблено на матеріаль и рабочія руки 4439 р. 47½ к. Въ томъ-же году учрежденъ и воспитательный домъ, помѣщавшійся на Екатерининской улицѣ *).

23-го февраля 1788 года, Кашкинъ пишетъ по этому поводу приказу общественнаго призрѣнія:

„Отношеніе приказа общественнаго призрѣнія отъ 14 февраля, подъ № 55, я получилъ. Весьма радуюсь, что

---

*) Въ зданіи воспитательнаго дома теперь помѣщается пожарный дворъ.

благотворительное учрежденіе, въ разсужденіи призрѣнія и покровительства несчастнорожденныхъ младенцевъ воспріяло благословенное начало. Усерднѣйше желаю, чтобы особеннымъ стараніемъ и попеченіемъ приказа толь-же нужное учрежденіе воспріяло свое дѣйствіе и по рабочему дому, для произвожденія работъ, колико въ упражненіи содержимыхъ по разнымъ дѣламъ подъ стражею, чрезъ которыя могли-бы они выработать себѣ достаточное пропитаніе, толико и къ исправленію, чрезъ употребленіе въ семъ рабочемъ домѣ, дурныхъ нравовъ, падающихъ въ разныя шалости и неистовства, а паче къ пресѣченію бродягъ и безпашпортныхъ, которые, отлучаясь отъ своихъ мѣстъ, снискиваютъ себѣ укрытачество подъ разными предлогами и, не имѣя никакого ремесла и работъ, обращаются болѣе въ непорядочныхъ поступкахъ и мошенничествахъ, убѣдительно увѣренъ будучи, что и приказъ общественнаго призрѣнія, къ достиженію добраго устройства въ здѣшнемъ новосоздаваемомъ городѣ рабочаго дома, столько-же имѣетъ желаніе, сколько и я. Но можетъ быть затрудненіе на первый случай представляется въ томъ, что невозможно отыскать вольныхъ порядочныхъ людей къ опредѣленію въ смотрители надъ работами? А чтобъ за симъ единымъ не удаляться отъ приведенія въ совершенство толь нужнѣйшаго предмета, преподаю мое мнѣніе: произвожденіе работъ, яко-то: дѣланіе канатовъ, пиленіе досокъ и обтесываніе каменьевъ, яко свойственныхъ работъ здѣшнему мѣсту, отдавать во образѣ подряда вольножелающимъ, кто похочетъ, которые-бы, пользуясь казеннымъ мѣстомъ и готовыми работными людьми, платили въ пользу приказа общественнаго призрѣнія нѣсколько процентовъ, употребляя на припасы и за работу изъ ихъ иждивенія, съ нужнымъ хотя пособіемъ отъ приказа. А какъ по малому количеству на лицо состоящихъ штатныхъ воинскихъ чиновъ неудобно уже имѣть достаточную стражу, какъ въ рабочемъ домѣ, такъ и при гауптвахтѣ и у храненія содержимыхъ при оной въ устроенныхъ темницахъ колодниковъ, то разсуждаю я, чтобы содержимыхъ колодниковъ мужеска и женска пола перевести въ устроенный рабочій домъ, въ темничные покои, какъ о томъ, въ преподанномъ отъ меня тому дому планѣ изображено; а здѣсь, при нынѣ существующемъ строеніи

гауптвахты, оставить въ томъ покоѣ, гдѣ женщины содержатся, потребное число часовыхъ, для караула при казнѣ и слѣдующихъ особамъ, подъ которой стражей могутъ также содержаться изъ оказывающихся въ преступленіи изъ чиновъ оберъ-офицерскихъ и по секретнымъ дѣламъ, отдѣляя, для храненія ихъ, нѣкоторое число воинскихъ чиновъ. Тѣ-же покои, изъ которыхъ переведутся въ рабочій домъ колодники, очистя, предоставить на надобности присутственныхъ мѣстъ“.

XI.

О Французяхъ.

Такъ озаглавлено дѣло комиссіи, назначенной для розысканія проживавшихъ въ губерніи Французовъ, на основаніи Высочайшаго указа отъ 28 ноября 1806 года о „высылкѣ всѣхъ подданныхъ французскихъ и тѣхъ, кои поступили въ число оныхъ присоединеніемъ разныхъ нѣмецкихъ областей, по лѣвую сторону Рейна лежащихъ, равно какъ и подданныхъ такъ называемаго королевства Италіянскаго, короля Неаполитанскаго въ настоящемъ его положеніи, Голландіи и Генуи“. Комиссія открыта 22 декабря 1806 г., подъ предсѣдательствомъ, за отсутствіемъ губернатора, предсѣдателя пермской уголовной палаты Энгельгардта, въ составѣ городничаго, коллежскаго ассесора Авдѣевского, городского головы Петра Попова и бургомистра городского магистрата Степана Калашникова.

Въ списокѣ, находящемся въ дѣлѣ, значатся принявшими присягу на подданство Россіи подлежавшіе къ высылкѣ, на основаніи вышепомянутаго указа, слѣдующіе иностранцы:

„*Иосифъ Буска*, Италіянецъ, города Милану, купецъ. *Иванъ Четта*, изъ Строчцона (?), что по лѣвую сторону Рейна, при озерѣ Комъ, купецъ. *Петръ Баркалье*, Италіянецъ, города Милану купецъ. *Иоаннъ Понсардъ*, города Нейхателя (Невшателя ?), который нынѣ во владѣніи Франціи, механикъ. *Андрей Фрони*, изъ Гишпаніи (изъ Италіи ?), города Пармы, *Антонъ Феррари*, оттуда-же— канатные танцовальщики или баланцеры, *Клодъ Ферри*,

французской націи, города Меца“ (бывшій профессоръ артиллерійской и инженерной для армейскихъ войскъ школы въ Мецѣ). „Дочь его, дѣвица *Марія Франциска Ферри. Анна Маргарита Леру Куртуа*, французской націи, изъ Фалеза, Калвадосскаго департамента, что въ Нормандіи. *Луиза Жозефина* (Жозефина), французской націи, жена управляющаго заводами Демидова, купца Михаила Данилова.

Оказался неподлежавшимъ высылкѣ и присяги не принялъ: „*Томасъ Констубель*“ (Констэбль?), конюхъ въ Сивенскомъ хозяйствѣ, „Великобританскаго королевства, изъ *уъзда* (?), такъ называемаго, *Горчишнергъ*“ (графства Горкшейръ?).

Кстати, въ ту-же комиссію добровольно заявился и принялъ русское подданство неподлежавшій высылкѣ „*Johann Simon Meissner, Gold und Silberarbeiter aus Berlin gebürtig*“—Иоаннъ Симонъ Мейсснеръ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеръ, уроженецъ Берлина. Сынъ его, Андрей Ивановичъ Мейсснеръ, былъ впослѣдствіи долгое время городовымъ архитекторомъ въ Перми и имѣлъ свой домъ, въ которомъ теперь помѣщается школа уѣздной земской управы.

(Пермскія Губ. Вѣд. 1882 г., №№ 18, 23, 32, 35, 36, 41, 42, 44—46, 50; 1884, № 3).

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

О старыхъ временахъ и людяхъ.

I

„Лѣта отъ сотворенія міра 7231, отъ воплощенія-же Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа 1723, по открытіи въ здѣшнихъ мѣстахъ мѣдныхъ рудъ, начать строить мѣдиплавильный заводъ, по имянному повелѣнію Великаго Государя Императора Петра I-го, бывшимъ въ Екатеринбургѣ главнымъ Сибирскихъ заводовъ правителемъ генераль-лейтенантомъ и кавалеромъ Вильгельмомъ Ивановичемъ Дегенинымъ. Прежде того, на семъ мѣстѣ былъ лѣсъ, почти никѣмъ не обитаемъ, въ которомъ тогда не рѣдко укрывались разбойники, которые

производили различные грабежи какъ плывущимъ то внизъ, то вверхъ по р. Камѣ, такъ и подлѣ оной путешествующимъ, а хотя и была деревня—однодворка, господъ Строгановыхъ, называемая *Брюшинкиной*, то она отстояла отъ рѣчки Ягошихи болѣе версты, гдѣ нынѣ строится прочное строеніе казенное^{*)}.

Такъ начинается свою „Лѣтопись Пермскаго Петропавловскаго собора“ іерей Сапожниковъ. „Самымъ стариннымъ селеніемъ на семь мѣстѣ (города Перми)—говорить анонимный авторъ“ Историко-географическаго описанія Пермской губерніи“ была бароновъ Строгановыхъ деревня *Брюханова*, при которой, по открытіи въ здѣшнихъ мѣстахъ мѣдныхъ рудъ, построень на Ягошихѣ мѣди-плавильный заводъ въ 1723 году“. Изъ этихъ двухъ извѣстій видно, что деревня Брюханова или Брюшинкина существовала еще до 1723 года и что она находилась въ разстояніи „отъ устья рѣчки Ягошихи болѣе версты“, гдѣ въ 1788 году строилось прочное строеніе казенное“, то есть, на той плоской возвышенности, гдѣ стоитъ теперь Петропавловскій соборъ, но далѣе его, къ юго-востоку, въ части города, изстари и доннынѣ извѣстной подъ названіемъ *Разуляя*. Въ 1724 году заложена для завода деревянная церковь во имя апостоловъ Петра и Павла, а въ 1757 начата постройкою, взамѣнъ ея, каменная. Это нынѣшній Петропавловскій соборъ—свидѣтель основанія Перми, у подножія котораго, почти чрезъ столѣтъ по открытіи города, пріютилась и начальная станція Уральской горнозаводской желѣзной дороги.

Ягошихинскій заводъ пожалованъ былъ въ 1757 году Императрицею Елизаветою графу Михаилу Илларионовичу Воронцову, уступившему его брату Роману Илларионовичу, который и владѣлъ имъ до 1780 г., когда заводъ снова былъ взятъ въ казну.

Вознамѣрившись учредить Пермское намѣстничество, Императрица Екатерина II повелѣла, въ 1778 году, казанскому губернатору, князю Платону Михайловичу Мещерскому отправиться въ Соликамскъ, для изслѣдованія мѣстности и выбора пункта для устройства губернскаго города. Мещерскій прибылъ въ Соликамскъ 28-го августа того-же года, осмотрѣлъ его и затѣмъ посѣтилъ Чер-

*) Памятная книжка Пермской губерніи на 1863 годъ, стр. 16.

дынъ, Обвинскъ, Кунгуръ и нѣкоторыя другія поселенія по сю сторону Урала. Его сопровождала большая свита изъ чиновныхъ лицъ и соликамскихъ старожиловъ, избранныхъ, по его распоряженію, соликамскимъ воеводою Николаемъ Григорьевичемъ Арбузовымъ депутатами. Последніе, для вѣрности показаній, при осмотрѣ каждой мѣстности, были приводимы къ присягѣ. Князь и воевода держали съ ними совѣтъ и вмѣстѣ подписывали изложенныя на бумагѣ соображенія. По возвращеніи князя Мещерскаго въ Соликамскъ, въ томъ-же году, были собраны тягловые люди и богатые собственники, съ которыми велись продолжительныя разсужденія о предполагаемомъ намѣстничествѣ. Окончательное мнѣніе Мещерскаго осталось тогда неизвѣстнымъ.

Въ маѣ 1780 года прибылъ въ Соликамскъ, для устроенія намѣстничества, генераль-поручикъ Евгений Петровичъ Кашкинъ, опредѣленный на должность пермскаго генераль-губернатора слѣдующимъ Высочайшимъ указомъ: „Предполагая въ будущемъ 1781 г. устроить Пермское намѣстничество, по образу, въ учрежденіяхъ Налихъ 7 ноября 1775 года предназначенному, повелѣваемъ Нашему генераль-поручику Евгенію Кашкину, опредѣленному въ должность генераль-губернатора пермскаго, объѣхать мѣста, назначенныя къ составленію сего намѣстничества и по данному отъ Насъ примѣрному росписанію удобность раздѣленія его на двѣ области—Пермскую и Екатеринбургскую и оныхъ на уѣзды—на мѣстѣ свидѣтельствовать; какъ о семь, такъ равно и какіе вновь города, для приписанія къ нимъ уѣздовъ, назначить нужно будетъ—Намъ самолично представить“.

Кашкинъ тотчасъ же отправился изъ Соликамска, съ выборными изъ старожиловъ этого города, въ Ягошихинскій заводъ. Онъ остановился тамъ въ заводскомъ домѣ, на горѣ, у Петропавловской церкви, гдѣ жилъ управитель Ягошихинскаго завода и помѣщалась заводская контора. Къ существовавшимъ деревяннымъ зданіямъ сдѣлали наскоро пристройки. Нѣсколько домовъ начали строить вновь. Селеніе заводскихъ мастеровыхъ находилось тогда въ вышеупомянутомъ Разгуляѣ и простиралось до ручья Стикса, отдѣляющаго нынѣ городъ отъ Новаго кладбища. Остальная мѣстность, занимаемая нынѣ городомъ, была покрыта вѣковымъ лѣсомъ. Въ немъ сдѣлали просѣки

для дорогъ: въ Сибирь—на Кунгуръ, въ Россію—на Оханскъ. Лѣсъ началъ рѣдѣть, на мѣстѣ его выросли городскіе дома. Въ общей дѣятельности по устройству новаго города пришлось принять непосредственное участіе и соликамскимъ депутатамъ: ихъ заставили таскать камни, возить бревна. Все лѣто 1780 года прошло въ постройкахъ. Выстроены были, между прочимъ, большой домъ для губернатора, съ флигелями, службами, птичникомъ и даже звѣринцемъ, выходявшій фасомъ на площаданъ предъ церковью*). Недалеко отъ церкви построена гауптвахта. Подъ горою, на низменномъ берегу Камы, существовалъ рынокъ (именовавшійся впоследствии Нижнимъ, въ отличіе отъ возникшаго позже Верхняго), съ деревянными лавками, похожими на бутки, окружавшими неизвѣстно кѣмъ и когда выстроенную часовню. Въ логу, къ рѣчкѣ Ягошихѣ, расположены были заводскія зданія.

Устроивъ наскоро, что было можно на первый разъ, Кашкинъ отправился осенью въ Петербургъ, по вновь проложенному тракту на Оханскъ. 16 ноября 1780 года послѣдовалъ на его имя новый Высочайшій указъ, слѣдующаго содержанія:

„Господинъ генераль-поручикъ Кашкинъ. Уважая выгодность положенія Ягошихинскаго завода и способность мѣста сего для учрежденія въ немъ губернскаго города, Мы повелѣли Нашему дѣйствительному тайному совѣтнику и генералу-прокурору князю Вяземскому согласиться съ владѣльцами того завода объ уступкѣ онаго въ казну, коя весьма не малый на немъ долгъ имѣетъ, и какъ отъ нѣкоторыхъ въ томъ заводѣ участниковъ объявлено уже полное на то согласіе, то Мы чрезъ сіе предписываемъ вамъ городъ губернской для Пермскаго намѣстничества назначить въ семь мѣстѣ, наименовавъ оный городъ: *Пермь*, и вслѣдствіе того, въ немъ основать уже всѣ строенія, кои, на первое время и особливо при случаѣ открытія управленія по учрежденіямъ Нашимъ, нужны будутъ для помѣщенія присутственныхъ мѣст. Пробываемъ впрочемъ къ вамъ благосклонны“.

„*Екатерина*“.

Въ концѣ 1780 года, Кашкинъ возвратился изъ Петербурга въ Пермь, состоявшую тогда изъ нѣсколькихъ де-

*) Домъ этотъ сгорѣлъ 14 сентября 1842 г.

сятковъ новыхъ домовъ и старыхъ строеній Ягошихинскаго завода. Съ нимъ прибыли губернаторъ, генераль-маіоръ Иванъ Варооломеевичъ Ламбъ и много чиновниковъ, для занятія мѣстъ въ разныхъ управленіяхъ. Всѣ новые дома были заняты пріѣзжими.

27-го января 1781 года послѣдоваль Высочайшій указъ Правительствующему Сенату объ учрежденіи Пермскаго намѣстничества, такого содержанія:

„Всемиловѣннѣе повелѣваемъ Нашему генералу-поручику правящему должность генераль-губернатора пермскаго и тобольскаго Кашкину, по изданнымъ отъ Насъ, въ 7-й день ноября 1775 года, учрежденіямъ для управленія губерній имперіи Нашей, въ будущемъ октябрѣ сего года, равномѣрно исполнить и въ Пермской губерніи, составя сіе новое намѣстничество, въ разсужденіи пространства его, изъ двухъ областей или провинцій, то-есть Пермской и Екатеринбургской, въ числѣ шестнадцати уѣздовъ, изъ коихъ къ первой принадлежать будутъ: Пермскій, Кунгурскій, Соликамскій, Чердынскій, Обвинскій, Оханскій, Осинскій и Красноуфимскій, а къ Екатеринбургской уѣзды: Екатеринбургскій, Челябинскій, Шадринскій, Далматовскій, Камышловскій, Ирбитскій, Верхотурскій и Алалаевскій. Вслѣдствіе чего, въ тѣхъ мѣстахъ, по коимъ названы уѣзды, учредить города, а въ прочемъ, назначеніе границъ сего намѣстничества съ прикосновенными ему, представляемъ на соглашеніе генераловъ-губернаторовъ, правящихъ ту должность и губернаторовъ, о которомъ, такъ какъ по числу душъ сколько куда приписано или къ другимъ отчислено будетъ, имѣютъ они донести Нашему сенату“.

„Екатерина“.

Февраля 7-го того-же года, Правительствующій Сенатъ, указомъ на имя Кашкина, предписаль слѣдующее:

„По имянному Ея Императорскаго Величества указу, данному сенату прошедшаго января 27-го дня сего 1781 года, за собственноручнымъ Ея Величества подписомъ, касательно до исполненія въ Пермской губерніи, по изданнымъ въ 7-й день ноября 1775 года учрежденіямъ для управленія губерній, и о составленіи оной изъ шестнадцати прописанныхъ въ томъ указѣ уѣздовъ, правительствующій сенатъ приказали: 1-е, съ помянутаго даннаго

сенату имяннаго Ея Императорскаго Величества указа, послать точную кошію, и посылается къ вамъ господину генералу-поручику и кавалеру, предписавъ, дабы вы къ открытію Пермскаго намѣстничества произвели во всемъ сходственное съ Высочайшимъ Ея Величества повелѣніемъ распоряженіе и, по исполненіи, увѣдомили сенатъ, а какъ Пермское намѣстничество Ея Императорское Величество повелѣтъ соизволила составить изъ разныхъ уѣздовъ, предоставляя назначеніе границъ сего намѣстничества съ прикосновенными ему, на соглашеніе генераль-губернаторовъ и правящихъ ту должность и губернаторовъ, то о семъ для исполненія дать, и дано, знать володимірскому, тамбовскому и пензенскому генералу-губернатору, генералу-аншефу, сенатору и кавалеру графу Роману Илларионовичу Воронцову, дѣйствительному тайному совѣтнику, ярославскому и вологодскому генералу-губернатору, сенатору и кавалеру Алексѣю Петровичу Мельгунову, правящимъ должность генераль-губернаторовъ: генералу-поручику сенатору и кавалеру Алексѣю Алексѣвичу Ступишину и господину генералу-поручику и кавалеру князю Менцерскому, также господину генералу-поручику, оренбургскому губернатору и кавалеру Рейнсдорпу и правящему должность тобольскаго губернатора господину оберъ-штеръ кригсъ-комисару Осипову, съ тѣмъ чтобы какъ о назначеніи границъ, такъ и о числѣ душъ, сколько, куда приписано и отчислено будетъ, донесли сенату. 2-е. Для снабденія Пермскаго намѣстничества достаточнымъ числомъ экземпляровъ изданнаго для управленія губерній учрежденія и законами, также списанными съ законовъ и указовъ копіями, послать къ вамъ господину генералу-поручику и кавалеру—учрежденій тысячу двѣсти экземпляровъ и по одному экземпляру списанныхъ копій съ законовъ и указовъ, присовокупя при томъ хранящихся при сенатѣ напечатанныхъ законовъ, сколько по числу правительствъ принадлежить; а при показанномъ учрежденіи намѣстничества, имѣете вы, господинъ генераль-поручикъ и кавалеръ, распорядить еще слѣдующее, а именно: 3-е, имѣющіяся, при губернскихъ провинціальныхъ и городовыхъ канцеляріяхъ, въ архивахъ дѣла раздѣлить погодно и по родамъ дѣлъ, то есть, интересныя, слѣдственныя, криминальныя или уголовныя, гражданскія или судныя, и слѣ-

латъ, по такому раздѣлу, вѣрныя описи и отдать оныя по тѣмъ описямъ, по свойству каждаго новаго присутственнаго мѣста, для будущаго вѣрнаго сохраненія, и для того имѣть при каждомъ присутственномъ мѣстѣ покои для архивы, безопасныя отъ огня и другаго поврежденія, а какъ учреждаются вновь города и къ онымъ причисляются уѣзды, то изъ старыхъ дѣлъ, по вышеописанному порядку раздѣленія, сдѣлать еще такое-жъ раздѣленіе по селеніямъ и отдать въ новые города дѣла, принадлежащія по новому раздѣленію уѣздовъ. 4-е. Имѣющимся въ канцеляріяхъ нерѣшеннымъ и текущимъ дѣламъ сочинить тако-жъ вѣрныя описи погодно и по родамъ дѣлъ, со изъясненіемъ, за чѣмъ оныя не рѣшены, и отдать по свойству каждаго новаго присутственнаго мѣста, для немедленнаго производства и законнаго рѣшенія, а именно: 5-е, изъ воеводскихъ канцелярій, по раздѣлу оныхъ между уѣзднымъ судомъ и нижнею расправою, гдѣ оная имѣется, и уѣзднымъ казначеемъ, — въ первыя мѣста, всѣ слѣдственныя не до интересу Императорскаго Величества касающіяся, всѣ уголовныя и гражданскія, по свойству каждаго мѣста; уѣздному казначею — всѣ до ревизіи, до рекрутскихъ наборовъ, до откуповъ, до сборовъ Императорскаго Величества, до недоимокъ, до казенныхъ взысканій и до чего казеннаго касательныя. Общіе законы и указы отдать въ уѣздный судъ; касающіяся до сборовъ законы и указы отдать въ казначейство, а чего по сему не достанетъ, тако-же и нижнюю расправу, снабдить особыми экземплярами изъ посылаемыхъ отъ сената, отъ котораго и веѣмъ нижнимъ земскимъ судамъ доставляются принадлежащія до ихъ свѣдѣнія законы и указы, а особливо о бѣглецахъ. 6-е. Наличную денежную казну всякаго сбора, съ приходными и расходными книгами того года, отдать уѣздному казначею по счету и съ надлежащимъ при смѣнахъ порядкомъ. 7-е. Отъ провинціальныхъ канцелярій, гдѣ оныя обращаются въ уѣздное или областное или наместническое правленіе, отдать по описи нерѣшенныя и текущія дѣла, собственно для своего уѣзда принадлежащія, какъ слѣдственныя такъ и уголовныя и гражданскія, въ новый уѣздный судъ или въ нижнюю расправу того уѣзда; дѣла, вступившія по аппеляціи изъ городовыхъ канцелярій прежней провинціи или касающіяся до прежнихъ ея уѣз-

довъ, какъ слѣдственные и уголовныя, такъ и гражданскія,—отослать въ верхній земскій судъ, или въ верхнюю расправу, гдѣ она имѣется, по свойству департаментовъ; дѣла до ревизіи прежней провинціи, до рекрутскихъ наборовъ, до государственныхъ сборовъ и до интересу Императорскаго Величества, до казенныхъ дошмокъ, до какого-либо казеннаго взысканія или до казенной экономіи,—отослать въ казенную палату новаго намѣстничества; дѣла, касающіяся общаго порядка и до исполненія—отослать въ намѣстническое правленіе; казну уѣзднаго сбора отдать уѣздному казначею, а казну провинціального сбора отослать въ казенную палату; законы общіе и особенныя отдать въ намѣстническое правленіе, а палаты, верхніе земскіе суды, губернскіе магистраты и верхнія расправы снабдить оными изъ посланныхъ отъ сената.

8-е. Отъ губернской канцеляріи отдать, по вышеописанному, дѣла своего уѣзда въ новый уѣздный судъ, или въ нижнюю расправу; дѣла своей провинціи—въ верхній земскій судъ, или въ верхнюю расправу, гдѣ она имѣется, раздѣляя оныя по департаментамъ; казну уѣздную—уѣздному казначею; собранную съ приписныхъ ея уѣздовъ порознь, какъ и привезенную изъ прежнихъ ея провинцій—въ казенную палату, а дѣла вступившія изъ прежнихъ, ей подчиненныхъ, провинціальныхъ канцелярій—въ намѣстническое правленіе и въ палаты, куда какое слѣдовать будетъ; а дѣла, касающіяся до общаго порядка и до исполненія—отдать въ намѣстническое правленіе.

9-е. Въ дѣлахъ смѣшаннаго рода докладывать намѣстническому правленію, куда онымъ опредѣлено будетъ какое отослать, а ему сдѣлать о томъ надлежащее распредѣленіе.

10-е. О перечневомъ числѣ каждаго рода нерѣшенныхъ дѣлъ, по каждой прежней канцеляріи, отъ намѣстническаго правленія прислать въ сенатъ увѣдомленіе.

11-е. Для покупки столовъ, стульевъ, суконъ, зеркалъ, часовъ и прочаго, для каждаго присутственнаго мѣста, потребное число денегъ отпущено будетъ изъ казны.

12. Какъ государственнаго казначея теперь еще нѣтъ, то, по силѣ учрежденій для управленія губерній, приказаль-бы, по 68-й статьѣ объ уѣздныхъ казначеяхъ, представить сенату, какъ о потребныхъ въ добавочные къ прежнимъ, такъ и о прежде опредѣленныхъ,—могутъ-ли остаться, или по какимъ обстоятельствамъ перемѣнить

ихъ другими, такъ-же по 121 и 154 статьямъ свѣдѣнія о доходахъ и расходахъ и увѣдомленія о воѣхъ на сверхъ штатныя выдачи полученныхъ указахъ и ассигнаціяхъ—до того времени, пока опредѣленъ будетъ государственный казначей—доставлять въ экспедицію о государственныхъ доходахъ и расходахъ. 13-е. При семъ случаѣ Сенатъ находитъ нужнымъ упомянуть, что всѣ новыя присутственныя мѣста, принятіемъ старыхъ дѣлъ въ свое производство, съ самаго начала сей новой службы, имѣтъ будуть вѣрный способъ оказывать свою ревность и усердіе Императорскому Величеству и отечеству, не меньше-же выбранныя члены тому обществу, которымъ они удостоены къ вѣреннымъ имъ судейскимъ мѣстамъ, а потому и имѣете вы, господинъ генераль-поручикъ и кавалеръ, при открытіи присутственныхъ мѣсть, изъяснить, сколь нужно, какъ для службы Императорскому Величеству и отечеству, такъ и собственно для самыхъ опредѣленныхъ къ должностямъ, рачительное исправленіе каждымъ званія своего. 14-е. Какъ вы, г. генераль-поручикъ и кавалеръ, прошедшаго января 16 числа представили сенату при рапортѣ копію съ имяннаго Ея Императорскаго Величества указа, даннаго вамъ прошедшаго 1780 года ноября 16 дня, за подписаніемъ собственнаго Ея Величества руки, о назначеніи вамъ, во уваженіе выгоды положенія Ягошихинскаго завода и способности мѣста сего для учрежденія въ немъ губернскаго города для Пермскаго намѣстничества, наименовавъ оный городъ *Пермь*, то нынѣ, какъ о семъ, такъ и о томъ, изъ какихъ городовъ и уѣздовъ Пермское намѣстничество составлено, послать указы во всѣ присутственныя мѣста и въ губернскія правленія, а изъ оныхъ и въ подчиненныя имъ мѣста; въ московскіе Сената департаменты и въ Святѣйшей Синодъ сообщить вѣдѣнія, также и межевую экспедицію увѣдомить. 15-е. Камерѣ коллегіи и главной соляной конторѣ особо предписать, что до того времени, пока управленіе намѣстничества по новымъ учрежденіямъ не установится, должны они все, касающееся доставленія, въ принадлежація мѣста и въ потребномъ случаѣ, вина и соли, распоряженіе производить такъ, чтобъ въ соли и въ винѣ ни малѣйшаго недостатка тамо не было“.

Вслѣдствіе этого указа, Капкинѣмъ были сдѣланы надлежація распоряженія; сначала была открыта Екате-

ринбургская область, а затѣмъ, Кашкинъ, ордеромъ губернатору Ламбу, отъ 18-го сентября 1781 года, предложилъ произвести выборы въ должности губернскаго и уѣздныхъ городовъ Пермской области. Этотъ ордеръ и описаніе выборовъ уже приведены въ другой статьѣ сей книги (стр. 19—22).

Наканунѣ открытія города, въ освѣщенной внутри и снаружи Петропавловской церкви, отправлено вечернее богослуженіе, во время котораго пѣлъ хоръ пѣвчихъ, выписанный къ открытію города изъ Соликамска и пробывшій въ Перми пѣлый годъ. 18 числа, утромъ, были торжественно внесены въ церковь, во время благовѣста къ обѣднѣ, особо назначенными чиновниками зеркала для присутственныхъ мѣстъ и окроплены св. водою. Послѣ провозглашенія многолѣтія царствующему дому, началась литургія, которую совершалъ мѣстный іерей Гавріиль Сапожниковъ, въ сослуженіи съ сельскимъ духовенствомъ, собраннымъ изъ сосѣднихъ селъ. По окончаніи литургіи, на площади предъ церковію, былъ отслуженъ молебень и затѣмъ, духовенство и чиновники обошли съ крестнымъ ходомъ вокругъ новыхъ зданій и направились въ домъ намѣстника. Здѣсь, по совершеніи молитвы, генераль-губернаторъ, предъ портретомъ Императрицы, произнесъ длинную рѣчь, въ которой, обращаясь къ губернатору и чиновникамъ, выяснилъ всю важность строгаго исполненія обязанностей, возложенныхъ на нихъ закономъ. Зеркала, принесенныя изъ церкви и стоявшія предъ портретомъ Государыни, по окончаніи рѣчи, были вынесены для отправленія ихъ въ намѣстническое правленіе, въ сопровожденіи намѣстника, губернатора и всѣхъ чиновъ. Раздалися пушечная пальба и колокольный звонъ. Стеченіе народа было огромное. Когда зеркала были принесены въ намѣстническое правленіе, совершено было снова молебствіе, послѣ котораго губернаторъ Ламбъ говорилъ рѣчь. Отсюда, съ тѣми-же чиновниками, въ сопровожденіи воинской команды, при колокольномъ звонѣ и пальбѣ изъ пушекъ, зеркала были разнесены въ надлежащія присутственные мѣста. Крестный ходъ возвратился въ церковь. Намѣстникъ, принявъ поздравленіе съ открытіемъ города Перми, пригласилъ всѣхъ чиновниковъ, именитыхъ гражданъ и призванныхъ къ торжеству депутатовъ отъ уѣздныхъ городовъ къ столу. На

площади было приготовлено угощеніе для простаго народа. Вечеромъ Петропавловская церковь, дома намѣстника и губернатора, присутственныхъ мѣста и дома жителей, набережная, часовня, были иллюминированы. Среди площади красовался транспарантъ съ вензловымъ именемъ Императрицы. Въ 10 часовъ вечера, въ домѣ намѣстника былъ открытъ балъ, на который приглашены всѣ чиновныя и именитыя лица. Мужчины были въ мундирахъ и, по тогдашнему обычаю, въ напудренныхъ парикахъ, въ гусарскихъ сапогахъ, а дамы въ платьяхъ съ длинными шлейфами, въ башмакахъ на высокихъ каблуккахъ. Около церкви было сожжено болѣе тысячи ракетъ, на берегу Камы горѣли смоляныя бочки, пальба изъ пушекъ не прекращалась. На открытіи города, на обѣдѣ и балѣ присутствовали мѣстные землевладѣльцы дѣйств. тайный совѣтникъ графъ Александръ Сергѣевичъ и генералъ-маіоръ баронъ Александръ Николаевичъ Строгановы. На другой день былъ обѣдъ и балъ у губернатора, на третій—у Строгановыхъ. Во всѣ три дня были выставлены для народа бочки вина *).

Такъ совершилось торжественное открытіе губернскаго города Перми и Пермскаго намѣстничества.

Федоръ Аванасьевичъ Прядильщиковъ, въ своей „Лѣтописи города Перми“, говоритъ, что „было постановлено 18-е число октября сдѣлать навсегда днемъ выборовъ пермскаго городского головы и другихъ членовъ думы и магистрата“. Если это постановленіе и существовало, то въ послѣдствіи оно не всегда точно исполнялось, ибо изъ дѣлъ видно, что выборы производились и въ другія числа октября и даже въ сентябрѣ.

Казенный Ягошихинскій мѣдиплавленнй заводъ, окончательно прекратилъ свою дѣятельность въ 1788 г. и закрытъ по указу пермскаго губернскаго правленія городской думѣ 5 августа 1804 года, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго на имя графа А. А. Васильева, отъ 8 іюня того-же года, такого содержанія:

---

*) Дѣла о торжествѣ открытія города не сохранилось въ архивѣ мѣстнаго губернскаго правленія, хотя оно въ описяхъ и значится, и потому привожу свидѣнія объ этомъ событіи изъ замѣтки г. А. Кашина (Пермск. Губ. Вѣд. 1864, № 16), который сообщаетъ ихъ со слышаннаго имъ отъ своихъ дѣда, бывшаго въ числѣ соликамскихъ депутатовъ, и отца—пѣвчаго, выписаннаго изъ Соликамска хора.

„Графъ Алексѣй Андреевичъ! Министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ мнѣ донесеніе пермскаго гражданскаго губернатора тайнаго совѣтника Модераха и мнѣніе бергъ-коллегіи, отъ васъ представленное, о состояніи казеннаго Ягошихинскаго мѣднаго завода. Видя изъ свѣдѣній сихъ, что заводъ сей, по неимѣнію рудъ, остается съ 1788 года безъ всякаго дѣйствія и не можетъ быть болѣе годенъ для горнаго производства, повелѣваемъ, согласно представленія пермскаго гражданскаго губернатора, предоставить оный, со всѣмъ принадлежащимъ къ нему строеніемъ и землею, въ пользу города Перми, въ чертѣ коего онъ находится, для устроенія на немъ заведеній, какія выгоднѣйшими для городскихъ доходовъ признаны будутъ. Пребываемъ къ вамъ благосклонны.

Александръ.

Контрассигнировалъ *графъ Кочубей*“.

Сдать Ягошихинскій заводъ съ одной стороны и принять съ другой было поручено управителю Мотовилихинскаго завода шихтмейстеру 13 класса Пиммерману и городскому старостѣ Сыропятову, что и было исполнено 18-го октября 1804 года. Поступили въ вѣдѣніе города „плотина, длиною 30 саж.*) отъ откосу, толщиною 10, вышиною 4¹/₂ сажени, а откосъ каменный отъ бывшей фабрики, и по всей плотинѣ вешняшный прорѣзъ, шириною 3 сажени, съ принадлежностями. Амбаровъ 2 каменныхъ и 3 деревянныхъ и 1 лабораторія на каменномъ фундаментѣ. Все ветхое“.

11 ноября 1804 года городское общество постановило приговоръ: „На плотинѣ означеннаго завода завести строеніе пильной мельницы о дву рамахъ и при ней толчею, а ежели удобность позволить и воды на дѣйствіе будетъ достаточно, то сверхъ того и мукомольную мельницу обь одномъ или дву поставахъ“..... вызвать къ выстройкѣ оныхъ желающихъ и буде найдутся, то сдать постройку на подрядъ; старое негодное строеніе продать или употребить на дрова для магистрата.

Такъ какъ предположенныя постройки не состоялись, то 16-го января 1806 года плотина сдана въ аренду на

---

*) Германъ показываетъ длину ея въ 40 саж. См. „Сочиненія о Сибирскихъ рудникахъ и заводахъ“, Ивана Германа. Спб. 1797—98.

12 лѣтъ надворному совѣтнику Ѳеодору Христофоровичу Гралю и титулярному совѣтнику Семену Ивановичу Баранову, безъ платежа оброку, а буде пожелають продолжать срокъ аренды, то и еще на 8 лѣтъ, съ платежемъ 150 рублей оброку, съ тѣмъ, чтобы арендаторы устроили на свой счетъ предполагаемыя въ 1804 году обществомъ заведенія, или что другое. Въ 1811 году, 26 мая, пензенскій 2-й гильдіи купецъ Ѳеодоръ Ивановичъ Котельниковъ взялъ отъ Граля и Баранова въ содержаніе выстроенныя ими „пильную о дву рамахъ, крупчатку (т. е. круподерку) и мукомольную мельницу“.

Что было дальше съ помянутыми заведеніями, мнѣ неизвѣстно; я помню ихъ передъ пожаромъ 1842 года уже стоявшими безъ дѣйствія; затѣмъ, въ пожаръ этотъ они сгорѣли и, въ началѣ пятидесятихъ годовъ, остатками плотины воспользовался, для устройства душей, бывшій предсѣдатель казенной палаты Василій Евграфовичъ Вердеревской, введшій тогда въ моду лѣченіе холодною водою: пермскіе старцы, нѣсколько лѣтъ сряду, искали подъ ягошихинскими душами возврата утраченной бодрости; особенно усерднымъ послѣдователемъ Вердеревскаго былъ губернаторъ Илья Ивановичъ Огаревъ. Когда мода на гидропатію прошла, пермскій мѣщанинъ Рябининъ устроилъ на томъ мѣстѣ торговья бани, существующія и по-нынѣ.

Дома заводскихъ жителей были расположены въ узкомъ оврагѣ, чрезъ который протекаетъ Ягошиха, по склонамъ его, по обѣ стороны пруда и частію на лѣвомъ берегу рѣки, на горѣ, гдѣ и по настоящее время сохранила прежнее названіе „Заводская площадь“, а часть города, къ ней прилежащая—зывается въ народѣ, по старому, „Разгуляемъ“, и за р. Ягошихою, по берегу Камы, по обѣ стороны бывшаго Соликамскаго тракта. Послѣдніе, по Высочайше утвержденному 21 марта 1823 года плану города, назначены были къ сносу, и потому исправлять ихъ не дозволялось; но они продолжали доживать свой вѣкъ до самаго пожара 1842 года, въ который сгорѣли. Жили въ нихъ, въ послѣднее время ихъ существованія, преимущественно рыбаки, калачницы, пельмняницы, торговавшія продуктами своего ремесла на бывшемъ заводскомъ рынкѣ, на площади у берега Камы, подъ Петропавловскимъ соборомъ. Я помню еще эти

почернѣвшіе, покосившіеся во всѣ стороны домики, уныло смотрѣвшіе на пролежавшую среди ихъ дорогу, и конечно никому изъ мирныхъ обитателей ихъ и во снѣ не снилось, что чрезъ сорокъ—пятьдесятъ лѣтъ тутъ будетъ пролегать иная дорога, по которой будутъ ѣздить не на коняхъ съ звенящимъ подъ дугою колокольцомъ, а на сказочномъ чудищѣ, оглашающемъ окрестность рѣзкимъ свистомъ Змѣя-Горыныча, у котораго изо рта дымъ валить, изъ ушей искры сыплотся.....

Площадь на берегу Камы, на низинѣ подъ Петропавловскимъ соборомъ, служила, во время существованія Ягошихинскаго завода, рынкомъ. Это назначеніе она исполняла и въ первое время по открытіи Перми. По первому, Высочайше подтвержденному 16 января 1784 года, плану города назначено было строить на ней „лавки гостинаго двора“; но затѣмъ послѣдовало новое распоряженіе, изложенное въ указѣ Правительствующаго Сената 27-го ноября 1797 года, коимъ „повелѣно отнынѣ нигдѣ гостиныхъ дворовъ вовсе не строить и чтобы лавки, нужныя для торговли, были въ домахъ“. Тогда купецъ Поповъ просилъ разрѣшить ему построить на означенной площади „каменные амбары“. Его примѣру послѣдовали и другіе торговые люди и 30 августа 1798 г. состоялся приговоръ общества, вслѣдствіе коего разрѣшена постройка амбаровъ Попову, Пономареву, Калашникову, Любимову, Копылову, Бѣлыхъ и Ипанову, „съ выдачею имъ на владѣніе плановъ и фасадовъ, при данной“ (указъ губернскаго правленія городской думѣ 29 марта 1799 г., № 5163). Изъ „Историко-географическаго описанія Пермской губерніи“ видно, что въ 1798 и 1799 г.г., на означенной площади были выстроены *деревянные лавки*, а въ 1799, на берегу Камы, вблизи *гостинаго двора* *), „каменные амбары“, существующіе и понынѣ и принадлежащіе г.г. Каменскимъ, Киселевымъ и Любимовымъ. Въ 1802 году всѣ деревянные лавки на Нижнемъ рынкѣ были сломаны, ибо въ то время построенъ былъ уже доннынѣ существующій противъ театра каменный гостинный дворъ; оставлена только каменная часовня, какъ памятникъ Ягошихинскаго завода.

По открытіи города, былъ устроенъ, кромѣ стараго заводскаго, другой рынокъ, на нынѣшней Театральной

*) Т. е., тѣхъ-же деревянныхъ лавокъ.

площади, и для отличія, первый получилъ названіе Нижняго, а второй Верхняго. Послѣдній въ 1798 году былъ переведенъ на площадь, гдѣ теперь находится Черный рынокъ, но вслѣдствіе ходатайства общества былъ возвращенъ, по распоряженію губернатора Модераха отъ 26 сентября 1805 года, на прежнее мѣсто. Съ 3-го іюня 1823 года велѣно было перевести его снова на Черный рынокъ, „гдѣ были мясныя лавки“¹⁾, а освобожденная отъ строеній площадь обсажена липами въ два ряда и обнесена кругомъ перилами и троттуарами, съ площадками по четыремъ угламъ, на которыхъ устроены скамейки для отдыха гуляющихъ. Все это, еще прежде пожара 1842 года, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, было уничтожено губернаторомъ И. И. Огаревымъ²⁾. Въ 1854 году губернаторъ П. Н. Клушинъ распорядился вымостить нынѣшнюю Театральную площадь шлакомъ съ Мотовилихинскаго завода, что и исполнено было подъ наблюденіемъ архитектора Р. О. Карвовскаго.

При Ягопихинскомъ заводѣ была заложена въ 1724 году деревянная церковь, во имя св. апостолъ Петра и Павла, въ день тезоименнства Петра Великаго, и освящена 12 ноября 1726 года. Въ 1756 году, вмѣсто нея, заложена каменная, съ придѣломъ во имя Екатерины Великомученицы, который и освященъ 22 ноября 1762, а 23 ноября 1764 года освященъ и весь храмъ. Предъ открытіемъ города, церковь эта переименована, 12-го августа 1781 года, въ соборную. Это нынѣшній Петропавловскій соборъ. 12 августа 1782 года Императрица Екатерина II-я прислала въ этотъ соборъ праздничнымъ облаченіемъ на престолъ и жертвенникъ и ризы для трехъ священниковъ и діакона, праздничныя, воскресныя и траурныя. Въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія соборнымъ протоіереемъ служилъ Гавріилъ Сапожниковъ, отецъ извѣстнаго впослѣдствіи дѣятеля Михаила Гавриловича Свѣдомскаго³⁾. Гавріилъ составилъ

¹⁾ Повѣренный общества Якимъ Терентьевъ Шалаевскій 30 апрѣля 1824 г. просилъ и. д. губернатора оставить рынокъ на прежнемъ мѣстѣ, но ходатайство это не уважено.

²⁾ Въ 1840-хъ годахъ общество снова ходатайствовало, чрезъ моего отца, о переводѣ Чернаго рынка, гдѣ была страшная топь, на прежнее мѣсто, противъ нынѣшняго гостиннаго двора, но опять безуспѣшно.

³⁾ У Гавріила было три сына: Михайлъ, Павелъ и Александръ. Изъ Сапожниковыхъ они переименованы въ Свѣдомскихъ, по старому обычаю,

„Лѣтопись Петропавловскаго собора“, въ которой заключаются, между прочимъ, любопытныя свѣдѣнія о старѣйшей фамилии обывателей города Перми, Любимовыхъ, которыхъ здѣсь и привожу:

„Въ 1730 году, по умноженію жителей, произведенъ второй священникъ, Кондрадъ, Афиногеновъ сынъ, Любимовъ, изъ верхнемуллинскихъ крестьянъ... Въ 1760 г. скончался священникъ Кондрадъ Афиногеновъ скоропостижно; погребенъ противу алтаря каменной церкви. Его же имя да будетъ благословенно во вѣки!..... Въ 1763 году прозведенъ въ священники бывшій при оной церкви диакономъ, Николай Любимовъ, сынъ священника Кондрата Афиногенова... Въ 1780 году, священникъ Николай Любимовъ, въ вятской духовной консисторіи, за вѣнчаніе неправильныхъ лѣтъ брака, лишенъ священства и велѣно ему при той-же церкви исправлять дьяческую должность... Въ 1782 году, января 19, бывшій священникъ Николай Любимовъ, исправлявшій дьяческую должность, скончался и погребенъ между улицъ Верхней и Нагорной, на огородахъ, гдѣ было заводское кладбище**)...

Кстати привожу дальнѣйшія свѣдѣнія о Любимовыхъ изъ другихъ документовъ. Сынъ священника Николая Любимова, Алексѣй, приписанный къ кунгурскому мѣщанскому обществу „изъ праздно живущихъ церковниковъ“, въ 1781 году былъ присланъ въ Пермь въ числѣ другихъ кандидатовъ на выборныя должности вновь открытаго, но не имѣвшаго обывателей города, баллотировался въ бургомистры городового магистрата и получилъ 2 избирательныхъ и 32 неизбирательныхъ шара. Въ 1782 году, Алексѣй Николаевичъ, будучи 29 лѣтъ, женился на дочери верхнемуллинскаго крестьянина Верхоланцева, Матренѣ, имѣвшей 31 годъ; изъ документовъ губернскаго архива видно, что сначала онъ торговалъ

во время ихъ ученія въ духовной семинаріи. Михаилъ Гавриловичъ имѣлъ домъ на Покровской улицѣ, выходящій на площадь, прилегающую къ Чердынской улицѣ, и принадлежащій нынѣ Грибелю, и Михайловскій винокуренный заводъ, въ Осинскомъ уѣздѣ. Послѣдній, по смерти Михаила Гавриловича, перешелъ во владѣніе къ племяннику его, лѣсничему Александру Павловичу Свѣдомскому, котораго сыновья Павелъ и Александръ—нынѣ знаменитые художники-живописцы, проживаютъ въ Римѣ.

*) Кажется, это на склонѣ оврага къ Ягошихѣ, гдѣ находится старый домъ, въ которомъ много лѣтъ жилъ управлявшій удѣльною конторою князь Петръ Ивановичъ Максудовъ, а теперь помѣщаются военные склады.

пряниками и „извощичаль“, то есть занимался сухопутною перевозкою товаровъ, а позже имѣлъ мыловаренный заводъ. У него были три сына: Александръ, Иванъ и Филиппъ. Въ 1807 году Александръ съ братьями значится, по городскимъ спискамъ, въ числѣ купцовъ третьей гильдіи, при чемъ отецъ ихъ, Алексѣй, упомянутъ какъ умершій. За тѣмъ, свѣдѣній объ Александрѣ и Иванѣ не имѣется; а Филиппъ, въ 1809 году, служилъ городовымъ старостою, въ 1814—17 годахъ ратманомъ городского магистрата, а съ 1819 года значится, съ сыновьями Иваномъ, Леонтьемъ и Кузьмою, въ числѣ купцовъ второй гильдіи; занимался судоходствомъ и торговалъ шелковыми, бумажными и „нѣмецкими“ товарами. Сынъ его, Иванъ, въ 1824 году, отдѣлился отъ него и записался въ мѣщане, а съ 1825 года значится уже въ числѣ купцовъ третьей гильдіи. Впослѣдствіи онъ сдѣлалъ себѣ обширную извѣстность своею торговою дѣятельностью, служилъ не одинъ разъ городскимъ головою и былъ пожалованъ званіемъ коммерціи совѣтника. Извѣстные нынѣ коммерческіе дѣятели Иванъ и Михаилъ Ивановичи Любимовы—его сыновья.

На площади, противъ Петропавловскаго собора, были казенные дома, выстроенные въ 1780 году, предъ открытіемъ города. Въ 1787 году, какъ видно изъ документовъ, въ первомъ изъ нихъ помѣщался генераль-губернаторъ пермскаго и тобольскаго намѣстничества, генераль-поручикъ, лейбъ-гвардіи премьеръ-маіоръ Евгений Петровичъ Кашкинъ, во второмъ—губернаторъ пермскаго намѣстничества, генераль-маіоръ Илья Васильевичъ Колтовской, въ третьемъ—комендантъ города Перми Иванъ Ивановичъ фонъ-Будендикъ. Всѣ эти дома были деревянные, одноэтажные и сгорѣли въ пожаръ 1841 года. Я помню ихъ хорошо, особенно генераль-губернаторскій домъ, имѣвшій представительный видъ, съ двумя павильонами по краямъ и съ возвышенною серединою, гдѣ помѣщался обширный *тронный* залъ въ два свѣта *). Домъ былъ окрашенъ темножелтою краскою, а пиллястры и рѣзныя украшенія на фасадѣ—бѣлою. На площади,

---

*) Генераль-губернаторы представляли собою лицо Государыни, и при торжественныхъ приемахъ обращались къ собравшимся—отъ ступеней трона. См. любопытныя подробности въ „Лѣтописи города Перми“, О. А. Прадильщикова.

между этими домами и соборомъ, существовалъ круглый скверъ, засаженный деревьями и называвшійся Александровскимъ; на сторонѣ, противоположной Ягошихѣ, были первыя зданія присутственныхъ мѣстъ, а ниже городской магистратъ (о постройкѣ его см. выше, стр. 46—48), гдѣ въ 1870-хъ годахъ помѣщался пріютъ для бѣдныхъ дѣтей.

Улица, шедшая отъ генераль-губернаторскаго дома до нынѣшней Театральной площади, называлась различно: Петропавловскою, Среднею (вѣроятно потому, что въ первое время были только три параллельныя улицы: Торговая, Покровская и между ними Петропавловская) и Дворянскою (конечно потому, что на ней были дома главныхъ чиновниковъ и богатыхъ купцовъ). Въ ней было 15 домовъ, которые въ 1787 году принадлежали: вдовѣ полковницѣ Жолобовой, 1 гильдіи софійскому купцу Григорью Ламакину, заводчикамъ Григорью и Николаю Походяшинымъ, совѣтнику казенной палаты Ѳедору Гренъ, совѣтнику намѣстническаго правленія Ивану Михайловичу Лихареву, протоіерею Петропавловскаго собора Антонію Попову, надворной совѣтницѣ Бредихиной, совѣтнику гражданской палаты Степану Ивановичу Пилюгину, вице-губернатору, директору экономіи, генерал-майору Ивану Михайловичу Борноволокову, совѣтникамъ казенной палаты подполковнику Дмитрію Петровичу Масленикову и коллежскому ассесору Андрею Егоровичу Груберъ, совѣтнику уголовной палаты Елисею Леонтьевичу Чадину, совѣтнику казенной палаты Гаврилу Прохоровичу Кузьмину, соликамскому купцу Елисею Саратовскому и коллежскому совѣтнику Михаилу Ильичу Пинюгину. Всѣ эти дома, перешедшіе, конечно, впоследствии чрезъ много рукъ, были, исключая дома Чадина, деревянные и сгорѣли въ 1842 году. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ домѣ, бывшемъ на мѣстѣ, гдѣ теперь домъ, принадлежавшій П. Ф. Грамолину, жилъ Павелъ Михайловичъ Ивановъ, отецъ нынѣшняго главнаго начальника Уральскаго хребта. На мѣстѣ, гдѣ нынѣ домъ Свѣшниковой, былъ большой, одноэтажный деревянный домъ, выкрашенный сѣрою краскою, принадлежавшій чиновнику Макке. Въ немъ жилъ сосланный въ Пермь князь Долгорукій, до перевода его въ Верхотурье, а потомъ ссыльные-же „польскіе маршалы“. Любопытно было-бы

знать поводы къ ссылкѣ князя Долгорукова, свѣдѣнія о которыхъ могли сохраниться въ губернскомъ архивѣ. Нѣтъ сомнѣнія, впрочемъ, что его привели въ Пермь проказы, перешедшія всякія границы терпимости, судя по тому, что онъ продѣлывалъ, уже живши въ Перми. Было время, когда Россія была богата „чудодѣями“. Знатное происхожденіе или баснословное богатство, иногда то и другое вмѣстѣ, при извѣстной широтѣ русской природы, не-рѣдко въ связи съ блестящимъ образованіемъ, но всегда при недостаткѣ нравственнаго воспитанія, и слѣдовательно руководящихъ началъ для приложенія къ дѣлу избытка силъ и талантовъ, если таковыя имѣлись—порождали такихъ „бѣсноватыхъ“, какимъ былъ, на примѣръ, хорошо памятный Москвѣ своими подвигами „Американецъ“ Толстой, отлично обрисованный Репетиловымъ въ „Горѣ отъ ума“.

Таковъ-же былъ, по расказамъ, и князь Долгорукій. Можетъ быть, въ ранней молодости моей я его и видалъ; но наружность его совершенно исчезла изъ моей памяти; помню только великолѣпнаго хохлатаго какаду, декламировавшаго французскіе стихи и американскую ворону, которыхъ, для забавы нашей, Долгорукій присылалъ иногда лѣтомъ къ намъ въ домъ; помню многочисленные разказы о его комическихъ или безобразныхъ выходкахъ; повтореніе этихъ разказовъ слышалъ я уже въ болѣе зрѣломъ возрастѣ отъ умершей лѣтъ пятнадцать тому назадъ пермской старожилки, городской бабки Дарьи Яковлевны Булановой. Любимой забавой его была травля собаками нищихъ и мужиковъ, требовавшихъ уплаты за проданный фуражъ или хозяйственные припасы. Однажды, въ лѣтній воскресный день, когда народъ шелъ къ обѣднѣ въ Петропавловскій соборъ, онъ высадилъ въ окно на улицу свою фаворитку, въ райскомъ костюмѣ нашей общей прабабушки. Утонченный гастрономъ, Долгорукій обладалъ весьма оригинальными вкусами; особенно излюбленною дичиною для него были жирные обитатели провіантскихъ магазиновъ—хомяки; и теперь еще живъ старичекъ, который въ юности, живя въ семинарской бурсѣ*), промышлялъ ловлею и

---

*) Небольшое бременчатое зданіе бурсы находилось на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь духовная консисторія, но ближе къ оврагу Медвѣдкѣ. Оно не сгорѣло въ 1842 году и было сломано, за ветхостію, уже въ пятидесятихъ годахъ.

поставкою на кухню Долгорукаго прожорливыхъ звѣрковъ, изъ которыхъ поварь-французъ, артистъ кулинарнаго искусства, изготовлялъ различные рагу и фри-кассе для опальнаго барина. Когда дѣянiя послѣдняго стали невыносимы и для не особенно взыскательныхъ въ то время пермяковъ, онъ былъ переведенъ на житье въ Верхотурье. Долгорукой, впрочемъ, ограничивалъ свои безобразiя людьми маленькими, или своими крѣпостными; въ обществѣ-же держалъ себя относительно сносно, былъ, въ хорошую минуту, прiятнымъ собесѣдникомъ, любилъ картежную игру и водилъ хлѣбъ-соль съ тогдашнею чиновною знатью Перми; на прощанье онъ однако не выдержалъ и скормилъ сановнымъ гостямъ, за завтракомъ въ паштетѣ, своего пуделя.

Въ 1840 году былъ сосланъ въ Пермь другой такой-же чудодѣй, хотя и нѣсколько въ сокращенномъ изданiи, Александръ Дмитрiевичъ Жеребцовъ, родственникъ бывшаго въ то время губернатора И. И. Огарева и пермскихъ помѣщиковъ Всеволожскихъ; но о немъ мнѣ придется, можетъ быть, сказать нѣсколько словъ впоследствии.

Противъ дома Макке, на другомъ углу Петропавловской улицы и нынѣшней Театральной площади, былъ большой каменный двухъ-этажный домъ совѣтника уголовной палаты Елисея Леонтьевича Чадина. Участъ этого дома весьма любопытна. Онъ былъ отстроенъ вчернѣ и покрытъ желѣзомъ, но никогда не былъ отдѣланъ, никогда въ немъ никто не жилъ; онъ остался цѣлъ какимъ-то чудомъ во время пожара 1842 года, когда кругомъ его все погорѣло, былъ купленъ въ концѣ сороковыхъ годовъ М. Г. Свѣдомскимъ, затѣмъ уступленъ имъ городскому обществу въ обмѣнъ на домъ, принадлежащiй теперь почтовой конторѣ, и наконецъ, простоявъ полсотни лѣтъ необитаемымъ, безъ всякаго видамаго повода, сломанъ до основанiя. Позднѣе, на арендованномъ у общества мѣстѣ его, былъ выстроенъ небольшой деревянный домикъ антрепренеромъ театра Херувимовымъ, служившiй сначала квартирою для актеровъ, а въ послѣднее время его существованiя помѣщавшiй въ себѣ портерную. Теперь, на мѣстѣ его, красуется грандіозное зданiе женской гимназiи. Странная участъ дома Чадина естественно вызывала толки въ народѣ, суевѣрiе котораго соз-

дало о немъ различныя легенды; въ домѣ творились чудеса: слышались какъ-бы выходящіе изъ подъ земли стоны, раздавались голоса, необыкновенные звуки, подобные стуку падающихъ и разбивающихся предметовъ. Въ особенности „чудилось“ въ глухую полночь; въ такую пору запоздалый прохожій ускорялъ шаги, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ отъ дѣвольскаго навожденія. Все это объяснялось тѣмъ, что домъ Чадина избрала своею резиденціею „кикимора“, которая, какъ извѣстно, ничего сожительства не терпитъ. Ее даже видѣли. Это случилось во время пожара 14 сентября 1842 года. Одна набожная старушка рассказывала, что въ этотъ роковой для Перми день, проходя мимо дома, когда уже кругомъ его все горѣло, а онъ продолжалъ стоять цѣль и невредимъ, она собственными глазами видѣла, какъ какая-то женщина въ бѣломъ чепцѣ, высунувшись изъ слуховаго окна въ крышѣ, платочкомъ отмахивала отъ дома огонь сосѣднихъ зданій. Эта женщина и была кикимора; благодаря ей, домъ, остававшійся безъ хозяевъ и слѣдовательно безъ всякаго призора, не подвергся участи окружавшихъ его зданій. Во время общаго переполоха, воображеніе толпы всегда настроено объяснять естественныя явленія необыкновенными причинами, дѣйствиемъ нечистой силы, и потому ничего нѣтъ мудренаго, что рассказы старухи подѣйствовали на простой народъ возбуждающимъ образомъ; слова ея передавались съ прибавленіями и прикрасами и въ концѣ концовъ разрослись въ легенду съ ужасающими и нелѣпнѣйшими подробностями; разговорамъ и толкамъ не было конца; народъ собирался толпами, хулилъ начальство и его дѣйствія во время пожара, обвиняя его чуть не въ сообщничествѣ съ чертами; къ нимъ-же въ компанію приплеталъ и поляковъ,—словомъ, трудно было и добратъся, что именно представлялось разгоряченной фантазіи толпы... Бывшій въ то время губернаторъ И. И. Огаревъ приказалъ розыскать распространителей нелѣпныхъ слуховъ; оказалось, что всему злу корень была выпепоманутая старушка; призвали ее въ полицію, допросили,—она и на допросѣ показала то, что выше рассказано,—вздумали пристращать присягой, она и отъ присяги не отказалась, говоря, что вратъ ей не-зачѣмъ, что она уже доживаетъ свой вѣкъ и грѣха на душу брать ей не приходится, и что она

показала то, что дѣйствительно видѣла. Кончилось дѣло тѣмъ, что продержали ее нѣсколько дней въ заключеніи и выпустили со строгимъ запретомъ смущать народъ болтовней... Основаніемъ разныхъ нелѣпыхъ рассказовъ о домѣ Чадина служилъ личный характеръ покойнаго владѣльца, его необыкновенная скупость, жестокое обращеніе съ дворовыми людьми, руками которыхъ не только строился домъ, но даже изготовлялся для него кирпичъ. Скупость побуждала его прибѣгать даже къ весьма зазорнымъ продѣлкамъ для пріобрѣтенія нужныхъ вещей: такъ, напримѣръ, онъ посылалъ своихъ дворовыхъ по ночамъ увозить чугунныя могильныя плиты съ кладбища, которыя закладывались потомъ надписями къ низу въ печи и въ полы въ сѣняхъ. Отецъ мой рассказывалъ, что именно это обстоятельство и ускорило смерть Чадина. Дворовые, не терпѣвшіе барина за дурное съ ними обращеніе, въ день его именинъ, придумали испечь пирогъ на обломкѣ краденой плиты, обративъ его надписью къ-верху. Продѣлка эта открылась за званымъ обѣдомъ; гости, не окончивъ обѣда, взялись за шапки, а на хозяйина такъ подѣйствовалъ неожиданный скандалъ, что онъ сильно заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Такъ отомстили вышедшіе изъ терпѣнія дворовые своему жестокосердому барину. Покойный городской архитекторъ Константинъ Алексѣевичъ Золотавинъ рассказывалъ, что, получивъ по какому-то случаю порученіе начальства осмотрѣть подробно необитаемый домъ, онъ открылъ въ подвальномъ этажѣ его необыкновенной глубины колодезь, назначеніе котораго онъ объяснить затруднялся. Былъ-ли колодезь этотъ выкопанъ Чадинымъ для какихъ-либо цѣлей, или это просто была слабо засыпанная и потомъ отъ времени провалившаяся горная шахта, какихъ много было на мѣстѣ нынѣшняго города, во время дѣйствія Ягошихинскаго завода? Мнѣ самому привелось открыть такую засыпанную и потомъ провалившуюся шахту при домѣ губернской управы. По передачѣ этого дома отъ бывшаго приказа общественнаго призрѣнія въ вѣденіе земства, въ существующемъ при немъ саду былъ небольшой насыпной холмикъ, на которомъ красовалась полусгнившая скамейка. Когда впоследствии, на этотъ мѣстѣ, я вздумалъ устроить бесѣдку и холмикъ пришлось на половину срѣзать, то земля по срединѣ провалилась и въ образовав-

шуюся яму едва не упалъ одинъ изъ рабочихъ. По изслѣдованіи, яма оказалась значительной глубины; обвалъ легко объясняется тѣмъ, что, вѣроятно изъ экономіи, при разведеніи сада, старая шахта была не сплошь заполнена землею, а забита деревомъ, сверхъ котораго и былъ насыпанъ холмъ; дерево, разумѣется, отъ времени сгнило и когда часть холма была скрыта, то остальная земля провалилась. Старыя горныя работы вообще подавали поводъ въ прежнее время къ таинственнымъ рассказамъ. Такъ, на примѣръ, говорили, что изъ оврага Медвѣдки проведенъ подъ всею Пермью подземный ходъ, что его устроили, въ незапамятныя времена, разбойники (дѣйствительно имѣвшіе свои притоны въ окрестностяхъ нынѣшняго города еще въ прошломъ столѣтіи), которые укрывались въ немъ отъ поисковъ и хоронили тамъ награбленное добро*). Этотъ пресловутый подземный ходъ можетъ быть дѣйствительно существуетъ, и даже не мудрено, что въ немъ дѣйствительно могли укрываться разбойники, но представляетъ онъ собою, конечно, ничто иное какъ заброшенную заводскую штольню, которая могла быть пробита никакъ не раньше первой половины прошлаго столѣтія.

Самъ Чадинъ жилъ въ небольшомъ каменномъ пристроѣ къ необитаемому дому, на площади. На моей памяти, въ этомъ обветшавшемъ пристроѣ, проживали разные ремесленники, а въ подвалѣ помѣщалась какая-то „турчанка“ съ дѣтьми, существовавшая подавняими.

По утвержденному въ 1784 году плану города, назначено было, какъ сказано выше, строить гостинный дворъ на Нижнемъ рынкѣ, т. е. тамъ, гдѣ теперь находятся зданія Уральской горнозаводской желѣзной дороги; но 2-го декабря 1796 года, городское общество постановило приговоръ: „просить о построеніи того гостинаго двора на другомъ мѣстѣ, а именно, между улицами Вознесен-

---

*) Въ дѣлахъ губернскаго архива сохранилось много переписокъ о разбояхъ въ прошломъ столѣтіи въ окрестностяхъ Ягошихинскаго завода. Разбой продолжался и по открытіи города. О. А. Прядильщиковъ говоритъ въ своей „Лѣтописи“: „Осенью 1788 года Пермь встревожена происшествіемъ: большая компанія городскихъ чиновниковъ (въ числѣ ихъ были значительныя лица), ночью на охотѣ, близъ устья р. Курьи, захвачена во время сна разбойниками, ограблена до нага и лишилась одного члена, убитаго злодѣями въ отмщеніе за сдѣланный имъ при оборонѣ безвредный выстрѣлъ“.

скою и Екатерининскою и переулками Кунгурскимъ (Широкимъ переулкомъ) и Красноуфимскимъ (т. е. на нынѣшней Ямской, а по-просту—Сѣнной площади, гдѣ находится зданіе окружнаго суда), на порожнемъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ поставлены на краю города временно обывательскія кузницы“. 8 декабря того-же года, въ рапортѣ губернатору Модераху, было изложено означенное ходатайство съ такимъ дополненіемъ: „касательно-же о построеніи на Черномъ хлѣбномъ рынокѣ, какъ-то: мясныхъ, рыбныхъ лавокъ и амбаровъ, то и оныя обязались таковымъ-же приговоромъ постройкою окончить, по изданному плану о томъ губернскаго-землемѣра, въ томъ-же 1797 году, которое мѣсто (нынѣшній Черный рынокъ) и начать чисткою производить“.

Ходатайство о постройкѣ гостиннаго двора на теперешней Сѣнной площади уважено не было и вслѣдствіе этого, 22-го мая 1797 года, общество снова постановило приговоръ, въ которомъ, между прочимъ, сказано.... „а какъ изъ плана (города) видно, что между улицами Торговой и Петропавловской и промежъ переулками Обвинскимъ и Сибирскимъ, мѣсто, на которомъ назначено быть разное каменное строеніе, яко-то генераль-губернаторскій и губернаторскій дома и соборная церковь (т. е. тамъ, гдѣ теперь гостинный дворъ и театр), изъ котораго строенія нынѣ нѣкоторая часть по Высочайшему повелѣнію уничтожена (т. е. постройка его отмѣнена)..., то желаемъ тутъ устроить каменный гостинный дворъ, коему быть на томъ мѣстѣ весьма прилично, поелику Торговая улица наполнена немалымъ каменнымъ строеніемъ да и впредь уповательно въ оной въ прибавокъ быть можетъ; а также въ недалномъ разстояніи присутственныя мѣста и Черный хлѣбный рынокъ, равно-жъ и пристань на Камѣ рѣкѣ по близости и каменный городской магистратъ въ той-же улицѣ состоитъ“....

Модерахъ представилъ генераль-прокурору князю Куракину: „1) о занятіи деревяннаго генераль-губернаторскаго дома, для большей въ томъ удобности, подъ присутственныя мѣста и объ обращеніи двухъ деревянныхъ корпусовъ, сими мѣстами занимаемыхъ (на западной сторонѣ Петропавловской площади), въ казармы, и 2) о построеніи гостинаго двора на мѣстѣ, гдѣ назначались прежде зданія для генераль-губернаторскаго и гу-

бернаторскаго домовъ“. На представленіе это послѣдовало Высочайшее соизволеніе, сообщая о которомъ городскому головѣ, Модерахъ предлагаетъ согласить городское общество, „въ минованіе отягощенія жителей, получаемаго отъ постоя, полагаемые подъ казармы два корпуса присутственныхъ мѣстъ, для удобства къ житію военно-служителей, на свой счетъ исправить“.

Хотя, затѣмъ, въ томъ-же 1797 году, какъ было сказано выше, послѣдовало Высочайшее повелѣніе „отнынѣ нигдѣ гостиныхъ дворовъ не строить и чтобъ лавки, нужныя для торговли, были въ домахъ“, тѣмъ не менѣе, въ виду, вѣроятно, отмѣны означеннаго повелѣнія, 2-го сентября 1799 года, Модерахъ пишетъ думѣ:..... „предлагаю—какъ по апробованному плану положено тамъ гостинный дворъ построить весьма обширно, квадратомъ на четыре стороны, и лавки расположены въ два ряда, снаружи и внутри; здѣшнее-жъ гражданство такого огромнаго строенія произвести не въ состояніи, то и почитаю я на первый случай достаточнымъ выстроить только одинъ фазъ и лавки расположить только съ одного лица, а позади оныхъ, во внутренности гостиннаго двора, ежели пожелаютъ, устроить кладовыя“.

19 августа 1800 года Модерахъ разрѣшилъ строить 60 лавокъ, а 30 того-жъ августа купеческое общество постановило приговоромъ: „строить стѣны вышиною отъ фундамента 6, а въ лавкѣ вышины 3¹/₂ арш., двери въ 3, а шириною 4 аршина“. Въ дѣйствительности, вслѣдствіе, вѣроятно, предварительнаго дозволенія, гостинный дворъ началъ строиться нѣсколько ранѣе официального разрѣшенія и приведеннаго приговора общества. Это видно изъ надписи на чугунной доскѣ, вдѣланной въ стѣну нынѣ существующаго зданія, обращенную къ театру. Надпись эта гласитъ слѣдующее:

„По Высочайше апробованному плану, стараніемъ его превосходительства пермскаго гражданскаго господина губернатора и разныхъ орденовъ кавалера Карлъ Федоровича Модераха, въ первыхъ начался сей гостинной дворъ строить пермскимъ купцомъ и бургомистромъ Ивановъ, Романовымъ сыномъ, Жмаевымъ, мая въ 15 день 1800 года“.

Купцы строили лавки каждый своимъ коштомъ и на владѣніе ими, надобно полагать, получали данныя, какъ

о томъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся въ городскомъ архивѣ залоговыя свидѣтельства на 11 лавокъ, принадлежавшихъ Жмаеву.

Строитель ихъ, Иванъ Романовичъ Жмаевъ, происходившій изъ тамбовскихъ гражданъ, родился (какъ видно изъ ревизскихъ сказокъ 1795 года) въ 1743 году. Съ 1794 г. онъ переселился изъ Тамбова въ Пермскую губернію, поступивъ на службу управляющимъ Невьянскими заводами Петра Саввича Яковлова. Имя его въ первый разъ упоминается, въ числѣ купцовъ 2 гильдіи города Перми, въ 1796 году, при чемъ присовокуплено, что у него двѣ дочери: Авдотья, 25 лѣтъ, за мужемъ съ 1786 года за драгунскимъ капитаномъ Доремидонтомъ Ивановичемъ Суховымъ, и Марья, 16 лѣтъ. Марья Ивановна впоследствии вышла замужъ за пермскаго казначея Дмитрія Васильевича Дягилева, родоначальника пермскихъ помѣщиковъ Дягилевыхъ.

На трехлѣтіе съ 1799 года Иванъ Романовичъ былъ избранъ въ должность *перваго* бургомистра, а въ 1802—1805 годахъ служилъ городскимъ головою. Въ 1803 г., по представленію Модераха, получилъ Высочайшее благоволеніе, а въ слѣдъ за тѣмъ былъ пожалованъ чиномъ коллежскаго ассесора. Сохранились два живописныхъ портрета Жмаева: одинъ въ семействѣ Дягилевыхъ, а другой въ духовной семинаріи, получившей его въ даръ въ 1821 году отъ архіепископа Іустина, на память о значительныхъ пожертвованіяхъ Жмаева въ пользу семинаріи.

Любопытна черта простоты нравовъ и юридическихъ порядковъ стараго времени. За три дня до смерти, 17 марта 1807 г., Жмаевъ написалъ зятю и дочери съ ихъ дѣтьми, „Ванюшей и Танюшей“, письмо, которымъ предоставляетъ право наслѣдства послѣ себя Марьѣ Ивановнѣ. Это простое, за его единоличною подписью, письмо было утверждено пермскою палатою гражданскаго суда, въ качествѣ духовнаго завѣщанія и Марьѣ Ивановнѣ Дягилевой предоставлены права на владѣніе всѣмъ имуществомъ отца ея*).

Кромѣ 11 лавокъ гостиннаго двора, Жмаеву принадлежали каменные зданія, занимавшія всю западную сто-

*) Это письмо я имѣлъ на время отъ покойнаго Павла Дмитриевича Дягилева, въ числѣ другихъ его фамильныхъ документовъ.

рону нынѣшней Театральной площади и часть Петропавловской и Торговой улицъ. На углу Петропавловской улицы и площади былъ большой одноэтажный домъ, въ которомъ жилъ самъ владѣлецъ; къ нему примыкали, спускаясь по площади въ направленіи къ Камѣ, 15 соляныхъ лавокъ и амбаровъ, а на противоположномъ углу, по Торговой улицѣ, завершалъ линію зданій небольшой каменный двухъ-этажный домъ (теперь пустое мѣсто) съ мезониномъ. Такъ какъ мѣсто, занимаемое этимъ домомъ, было сырое, то стѣны дали трещины и онъ былъ сломанъ не за долго до пожара 1842 года. По Петропавловской улицѣ былъ небольшой флигель ¹⁾, въ которомъ, до пожара, жилъ чиновникъ особыхъ порученій казенной палаты Николай Ивановичъ Ильинъ, впоследствии извѣстный пароходчикъ, а въ началѣ пятидесятихъ годовъ—жилъ тамъ-же невольный гость Перми, студентъ московскаго университета Александръ Ивановичъ Деспотъ-Зиновичъ, впоследствии троицко-савскій пограничный комиссаръ, градоначальникъ, тобольскій губернаторъ, а нынѣ тайный совѣтникъ и членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ.

При домѣ Жмаева былъ прекрасный садъ и большая оранжерея, расположенная во всю длину существующаго по настоящее время брантмауера. Въ оранжереѣ были прекрасныя абрикосовыя и персиковыя деревья и виноградные кусты, дававшіе обильные плоды. Оранжерею раздѣляла на двѣ половины круглая, въ видѣ башни съ куполомъ, каменная двухъ-этажная бесѣдка, на стѣнахъ которой были изображены ландшафты, а на потолкахъ рѣзвѣщіяся Нимфы и Амуры. Все это сгорѣло въ 1842 году. Въ послѣдніе годы передъ пожаромъ, въ большомъ домѣ, квартировалъ вдовый вице-губернаторъ Андрей Федоровичъ Кабригъ, у котораго было три дочери: Ольга, Марья и Наталья и сынъ Николай, извѣстный игрокъ, а въ заключеніе картежной карьеры—опекунъ Сергинско-Уфалейскихъ заводовъ.

Въ 1842 году домъ тотъ былъ купленъ у наслѣдниковъ Жмаева моимъ отцомъ за 25000 руб. ассигнаціями и сгорѣлъ 14-го сентября въ общій пожаръ ²⁾. Послѣ

¹⁾ Теперь въ немъ помѣщается городской общественный Марьянскій банкъ.

²⁾ Подробности см. въ статьѣ: „Пожаръ 14 сентября 1842 года“.

пожара отецъ надстроилъ на главномъ зданіи второй этажъ, сломалъ солянныя лавки и вмѣсто нихъ сдѣлалъ къ дому пристрой, въ которомъ теперь помѣщаются городская библіотека и 1-я часть города, а далѣе выстроилъ, на прежнемъ фундаментѣ, двухъ-этажный домъ, гдѣ теперь находится городское полицейское управленіе. Въ 1864 г. я продалъ этотъ домъ городскому обществу.

Противъ этого дома, на углу, существовало до пожара 1842 г., прекрасное зданіе, бывшее украшеніемъ города; оно было выстроено Модерахомъ для главнаго народнаго училища, въ 1806 году преобразованнаго въ гимназію. Въ симметрію съ домомъ Жмаева, уголъ гимназическаго зданія былъ закругленъ и представлялъ самую высокую часть постройки, возвышаясь надъ крышею боковыхъ крыльевъ въ видѣ круглой башни съ куполомъ, завершавшимся фонаремъ съ окнами. Въ верхнемъ этажѣ этой части зданія помѣщался грандіозный актовъ залъ, въ два свѣта, съ куполомъ и съ хорами кругомъ.

Къ сожалѣнію, послѣ пожара, это прекрасное зданіе было сломано до основанія, и даже съ большимъ трудомъ, вслѣдствіе необыкновенной прочности старой постройки; самый кирпичъ, послѣ разломки, былъ проданъ совѣтнику казенной палаты Василью Васильевичу Парначеву, который и выстроилъ изъ него для себя прекрасный, щегольски отдѣланный, домъ, принадлежащій теперь духовному училищу. На мѣстѣ прежняго дома гимназіи теперь существуетъ казарменнаго вида зданіе, въ которомъ помѣщается это учебное заведеніе. Строилъ его, по подряду отъ казны, чиновникъ Осипъ Ларионовичъ Цвѣтковъ. Это былъ весьма несимпатичный и съ виду и по нравственнымъ качествамъ человѣкъ. Послѣ постройки гимназіи онъ соорудилъ собственный домъ, принадлежащій теперь А. С. Печонкину. Потомъ онъ уѣхалъ изъ Пермской губерніи, купилъ въ Казанской или Нижегородской губерніи имѣніе, гдѣ, за жестокое обращеніе, былъ убитъ своими крѣпостными людьми.

Въ сосѣдствѣ съ гимназією, противъ гостиннаго двора, былъ берхъ-инспекторскій домъ, въ которомъ теперь помѣщается казенная палата. Въ этомъ домѣ, въ 1824 году, останавливался Императоръ Александръ Павловичъ. Затѣмъ, по Сибирской улицѣ я помню деревянный двухъ-этажный домъ, съ мезониномъ, на мѣстѣ нынѣш-

няго дома Толянина. Въ этомъ домѣ, сгорѣвшемъ въ 1842 г., жилъ городничій Василій Ѳеодоровичъ Вайгель, возбудившій противъ себя негодованіе жителей своими дѣйствіями во время пожара, о чемъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Каменный домъ на противоположномъ углу, принадлежащій нынѣ г.г. Каменскимъ, построенъ послѣ пожара Иваномъ Алексѣевичемъ Мерзляковымъ, родственникомъ знаменитаго поэта и профессора Алексѣя Ѳеодоровича Мерзлякова, уроженца города Далматова. По смерти Мерзлякова, вдова его вышла замужъ за председателя палаты уголовного и гражданскаго суда Владимира Ивановича фонъ-Галлеръ, а дочь отъ ея перваго мужа—за баталіоннаго офицера Каетана Андреевича Волковицкаго. Въ нижнемъ этажѣ дома долго квартировалъ вице-губернаторъ Михаилъ Владиміровичъ Владиміровъ. Нынѣшній губернаторскій домъ былъ выстроенъ въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія председателемъ гражданской палаты Иваномъ Даниловичемъ Прянишниковымъ. Домъ Ивана Даниловича ходилъ въ залогахъ у извѣстнаго откупщика того времени вольскаго купца Злобина и, вслѣдствіе несостоятельности послѣдняго, былъ проданъ, въ 1817 году, съ аукціона губернскому казенныхъ дѣлъ стряпчему Осипу Ѳеодоровичу Арентъ, купившему его для своего зятя Семена Ивановича Баранова, бывшаго впоследствии долгое время губернскимъ прокуроромъ. Послѣ пожара 1842 года домъ этотъ купленъ казною для губернаторской квартиры, а сынъ Баранова, Николай, выстроилъ для себя, въ слѣдующемъ кварталѣ, ближайшемъ къ Сибирской заставѣ, одноэтажный каменный домъ, принадлежавшій послѣ того г.г. Дягилевымъ, а нынѣ проданный городскому обществу.

Домъ, гдѣ помѣщается теперь губернское правленіе, принадлежалъ вице-губернатору Ивану Петровичу Розингу, также былъ въ залогахъ по откупамъ Злобина и поступилъ, одновременно съ продажею дома Прянишникова, въ казну. Въ сосѣдствѣ съ нимъ, по Екатерининской улицѣ, деревянный домъ, гдѣ нынѣ помѣщается пожарное депо, былъ строенъ въ 1784 году для воспитательнаго дома, который и помѣщался тутъ до времени своего закрытія въ 1828 году. Деревянный домъ благороднаго собранія былъ строенъ по порученію общества, на сборныя деньги, не задолго до пожара 1842 года,

совѣтникомъ казенной палаты В. В. Парначевымъ. Въ пожаръ онъ уцѣлѣлъ и въ немъ помѣщалась въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ гимназія, пока не выстроено было новое, нынѣ принадлежащее ей, зданіе. Мнѣ привелось окончить гимназическій курсъ въ этомъ наемномъ домѣ, въ 1843 году. Когда гимназія была переведена въ собственное помѣщеніе, то въ домѣ благороднаго собранія нѣсколько лѣтъ квартировалъ предсѣдатель палаты государственныхъ имуществъ Сергѣй Александровичъ Костлицевъ.

Послѣдній домъ передъ Сибирскою заставою, по лѣвой сторонѣ, на мѣстѣ коего нынѣ находится дальній флигель дома губернскаго земства, принадлежалъ архитектору горнаго вѣдомства Свіазеву, умершему нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ, въ чинѣ тайнаго совѣтника. Его „Руководство къ архитектурѣ“ и по-нынѣ не потеряло значенія, равно какъ и носящая его имя система печей. Въ его домѣ Императоръ Александръ Павловичъ, по прибытіи въ Пермь въ 1824 году, останавливался, чтобы переодѣться, и подарилъ хозяину брилліантовый перстень, а хозяйкѣ дома такой-же фермуаръ. Свіазевъ былъ, по-виимдому, близокъ съ мѣстнымъ поэтомъ, учителемъ гимназіи Θεоновымъ. Память о ихъ дружескихъ отношеніяхъ сохранилась въ стихотвореніи послѣдняго, напечатанномъ въ „Заволжскомъ Муравѣ“ (или „Казанскомъ Вѣстникѣ“—навѣрно сказать не могу), 1833, № 20. Стихотвореніе, посвященное Свіазеву, для своего времени на столько хорошо, что я нахожу умѣстнымъ привести его здѣсь:

И. И. Свіазеву.

Ты счастливъ, другъ! Твои лѣта страданій,
Лѣта страстей прошли какъ смутный сонъ...
Не такъ со мной: подъ парусомъ желаній
Еще все вдаль летитъ мой утлый челнъ.

Я не погибъ.... но скоро вѣтеръ бурный
Опять дохнетъ, но мракъ грозящихъ тучъ
Готовъ покрыть отвсюду сводъ лазурный.
И помрачить надежды свѣтлый лучъ.

О, добрый другъ! быть можетъ, злость и мщенье
Мой утлый челнъ мгновенно сокрушатъ—
Тогда прости!—ни вопль, ни сожалѣнье
Погибшаго къ тебѣ не возвратятъ.....

* * *

Но можетъ быть, чудесно сохранится
Мечтатель твой, и живъ и невредимъ,
И мимо громъ враждующій прочтется
И сердца грусть умчится вслѣдъ за нимъ—

Тогда, мой другъ, * * *
веселый лучъ денницы
Я буду вновь съ веселіемъ встрѣчать
И вновь игрой задумчивой цѣвницы
Моихъ друзей улыбку возбуждать.

Подъ кровомъ Музъ, * * *
въ тиши уединенья,
Былое вдругъ въ душѣ моей блеснетъ—
И въ лучшій міръ, на крыльяхъ вдохновенья,
Опять мечты счастливица унесетъ...

Прелестный міръ! * * *
Страна очарованья!
Тамъ все цвѣтетъ, все радостью горитъ!
Забиты тамъ утраты и желанья
И далеко печаль отголь бѣжить...

И все, мой другъ, * * *
что изгнано изъ свѣта,
Въ странѣ мечты нашло себѣ приютъ:
Чувствительность—прекрасныхъ душъ примѣта,
Любовь и честь—они лишь тамъ живутъ!

Тамъ въ первый разъ * * *
душа моя познала
Возвышенность своихъ недѣльныхъ благъ
И—мнилось ей—въ восторгѣ угадала
Сокрытое отъ смертныхъ въ небесахъ...

Съ тѣхъ поръ * * *
она съ надеждой возрожденья
Летитъ впередъ беспечнѣй и бодрѣй;
Печаленъ путь заботы и терпѣнья,
За то въ концѣ прекрасный отдыхъ ей!

Пусть грянетъ громъ, * * *
пусть черной злобы стрѣлы
Во цвѣтѣхъ лѣтъ невиннаго сразятъ:
Онѣ лишь путь въ небесные предѣлы,
Въ родимый край душъ уворотятъ!

А ты—въ бѣдахъ * * *
безцѣнный утѣшитель,
Союзъ души съ родимою душой!—
Храни меня, какъ ангелъ мой хранитель,
Отъ грубыхъ благъ, даруемыхъ судьбой!

Да возмогу, * * *
при всѣхъ ударахъ рока,
Прекрасному въ душѣ не измѣнить
И не прельстяться приманками порока—
Для прочныхъ благъ, для лучшей жизни жить!

Да возмогу, * * *
утративъ упованье
На сбыточность минутныхъ міра благъ,

За край земли стремить мое желанье—
Быть прахомъ здѣсь, а духомъ—въ небесахъ!

Съ береговъ Камы. 1833.

На мѣстѣ домика Сви́зева, въ 1828 г. были сооружены губернаторомъ Кирилломъ Яковлевичемъ Тюфяевымъ обширныя деревянныя зданія, для помѣщенія училища дѣтей канцелярскихъ служителей, изображавшія въ совокупности, на планѣ, фигуру заглавной печатной буквы Т, въ память о строителѣ. Впослѣдствіи эта фигура нарушилась поперечною пристройкою, произведенною въ пятидесятихъ годахъ свади главнаго корпуса. Училище закрыто въ 1852 году и въ зданіяхъ его помѣщались сначала разныя присутственныя мѣста, а потомъ солдаты мѣстнаго баталіона. Въ сентябрѣ 1870 года зданія эти переданы отъ пермскаго приказа общественнаго призрѣнія губернской земской управѣ, въ самомъ запущенномъ состояніи; но земствомъ были исправлены и съ 1872 года въ нихъ помѣщаются губернскія земскія учрежденія. Въ 1873 году, въ домѣ губернскаго земства, останавливался, во время проѣзда чрезъ Пермь, Великій Князь Алексѣй Александровичъ.

Первая церковь построена въ городѣ Перми на Старомъ кладбищѣ, во имя Всѣхъ Святыхъ. 19-го декабря 1783 г., Кашкинъ далъ изъ Екатеринбургa предложеніе приказу общественнаго призрѣнія „о построеніи близъ города Перми церкви для погребенія умершихъ“, при чемъ сообщилъ, что имъ собрано въ Екатеринбургѣ 530 рублей „да въ обратный проѣздъ шарташскіе жители пожертвовали 500 рублей“. 31 мая 1784 г. повѣренный Кыштымскаго Никиты Демидова завода представилъ на постройку мѣдной монетою 60 руб., въ іюлѣ поступило отъ заводчиковъ Турчанинова, Демидова и Ширяева 95 руб. и въ Красноуфимскомъ уѣздѣ собрано 67 руб. 11 марта 1784 года архитекторъ Фѣдоръ Паульсенъ представилъ смѣту на постройку церкви въ 1452 р. 12 коп. Церковь освящена 10-го декабря 1784 года. Дорога-же, „идущая къ кладбищу для погребенія умершихъ—по выраженію генераль-губернатора Кашкина—яко необходимѣйшая по теченію жизни человѣческой, должна быть сочтена равно якобъ лежащая среди города улица“, почему и велѣно было отъ него въ 1787 году засѣдающему въ приказѣ общественнаго призрѣнія премьеръ-маіору

Захарьину оную дорогу исправить, на что издержано было послѣднимъ 64 р. 66 коп., которые и возвращены изъ средствъ города, а въ 1798 году построенъ на этой дорогѣ мостъ чрезъ рѣчку Стиксъ, ставшій въ 144 руб. 14 коп. Въ томъ-же году выдано изъ приказа 30 руб. шести домохозяевамъ „за перевозку ихъ домовъ изъ логу выше Ягошихинскаго пруда, для устроенія дороги къ могильнику отъ госпиталя“.

Старая кладбищенская церковь перестроена была заново въ сороковыхъ годахъ Михаиломъ Гавриловичемъ Свѣдомскимъ. Возлѣ сѣверной стѣны церкви любопытные могутъ видѣть могилу бургомистра проплага вѣка Кручинина, съ мраморною на ней плитою, на которой начертана слѣдующая курьезная эпитафія:

Правитель, гражданинъ—что вкупѣ заключаетъ
Кручининъ Константинъ—здѣ тѣломъ пребываетъ;
Чрезъ сорокъ ровно лѣтъ на свѣтѣ какъ онъ жилъ,
То обществу Перми довольно послужилъ.
Въ первыхъ былъ чрезъ три онъ года бургомистромъ,
За что и награжденъ отъ всѣхъ похвальнымъ листомъ.
Какъ званіе сіе вторично отправлялъ,
Въ день Пасхи самый тотъ теченіе скончалъ.
И кратку жизнь свою правдивостью прославилъ:
Примѣръ неалчности къ богатству онъ оставилъ,
Всю Сидоровичъ жизнь на то и посвятилъ—
Гостепріимствомъ всѣмъ и каждому платилъ.
Теперь съ духами тѣхъ его духъ пребываетъ,—
Которыхъ уже смерть за то не устрашаетъ—
Сокровища что онъ земнаго не скривалъ,
Всегда небесное умомъ воображалъ.

Скончался 1 апрѣля 1795 года въ 1 часу по-полудни.

Затѣмъ, въ 1789 году, построена городскимъ головою Васильемъ Герасимовичемъ Лалинымъ (23 декабря того же года освященъ нижній ея этажъ) церковь Владимірской Божіей Матери, 8 сентября 1810 года переименованная преосвященнымъ Іоанномъ въ Рождество-Богородицкую. Въ 1820 году молнія ударила въ церковь, разбила окно въ куполѣ и опалила иконостасъ въ верхнемъ этажѣ.

Исторія пермскаго кафедральнаго собора такова. Въ Соликамскомъ уѣздѣ существовалъ одинъ изъ богатѣйшихъ въ Россіи монастырей—Преображенскій ставропигіальный, основанный около 1560 года близъ р. Пысгора Іоанникиемъ Ѳедоровичемъ Строгановымъ, въ иночествѣ Іоасафомъ; затѣмъ, дѣтьми послѣдняго переведенный въ

1570 г. къ самой рѣкѣ, въ городокъ Камкорь, потомъ, чрезъ 186 лѣтъ, на р. Лысьву, а въ 1776 году въ Соликамскъ. Монастырь владѣлъ множествомъ угодій въ Кунгурской провинци, 3500 душъ оброчныхъ крестьянъ въ Сылвенской волости, Дедюхинскими промыслами, на которыхъ вываривалось до 1.200,000 п. соли и огромными вещевыми богатствами. Въ 1764 году всѣ угодья, крестьяне и промысла отъ монастыря были отобраны въ казну и ему оставлено лишь 8 десятинъ для сѣнокоса и выгона, 17 штатныхъ служителей и назначено по 1300 руб. милостиннаго жалованья изъ государственной казны. Въ виду предстоявшаго открытія города Перми, Святѣйшій Синодъ представилъ на Высочайшее воззрѣніе предположеніе о переводѣ Преображенскаго монастыря изъ Соликамска въ Пермь и на означенномъ докладѣ положена была Императрицею слѣдующая резолюція:

„Ставропигіальный Преображенскій Пыскорскій монастырь, сходно мнѣнію Нашега Синода и правящаго должность генераль-губернатора пермскаго и тобольскаго, генераль-поручика Кашкина, перевести въ новоучрежденный губернский городъ Пермь, возлагая попеченіе о постройкѣ его на епархіальнаго архіерея и на упомятаго генераль-поручика; а впрочемъ тому монастырю быть во второмъ классѣ, именуясь Преображенскимъ Пермскимъ. Соликамскому-жъ Воскресенскому монастырю остаться, по прежнему, заштатнымъ. *Екатерина*“.

17 октября 1789 года, генераль-губернаторъ Волковъ пишетъ въ Москву унтеръ-шхтмейстеру Васильеву слѣдующее:

„Извѣстно мнѣ, что ты учишься архитектурѣ гражданской, подъ руководствомъ такого человѣка, котораго свѣдѣніе въ сей наукѣ доказано многими опытами. Судя по сему, нельзя сомнѣваться, чтобъ ты, пользуясь наставленіями его, не приобрѣлъ столько знанія, сколько потребно для дѣланія фасадовъ“.

„Имѣя таковыя мысли, посылаю къ тебѣ планъ ново-заводимаго въ Перми монастыря, съ тѣмъ дабы, хотя съ помощію твоего руководителя, сдѣланы были фасады и профили означеннымъ на немъ строеніямъ и исчисленіе, сколько какихъ матеріаловъ понадобится для церкви, для колокольни и для каждаго корпуса порознь, съ показаніемъ величины кирпича, наблюдая при томъ и то,

чтобъ постройка монастыря не требовала великаго издженія. При семъ прилагается рисунокъ сдѣланнаго уже *) въ церкви слѣдующей къ разломкѣ стоящаго иконостаса; по мѣрѣ его долженъ быть планъ и фасадъ монастырской церкви о двухъ этажахъ, а не объ одномъ какъ на планѣ положено. Въ верхнемъ чтобъ была холодная церковь, для коей назначенъ изображенный рисункомъ иконостасъ, а въ нижнемъ теплая. Старайся исполнить предписанное здѣсь и доставить обратно посланное къ тебѣ, дабы можно было заготовлять матеріалы къ будущему лѣту“.

21 октября 1780 года Волковъ требуетъ отъ тобольскаго губернатора Алябьева, для наблюденія за постройкою, присылки въ Пермь архитектора Гучева.

28 мая 1790 года Волковъ пишетъ епископу вятскому Лаврентію, что засталъ на строеніе монастыря, по прибытіи въ Пермь, 8000 р. денегъ, вырученныхъ за проданные колокола Пыскорскаго монастыря, желѣза связнаго 1520 саж., кровельнаго 3930 листовъ, 379 рѣшотокъ, 1104 пуда разнаго желѣза-ломи и 770,850 кирпичей, находящихся въ Перми, что получилъ изъ Москвы исправленный планъ и фасадъ, а по составленной въ Перми смѣтѣ потребно 151,313 руб. 2 копѣйки. Много есть кирпича въ зданіяхъ Пыскорскаго монастыря, но съ разломкою и перевозкою въ Пермь онъ обойдется въ одну цѣну съ новымъ, т. е. въ 5 руб. тысяча. Вообще полагаетъ, что приступить къ постройкѣ пока нельзя, а думалъ, нельзя-ли, на имѣющіяся средства, построить хотя одну монастырскую церковь, такъ какъ есть въ наличіи нѣкоторое количество кирпича и желѣза; но на сіе нужно по смѣтѣ 35216 р. 81 коп., не считая иконостаса, который предполагается готовымъ, а на лицо имѣется только 8000 руб. да въ матеріалахъ 7293 руб. 85 коп., слѣдовательно не достааетъ 19822 руб. 96 коп., а потому просить, въ разрѣшеніе этого обстоятельства, сдѣлать представленіе Синоду.

18-го сентября 1790 года Лаврентій препровождаетъ Волкову отвѣтныи указъ Синода и сообщаетъ, согласно замѣчаніямъ послѣдняго, слѣдующее свое мнѣніе:

„1. Для сбереженія матеріала и капитала, соборную церковь построить въ два этажа: нижній—теплый, верх-

*) Въ Соликамскѣ.

ній—холодный, въ которомъ помѣстить и Пыскорскій иконостась *). Для разныхъ литургій, въ среднемъ этажѣ — колоколенномъ — устроить небольшую теплую церковь.

2. На первое заведеніе монастыря построить настоятельскіе въ два апартамента покои и при нихъ—Крестовую церковь. Кромѣ того, постройте другіе покои, въ два апартамента, для монастырской братіи.

3. По устроеніи этихъ двухъ корпусовъ, принятыся за строеніе соборной церкви, на паперти которой устроить и колокольню.

4. Имѣющіеся въ строеніи Пыскорскаго монастыря матеріалы, кромѣ желѣза, нельзя-ли отдать на казенныя Дедюхинскія варницы, а полученную за то сумму употребить на покупку въ Перми новыхъ матеріаловъ?

5. Нужно, кажется, на первый случай, сдѣлать конюшенный и скотный дворы и потребное число домиковъ для монастырскихъ служителей. А о прочемъ строеніи будущее время и нужда дастъ наставленіе“.

По полученіи отъ Волкова плана города Перми и предполагаемыхъ монастырскихъ строеній, Лаврентій передѣлалъ планъ и фасадъ ихъ, чрезъ вятскаго губернскаго архитектора Филимона Меркурьева Рослякова, и 7 мая 1791 г. препроводилъ Волкову, сообщая, что, по вятскимъ цѣнамъ, все строеніе должно стоить не болѣе 30,000 рублей. Волковъ велѣлъ губернскому землемѣру Мелещенкову составить на мѣстѣ смѣту, по которой тотъ исчислилъ: „съ деревянною крышею, безъ сводовъ, 67,552 руб. 7 коп., а егда желѣзомъ крыть и со сводами, то 70,549 р. 17 коп.“. 31 мая 1791 года Волковъ отослалъ эту смѣту Лаврентію.

5 августа 1791 года Мелещенковъ доноситъ Волкову, что, за готовыми матеріалами, еще неостанетъ 14,933 руб. 52 коп.

19-го декабря 1792 года Волковъ посылаетъ рапортъ Сенату о положеніи дѣла по постройкѣ монастыря. Вслѣдствіе этого рапорта, Правительствующій Сенатъ приказали: „съ имѣющимися наличными средствами приступить къ строенію; объ ассигнованіи-же недостающей суммы сдѣлать представленіе Ея Императорскому Величеству“.

*) Предположеніе это оставлено и храмъ построенъ въ одинъ этажъ.

23-го мая 1793 года пермское духовное правленіе пишетъ Волкову: „Предложеніемъ отъ 22 мая ваше превосходительство благоволили дать знать, что заложеніе храма и настоятельскихъ покоевъ въ назначающемъ строиться пермскомъ Преображенскомъ монастырѣ, имѣеть быть 26 мая, а потому духовное правленіе опредѣлило: 26 мая, по окончаніи литургіи, съ должнымъ духовенства количествомъ, въ окончаніи 11 часа, отъ пермскаго Петропавловскаго собора къ назначенному подъ строеніе монастыря мѣсту (совершить) крестный ходъ, и (затѣмъ) заложеніе храма и настоятельскихъ покоевъ быть имѣеть, о чемъ, для приглашенія, города Перми въ Петропавловскій соборъ и приходской онаго Владимирской Богородской церкви и селъ Верхнихъ и Нижнихъ Муллово священнослужителямъ послать указы“. Подписалъ петропавловскій протоіерей Лука.

24 ноября 1793 года освящена келейная церковь, во имя Стефана Великопермскаго, при архимандритѣ Ювеналіѣ; алтарь ея былъ выведенъ полукружіемъ *на стверзь*.

Отъ 21 марта 1794 года Волковъ пишетъ Лаврентію: „Стараясь всевозможнымъ образомъ о возведеніи обители святой въ губернскомъ городѣ Перми, успѣли, какъ вашему высокопреосвященству извѣстно, выстроить вчернѣ два корпуса, монашескій и настоятельскій, съ Крестовою церковію, которая уже почти всею внутреннею отдѣлкою окончена и съ 24 ноября прошлаго 1793 года совершается въ ней божественное славословіе; а затѣмъ, сколь ни сильно было желаніе, хотя-бъ на первый случай совершенно окончить внутреннею помянутые два корпуса отстройкою и сдѣлать ограду монастырскую, въ разсужденіи что, по освященіи означенной церкви, какъ церковное такъ и монастырское имущество, вслѣдствіе имяннаго Ея Императорскаго Величества соизволенія и указа Святѣйшаго Синода о переводѣ изъ Соликамскаго монастыря настоятеля съ братією въ губернскій городъ Пермь, перевезены уже къ новозаводимому монастырю, а потому и настоятель съ братією и служителями, по необходимости, нынѣ пребываніе имѣють въ Перми. Но какъ на представленіе мое Правительствующему Сенату объ ассигнованіи недостающей, по сдѣланной тогда смѣтѣ, къ достройкѣ всего монастыря суммы 45693 рублей 88 коп., никакой резолюціи не послѣдовало, да и полу-

чить скоро оной не надѣюсь, а сколько было выручен-ныхъ за колокольную мѣдь денегъ—не только всѣ оныя, но еще задолжившись въ партикулярныхъ мѣстахъ около трехъ тысячъ рублей, употреблены всѣ безъ остатку, такъ что внутренняя сказанныхъ двухъ корпусовъ от-стройка и ограды монастырской совсѣмъ теперь остано-вилась,—то при таковыхъ обстоятельствахъ не оказалось другихъ средствъ какъ принужденнымъ нашелся я, обще съ здѣшняго монастыря съ отцемъ архимандритомъ Юве-наліемъ, пересмотрѣть церковную бывшаго ставропигіаль-наго Пыскорскаго монастыря утварь, нѣтъ-ли въ ней какихъ-либо вещей излишнихъ и ненужныхъ; а по сему и оказалось: двѣ архимандричьи шапки и одна панагія, стоящая цѣною примѣрно съ прибавкою 40000 рублей, изъ которыхъ шапки никогда въ церковной церемоніи не употреблялись, потому что оныя сдѣланы по старин-ному манеру, еще при бывшемъ архимандритѣ Густѣ, токмо по головѣ его;—какъ видно, былъ онъ малаго ро-ста, то послѣ его не только на большой ростъ, но и на средній, каковаго отецъ Ювеналій, совсѣмъ наложить ихъ нельзя; передѣлывать-же ихъ, какъ мнѣ отецъ Юве-наліій представляетъ, никоимъ образомъ не можно; а панагію Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ позволено только нѣкоторымъ до сего архимандритамъ носить и во время священнослуженія освѣщать свѣтильниками. Нынѣ-же оная панагія состоитъ безъ всякой пользы, слѣдовательно и ненадобна, кромѣ однихъ свѣтильниковъ по сану ставропигіальнаго архимандрита, для церковнаго благолѣпія, желаемаго здѣшнимъ гражданамъ. Поелику-же въ Высочайше конфирмованномъ Ея Императорскимъ Величествомъ въ 31 день марта 1781 года докладѣ Свя-тѣйшаго Правительствующаго Синода значить: оставшую отъ упраздненнаго стараго Пыскорскаго монастыря коло-кола въ 1000 пудовъ мѣдь, по неимѣнію въ ономъ коло-колѣ надобности, также иконостасы и въ нихъ святые образы, какъ излишніе, Святѣйшимъ Правительст-вующимъ Синодомъ уже было дозволено продать и, по про-дажѣ, деньги употребить на строеніе монастыря, въ со-гласность чего и нынѣ, по моему мнѣнію, кажется, что вышеописанныя знатной цѣны архимандричьи шапки и панагію можно перевести въ соборныя церкви, гдѣ пре-освященные архіереи совершаютъ священнослуженіе, изъ

числа каковыхъ, извѣстился я, что въ вятскомъ архіерейскомъ домѣ, въ соборной церкви, состоитъ знатная сумма безъ всякаго употребленія, то оныя шапки и паннагію, яко драгоценныя вещи, не угодно-ли будетъ въ оный соборъ по пристойности мѣста и пребыванія въ немъ архіерейскаго, отдать за цѣну, какая по дѣламъ въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ значится, или-же тѣ вещи въ оную соборную церковь принявъ залогомъ, хотя, по крайней мѣрѣ, въ сорока тысячахъ рубляхъ, приказать отпустить такуюю сумму на достройку здѣшняго пермскаго ставропигіальнаго монастыря, до того времени, когда по докладѣ Правительствующаго Сената, Высочайшее Ея Императорскаго Величества объ ассигнованіи требуемыхъ 45993 р. 88 к. соизволеніе послѣдуетъ. Что все на разсмотрѣніе вашему высокопреосвященству, съ приложеніемъ учиненной изъ церковной описи вышеименованнымъ архимандричьимъ шапкамъ и паннагіѣ выписки, представляя, покорнѣйше испрашиваю на оное вашей архипастырской резолюціи, въ ожиданіи которой“.... и т. д.

По указу Синода отъ 15 марта 1795 года послѣдовало распоряженіе отпустить, подъ залогъ шапокъ и паннагіи, изъ вятскаго собора 6000 рублей и ежегодно продолжать отпускъ, по мѣрѣ возможности, до полной, требующейся на достройку пермскаго монастыря, суммы.

Залогъ, сколько извѣстно, выкупленъ не былъ.

Въ 1798 г. алтарь келейной церкви, во имя Стефана, перестроенъ, обращенъ *на востокъ* и освященъ 2 марта.

16 декабря 1799 года послѣдовало Высочайшее повеленіе объ открытіи пермской епархіи 3-го класса и Преображенскій монастырь обращенъ въ архіерейскій домъ.

Въ 1819 г. освященъ холодный каедральный соборъ, во имя Преображенія, въ которомъ поставленъ иконостасъ, привезенный изъ Пыскорскаго монастыря. Въ бумагахъ, оставшихся послѣ бывшаго архіепископа пермскаго Аркадія, сохранилась записка, изъ которой видно, что иконы для этого иконостаса были писаны въ 1762 г. академикомъ Базилевскимъ. Въ томъ-же 1819 году заложена колокольня при каедральномъ соборѣ*).

*) Это по запискѣ, сохранившейся въ бумагахъ преосвященнаго Аркадія; по „Лѣтописи“ же Ѳ. А. Прядильщикова, колокольня заложена лишь весной 1823 года.

Въ 1820 году освящена и теплая часть соборнаго храма, во имя Стефана Великопермскаго, въ которой поставленъ разноцвѣтнаго мрамора иконостасъ, изготовленный на Горнощитскомъ заводѣ Екатеринбургскаго уѣзда, для бывшаго пермскаго вице-губернатора Ивана Михайловича Борноволокова, назначавшаго его для своей деревенской церкви. Вслѣдствіе возбужденнаго противъ Борноволокова обвиненія въ лихоимствѣ, иконостасъ этотъ, въ числѣ прочаго имущества обвиняемаго, былъ засекуверствованъ и въ 1808 году Государемъ Александромъ Павловичемъ, по ходатайству графа Александра Сергѣевича Строганова, пожалованъ пермскому каедральному собору. Къ сожалѣнію, этотъ великолѣпный иконостасъ превъшалъ размѣры церкви и верхняя часть его въ ней не умѣстилась, отчего изящество его фигуры значительно пострадало, представляя собою что-то незаконченное. Иконы для этого иконостаса, пожертвованныя президентомъ академіи художествъ графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ, писаны Угрюмовымъ, Егоровымъ, Шебуевымъ, Витбергомъ, Боровиковскимъ и Безсоновымъ. Къ сожалѣнію, по многимъ изъ этихъ драгоцѣнныхъ произведеній столь знамѣнитыхъ художниковъ прошлась кисть какого-то мѣстнаго маляра, и потому нельзя не пожелать чтобъ, по крайней мѣрѣ, уцѣлѣвшія изъ нихъ были сохранены на будущее время отъ подобнаго варварства.

Церковная утварь и ризница поступили въ соборъ частью изъ суздальской архіерейской ризницы, а въ большинствѣ—изъ бывшаго Пыскорскаго монастыря. Сосуды—потирь и дискось—золотые подъ чернью; на главномъ Евангеліи образъ Вседержителя обложенъ брилліантами; лампы и нѣкоторые подсвѣчники—серебряные.

Въ 1832 году окончена колокольня каедральнаго собора, построенная на пожертвованныя суммы и занятія у верхотурскаго монастыря 7000 рублей.

Въ 1836 году обновлена домовая церковь при архіерейскомъ домѣ, бывшая первоначально во имя Стефана, а въ обновленномъ видѣ освящена во имя новоявленнаго тогда чудотворца Митрофана Воронежскаго.

По Набережной улицѣ, начиная отъ Нижняго рынка, два квартала заняты были почти сплошь домами заводчиковъ. Первый домъ отъ рынка принадлежалъ купцу

Антону Пономареву, за нимъ шли дома владѣльцевъ Сукусунскихъ заводовъ Демидовыхъ, Сысертскихъ—Турчаниновыхъ (на мѣстѣ всѣхъ этихъ домовъ теперь зданія Уральской горнозаводской желѣзной дороги); въ слѣдующемъ кварталѣ—Яковлевыхъ и Лазаревыхъ. Противъ послѣднаго находится домъ, принадлежащій нынѣ почтовой конторѣ. Онъ былъ строенъ въ концѣ прошлаго столѣтія бывшимъ пермскимъ городскимъ головою Петромъ Абрамовичемъ Поповымъ. Въ немъ жилъ въ первое время ссылки графъ М. М. Сперанскій; въ тридцатыхъ годахъ ее занималъ заѣзжій пермскій откупщикъ Иванъ Савельевичъ Данейковичъ, зять знаменитаго въ свое время харьковского милліонера и чуть не всероссійскаго винаго откупщика Кузина. Данейковичъ былъ страстный охотникъ и держалъ стаю борзыхъ собакъ штукъ въ сотню, которыхъ, ради сохраненія легкости тѣла, держали постоянно въ проголодь, за что они угощали сосѣдей, не одинъ разъ въ день, такимъ адскимъ концертомъ, который можно было выносить развѣ только въ силу привычки и безысходности положенія. Послѣ Данейковича въ домѣ жилъ тоже откупщикъ Игнатій Осиповичъ Шеміотъ, женившійся въ Перми на дочери совѣстнаго судьи Ивана Матвѣевича Солодовникова, Аннѣ Ивановнѣ*). Въ пожаръ домъ сгорѣлъ, и выше было уже сказано, что съ нимъ затѣмъ послѣдовало. Рядомъ съ нимъ, до пожара, былъ деревянный домъ чиновника Анфиногенова, съ садомъ. Послѣ пожара мѣсто его было куплено предсѣдателемъ казенной палаты Васильемъ Еврафовичемъ Вердеревскимъ, построившимъ на немъ для себя обширный деревянный, на барскую ногу отдѣланный, домъ, въ которомъ, послѣ перехода Вердеревскаго на службу въ Нижній-Норгородъ, помѣщалось благотворное собраніе, а потомъ, когда клубъ перешелъ въ существующее до-нынѣ собственное помѣщеніе, въ домѣ открытъ трактиръ „Славянскій базаръ“; потомъ онъ былъ купленъ чиновникомъ Протопоповымъ, наслѣдниками котораго проданъ еврею Хотимскому.

По Торговой улицѣ были до пожара каменные дома: почтовой конторы (теперь Михала Павловича Кропачева)

---

*) Дочь ихъ, Марья Ивановна, была замужемъ за бывшимъ казанскимъ интендантомъ, Поповымъ.

и удѣльной конторы (теперь Александра Павловича Кропачева). Послѣ пожара 1842 года первый былъ купленъ моимъ отцомъ, второй совѣстнымъ судьей Иваномъ Матвѣевичемъ Солодовниковымъ; ими они возстановлены и отъ нихъ уже перешли къ настоящимъ владѣльцамъ. Въ первомъ домѣ жилъ В. Е. Вердеровской, пока не выстроилъ собственнаго дома, о которомъ сказано выше; а послѣ него—назначенный на его мѣсто предсѣдатель казенной палаты Николай Ѳеодоровичъ Львовъ—братъ извѣстнаго композитора духовной музыки А. Ѳ. Львова. На углу, домъ принадлежащій нынѣ П. Ф. Каменскому, былъ строенъ какимъ-то заводчикомъ, а послѣ пожара купленъ и возстановленъ учителемъ гимназiи Дмитріемъ Яковлевичемъ Телешевымъ, отъ наслѣдниковъ котораго перешелъ къ Инсарскому (сыну протоіерея Іоанна Инсарскаго), а затѣмъ къ настоящему владѣльцу. Въ слѣдующемъ кварталѣ, на Театральной площади, были три дома: первый, сообдній съ нынѣшнимъ домомъ почтовой конторы, былъ строенъ купцомъ Ѳеодоромъ Сыромятниковымъ, а послѣ пожара купленъ и возстановленъ смотрителемъ провіантскихъ магазиновъ Мальтянскимъ; рядомъ съ нимъ, по срединѣ площади, былъ двухъ-этажный каменный домъ, выстроенный въ 1703 году мѣщаниномъ Кондратьемъ Рядновымъ; въ 1815 году онъ купленъ моимъ отцомъ на имя первой его жены; въ 1842 году сгорѣлъ и такъ какъ построенъ былъ не особенно прочно, то стѣны дали трещины, вслѣдствіе чего онъ и былъ сломанъ; нынѣ, на его мѣстѣ, существуетъ двухъ-этажный полукаменный домъ, принадлежащій отставному лѣсничему Жукову. Далѣе, на углу, былъ каменный двухъ-этажный домъ, построенный въ 1804 году мѣщаниномъ Ѳеодоромъ Норинымъ, потомъ долгое время принадлежавшій кривому и безрукому купцу Денису Сергѣевичу Дружинину. Теперь онъ, въ обновленномъ и увеличенномъ видѣ, принадлежитъ В. М. Нассонову.

II.

Въ спискахъ купеческихъ капиталовъ города Соликамска за 1784—1788 годы значится въ 3-й гильдiи Меркурій Трофимовъ Смышляевъ, съ сыномъ Емельяномъ *).

*) Емельянъ Меркурьевичъ родился въ іюль 1754 года; съ 1766 по 1784 годъ былъ *дьячкомъ*, а въ 1784 году „вышелъ въ соликамское купе-

Это мои прадедъ и дѣдъ. Въ такомъ-же спискѣ 1794 г. и въ той-же гильдіи записаны Емельянъ Меркурьевъ Смышляевъ, съ сыномъ, рожденнымъ послѣ ревизіи, Дмитріемъ. Дмитрій Емельяновичъ — мой отецъ — родился 2 февраля 1789 года. Вотъ что онъ рассказываетъ о своей молодости, въ собственноручной запискѣ, найденной мною послѣ его смерти.

„Отецъ мой, Емельянъ Меркурьевъ Смышляевъ, былъ купцомъ въ городѣ Соликамскѣ, имѣлъ кожевенный и мыловаренный заводы и выдѣлку краски лазори, входилъ въ подряды и поставки. Однажды онъ принялъ въ товарищество верхотурскаго купца Григорья Мелькова, обязавшись поставить изъ казенныхъ Банковскихъ (Богословскихъ) заводовъ изрядное количество желѣза, водянымъ путемъ, въ С.-Петербургъ. Отъ этой поставки, распорядителемъ которой былъ Мельковъ, были понесены большіе убытки. Мельковъ, желая отъ нихъ избавиться, сдѣлалъ начеть на моего отца, предъявилъ искъ судебнымъ порядкомъ и тѣмъ разорилъ его. Не могли перенести своего несчастія, отецъ мой занемогъ и умеръ 3 января 1799 года, оставя меня девяти лѣтъ“.

„На пятомъ году моего возраста отдали меня на выучку семидесятилѣтней дѣвѣ, пономарской дочери Александрѣ Ивановнѣ; обучался я у нея азбукѣ съ полгода, но сдѣлался болѣнъ и ученіе было оставлено. На седьмомъ году отдали меня въ школу, гдѣ обучалось насъ до 120 человекъ. Учитель у насъ былъ одинъ — перешедшій изъ духовнаго званія въ свѣтское, Дмитрій Петровичъ Поповъ*), кончившій курсъ ученія въ вятской семинаріи, — человекъ усердный и строгій. Въ то время получалъ онъ жалованья 150 рублей, но какъ былъ обремененъ большимъ семействомъ, то ему и не доставало онаго и потому онъ-же исправлялъ и должность сторожа, за которую получалъ отъ думы 30 рублей въ годъ. Учился я порядочно: читать, писать и ариметикѣ. Времена были не тѣ что нынче, — все было просто и не такъ нѣжно какъ теперь. У учителя нашего была мѣдная указка,

чество“, какъ записано его рукою въ старинномъ Евангеліи, перешедшемъ, по наслѣдству отъ моего отца, ко мнѣ.

*) Сынъ его, Всеволодъ Дмитріевичъ Поповъ, былъ, при губернаторѣ Ильѣ Ивановичѣ Огаревѣ, правителемъ канцеляріи и игралъ въ свое время большую роль.

коею онъ билъ ослушниковъ и лѣвтяевъ по головамъ; въ томъ числѣ и мнѣ доставалось: какъ хватить по головѣ, то искры посыплются изъ глазъ и голову въ кровь раскроить. Часто насъ ставили также на колѣни, на горохъ, на нѣсколько часовъ. Былъ у насъ одинъ ученикъ, съ которымъ учитель не могъ пособиться: и глупъ и тупъ и дерзокъ,—надобно было его выгнать изъ училища, что учитель и сдѣлалъ, но предварительно высѣкъ его нещадно, потомъ поставилъ у воротъ, надѣвши на него изорванную рогожу, и мы должны были трое сутокъ, проходя мимо, плевать и харкать на него“.

„Учитель нашъ страстно любилъ италіанское церковное пѣніе и составилъ изъ своихъ учениковъ хоръ пѣвчихъ, въ которомъ и я пѣлъ альта перваго, а самъ онъ исполнялъ должность регента и пѣлъ октаву-баса, и всякій праздникъ мы должны были пѣть въ церкви, на клиросѣ. Иногда учитель утѣшалъ насъ, отпуская весною прогуляться по рѣкѣ Усолкѣ, въ лодкѣ,—пѣвали канты, а учитель, стоя на берегу, повѣрялъ голоса нашего пѣнія. Сіе счастливое время миновалось со смертію моего отца. Такъ какъ матери моей Ѳеодорѣ Григорьевнѣ нечѣмъ было меня воспитывать, то, послѣ смерти отца, оставя школьную скамью, пошелъ я въ услуженіе къ соликамскому купцу Ивану Братчикову. Взялъ онъ меня на Ирбитскую ярмарку, гдѣ производилъ торговлю пушнымъ товаромъ, собираемымъ изъ первыхъ рукъ, отъ звѣролововъ. Продавались у него также въ лавкѣ мѣдная посуда, издѣлія своего города и печерскія точила. Лавка помѣщалась въ деревянномъ полуразвалившемся гостиномъ дворѣ. Хотя ярмарка начиналась съ 15 февраля, но морозы въ тотъ годъ были чувствительные, за 25 градусовъ. Изъ партіи точилъ продано было одно крестьянину, съ тѣмъ, чтобы для веретена, на которомъ оно должно вертѣться, пробить дыру, что хозяинъ приказалъ сдѣлать мнѣ. Къ несчастію, отъ мороза точило раскололось, а хозяину пришло въ голову, что я съ намѣреніемъ испортилъ камень, и потому, обозлившись на это, онъ столь безчеловѣчно меня билъ, что изо рта и изъ носу у меня полилась кровь. Увели меня на квартиру, гдѣ я пролежалъ съ недѣлю и поправился только къ концу ярмарки. Когда я возвратился въ свой родной городъ, то мать моя отдала меня писать въ уѣздный

судъ, гдѣ я и занимался мѣсяцевъ десять. Зять нашъ Яковъ Петровичъ Любимовъ ¹⁾, пріѣхавъ въ Соликамскъ, убѣдилъ мать отдать ему меня на попеченіе. Возвратившись со мною въ село Верхніе Муллы, княгини Шаховской, въ девяти верстахъ отъ Перми, гдѣ онъ проживалъ, и имѣя намѣреніе отдать меня для обученія въ училище, предварительно, для усовершенствованія въ чистописаніи, упросилъ члена верхнемуллинскаго правленія позволить мнѣ заниматься у нихъ перепискою. Это, впрочемъ, продолжалось недолго; спустя два мѣсяца, зять мой помѣстилъ меня въ пермское главное училище, для науки, отдавъ на полное содержаніе бывшему тогда старшему учителю, коллежскому совѣтнику Никитѣ Савичу Попову ²⁾, у котораго я жилъ съ 1799 года, ходя въ учебныя часы въ классъ. Хозяйка учителя моего—женщина слабая, придерживалась чарочки и частовременно посылала меня за покупкою наливочки, во время откупа купца Ласкина, который въ семь случаевъ былъ большою хозяйнѣ, дѣлалъ напитки сіи превосходно и откупъ шель счастливо. По скуности Попова, я содержимъ былъ не какъ пансіонеръ, а какъ слуга, жилъ въ избѣ (т. е. на кухнѣ) и ѣлъ съ работникомъ и работницею. Жила у Поповыхъ племянница, а какъ ее звали, не припомню,—служила вмѣсто горничной дѣвушки, имѣя праздничное платье набивнаго холста, въ тогдашнее время, по семи копѣекъ за аршинъ. Во время праздника Пасхи, подавъ на столъ кушанье, шла она обратно въ кухню съ тарелками, а я лежалъ на голбцѣ, т. е. на западнѣ спуска въ подполье, и думая, что идетъ учительница, поспѣшно вскочилъ, задѣлъ какъ-то тарелки, и онѣ, выпавъ изъ рукъ дѣвушки, разбились. За это я подпалъ жестокому наказанію. Учитель мой, схвативши меня за волосы, повалилъ и билъ пинками на сколько силъ его хватило, окровавилъ меня и проломилъ мнѣ голову. Этимъ кончилась послѣдняя моя ученость, продолжавшаяся около

¹⁾ Яковъ Петровичъ Любимовъ былъ женатъ на моей теткѣ Авдотѣ Емельяновнѣ. У нихъ были дочери Пулхерья и Анна; первая была замужемъ за чиновникомъ Евграфомъ Кикинымъ, а вторая за мѣщаниномъ Никифоромъ Гавриловичемъ Калмыковымъ, долгое время служившимъ у моего отца приказчикомъ.

²⁾ Впослѣдствіи директору училища, а затѣмъ гимназіи, извѣстному автору „Хозяйственнаго описанія Пермской губерніи“.

семи мѣсяцевъ. По жалобѣ моей, зять взялъ меня изъ училища, и какъ онъ занимался большею частію доставкою китайскихъ товаровъ отъ разныхъ кладчиковъ, то увезъ меня съ собою на Макарьевскую ярмарку, обѣщая отдать въ Москву, для обученія торговымъ дѣламъ“.

„Любилъ я мать свою горячо; писалъ ей: матушка! отпусти меня въ Москву! я слыхалъ, что тамъ большое богатство: и на церквахъ-то золотыя маковки. На что слезное пишетъ письмо и благословляетъ на добрыя дѣла и приказываетъ служить вѣрно и усердно: „не тебя посылають, а ты бѣги и скорѣе исполни“... На дорогу прислала мнѣ семь рублей, да бабушка три рубля. Съ этими деньгами отправился я съ зятемъ на судахъ, къ Макарью, и былъ отдѣльно управителемъ на суднѣ. Тогда мнѣ было двѣнадцать лѣтъ. Прибывши благополучно съ судномъ на сибирскую пристань, бывшую тогда на Пескахъ, противъ села Исады, выгрузили на берегъ товары и сдали ихъ хозяевамъ оныхъ. Зять мой, имѣвшій хорошую репутацію, скоро прискалъ мнѣ и хозяина, московскаго купца Андрея Семеновича Шарاپова“.

„Въ то время ярмарка кончалась 25-го іюля. Новый мой хозяинъ, переправивши свой экипажъ черезъ Волгу, остановился на лугу села Лыскова, а самъ пріѣхалъ на судно моего зятя, чтобъ взять меня съ собою. Зять угостилъ его пельмянами, при чемъ и пито всякой всячины, при гласѣ пѣсенниковъ и при громѣ пушекъ, находившихся на суднѣ, для обороны въ путислѣдованіи отъ разбойниковъ. Разбойники не рѣдко нападали и грабили, а если оплошаютъ судохозяева обороною, то разбойники, взошедши на судно, скомандуютъ: „сарынь на кичку!“— и ни одинъ изъ рабочихъ не смѣетъ пошевелиться, ложась лицомъ въ полъ; а тутъ хозяина въ пытку и жгутъ на вѣникѣ, приговаривая: „давай деньги!... гдѣ спряташь?“... и буде не отдастъ все, что имѣетъ, убьютъ и тѣмъ удовольствуюсь, уѣзжаютъ, и суда на нихъ нѣтъ.... Пробыли на суднѣ гости и мой новый хозяинъ часовъ пять. Отправилъ ихъ мой зять въ косной раскрашенной лодкѣ, съ пѣсенниками, и меня съ ними“....

На этомъ, къ сожалѣнію, рукопись кончается и продолженія ея не отыскалось. Такимъ образомъ, мнѣ приходится пополнить рассказъ о моемъ отцѣ, по собственнымъ воспоминаніямъ, на сколько это возможно.

По рассказамъ отца, онъ состоялъ у Шарарова въ Москвѣ, въ должности „мальчика“, т. е. прислуги на всѣ руки. У хозяина было большое семейство и много приказчиковъ-„молодцовъ“. Отецъ мой, находясь въ распоряженіи всѣхъ и каждаго, едва находилъ время для того, чтобы выспаться и поѣсть. Вставая раньше всѣхъ по-утру, онъ долженъ былъ перечистить платье и сапоги хозяину, его сыновьямъ и приказчикамъ, принести воды и дровъ кухаркѣ, поставить нѣсколько самоваровъ и, сверхъ того, бѣжать куда пошлютъ, по требованію перваго, кому въ томъ встрѣтится надобность, и затѣмъ, въ извѣстный часъ, идти съ приказчиками „сидѣть“ въ лавкѣ, т. е. собственно говоря, быть цѣлый день на ногахъ, зазывать покупателей, отвѣшивать, отмѣривать и вообще исполнять все то, что лежитъ на обязанности „мальчика“ въ лавкѣ. Отецъ мой былъ бережливъ, чему и обязанъ былъ впоследствии своимъ благостояніемъ. Получая какіе-то гроши на обѣдъ или за услуги, онъ умѣлъ откладывать изъ нихъ про запасъ. Скопленные деньги онъ зарывалъ въ хозяйскомъ саду, въ землю. Когда накопилось у него нѣсколько рублей, его взяло раздумье—какъ-бы не подсмотрѣли, куда онъ прячетъ казну, и не похитили ее. Не находя другаго исхода, онъ объявилъ хозяину свой секретъ и просилъ его взять деньги на храненіе. Тому понравилась бережливость мальчика и онъ предсказалъ ему, что изъ него выйдетъ прокъ, а деньги взялъ къ себѣ на храненіе и обѣщалъ насчитывать на нихъ проценты. Въ нѣсколько лѣтъ казна возросла такимъ образомъ до полусотни рублей и хозяинъ произвелъ „мальчика“ въ „молодцы“, давая ему возможность дѣлать и свои мелкіе оборотинки. Впоследствии Шараровъ обанкротился и отецъ мой, имѣя уже надежную репутацію и пользуясь кредитомъ, уѣхалъ на родину; но оставался тамъ не долго и числится въ мѣщанствѣ по городу Соликамску, переѣхалъ въ Пермь, гдѣ занялся торговлею, поселившись въ домъ вдовой сестры Авдотьи Емельяновны Любимовой (мужъ ея умеръ въ 1808 г.). Въ 1811 году онъ перешелъ въ собственный деревянный домъ. Изъ плана на исправленіе крыши этого дома, выданнаго въ томъ-же 1811 году, видно, что онъ купленъ готовымъ, находился на Петропавловской улицѣ, въ сосѣдствѣ, съ правой стороны, съ домомъ

тетки моей вдовы Любимовой, а съ лѣвой, съ мѣстомъ надворнаго совѣтника Дмитрія Дягилева, гдѣ существовали только изба, кухня и баня ¹⁾. Такъ какъ переулка на планѣ не означено, а городъ застраивался въ началѣ по Петропавловской улицѣ, на которой существовалъ уже и домъ Жмаева (нынѣ домъ городского общества), тестя Дягилева, то можно предполагать, что мѣсто, принадлежавшее послѣднему и вѣроятно купленное для постройки дома, было въ сосѣдствѣ съ домомъ Жмаева. Если это вѣрно, то дома, по направленію отъ Петропавловскаго собора, по правой сторонѣ улицы, шли въ такомъ порядкѣ: Жмаева, Дягилева ²⁾, моего отца (гдѣ, послѣ пожара 1842 года, выстроенъ домъ, принадлежавшій Кураеву, а теперь находящійся во владѣніи Золотавина) и Я. П. Любимова (нынѣ Протопопова, купленный послѣднимъ отъ наслѣдниковъ Ротгастъ). Въ 1813 году отецъ мой записался въ пермское купечество; въ 1814 г. женился на дочери служителя Златоустовскаго завода Дарьѣ Антиповнѣ Лазаревой, жившей у сестры Афимьи Антиповны, бывшей замужемъ за купцомъ Васильемъ Яковлевичемъ Кураевымъ ³⁾. Въ 1815 году отецъ мой купилъ, на имя жены, каменный домъ мѣщанина Ряднова, на Торговой улицѣ, сгорѣвшій въ пожаръ 1842 года и за ветхостію сломанный. Объ этомъ домѣ уже было сказано выше. Въ 1823 году отецъ мой овдовѣлъ и въ слѣдующемъ 1824 г. женился вторично на дочери священника Ивана Осиповича Кузнецова, Аграфенѣ Ивановнѣ (род. въ Барнаулѣ 23 іюня 1805 г., скончалась въ Новочеркасскѣ 25 декабря 1853 г.). Это была моя мать. Въ 1828 году отецъ мой записался въ первую гильдію. Въ 1817—1820 годахъ, онъ служилъ, по выборамъ, вторымъ бургомистромъ (впослѣдствіи вторые бургомистры назывались кандидатами); въ 1823—1826 и въ 1841—1844 годахъ городскимъ головою. Въ первую службу его городскимъ головою, покойный Государь Александръ

¹⁾ Дмитрій Васильевичъ Дягилевъ, какъ видно изъ списковъ обывателей прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, жилъ въ собственномъ-же домѣ, на Монастырской улицѣ.

²⁾ Рядомъ съ Марьянскимъ банкомъ, гдѣ былъ до пожара 1842 года домъ графини Бутеро, а послѣ пожара, каменный домъ Чечурова, принадлежащій нынѣ Талю.

³⁾ Кураевъ впослѣдствіи переселился въ Пермь, гдѣ имѣлъ каменный домъ по Покровской улицѣ, принадлежащій теперь братьямъ Киселевымъ.

Павловичъ посѣтилъ Пермь, и отецъ мой дѣятельно помогаль губернатору Тюфяеву въ приведеніи города въ благопристойный видъ и вообще въ приготовленіяхъ къ встрѣчѣ Государя. Отецъ мой построилъ новую кладбищенскую церковь, каменную, во имя Всѣхъ Святыхъ, подъ алтаремъ которой и похороненъ. Церковь заложена въ 1832 и освящена въ 1837 году. Имѣя собственный заводъ восковыхъ церковныхъ свѣчъ, онъ обратилъ вниманіе на безконтрольность продажи ихъ въ церквахъ и представилъ Святѣйшему Синоду проектъ учета и употребленія выручаемыхъ денегъ. Проектъ былъ принятъ, введенъ во всей Россіи и въ настоящее время свѣчной доходъ составляетъ одну изъ главныхъ доходныхъ статей городского вѣдомства. Во время вторичнаго служенія его городскимъ головою, страшный пожаръ 14 сентября 1842 года истребилъ до 300 домовъ, т. е. большую часть города Перми. Предъ самымъ пожаромъ отецъ мой купилъ домъ наслѣдниковъ Жмаева (теперь принадлежащій городскому обществу), сгорѣвшій въ числѣ прочихъ городскихъ зданій. Дѣйствія властей во время пожара были далеко не безукоризненны и отецъ мой, не убоившись губернатора Ильи Ивановича Огарева, обладавшаго огромными связями въ Петербургѣ, убѣдилъ общество принести на кого слѣдовало жалобу, вслѣдствіе которой былъ командированъ въ Пермь, по Высочайшему повелѣнію, флигель-адъютантъ князь Радзивиль, для дознанія. Жалоба оказалась имѣвшею основаніе и главный виновникъ, городничій Василій Ѳедоровичъ Вайгель, былъ переведенъ въ Уфу. Губернаторъ И. И. Огаревъ, взглянувъ односторонне на дѣло и имѣя въ виду громадную потребность въ кирпичѣ, для возстановленія сгорѣвшихъ домовъ, распорядился возвысить цѣну на этотъ матеріалъ, изготовлявшійся въ обширнѣйшихъ тогда кирпичныхъ сараяхъ, принадлежавшихъ приказу общественнаго призрѣнія. Отецъ мой, въ качествѣ городского головы, подалъ Огареву записку, въ которой высказалъ неудобство пользоваться, для увеличенія доходовъ приказа, бѣдствіемъ погорѣвшихъ жителей и назвалъ такую мѣру монополіею, чѣмъ, конечно, тотъ оскорбился и долго не могъ этого забыть. Распоряженія своего онъ однакоже не отмѣнилъ. Тогда отецъ мой частнымъ образомъ убѣдилъ управленіе Мотовилихинскаго казеннаго завода

устроить свои кирпичные сараи на заводской землѣ, прилегавшей къ городу, что и было осуществлено, и кирпичъ изъ новыхъ сараевъ пущенъ въ продажу по 3 р. за тысячу или, какъ тогда продолжали еще по старой привычкѣ считать, — по 12 р. ассигнац. Для облегченія же домовладѣльцевъ, отбывавшихъ постоянную повинность натурою, отецъ мой выстроилъ на собственный счетъ большой деревянный корпусъ, для помѣщенія въ немъ баталіонныхъ солдатъ, въ настоящее время пришедшій уже въ ветхость, но кажется еще обитаемый.

Не могу пройти молчаніемъ несчастія, постигшаго моего отца въ 1812 году, при проѣздѣ на Макарьевскую ярмарку. Въ то смутное время мародеры бродили по внутреннимъ губерніямъ и появлялись даже въ Казанской. Дороги были не безопасны и проѣзжіе не рѣдко платились своими боками и карманами за неосторожное путешествіе въ одиночку. Мой отецъ ѣхалъ въ кибиткѣ, т. е. простой телегѣ, съ рогожной накладкой (тогда тарантасовъ еще не знали), съ какимъ-то попутчикомъ, имя котораго я позабылъ. На послѣдней станціи къ Козьмодемьянску, напалъ на отца, какъ онъ рассказывалъ, необыкновенно глубокой сонъ. Была уже ночь. Вдругъ онъ слышитъ ужасный крикъ. Пробудившись и высунувшись изъ подъ верха кибитки, чтобъ посмотреть, кто кричитъ, онъ былъ ошеломленъ внезапными ударами по головѣ, которые мгновенно лишили его сознанія. Прошло много времени, пока онъ очнулся. Видя кругомъ темноту, онъ удивился, что такъ долго длится ночь и воображая, что находится, по прежнему, въ кибиткѣ, захотѣлъ взглянуть наружу, но при первомъ движеніи почувствовалъ нестерпимую боль въ головѣ и во всемъ тѣлѣ. Оставшаяся на головѣ его шапка съ ушами, подвязанная подъ подбородкомъ, сдвинулась и разбередила раны на головѣ. Тутъ онъ тотчасъ вспомнилъ полученные имъ первые удары, и мысль, что ограбленъ разбойниками, привела его въ ужасъ. Ощупывая вокругъ себя, онъ убѣдился, кромѣ того, что лежитъ подъ хворостомъ. Впослѣдствіи оказалось, что разбойники до того избili его, что сочтя за мертваго, стащили въ ровъ и забросали хворостомъ. Это его спасло, ибо сквозь хворостъ все-таки ему былъ доступенъ воздухъ. Сообразивъ свое положеніе и выждавъ, пока, по его расчету, разбойники должны были

уже удалиться, онъ попытался выбраться изъ подъ хвоста, что ему и удалось. Очутившись подъ открытымъ небомъ, онъ увидѣлъ себя во рву, въ верху котораго было поле, засѣянное хлѣбомъ. Онъ забрался въ хлѣбъ и все-таки не смѣлъ идти дальше изъ паническаго страха разбойниковъ. Наконецъ, доносится до его слуха звонъ колокольцовъ; ему представились опять его убійцы, но какъ оказалось, что колокольцевъ звучало много, то онъ сообразилъ, что это должны быть проѣзжающіе. Дѣйствительно это такъ было. Вѣсть о томъ, что кого-то на дорогѣ ограбили или убили, какимъ-то образомъ дошла до станціи и проѣзжающіе, которыхъ она тамъ застигла, опасаясь ѣхать ночью, пріостановились до утра и рѣшились пуститься далѣе только тогда, когда собралось до десятка повозокъ. Въ прежнія времена, даже до пятидесятихъ годовъ, отправляясь въ путь, запасались саблями, кинжалами, пистолетами, мѣдными мушкетами, ружьями—кто чѣмъ могъ, и на облучкѣ, рядомъ съ ямщикомъ, садили приказчика или работника. Мнѣ самому случалось ѣзжать съ такими боевыми аксессуарами. Такъ было и въ этотъ разъ. Въ каждой повозкѣ, на козлахъ, сидѣли вооруженные люди. Отецъ мой выползъ изъ колосившагося поля, прилегающаго къ дорогѣ, и закричалъ о помощи. Въ отвѣтъ на этотъ крикъ раздался выстрѣлъ, который, къ счастью, отца не задѣлъ, хотя онъ отъ страха упалъ, вообразивъ себя раненымъ. Повозки, рванувшіяся было быстро впередъ, при раздавшемся крикѣ, однако-же пріостановились; ѣхавшіе, предупредивъ отца, чтобъ онъ не приближался къ нимъ, иначе будутъ въ него стрѣлять, спросили, кто онъ такой и зачѣмъ находится на дорогѣ въ такую пору? Когда дѣло разъяснилось, ѣхавшій въ передней повозкѣ купецъ рѣшился взять отца съ собою, чтобъ довести до Козьмодемьянска. Когда его уложили въ повозку и двинулись въ путь, то отъ сильной боли, вслѣдствіе тряски, отецъ началъ кричать; хозяинъ повозки остановилъ ямщика и вынувъ дорожную баклагу, налилъ изъ нее въ стаканъ водки и велѣлъ отцу пить. Тотъ сталъ отказываться, говоря, что никогда въ жизни ничего не пилъ и пить не будетъ. „Ну, такъ мы тебя оставимъ на дорогѣ“, сказалъ купецъ. Надо было повиноваться. Выпивъ водку, отецъ впалъ въ безпамятство и очнулся только тогда,

когда его въ Козьмодемьянкѣ стали вынимать изъ повозки. Тамъ его и оставили, сдавши въ полицію. Изъ полиціи его повезли куда-то чрезъ городъ, должно быть въ больницу, если такая существовала въ то время, или въ домъ какого-либо добряка-обывателя—хорошо не помню, но у меня особенно врѣзалось въ памяти то обстоятельство, что когда отца положили въ телѣгу и повезли, накрывъ рогожкой, то около него собралось много народу, и къ нему то и дѣло совали подъ рогожку—кто грошикъ, кто калачикъ,—о чемъ всегда вспоминалъ отецъ со слезами на глазахъ. Оказалось, что у него была изранена въ нѣсколькихъ мѣстахъ голова и переломлено ребро. Около трехъ мѣсяцевъ пролежалъ онъ въ Козьмодемьянскѣ, пока не оправился на столько, что могъ возвратиться домой. Кибитка, въ которой ѣхалъ мой отецъ, когда на него напали разбойники, съ ямщикомъ и лошадьми, не возвращалась и исчезла безслѣдно. Неизвѣстно также, какая участь постигла его попутчика. Такое безслѣдное исчезновеніе не представляетъ ничего удивительнаго, если принять въ соображеніе смутное время отечественной войны. Имя купца, взявшаго моего отца съ дороги и довезшаго до Козьмодемьянска, я не помню, но видалъ его раза два, лѣтъ сорокъ пять тому назадъ, когда онъ проѣздомъ чрезъ Пермь, бывалъ у насъ. Кажется, онъ былъ изъ Вятской губерніи. Любопытна черта прежняго времени: кредиторы моего отца, узнавъ о постигшемъ его несчастіи, не только разсрочили ему платежи, но нѣкоторые даже, чрезъ пермскихъ судовщиковъ, прислали часть товара, который онъ обыкновенно покупалъ у нихъ.

Отецъ мой, поселившись въ Перми и начавъ торговлю, продолжалъ, какъ видно было выше, оставаться въ соликамскомъ мѣщанскомъ обществѣ и только въ 1813 году переписался въ пермское купечество. Началъ онъ торговлю галантерейнымъ товаромъ, а потомъ завелъ заводъ церковныхъ свѣчъ и канатную фабрику, на которой въ 1838 г. ввелъ машинное производство, выписавъ машины, при содѣйствіи департамента мануфактуръ и торговли, изъ Англіи. За такое нововведеніе онъ былъ пожалованъ званіемъ мануфактуръ совѣтника. Независимо отъ этого, съ двадцатыхъ годовъ, онъ началъ дѣло съ Таганрогомъ, посылая туда на продажу полосовое желѣзо Суксунскихъ заводовъ, въ настоящее время находя-

щихся въ казенномъ управленіи и неоплатныхъ долгахъ; но на моей памяти еще эти заводы были въ отличномъ состояніи и въ нихъ наѣзжали по временамъ владѣльцы Петръ (флигель-адъютантъ) и Павелъ Григорьевичи Демидовы. Желѣзо ихъ заводовъ Турки и Анатолійскіе греки, пріѣзжавшіе въ Таганрогъ за его покупкою, знали подъ названіемъ *Власовскаго*, по имени перваго караваннаго приказчика, посылавшагося съ этимъ желѣзомъ въ Таганрогъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, котораго звали Власомъ. Къ нему до такой степени привыкли восточные покупатели, что ни за какія деньги не хотѣли брать произведеній другихъ заводовъ и чтобъ ихъ—чего добраго—не надули, смотрѣли, есть-ли на полосѣ „собака“. Собакой они называли соболя, изображеніемъ котораго штемпелевалось желѣзо, такъ какъ Суксунскіе заводы имѣли участокъ въ Высокорскомъ рудникѣ Нижняго Тагила, какимъ правомъ однако пользовались на томъ-же основаніи и другіе заводы, имѣвшіе участки въ означенномъ рудникѣ. Первымъ началъ торговлю сибирскимъ, или лучше сказать, „Власовскимъ“, желѣзомъ московскій купецъ Сарачевъ, а по его слѣдамъ пошелъ мой отецъ. Вся отпускная торговля сосредотачивалась тогда въ Таганрогѣ, а о Ростовѣ, куда она постепенно перешла въ послѣдніе тридцать лѣтъ, тогда и не слышно было. Шло еще въ Таганрогъ изъ Пермской губерніи топленое молочное масло, извѣстное въ торговлѣ подъ названіемъ коровьяго; его отправляли преимущественно екатеринбуржцы, Блохины, Баландины, а покупали мѣстныя греческія фирмы, поставлявшія его для турецкаго флота. Съ давнихъ поръ имѣли также торговлю желѣзомъ въ Таганрогѣ Нижнетагильскіе заводы, преимущественно „*листовымъ*“ (кровельнымъ), то оно шло не за границу, а для мѣстнаго употребленія въ Южной Россіи. Доставка сибирскихъ товаровъ на югъ сопровождалась прежде большими затрудненіями. Барки съ желѣзомъ и масломъ сплавились по Камѣ и Волгѣ до Дубовскаго посада; здѣсь товаръ выгружался, барки разламывали, и все это перевозили на волахъ, чрезъ волокъ въ 60 вер., до Качалинской станицы. Здѣсь барки снова сколачивались, нагружались товаромъ и слѣдовали уже безостановочно до мѣста назначенія. Самъ отецъ мой въ Таганрогѣ не бывалъ, а ѣздили отъ него приказчики Петръ

и Дмитрій Хлепетины. Первый изъ нихъ рано умеръ, а второй, оставивъ, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, службу, открылъ собственную торговлю галантерейнымъ товаромъ, и, послѣ пожара 1842 года, построилъ каменный домъ, въ настоящее время весьма увеличенный пристройками и третьимъ этажемъ и принадлежащій П. П. Егорьеву. Послѣ ухода Дмитрія Хлепетина, полномочнымъ лицомъ отъ моего отца ѣздилъ въ Таганрогъ простой казанскій татаринъ Хайбулла Файзуллинъ—честнѣйшій и добрѣйшій человекъ, который подавалъ отчеты на десятки тысячъ, на татарскомъ языкѣ, переводившіеся въ конторѣ, съ его словъ, на русскій. Продавъ въ Таганрогъ желѣзо, повѣренные моего отца покупали греческіе товары, вина и бакалію. Все закупленное въ Таганрогъ отправлялось сухимъ путемъ на Волгу и потомъ въ Пермь, гдѣ оставлялась часть товара для мѣстной торговли, а остальное количество шло въ Ирбитъ, гдѣ и продавалось во время ярмарки. Изъ году въ годъ повторялось одно и тоже.

Пытался мой отецъ также заводить и заморскую торговлю; въ 1838 или 1839 году онъ отправлялъ желѣзо въ Трапезонтъ, гдѣ, однако-же, оно было продано, чрезъ русскаго консула, въ убытокъ; а въ 1850 году посылалъ изъ Перми своего издѣлія канаты въ Константинополь, гдѣ они были на комиссіи у купца Новикова; но и этотъ опытъ оказался неудаченъ: большую часть ихъ я засталъ въ 1851 году непроданными.

Отецъ мой имѣлъ также торговлю бакалейными товарами и винами, съ тридцатыхъ годовъ, въ Tobольскѣ и Омскѣ; а съ 1845 г. и въ Томскѣ; но такъ какъ выборъ довѣренныхъ лицъ былъ неудаченъ, то отецъ потерялъ большую часть состоянія на сибирской торговлѣ, преимущественно въ долгахъ за золотопромышленниками.

Сколько я начинаю помнить сознательно окружающее, т. е. съ тридцатыхъ годовъ, я не видѣлъ случая, чтобъ отецъ занималъ деньги и какое-бы выгодное дѣло ему не представлялось, если у него своихъ денегъ не было, онъ отказывался отъ него. По своимъ отношеніямъ къ графу Сперанскому, онъ-бы могъ сдѣлаться откупщикомъ въ золотое для монополіи время; но не смотря на совѣты Сперанскаго, даже на предложеніе достать для него нужные залого, отецъ не рѣшился вступить въ

откупное дѣло. За то расположеніемъ всеильнаго вельможи вполнѣ воспользовался для этой цѣли извѣстный Дмитрій Дмитриевичъ Пономаревъ *), землякъ А. О. Мерзлякова, родомъ изъ далматовскихъ монастырскихъ крестьянъ, нажившій отъ откуповъ милліоны и владѣвшій Холуницкими заводами въ Вятской губерніи, принадлежащими въ настоящее время А. О. Поклевскому-Козеллѣ.

Отецъ мой умеръ 13 мая 1857 года.

(Пермскія Губ. Вид. 1885 г.).

ПОЖАРЪ ВЪ ПЕРМИ 14-го СЕНТЯБРЯ 1842 ГОДА.

(Изъ юношескихъ воспоминаній).

Пожаръ, уничтожившій въ августѣ мѣсяцѣ 1842 года значительную часть города Казани, произвелъ странное впечатлѣніе на Пермь. Почему-то большая часть ихъ стали высказывать опасеніе и за Пермь. Впрочемъ, эти опасенія носили на себѣ нѣкоторое время характеръ обыкновенныхъ провинціальныхъ толковъ, пока весь городъ не былъ окончательно встревоженъ, въ первыхъ числахъ сентября, слухами о найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ анонимныхъ запискахъ, заключавшихъ въ себѣ предувѣдомленія о томъ, что въ 14-е сентября городъ Пермь будетъ выжженъ; въ нѣкоторыхъ запискахъ предлагалось даже жителямъ заблаговременно принять мѣры къ спасенію ихъ имуществъ. Мнѣ не случалось, конечно, видѣть ни одной изъ подброшенныхъ записокъ; но я могу удостовѣрить, что слухи о нихъ были общими, и это могутъ, безъ всякаго сомнѣнія, подтвердить всѣ современники катастрофы 14 сентября.—Страшное смятеніе распространилось между Пермьками. Всѣ глубоко были убѣждены, что предсказаніе сбудется, но никакъ не могли себѣ представить, какимъ образомъ оно сбудется; никто не постигалъ возможности общаго пожара. Какъ теперь помню тогдашніе толки: „ну, положимъ, говорили Пермьки, что загорится домъ,—ну, не подоспѣтъ во время

---

*) Родственникъ купца Попова, имѣвшаго домъ, принадлежащій нынѣ почтовой конторѣ, о которомъ уже говорено выше.

пожарная команда—сгоритъ этотъ домъ, ну, сосѣдній домъ сгоритъ, ну, пожалуй, еще и третій.... Но вѣдь, наконецъ, потушатъ-же.... Особенно, какъ будутъ все въ ожиданіи, то вѣдь весь городъ сбѣжится на пожаръ и распространиться огню не дадутъ. Вотъ недавно (т. е. года два назадъ) загорѣлся домъ Засухина: мигомъ сбѣжался народъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что обгорѣли двѣ стѣны да часть крыши,—остальное отстояли.... Оно конечно... Казань вѣдь сгорѣла-же, да и ни съ того, ни съ сего не стануть подкидывать записки, въ которыхъ съ такою увѣренностію говорится о будущемъ пожарѣ.... Пожалуй, чего добраго, ежели это Поляки шалать.... такъ отъ нихъ всего ждать можно: народъ злощій,—коли пойдетъ на пакость, такъ сдѣлаетъ свое дѣло.... А впрочемъ, кто-же знаетъ, что это такое? Точно послѣднія времена переживаемъ“.... Многіе изъ Пермиковъ не довольствовались такими толками; но, слѣдуя совѣту неизвѣстныхъ пророковъ, принялись прибирать, что поцѣннѣе изъ имущества, дабы на случай было подъ рукою. Были даже такіе, которые, втихомолку, ночью порою, пытались вывезти кое-что въ безопасныя мѣста, за городъ; но полиція, вѣроятно, желая предохранить городъ отъ общей сумятицы, силою понуждала ихъ возвратиться съ имуществомъ во-свои. Время шло. Общее безпокойство расло, во-первыхъ, съ приближеніемъ назначеннаго въ запискахъ срока, во-вторыхъ, вслѣдствіе слуховъ о новыхъ запискахъ, о пойманныхъ будто-бы гдѣ-то подозрительныхъ людяхъ, при которыхъ найдены легковоспламеняющіеся составы... Разъ, я помню на нашей улицѣ страшный гвалтъ: толпа людей съ шумомъ вела какого-то человѣка высокаго роста, въ длинномъ засаленномъ нанковомъ сюртукѣ... Нѣкоторые изъ толпы били и толкали его и все безъ исключенія ругали... Я испугался и съ сильно бьющимся сердцемъ убѣжалъ въ свою комнату. Не помню, въ какой это день было; но только съ этого времени въ домѣ у насъ начали рваться по сундукамъ и кладовымъ. Моя мать (отецъ еще не возвращался съ Нижегородской ярмарки) и нянька Варвара Ивановна хлопотали больше всѣхъ... Время правленія домами возложено было отцомъ моимъ, на время его отсутствія, на конторщика Александра Ивановича. Это былъ длинный худощавый человѣкъ, весьма честный, но трусливый, какъ

ребенокъ. Онъ только молился, плакалъ и дрожащими руками разбиралъ дѣловыя книги и бумаги, изъ которыхъ, въ послѣдствіи, оказались спасенными большею частію тѣ, которыя можно было безъ всякаго сожалѣнія оставить на жертву огню, а болѣе нужные документы и цѣнные вещи, бывшія въ кабинетѣ отца, сгорѣли. Кромѣ описанныхъ приготовленій, въ нашемъ домѣ введены были предосторожности, которыя стали общими во всемъ городѣ. Половина жильцовъ спала днемъ, другая ночью; бодрствующіе, всѣ безъ исключенія, были въ караулѣ. Я особенно хлопоталъ, чтобы на мою долю приходился ночной караулъ. Мнѣ нравились эта тревожная осторожность, доглядываніе, стукъ въ доски и палки, переключки: „слушай! послушивай! посматривай!“—которыя оглашали весь городъ и въ которыхъ я принималъ ревностное участіе,—холодная лунная ночь, легкая дрожь подъ теплыми полушубкомъ, разговоры съ сосѣдними караульщиками и дрема, одолевавшая подъ утро усталый организмъ.... гордился тѣмъ, что принималъ участіе въ дѣлѣ взрослыхъ и чувствовалъ въ себѣ готовность и силы къ чему-то, чего я, впрочемъ, самъ не понималъ хорошо. Однажды меня разбудилъ днемъ двоюродный братъ мой—однолѣтокъ; раскраснѣвшись и запыхавшись, рассказалъ онъ мнѣ, что въ сосѣднемъ кварталѣ вспыхнулъ заборъ, который былъ вымазанъ какимъ-то составомъ, что его тотчасъ-же потушили и вытесали топоромъ всѣ подозрительныя пятна, и приглашалъ меня, конечно, сбѣгать—посмотрѣть. Я мигомъ одѣлся и мы полетѣли, какъ сумашедшіе. Дѣйствительно, заборъ оказался весь въ бѣлыхъ пятнахъ: это были мѣста, вырубленные топоромъ. Кучка народу еще не разошлась и нѣкоторые стояли съ топорами въ рукахъ, разсуждая о происшедшемъ и внимательно осматривая, не осталось-ли еще на заборѣ такого мѣста, которое слѣдовало-бы вырубить для безопасности... Слухи о поджигателяхъ повторялись все чаще и, кажется, не осталось ни одного деревяннаго забора на нѣсколько дней до пожара, на которомъ-бы не бѣлѣли слѣды топора. Весь городъ былъ въ напряженно-тревожномъ ожиданіи.

Въ субботу, 12 сентября, часа въ три по-полудни, мнѣ какъ будто въ сердце стукнулъ первый ударъ набатнаго колокола. Я замеръ и присѣлъ на мѣстѣ; я чув-

ствовалъ, какъ вся кровь во мнѣ устремилась внутрь и сбѣжала съ лица, съ языка; руки и ноги у меня задрожали, я почувствовалъ, что не въ состоянїи двинуться и, вообразивши, что огонь уже вокругъ меня, крикнулъ въ отчаянїи не своимъ голосомъ. Откуда взялась передо мною Варвара Ивановна, также испуганная, схватила меня за руку и, крестясь и читая молитвы, вытащила на улицу. „Господи! Господи! согрѣшили мы, грѣшные... Господи помилуй! Знать послѣднее время настало... Смотри-ко, дымъ-отъ какой валить“.... бормотала она. Я взглянулъ вправо, и въ самомъ дѣлѣ, увидѣлъ клубъ черного, густаго дыма, который, какъ туча, поднимался вдали изъ-за гимназїи и другаго нашего дома, недавно купленнаго отцомъ. Мнѣ показалось было, что именно эти зданїя и горять: но меня тутъ-же успокоили (всѣ домашнїе толпились за воротами) разсужденїя о томъ, что это должно быть не близко, и, вѣроятно, горить Александровская больница.

Въ это время выѣхалъ изъ воротъ, верхомъ на иноходцѣ, одинъ изъ приказчиковъ моего отца и поскакалъ по направленїю пожара. Вслѣдъ ему кричали всѣ, чтобы онъ хорошенько узналъ, гдѣ горитъ, и чтобы скорѣе возвращался разсказать, что и какъ.... Мало-по-малу, я, что называется, отошелъ и увѣренность въ отдаленности пожара совершенно меня ободрила. Съ двоюроднымъ братомъ, о которомъ я уже говорилъ, мы побѣжали на вышку (чердакъ) дома, гдѣ застали кое-кого изъ прислуги, занятой наблюденїями чрезъ слуховое окно. Мы присоединились къ нимъ и пробыли тамъ съ полчаса, пока не увидѣли гонца, возвращавшагося съ пожара. Сбѣжавши во дворъ, мы узнали, что горитъ столовая въ отдѣленїи кантонистовъ, что пожарная команда сильно работаетъ и множество жителей ей помогаютъ, и что, вѣроятно, пожару распространиться не дадутъ. Такъ и случилось. Часа чрезъ два уже дымъ едва замѣтенъ былъ отъ нашего дома. Если допустить справедливость общей увѣренности, что пожаръ 14 сентября произошелъ отъ поджога и имѣлъ связь съ подброшенными записками, то на этотъ предварительный, неожиданный пожаръ 12 числа должно смотрѣть, какъ на удостовѣренїе со стороны поджигателей въ томъ, что предсказанное ими непременно совершится. И зданїе выбрано было ими для

этой цѣли—именно такое, отъ котораго огонь не могъ далѣе распространяться,—зданіе, стоящее особнякомъ, и притомъ пустое. Что-же за надобность была имъ предохранять жителей и совѣтовать принять мѣры къ сохраненію имущества, если уже они задумали недоброе дѣло истребленія города? Признаюсь, это для меня, какъ и для всѣхъ Пермиковъ, неразрѣшимая загадка.

Послѣ пожара 12 сентября жителей города обуялъ такой панической страхъ, что нѣкоторые изъ нихъ считали даже излишнимъ готовить что-нибудь къ спасенію отъ предстоящей бѣды; они были увѣрены, что это было совершенно излишне, что куда-бы они ни вывозили свои имущества—все равно они будутъ истреблены, если не огнемъ, то какими-нибудь другими средствами. Они уже представляли себѣ ожидаемое событіе совершившимся и, какъ древніе Израильтяне на рѣкахъ вавилонскихъ, сидѣли и плакали... А неумолимое время шло, не обращая вниманія на ихъ бесполезныя сѣтованія и слезы....

Утро 14 сентября было въ полномъ смыслѣ прекрасное. Солнце такъ привѣтливо облило Пермь своими теплыми лучами, такую жизнью наполнило воздухъ, такъ сладко защибетали птички на деревьяхъ, что трудно было видѣть въ этомъ предзнаменованіе чего-нибудь недобраго. Пермьки, не смотря на тревожныя ожиданія свои, толпами повалили въ церкви праздновать Воздвиженіе Честнаго и Животворящаго Креста.... О, какъ многимъ изъ нихъ памятно это прекрасное утро!...

Едва народъ успѣлъ наполнить церкви, какъ благовѣстъ во-вся смѣшался съ зловѣщими, монотонными звуками набата. Нѣтъ надобности говорить о томъ, что никто уже не сомнѣвался въ бѣдѣ, грозившей городу, и всѣ, видѣвъ себя, бросились къ своимъ домамъ—спасать, что еще можно спасти. Не помню, что со мною было въ это время; вижу только, какъ теперь, мать мою и ея безотлучную, въ продолженіи всего тревожнаго времени, Варвару Ивановну, установлявшихъ на окнѣ спальни, открытомъ къ сторонѣ пожара, образа, и молившихся. Потомъ вижу ихъ въ кладовой со сводами, беспорядочно вынимавшихъ разный хламъ изъ сундуковъ и, какъ водится, оставлявшихъ что получше на погибель.... Суматоха въ домѣ была общая; всякій отпиралъ, что хо-

тѣль, бралъ что вздумалось, билъ или укладывалъ въ экипажи, что первое попадалось подъ руку. Часа, должно быть, черезъ два телѣги и разные экипажи были набиты биткомъ разными разностями. Меня усадили съ сестрами въ огромную старинную бричку, вывезенную когда-то отцомъ изъ Кіева, на груди разнаго скарба. вмѣстѣ съ нами отправила мать, сохранившая нѣкоторое присутствіе духа, Александра Ивановича,—для присмотра-ли за нами, или потому, что онъ только мѣшалъ всѣмъ въ домѣ своими рыданіями и совершенною неспособностію что-нибудь предпринять для спасенія. Онъ, дѣйствительно, плакалъ навзрыдъ, какъ ребенокъ, молился, усѣлся безъ шапки, спиною къ козламъ, съ образомъ въ рукахъ. Обозъ нашъ потянулся на канатную фабрику, находившуюся въ полуверстѣ отъ города. Мы пріѣхали, наконецъ, къ мѣсту назначенія, разгрузились и отправили экипажи обратно. Что со мною было далѣе, до вечера, я не помню. Только и представляется мнѣ теперь—бульваръ, окаймляющій городъ, и густые клубы дыма изъ-за него выходящіе, какъ изъ жерла колоссальной трубы, да свистъ и трескъ пламени, которое, не смотря на ясный день, багровыми полосами, колыхалось въ дыму. Подъ вечеръ къ намъ наѣхали съ своими пожитками многіе изъ городскихъ знакомыхъ и нашъ небольшой загородный домъ наполнился до того людьми, сундуками, узлами и разнымъ скарбомъ, что, въ полномъ смыслѣ слова, не только пройти или прилечь—яблочку было негдѣ упасть.

Наступила ночь; страшное зарево заиграло на небѣ и городъ весь потонулъ въ огнѣ... Между бульваромъ и нашею фабрикою все пространство загорѣлось огнями костровъ, и, какъ днемъ, можно было видѣть жителей, выѣхавшихъ въ поле изъ города съ ихъ имуществами. Тотъ-же крикъ, что и наканунѣ: „слушай!“ раздавался въ тысячѣ отголосковъ, но уже не слышно было ни „послушай“, ни „подсматривай!“ Было не до шутокъ и смѣха... Мнѣ хотѣлось взглянуть, что дѣлается въ этомъ лагерѣ, и я присоединился къ кучкѣ любопытныхъ, отправлявшихся туда-же. Сердце поворачивается, когда я вспомню то, что видѣлъ въ эту ночь! Было не до церемоній, не до поддержанія собственного достоинства,—аристократы, перемѣшанные съ плебеями, кого въ чемъ за-

сталъ пожаръ и что на комъ уцѣлѣло во время общей суматохи, въ беспорядкѣ бродили между грудями спасеннаго въ самомъ жалкомъ видѣ имущества... Раздавался крикъ голодныхъ и напуганныхъ дѣтей, стenanія и вопли взрослыхъ, изъ которыхъ многіе лишились послѣдняго; бабы голосили на разные тоны... всѣ измученные, убитые горемъ, съ мыслию о которомъ еще не успѣли свыкнуться... Не дай Богъ быть свидѣтелемъ въ другой разъ подобной сцены!

Въ эту-то роковую ночь возвратился мой отецъ изъ Нижегородской ярмарки. Еще въ Оханскѣ онъ услышалъ вѣсть о пожарѣ; на вопросъ: цѣлы-ли его дома? — ему отвѣчали, что, должно быть цѣлы. Нанявши лучшихъ лошадей, онъ погналъ въ Пермь, въ надеждѣ поспѣть во время; но — увь! — на заставѣ онъ узналъ, что уже дома его горять, а семейство выѣхало на фабрику, вслѣдствіе чего онъ и повернулъ къ намъ. Не нужно говорить, что свиданіе было не радостное. Не болѣе, какъ черезъ четверть часа онъ уже летѣлъ въ городъ, забравши съ собою лошадей въ телѣгахъ и фабричныхъ рабочихъ. Страшная картина ожидала его. Сквозь дымъ и пламя, чрезъ горящія на перекресткахъ мосты надъ канавами, проскакали они изъ конца въ конецъ Сибирскую улицу. Доѣхавши до большаго, вновь купленнаго, дома, отецъ увидѣлъ, что загорѣлось крыльцо, обращенное къ гимназій, которая была уже вся въ огнѣ. Весьма-бы легко еще было спасти домъ, если-бы одна—двѣ пожарныя трубы были подъ рукою... Уславши людей съ бочками, за водою, отецъ самъ бросился къ полицеймейстеру Вайгелю просить у него пожарныхъ инструментовъ, — ему не дали: Часа черезъ два, испытавши безуспѣшно всѣ средства, онъ снова въ отчаяніи кинулся къ полицеймейстеру, и — ужъ не знаю, чѣмъ купилъ на этотъ разъ его милость — инструменты явились, но было поздно: домъ обнялся весь огнемъ. Отецъ махнулъ на него рукою и отправился къ другому дому, въ которомъ мы сами жили до пожара; но тотъ уже догоралъ въ это время. Во дворѣ его отецъ мой нашелъ нянюшку Варвару Ивановну, которую въ суматохѣ забыли и которая не хотѣла оставить дома. Въ огнѣ и дыму бродила она около развалинъ, въ одномъ ситцевомъ платѣ, и горько плакала. До послѣдней поры она вытаскивала изъ кла-

довыхъ, что могла, хотя и безъ пользы, потому что все это погорѣло на дворѣ. Отецъ мой, видя, что всѣ усилія спасти что-либо напрасны, возвратился къ намъ, и, конечно, привезъ съ собою и Варвару Ивановну.

Покойный Василій Васильевичъ Парначевъ рассказывалъ впоследствии, что, проходя, на другой день, часу въ десятомъ утра, мимо большого нашего дома, онъ видѣлъ, что солдаты пожарной команды, присланные, какъ выше было сказано, по просьбѣ отца моего, для тушенія пожара, разбили двери подвала, вытащили ящикъ шампанскаго и перепились.... Двое изъ нихъ отбили горлышко у бутылки и, потѣшаясь тѣмъ, что нагрѣтое вино било вонъ, поочередно вливали его со смѣхомъ и ругательствами другъ другу въ ротъ; ихъ товарищи давно спали мертвецкимъ сномъ, подвергаясь опасности сгорѣть вмѣстѣ съ домомъ. Кто ихъ спасъ—не знаю; но инструменты, съ ними бывшіе, дѣйствительно сгорѣли, что случилось, кажется, уже около полудня 15-го числа. Не одна такая безобразная сцена разыгралась въ эти несчастные для Перми дни.

Многимъ Пермьякамъ сильно памятенъ пожаръ 14-го сентября и нѣкоторые въ теченіи многихъ лѣтъ не могли послѣ него оправиться; но едва-ли не больше всѣхъ чувствителенъ онъ былъ для моего отца. Много добра погорѣло у него: разные товары въ амбарахъ, въ кабинетѣ—документы на разныхъ лицъ, даже акты о его личности, большая библіотека, въ которой много было библиографическихъ рѣдкостей, оригинальныхъ старинныхъ рукописей и списковъ; библіотека эта была имъ куплена у генерала Томилова. Кромѣ того, сгорѣлъ большой минеральный кабинетъ, приобретенный имъ въ старыя времена отъ одного любителя за 10,000 ассигнаціями. Въ немъ было много рѣдкихъ штукъ, какихъ уже нынѣ и найти нельзя. Но едва-ли не чувствительнѣе всего этого была для моего отца потеря переписки его съ графомъ Сперанскимъ, съ которымъ онъ былъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ со времени ссылки графа въ Пермь до самой смерти. Много и въ другихъ домахъ погорѣло подобныхъ драгоценностей: такъ, у Мерзлякова сгорѣли бумаги, доставшіяся ему послѣ смерти его родственника, извѣстнаго профессора и поэта. Иванъ Федоровичъ беречь ихъ, понимая ихъ цѣну, и у него хранились даже

дѣтскіе прописи Алексѣя Оедоровича. У одного чиновника казенной палаты сгорѣлъ полный сундукъ рукописей замѣчательнаго человѣка своего времени — учителя гимназіи Оеонова. Да всего и не перечесть!

Прибавлю къ моимъ юношескимъ впечатлѣніямъ еще слѣдующія замѣтки. Огонь показался первоначально на сѣнникѣ, при постояломъ дворѣ мѣщанина Никулина, въ Екатерининской улицѣ. При сильномъ вѣтрѣ, онъ быстро пошелъ по лѣвой сторонѣ этой улицы къ рѣкѣ Ягошихѣ и, въ тоже время, съ дому губернскаго землемѣра Киттары (теперь мѣщанина Оедотова, по прозванію Протаски), направился къ Камѣ, по правой сторонѣ Оханскаго проулка. Въ Екатерининской улицѣ пожаръ дошелъ до Соликамскаго проулка и къ Петропавловскому собору, по Пермской улицѣ. Почти въ тоже время, какъ вспыхнулъ домъ Никулина, загорѣлась на Ягошихѣ пыльная мельница, т. е. городъ загорѣлъ не въ одномъ мѣстѣ, а съ двухъ противоположныхъ сторонъ—одновременно. Отъ мельницы пыльной огонь сообщился круподержкѣ, стоявшей ниже, и зданіямъ, расположеннымъ по берегу Ягошихи. Между тѣмъ, пламя по Оханскому проулку шло до теперешняго полицейскаго пруда, истребивъ всё строеніе по ту и другую сторону, захватило часть Покровской улицы до Широкаго переулка, направилось къ Сибирскому проулку и Торговой площади, по Торговой и Монастырской улицамъ, и наконецъ, слилось съ пожаромъ, бушевавшимъ около Ягошихи и Петропавловскаго собора. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ сутки, пространство, ограниченное лѣвою, по направленію къ Ягошихѣ, стороною Екатерининской улицы до Соликамскаго проулка, Широкимъ и Верхотурскимъ проулками, ручьемъ Медвѣдкой, Ягошихою и Камою, обратилось въ дымящуюся площадь, уставленную печными трубами деревянныхъ и обгорѣлыми стѣнами каменныхъ домовъ. Сгорѣло въ этотъ пожаръ невступно 300 домовъ. Говорятъ, будто зарево пожара видно было въ Оханскѣ, верстъ за 67 отъ Перми. Погорѣвшіе и непогорѣвшіе жители города переправились за бульваръ, на берега Камы, Ягошихи и въ другія безопасныя мѣста. Не смотря на весьма холодное время, погорѣльцы оставались на бивуакахъ, пока начальство не сдѣлало распоряженія объ отводѣ имъ бесплатныхъ квартиръ въ уцѣлѣвшихъ

отъ пожара домахъ. Вскорѣ получена была значительная сумма отъ покойнаго Государя Николая Павловича, для раздачи единовременнаго пособія погорѣвшимъ, и кромѣ того—особая сумма, предназначавшаяся для денежныхъ ссудъ тѣмъ изъ нихъ, которые желали строиться; ссуды раздавались на 17 лѣтъ, безъ процентовъ за 2 первые и съ процентами за остальные 15 лѣтъ. Сверхъ того, тогдашній предсѣдатель палаты государственныхъ имуществъ, Кузьминскій исходатайствовалъ у своего начальства разрѣшеніе на выдачу годоваго, не въ зачетъ, жалованья тѣмъ изъ своихъ подчиненныхъ, которые пострадали отъ пожара.

Довольно трудно судить о причинахъ описаннаго бѣдствія, хотя, конечно, болѣе вѣроятія, что оно произошло отъ злонамѣренности. Городское общество, недовольное дѣйствіями полиціи, жаловалось на нее министру, вслѣдствіе чего пріѣзжалъ въ Пермь флигель-адъютантъ Государя для изслѣдованія дѣла, которое окончилось переводомъ полицеймейстера въ другую губернію.

Въ календарѣ на 1842 годъ записано рукою моего отца, на сентябрьской страницѣ, слѣдующее: „Выѣхалъ изъ Нижняго 6-го ч.; въ Казань пріѣхалъ 8-го вечеромъ; пріѣхалъ въ Пермь 15-го по утру, въ 4 часа, тогда, когда выгорѣлъ городъ и два дома мои—тоже загорѣлись; можно-бы помочь, но полиція не дали машинъ“.

(Пермскія Губ. Вѣд. 1866 г., № 48).

ПОСЛѢДНИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ ВЪ ДАЛМАТОВСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Въ №№ 33—35 и 39 Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей 1869 года были помѣщены протоіереемъ Григоріемъ Плотниковымъ свѣдѣнія о заключеніи въ Далматовскомъ Успенскомъ монастырѣ двухъ ссыльныхъ: монахини Проклы (княжны Прасковьи Юсуповой) и графа Петра Апраксына, въ прошломъ столѣтіи.

Въ дѣлахъ архива пермскаго губернскаго правленія, по канцеляріи намѣстника, я нашелъ дѣло о послѣднихъ „секретныхъ арестантахъ“, содержавшихся въ томъ-же монастырѣ, отставномъ секундъ-маіорѣ Алексѣѣ Ивановѣ Ржевскомъ, монахѣ Герасимѣ и крестьянинахъ графовъ

Орловыхъ Ѳеодоръ Маковкинъ. Къ сожалѣнію, изъ дѣла не видно, за какія именно провинности подверглись заключенію въ монастырѣ означенные арестанты.

Ржевскій былъ присланъ 5 іюля 1763 года въ Сибирскую губернскую канцелярію, при указѣ Правительствующаго Сената, послѣдовавшемъ по указу Императрицы Екатерины II-й. Въ указѣ Сената значится, что Ржевскій не въ полномъ умѣ и потому ссылается тобольской епархіи въ Успенскій Далматовскій монастырь и предписывается „тамъ его подъ присмотромъ надежнымъ содержать, съ тѣмъ, чтобъ онъ изъ того монастыря отнюдь никуда отлучаться не могъ, а на одежду его, харчи и прочее его содержаніе опредѣлить, изъ доходовъ того-же монастыря, по полтинѣ въ каждый день, считая натурою и деньгами. Произнесенныхъ-же отъ него словъ, ежели онъ тамо что непристойное и продерзостное станетъ говорить, яко отъ палаумнаго, въ дѣло не ставить, но смирать его за то крѣпчайшимъ образомъ и строжайшимъ содержаніемъ. А быть ему вѣдомымъ у тобольскаго губернатора, господина лейбъ-гвардіи премьеръ-маіора Черина“.

По опредѣленію сибирской губернской канцеляріи, былъ командированъ для наблюденія за Ржевскимъ въ монастырѣ сибирскаго гарнизона пѣхотнаго батальона капраль Андрей Поповъ, съ тремя человекѣми солдатъ, которому дана отъ губернской канцеляріи такого рода инструкція:

1.

„Принявъ тебѣ въ сибирской губернской канцеляріи сію инструкцію и отъ упоминаемаго конвойнаго каптенармуса Зеленова—реченнаго отставнаго секундъ-маіора Ржевскаго и данную отъ здѣшней канцеляріи о дачѣ четырехъ ямскихъ подводъ подорожную и на платежъ оныхъ подводъ отъ Тобольска до Успенскаго Далматова монастыря изъ тобольской рентереи прогонныхъ денегъ на чтыреста на восемьдесятъ на шесть верстъ, на каждую подводу по рублю по сороку по пяти копѣекъ съ половиной, а на чтыре—пять рублейъ восемьдесятъ двѣ копѣйки, и означенному Ржевскому на пропитаніе въ пути, по полтинѣ на день, считая отправление своего съ проѣздомъ на семь дней, три рубля пятьдесятъ копѣекъ, итого девять рублей тридцать двѣ копѣйки, ни мало не

мѣшкавъ, ѣхать съ нимъ Ржевскимъ изъ Тобольска тобольской епархіи въ Успенскій Далматовъ монастырь со всякимъ поспѣшеніемъ, не останавливаясь нигдѣ, ни зачѣмъ“.

2.

„Въ проѣздѣ твоёмъ по тракту и будучи въ Далматовѣ монастырѣ при содержаніи, какъ тебѣ, такъ и солдатамъ, за онымъ маіоромъ Ржевскимъ накрѣпко смотрѣть, чтобъ онъ какимъ случаемъ утечки, тако-жъ надъ собою и надъ тобою съ солдатами какого поврежденія учинить не могъ“.

3.

„Произносимыхъ отъ него Ржевскаго словъ, ежели въ дорогѣ или при содержаніи въ Успенскомъ Далматовѣ монастырѣ что непристойное и продерзостное станеть говорить, яко отъ палаумнаго, въ дѣло не ставить; но въ силу выше упоминаемаго Ея Императорскаго Величества Высочайшаго указа, смирять его самымъ крѣпчайшимъ и строжайшимъ содержаніемъ“.

4.

„Изъ вышеписанныхъ принятыхъ тобою изъ тобольской рентерей на пропитаніе въ пути денегъ давать тебѣ ему Ржевскому, какъ выше писано, по полтинѣ на каждой день, по то время какъ прибудете въ упоминаемый Далматовъ монастырь, а буде изъ оныхъ принятыхъ изъ рентерей денегъ по пріѣздѣ твой въ тотъ монастырь сколько останется за расходомъ, оныя никуда не употребляя въ расходъ, при рапортѣ своемъ прислать въ Сибирскую губернскую канцелярію неудержно“.

5.

„Будучи тебѣ въ пути, излишнихъ сверхъ вышеписанныхъ четырехъ подводъ и безъ заплаты прогоновъ не брать и никому никакихъ обидъ и примѣтокъ не чинить, чего и надъ солдатами накрѣпко смотрѣть, а поступать какъ доброму и честному унтеръ-офицеру принадлежитъ“.

6.

„По пріѣздѣ въ тотъ Успенскій Далматовъ монастырь, явиться тебѣ того монастыря архимандриту Іоакимуеу того-жъ часа и изтребовавъ отъ него для содержанія помянутаго маіора Ржевскаго въ томъ монастырѣ удоб-

ные покои, гдѣ содержать его противъ вышеписаннаго, что непристойное станеть говорить, яко отъ палаумнаго, въ дѣло не ставить, но смирать его за то крѣпчайшимъ и строжайшимъ содержаніемъ“.

7.

„Съ того времени, какъ прибудете въ упоминаемой Успенской Далматовъ монастырь, на реченнаго маіора Ржевскаго, того монастыря отъ архимандрита Іоакимеа, въ силу вышеписаннаго именнаго Ея Императорскаго Величества указу, на одѣжду, харчи и прочее его содержаніе, изъ доходовъ того монастыря по полтинѣ въ каждый день, считая натурою и деньгами, требовать заблаговременно, помѣсячно, сколько тамъ пробить можетъ, изъ коихъ на онаго Ржевскаго и употребить, по требованію его, безъ излишества, и что происходить будетъ, за извѣстіе въ сибирскую губернскую канцелярію каждомѣсячно рапортовать со обстоятельствомъ“.

8.

„Ежели-жъ противъ сей инструкціи хотя мало чего не исполнишь, или тотъ маіоръ Ржевскій изъ-за твоего и команды твоей солдатъ куда-нибудь сбѣжить, или надъ собою какое поврежденіе учинитъ, то никто въ томъ другой отвѣтъ дать можетъ, какъ ты неотмѣнно подвергнешь себя подъ военный судъ и учинено будетъ чему достоинъ“.

9.

„Имѣя-же въ проѣздѣ въ лѣсахъ и по полямъ наслѣги, отъ огненнаго запаленія имѣть тебѣ съ командою всекрѣпкую и неоплошную предосторожность и при отѣздѣ съ ночлеговъ, огни погашать такъ чисто, чтобы нимало искры остаться не могло, а гдѣ имѣется соболиной ловъ и протчій звѣриной промыселъ, тутъ огней, подъ смертною казнію, отнюдь не класть, а въ протчемъ поступать тебѣ съ крайнимъ наблюденіемъ по присяжной своей должности“.

10.

„По указу 1724 году, велѣно о дѣлахъ, которыя тайности подлежатъ въ государственныхъ дѣлахъ, онаго отнюдь въ партикулярныхъ письмахъ никому не писать, ниже и тому, отъ кого отправлень, кромѣ настоящихъ реляцій, а ежели какое препятствіе отъ кого въ томъ

или иномъ будетъ его дѣлу, то писать вольно куды за благо кто разсудитъ, только поминая о врученномъ ему дѣлѣ генерально, отъ чего оному подтвержденіе есть; также ежели случатся дѣла постороннія, тайнѣ подлежащія, въ реляціяхъ къ тому отъ кого отправленъ писать будетъ невозможно, то вольно писать кому въ томъ повѣрить, а о врученномъ своемъ никакъ иначе только какъ выше писано, подѣ жестокимъ наказаніемъ по винѣ преступленія. У подлинной инструкции подписалъ тако: Алексѣй Колударовъ, по пунктамъ скрѣпилъ секретарь Гавріилъ Смирновъ, справилъ подканцеляристъ Михайлъ Узкоглазовъ⁴.

О ссылкѣ Маковкина говорится, въ ордерѣ отъ 9-го апрѣля 1787 года генераль-губернатора Кашкина правителю Пермскаго намѣстничества Колтовскому, слѣдующее:

„Сего числа получилъ я сообщеніе отъ его сіятельства, господина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника генераль-прокурора и разныхъ орденовъ кавалера князь Александръ Алексѣевича Вяземскаго, отъ 12 марта, при которомъ присланъ по Высочайшему Ея Императорскаго Величества указу извѣстной графовъ Орловыхъ крестьянинъ Ѳеодоръ Маковкинъ, съ тѣмъ, чтобы за учиненную имъ дерзость и для удержанія впредь отъ подобной, сослать ево въ Далматовъ монастырь, на пять лѣтъ, гдѣ содержавъ, ежегодно увѣдомлять его сіятельство, какія переменны воспослѣдуютъ въ раскаяніи и будущемъ его поведеніи. Чего для вашему превосходительству и предлагаю: извольте сказаннаго Маковкина приказать отъ конвойнаго принять и дать ему отъ намѣстническаго правленія квитанцію; Маковкина-жь, за надлежащимъ присмотромъ, отправить въ Далматовъ монастырь, при повелѣніи къ тамошнему городничему, для точнаго исполненія Высочайшаго указа и чтобъ ежегодно рапортовать меня, для извѣщенія его сіятельства, какія переменны воспослѣдуютъ въ раскаяніи и будущемъ поведеніи его Маковкина⁴.

О причинахъ заточенія монаха Герасима въ дѣлѣ никакихъ свѣдѣній не имѣется.

Городничій города Далматова секундъ-маіоръ Сергѣй Воиновъ ежемѣсячно рапортовалъ губернатору о содержащихся арестантахъ, въ однихъ и тѣхъ-же выраженіи-

яхъ:... „и во исполненіе онаго ордера, вашему высокопревосходительству симъ въ покорности моей рапортуя, что (съ 1 по 1 число каждаго мѣсяца), содержащіяся въ Далматовскомъ Успенскомъ монастырѣ секретныя арестанты, а именно: 1) отставной секундъ-маіоръ Алексѣй Ивановъ Ржевскій, 2) монахъ Герасимъ и 3) крестьянинъ Ѳеодоръ Маковкинъ имѣются за надлежащимъ воинскихъ чиновъ присмотромъ благополучно и никакихъ въ нихъ развратностей не предвидится; также при нихъ въ караулѣ воинская команда находится какъ долгъ и званіе велить“.

21 декабря 1791 года Воиновъ рапортуетъ генералъ-губернатору Волкову слѣдующее:

„По препровожденіи вашему высокопревосходительству настоящаго теченія отъ 1-го числа о содержащихся подъ присмотромъ моимъ въ Святоуспенскомъ Далматовѣ монастырѣ секретныхъ арестантахъ надлежащаго рапорта, до 14, получая сверхъ личнаго моего навѣщенія, отъ караульныхъ съ.... двукратно изустно ежедневныя такыя вые-жъ, что они сохранны; но донесеннаго числа, по препровожденіи въ Пермь еженедѣльной почты, отставной секундъ-маіоръ Алексѣй Ржевской, при удрученной ево древности, заматорѣлой чахотной болѣзни, съ умноженіемъ въ томъ-же родѣ припадка, надмѣру ослабѣлъ, — къ отраженію коего немедленно средствомъ опредѣленнаго здѣсь подлекаря Денисова, въ личномъ-же моемъ наблюденіи, были предприняты надлежащія мѣры, а между тѣхъ къ лучшему ево уврачеванію... числа, чрезъ нарочно отраженнаго, требовалъ навѣщенія правящаго въ городахъ Шадринскѣ и Далматовѣ докторскую должность штабъ-лекаря Зейделя. И поелику, въ теченіи четырехъ дней, припадокъ его ни мало не умалаялся, но очевидно, при непосредственномъ его по кельѣ муціонѣ и здоровомъ разсудкѣ, возросталъ, чего для долгомъ себя и лучшимъ средствомъ сраждушему въ болѣзни поставляя, обвѣстилъ его духовника, которымъ, по долгу христіанскому, удостоенъ исповѣдью и при общемъ съ нимъ настояннн предлагали приобщиться святыхъ Христовыхъ таинъ, но по нежеланію его, въ чаяннн облегченія, не приступилъ; а затѣмъ 19-го числа, по-полудни въ три часа, волею Божіею скончался, и сегодня, при Христо-рожденственской церкви, въ томъ Далматовѣ монастырѣ

соборне и погребенъ. Въ прочемъ, хотя, по извѣщенію моему, на 20 число штабъ-лекаремъ Зейделемъ навѣщеніе его и исполнено, но поздно“....

20-го марта 1792 года генераль-губернаторъ Волковъ доноситъ генераль-прокурору князю Вяземскому, что пятилѣтній срокъ заключенія крестьянина графовъ Орловыхъ Маковкина окончился 12 того-же мѣсяца и что во все время содержанія въ монастырѣ онъ ни въ чемъ дурномъ не замѣченъ, и представлялъ дальнѣйшее на благоусмотрѣніе; но никакого отвѣта на это представленіе не послѣдовало. Маковкинъ продолжалъ содержаться по прежнему въ заключеніи, а 5 декабря 1794 года, Воиновъ рапортуетъ, что Маковкинъ, „отъ застарѣлой въ немъ водяной болѣзни, волею Божіею помре, который по-христіански исповѣданъ и приобщенъ святыхъ Христовыхъ таинъ и масломъ пособорованъ и погребенъ въ томъ-же монастырѣ“.

Всѣхъ пережилъ монахъ Герасимъ, который умеръ 24 іюля 1795 года, въ 2 часа по-полудни, „по старости его лѣтъ и отъ имѣвшейся въ немъ болѣзни“, и погребенъ въ монастырѣ“.

Это былъ послѣдній заключенный въ Далматовскомъ монастырѣ; по смерти его, воинская команда, находившаяся тамъ, для охраны арестантовъ, была возвращена въ Тобольскъ.

(Пермскія Губ. Вѣд. 1885 г.).

ЛЖЕУЧИТЕЛЬ МЕНЗЕЛИНЪ.

(По архивнымъ документамъ).

Во 2-й книжкѣ „Русской Мысли“ 1885 года помѣщена статья извѣстнаго изслѣдователя русскаго раскола г. Пругавина: „О сектѣ самоистребителей“, въ которой между прочимъ говорится: „Въ 1782 году, въ маѣ мѣсяцѣ, въ Сибири, по прельщенію лжеучителя Суерскаго острога, крестьянина Михаила Мензелина, утопилось въ озерѣ Сазыкуль, Песчанскаго зимовья, мужескаго пола, со вновь рожденными, десять душъ. Мензелинъ училъ приносить себя въ жертву—„Тебя ради, Господи“. Согла-

павшихся онъ топилъ въ озерѣ или запиралъ въ избу и сжигалъ“.

Извѣстiе это взято г. Пругавинымъ изъ статьи „Русской Старины“ (1879, кв. 10): „Самосожигатели и самоутопленники въ Сибири“, А. А. Павлова. Оно не полно, не совсѣмъ вѣрно и не даетъ надлежащаго понятiя объ ужасныхъ событiяхъ, совершившихся подъ влiянiемъ изувѣрства, возбужденнаго въ темной крестьянской массѣ такимъ-же темнымъ лжеучителемъ, крестьяниномъ Мензелинымъ, ибо частiю взято съ преданiя, частiю извлечено изъ нѣсколькихъ второстепенной важности бумагъ, найденныхъ г. Павловымъ въ архивѣ Моршинскаго волостнаго правленiя имѣющихъ отношенiе къ обширному дѣлу „о лжеучителѣ и злодѣѣ Мензелинѣ и его сообщникахъ“. Дѣло это возникло въ 1782 г. и всецѣло сохранилось въ подлинникѣ, въ архивѣ пермскаго губернскаго правленiя. Познакомившись съ этимъ дѣломъ, представляющимъ полную картину среды, въ которой дѣйствовалъ Мензелинъ, сущности ужаснаго, но не замысловатаго ученiя, условiй, благопрiятствовавшихъ его роковому успѣху, наконецъ, достаточно характеризующимъ самую личность лжеучителя, и находя свѣдѣнiя, заключающiяся въ дѣлѣ, вообще интересными для изслѣдователей русскаго раскола, мы полагаемъ небезполезнымъ изложить ихъ въ возможной полнотѣ, на основанiи подлинныхъ документовъ.

Въ 1782 году генераль-губернаторомъ пермскимъ и тобольскимъ былъ генераль-поручикъ, лейбъ-гвардiи премьеръ-маiоръ Евгений Петровичъ Калшкинъ. Умный и дѣятельный правитель, получивъ донесенiе тобольскаго намѣстника Осипова о бѣжавшихъ изъ разныхъ деревень Кызацкой слободы и Песчанскаго зимовья Ялуторовскаго вѣдомства 137 человекъ крестьянъ мужскаго и женскаго пола всѣхъ возрастовъ, съ цѣлю самоистребленiя, не ограничился соотвѣтственными распоряженiями о возвращенiи бѣглыхъ, строго воспретивъ всякое ненужное насилiе и грубое съ ними обращенiе, но озаботился въ тоже время освѣтить всѣ темные углы той среды, въ которой возникло столь ужасное изувѣрство, принявъ мѣры противъ ложныхъ донесенiй и неосновательныхъ свѣдѣнiй, которыя могли-бы затемнить для него истину, а изъ екатеринбургской судныхъ и земскихъ

дѣлъ канцеляріи вытребовалъ всѣ дѣла, производившіяся въ ней о раскольникахъ, такъ какъ корень всякихъ лжеученій, какъ было извѣстно, гнѣздился въ раскольничьихъ скитахъ, по лѣсамъ, окружавшимъ заводы Нижнетагильскій, Черноисточинскій и Невьянскій Верхотурскаго и въ селѣ Шартапскомъ, Екатеринбургскаго уѣздовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланы были распоряженія о розысканіи скитовъ и арестованіи людей, которые будутъ въ нихъ найдены. Сотни живущихъ въ нихъ раскольниковъ, имѣвшихъ, какъ видно изъ слѣдственныхъ дѣлъ, своихъ послѣдователей и сообщниковъ въ средѣ заводскихъ жителей, были, конечно, предупреждены о поискахъ и разбѣжались, а изъ показаній арестованныхъ и изъ произведенныхъ розысковъ оказалось, что въ скитахъ жили „наставники-старцы“, разные выходцы съ Кержанца, Нижегородской губерніи, бѣглые рекруты, дѣлатели фальшивой монеты, казаки съ Дону, какіе-то поляки и даже „бѣглый квакеръ, московскій купецъ Осиповъ“.

Изъ допросовъ-же лицъ, привлеченныхъ къ слѣдствію по обвиненію въ принадлежности къ ученію Мензелина и, повидимому, искренно убѣжденныхъ въ своихъ заблужденіяхъ, выяснилось, что едва-ли не главною причиною усиленія за Ураломъ раскола во второй половинѣ прошлаго столѣтія были невѣжество, поборы и насилія сельскаго духовенства. Такъ, крестьяне Антроповъ и Ильинъ показали, что на исповѣди и у св. причастія „года по четыре и по пяти не бывали и нынѣ быть не желаютъ, а причина-де попы: табакъ нюхаютъ, ругаются..., упиваются вина до пьяна“. Другіе показывали, что они отъ роду въ церкви не бывали, но откупались отъ поповъ и потому были писаны бывающими у исповѣди и св. причастія ежегодно; а напротивъ, оказались и такіе, которые исполняли всѣ предписанія церкви, но отмѣчались небывшими у исповѣди и причастія, потому что „ничѣмъ поповъ не дарили“. Въ адюторовскомъ нижнемъ земскомъ судѣ крестьянинъ Сергѣй Сафоновъ показалъ, что желаетъ записаться въ расколъ потому, что „приходскіе священники записываютъ ихъ, бывшихъ на исповѣди, которые ихъ ничѣмъ не дарятъ, въ небывшихъ. Опять-же сего (1782) года, въ Петровъ постъ, отъ игумена Маргарита (Рафаилова монастыря

Тобольской епархіи) посланъ былъ по ихъ селеніямъ *юсаръ*, а какой именно не знаетъ, да монастырскій служитель Иванъ Абрамовъ Волковъ, съ приказомъ, чтобы всѣхъ, прежде бывшихъ и въ подписавшихъ (?), гнать сильно на исповѣдь; а буде кто не пойдетъ, съ тѣхъ брали, а имянно, съ 18-ти душъ по два, да съ 5-ти по три рубля съ каждой души, а сколько имянно — теперь не помнить, о чемъ въ Исетской управительской канцеляріи и дѣло было произведено“.

Не ясно-ли приведенные факты указываютъ главныхъ виновниковъ усиленія раскола за Ураломъ въ прошломъ столѣтіи? Тоже подтверждаютъ и письма Кашкина къ тобольскому епископу Варлааму, которыя будутъ нами приведены ниже.

Первый документъ въ дѣлѣ, въ хронологическомъ порядкѣ, есть письмо игумена Троицкаго Рафаилова монастыря Маргарита къ генераль-губернатору Кашкину, отъ 22 апрѣля 1782 года, слѣдующаго содержанія:

„Высокопревосходительнѣйшій господинъ,
мой милостивый государь,
Евгеній Петровичъ!

Благоволеніе вашего высокопревосходительства ко мнѣ, ревность ваша къ закону и горячесть къ отечеству подали мнѣ случай нѣсколько занять у васъ симъ времени. При теченіи дѣлъ настоящей ревизіи, записные раскольники, ходя почти по всѣмъ здѣшнимъ селеніямъ, развратнымъ ученіемъ своимъ развращаютъ слабыя сердца и предлагая могущія слабость преклонять причины, какъ-то, что жизнь будетъ для нихъ спокойнѣе, будутъ отъ всѣхъ народныхъ службъ и отъ всякихъ подводъ уволены и не имѣвъ обязанности къ хожденію въ церковь, всѣмъ пользуются временемъ къ производству своихъ домашнихъ дѣлъ, — отторгаютъ отъ церкви и такихъ истинныхъ христіанъ, которые до самаго сего времени долгъ свой благоговѣнно и съ радостію исполняли. Число сихъ, записывающихся въ расколъ, въ одномъ моемъ вѣдомствѣ, не одну составляетъ тысячу душъ, на что безъ соболѣзнованія сердечнаго и отъ одной нынѣшней въ черни перемѣны смотрѣть не можно, ибо остающаяся въ своей должности часть, предвидя ослабленіе для понесенія общественнаго бремени силъ, съ стономъ, трогющимъ чувствительность, приготавливаетъ рамена для по-

несенія службъ общихъ и съ тѣми купно располагаются низпасть въ крайность раззоренія и убожества. А нѣкоторые изъ сихъ, смотря на сіи слѣдствія, принужденными находятъ себя слѣдовать примѣру погибельному, нѣкоторые-же и дѣйствительно послѣдовали. Удержать чтобъ отъ сего, помощи здѣсь не сыскиваю, затѣмъ, что собственная польза предпочитается отечественной. Къ уничтоженію зла сего въ единой особѣ вашего высокопревосходительства несомѣннную уповаю надежду, всепокорнѣйше прошу, хотя тристрочными ордерами, Исетскаго и Ялutorовскаго дикстриктовъ, городовъ Тюмени, Шадринска и Далматова въ судебныя мѣста, по вѣдомству которыхъ поручены завѣдывать мнѣ духовныя дѣла, предписать, чтобы оной недугъ изцѣлить, чѣмъ Церковь Христову пребезмѣрно обрадуете и примете отъ раздающаго вѣнцы достойную почесть истиннаго попечителя о спокойствіи отечества, меня-же навсегда наичувствительнее обяжете всеусерднѣйшимъ къ вамъ пребыть, каковъ и есмь“....

За тѣмъ, собственно дѣло „о лжеучителѣ и злодѣѣ Мензелинѣ и его сообщникахъ“ начинается съ донесенія Кашкину правящему должность тобольскаго губернатора оберъ-штер-кригсъ-комисара Григорія Михайловича Осипова о томъ, что ялutorовская управительская канцелярія донесла ему рапортомъ отъ 22 мая (1782), что „на 15, 16 и 18 мая, изъ разныхъ деревень Кызацкой слободы и изъ Песчанскаго зимовья бѣжало крестьянъ со всѣми семействами и малолѣтними дѣтьми: изъ Кызацкой мужескаго, большаго возраста 60, женскаго 10, ихъ дѣтей, отъ 10 до 1 года, мужескаго 8, женскаго 10, и изъ Песчанскаго зимовья, большаго возраста, мужчинъ 10, женщинъ 11, и ихъ дѣтей, отъ 10 до 1 года, мужескаго 15, женскаго 14, всего 137 человекъ, изъ которыхъ пойманы посланными крестьянами: кызацкихъ 27, да зимовскихъ 2 мужиковъ и женка. Изъ нихъ двое Данило Гладковъ, Ѳедоръ Пьянковъ и женка Катерина Абакумова, и съ ними сумы, присланы въ Ялutorовскъ. Въ суммахъ оказались: одни святцы, воску фунтовъ 10, свѣчь восковыхъ фунтъ, 7 мѣдныхъ маленькихъ образковъ, ладану 4 фунта и мелкіе кусочки просвиры“.

Допрошенный Гладковъ показалъ, „что подговорилъ ихъ Ялutorовскаго вѣдомства, Суерскаго острогу, крестья-

янинъ Михайло Мензелинъ, пришедшій изъ Шарташей, бѣжать на озеро Сазыкуль, находящееся отъ зимовья верстахъ въ 50 внутрь линіи и имѣющее острова, и на тѣхъ мѣстахъ молиться Богу и *ничего не ѣсть и помереть съ голоду*. И сказывалъ онъ Мензелинъ, что уже *приходитъ время притти въ міръ антихристу и потому должно отъ него бѣжать въ горы и вертепы и помереть голодомъ и засыпаться пепломъ, отъ чего и истаетъ тѣло аки воскъ и душа уйдетъ на небо*. Съ тѣмъ самымъ они и бѣжали, чтобъ имъ отъ поста помереть и дѣтей поморить, и потому не взяли съ собой нисколько хлѣба. Кусочки просвиры привезены наставникомъ ихъ изъ Шарташа, на тотъ случай, если кто запостится и станетъ помирать, то причащать ими. И самъ ихъ тотъ наставникъ исповѣдываетъ⁴. Гладковъ не успѣлъ уйдти на островъ, потому что ѣздилъ въ Уктусскую слободу раздавать милостыню и, возвратясь обратно, былъ захваченъ посланными крестьянами на берегу озера.

21 мая ялutorовская канцелярія отправила съ Гладкимъ поручика Озерова съ командою, для поимки бѣжавшихъ, а губернаторъ Осиповъ предписалъ управителю, секундъ-маіору Розингу, строго внушить Озерову, чтобъ съ бѣглецами, буде пойманы будутъ, поступать человѣколюбиво, увѣрять, что будутъ прощены, даже если что и совершили по заблужденію, и стараться отвратить отъ заблужденія, а если будетъ взятъ Мензелинъ, то отправить его въ Тобольскъ „въ крѣпкихъ отъ утечки оковахъ“⁴.

12 июня Осиповъ рапортуетъ, что, 3 того-же мѣсяца, ялutorовская управительская канцелярія и секундъ-маіоръ Розингъ доносятъ, что Мензелинъ и его сообщники посланною командою на островахъ пойманы и допрошены; а того-же числа другимъ рапортомъ доносить, что за секретаря коллежскій регистраторъ Кадниковъ докладывалъ присутствію ялutorовской управительской канцелярії, что неизвѣстный солдатъ, назвавшійся рядовымъ Верхнеуральскаго батальона Григоріемъ Кабаковымъ, представилъ ему кувертъ, завернутый въ бересто, съ надписью: „Рапортъ въ ялutorовскую канцелярію изъ суерской конторы“⁴, въ которомъ нашель: 1) реестръ „выключеннымъ изъ Суерскаго острогу въ Устькаменогорскую крѣпость крестьяномъ“ и 2) письмо пасквильное, составляющее въ себѣ ересь лжеучительскую, со вклю-

ченіемъ при томъ и важныхъ хулительныхъ словъ, касающихся до государевой чести“. Солдаты показали, что получилъ кувертъ отъ крестьянской жены Анисьи Бачаниной, а послѣдняя, что принесъ его ея сынъ, котораго она посылала за покупкой соли въ городъ, гдѣ онъ напелъ его у кабака.

Затѣмъ, Кашкинъ, въ ордерѣ пермскому губернатору Ламбу отъ 27 іюня (1782), сообщаетъ о полученіи имъ отъ тобольскаго губернатора пеманутаго, найденнаго въ Ялуторовскѣ письма (котораго ни въ подлинникѣ, ни въ копіи въ дѣлѣ, къ сожалѣнію, не оказалось), „изъ котораго—писать Кашкинъ—ваше превосходительство усмотрѣть изволите, какимъ образомъ злоучители посягаютъ въ сердцахъ простомысленныхъ людей развратъ, совращая ихъ тѣмъ къ отдаленію отъ жительства въ неизвѣстныя мѣста, для погубленія себя, дабы оставшимъ послѣ сихъ уловленныхъ простаковъ имѣніемъ воспользоваться. По доходащимъ-же слухамъ, извѣстно мнѣ, что называемый въ письмѣ молитвенный соборъ изъ нѣсколькихъ десятковъ старцевъ состоящій, обитаніе свое имѣетъ въ недалекомъ разстояніи отъ Нижнетагильскаго завода, по густымъ лѣсамъ, въ нарочно сдѣланныхъ къ укрывательству ихъ пещерахъ, куда, по разсѣвающемуся злоученію ихъ, многихъ простаковъ къ полученію отъ нихъ наставленія и благословенія зазываютъ, что, безъ особенной подати, подъ видомъ подаенія, по извѣстному корыстолюбію сихъ людей, обойтись не можетъ, потому что бродящіе благовѣстники никогда не пригласятъ къ своей ереси бѣдныхъ и стараются всегда совращать къ тому изъ имѣющихъ изрядное имущество, изъ которыхъ нѣкоторые и возвращаются въ свои дома, а другіе безвѣстно пропадаютъ. А что подлинно такой злоучительный соборъ есть, то и по дѣламъ бывшихъ присутственныхъ мѣстъ, наипаче по канцеляріи главнаго заводовъ правленія или по земской конторѣ заводской извѣстно, ибо неоднократно вышесказанные старцы оказывались въ важныхъ преступленіяхъ и по поимкѣ осуждены были въ правительстввахъ“... Затѣмъ предлагается принять всѣ мѣры къ открытію мѣстонахожденія помянутаго собора и розысканію старцевъ *Пахомія* и *Даніила*—учителей Мензелина *) и

*) Ни Пахомій, ни Даніилъ розысканы не были и личности ихъ остались неизвѣстными.

дѣвки Матрены Михайловой, у которой послѣдній жилъ, и роль которыхъ будетъ видна изъ слѣдующихъ за симъ показаній арестованныхъ лицъ.

Крестьяне Михайло Мензелинъ, Ѳедоръ Рухловъ, Осипъ Залафаловъ и Степанъ Коробицынъ были допрошены сначала въ ялуторовской управительской, потомъ въ тобольской губернской канцеляріяхъ, и показали:

Ялуторовскаго вѣдомства, Суерскаго острогу крестьянинъ Михайло Максимовъ Мензелинъ, 70 лѣтъ, въ тобольской губернской канцеляріи показалъ, что онъ, „неученой русской грамотѣ и писать, кромѣ что самоучкою затвердилъ одни литеры, составляющія слогъ имя и прозванія его“; что занимался прежде торговлею хлѣбомъ и имѣлъ своего капитала до тысячи рублей; у исповѣди и святаго причастія у православныхъ священниковъ не бывалъ, всегда отъ нихъ откупался и въ церковь никогда не ходилъ, кромѣ только что въ оной былъ вѣнчанъ и вовсе отъ нея сталъ удаляться еще до женидбы, будучи лѣтъ 14. Въ этомъ возрастѣ онъ спознался съ умершимъ уже тобольскимъ ямщикомъ Чернышевымъ, лѣтъ престарѣлыхъ, у котораго жительствовавъ города Суздаля незнаемо какой человекъ, лѣтъ 50, Осипъ Андреевъ, съ которымъ читалъ книги Ефрема Сирина и толковали ему на словахъ, что въ церковь ходить, исповѣдываться и приобщаться есть грѣхъ, потому что Никонъ патріархъ и старецъ Арсеній перемѣнили преданія, стали младенцевъ крестить, свадьбы вѣнчать и Христа встрѣчать и церкви освящать противъ солнца и просвиры нынѣ печатаютъ четвероконечнымъ крестомъ и служить оставили на пяти просвирахъ и крестъ на себѣ изображать троеперстно. И все то ихъ толкованіе почиталъ онъ за самую правду. А послѣ чрезъ людей наслышался, что есть въ заводѣ старецъ Пахомій, который въ Писаніи искусенъ и ѣздитъ по Исети; тогда Мензелинъ поѣхалъ его розыскивать и напелъ въ деревнѣ Андракахъ Бѣляковской слободы, у жившей тамъ тюменскаго вѣдомства дѣвки Матрены Михайловой дочери, а чья пишется, не знаетъ. Пахомій носить черную одежду и черный клубукъ. Пробылъ съ нимъ Мензелинъ два дня, въ продолженіи которыхъ Пахомій читалъ ему книги—одну Апокалипсисъ, другую Іоанна Златоустаго и толковалъ тоже, что ямщикъ Чернышевъ и Суздалецъ, при чемъ подтверждалъ, что

кто-де что убавить или прибавить въ книгахъ, тотъ да будетъ анаѳема. На третій день Мензелинъ увезъ Пахомія къ себѣ на домъ, гдѣ послѣдній пробылъ трои сутки, сказывался изъ города Ростова, а какой человѣкъ— не сказался, а живетъ въ Черноисточенскомъ заводѣ, гдѣ и въ старцы поставленъ. Проживая у Мензелина, убѣждалъ его оставить домъ, продать имѣніе и прити къ нимъ въ заводъ. На третій день Мензелинъ отвезъ Пахомія обратно къ дѣвкѣ Михайловой. Наставленія Пахомія онъ не забылъ и проживъ послѣ знакомства съ этимъ старцемъ лѣтъ десять дома, принялъ рѣшеніе оставить домъ, жену и дѣтей и бѣжать къ наставнику. Домъ свой онъ продалъ, выданныя впередъ деньги крестьянамъ подъ муку, уступилъ, оставилъ женѣ съ дочерью 100 рублей, да другой замужней дочери 50 р., да себѣ 100 руб., и въ 1770 году, на другой день вешняго Николая, отправился въ путь. По дорогѣ зашелъ въ Шарташъ, гдѣ выпросился ночевать въ незнаемомъ домѣ, хозяинъ котораго назвался старцемъ Даніиломъ. Поутру отправился въ Черноисточинскій заводъ, до котораго шель три дня, на квартиры янгдѣ не приставалъ, ночи проводилъ на пустыхъ мѣстахъ, въ деревняхъ сказывался идущимъ на заводъ работникомъ. Придя въ Черноисточенскій заводъ, нашель Пахомія и прожилъ у него годъ. Хозяинъ училъ его молиться за Царя, дабы Богъ обратилъ его въ истинную православную вѣру и называлъ свой толкъ безпоповщиной. Когда отъ него Мензелинъ пошелъ далѣе, онъ далъ ему ломаной просвиры больше половины, сказавъ: „ты того удостоился, ты человѣкъ скитникъ и гдѣ тебѣ прилучится найти больнаго и при смерти человѣка, возьми воды въ ложку и опусти отъ той просвиры самую маленькую крошечку и тѣмъ причащай и говори: тѣло Христово примите, источника безсмертнаго вкусите“. Отъ Пахомія Мензелинъ направился, чрезъ Исетскій дикстритъ, на озеро Кабанье въ Ишимскомъ вѣдомствѣ, на берегу котораго жилъ два года, а потомъ пошелъ на озеро Лебяжье, гдѣ жилъ „въ выкопанныхъ избушкахъ“ годъ три мѣсяца, а оттуда Ялуторовскаго вѣдомства подъ Кызацкую слободу, на займище Черное, гдѣ проживалъ въ такой-же избушкѣ два года. На всѣхъ трехъ озерахъ ловилъ рыбу и вымѣнивалъ ее приѣзжавшимъ для рыболовства людямъ на хлѣбъ. Съ

Чернаго займища Мензелинъ пришелъ въ деревню Шушарину, въ домъ ко крестьянину Григорію Шушарину, у котораго прожилъ дней съ шесть и свидѣлся съ Захаромъ Шушаринымъ и совѣтовалъ обоимъ *ради Христа дѣтей ихъ закопать въ яму*. Тѣ согласились и поѣхали съ намѣреніемъ исполнить совѣтъ, въ боръ, впередъ, а Мензелинъ остался въ домѣ и присоединился къ нимъ уже на другой день и засталъ въ бору Захара Шушарина съ двумя сыновьями и дочерью, а *Григоря съ женою и дочерью и Захаровыхъ дѣтей посадили въ яму*, а прочіе не пошли. Оставивъ сихъ, Мензелинъ бродилъ „по степямъ и островамъ и пашеннымъ избушкамъ“ и назадъ тому четыре года (1778) вышелъ въ жило и пришелъ въ домъ Кызацкой слободы деревни Грамотѣвой крестьянина Егора Першина, за которымъ была родная дочь Мензелина; жилъ у зятя недѣли три, приобщалъ данною отъ Пахомія просвирую своего заболѣвшаго полугодоваго внука, да дочь крестьянина Ивана Трушникова-Круглаго, по третьему году, да двухлѣтняго, бывшаго въ ослѣ сына брата Трушникова, и ушелъ опять въ степь, приставалъ въ пашенныхъ избушкахъ и наконецъ пришелъ въ деревню Вагулину, Красноярской слободы Ишимскаго вѣдомства. Здѣсь присталъ у крестьянина Мартына Коклявина, сказавшись жителемъ Осиповой слободы и такъ какъ хозяинъ сряжался ѣхать за линію, на озеро Чаглы, для рыболовства, то упросилъ взять его съ собою. На Чаглахъ онъ прожилъ съ годъ и послѣ Свѣтлой недѣли возвратился въ Кызацкую слободу, къ зятю своему Першину, гдѣ прожилъ недѣли съ четыре. Живучи на озерѣ Чаглахъ Мензелинъ слышался, что есть въ Петропавловской крѣпости донской казакъ Семень Леденевъ бывалець въ степяхъ, и любопытствуя узнать отъ него „не знаетъ-ли гдѣ за линіей къ Камню мѣста“, отправился въ Петропавловскъ для свиданія съ Леденевымъ, коего однако-жъ дома не засталъ, а между тѣмъ, ходя по базару, слышался въ людскихъ разговорахъ, что у тутошняго купца Алексѣя Пиленка есть Евангеліе толковое, зовомое „Благовѣстникъ“ и обратился къ Пиленку, прося эту книгу ему почитать. Тотъ исполнилъ его просьбу, а Мензелинъ понялъ изъ того Евангелія, что и въ немъ напечатано: *„въ послѣднія времена бѣжатъ въ горы и вертепы, засыпаться пескомъ, хрящемъ, землей*

и пепломъ и помирать съ голоду; самое то, что онъ Мензелинъ слыхалъ, и въ книгѣ Ефрема Сирина напечатано“. Возвратившись изъ Петропавловска къ зятю и переночевавъ у него, Мензелинъ уѣхалъ въ домъ къ старому своему знакомому, крестьянину Рухлову. Такъ какъ въ то время былъ Великій постъ, то Мензелинъ Рухлова со всѣмъ семействомъ исповѣдывалъ. Потомъ опять возвратился къ зятю, а отъ него ушелъ въ домъ къ Трушникову, гдѣ исповѣдывалъ самого Трушникова, трехъ его братьевъ, отца и мать со всѣми семействами и крестьянина Гладкова съ семействомъ. Иванъ Трушниковъ и Данило Гладковъ ѣздили по деревнямъ и созывали людей къ Мензелину, вслѣдствіе чего домъ Трушникова стало посѣщать много народу, котораго Мензелинъ исповѣдывалъ, наставляя, что „приходитъ время притти въ міръ антихристу и надобно бѣжать въ горы и вертепы, засыпаться пескомъ и пепломъ и закапываться въ землю и помирать постомъ и голодомъ“. Отъ Трушникова Мензелинъ вновь возвратился къ Першину и въ Троицынъ день былъ у Рухлова и сказывалъ, что „намѣрены они бѣжать на острова, и онъ съ ними не согласенъ-ли, на что Рухловъ отвѣчалъ, что онъ уже мѣсто себѣ прискалъ“. Отсюда Мензелинъ отправился въ деревню Крѣпостную, къ крестьянину Бѣлыхъ и сказывалъ послѣднему, что многое число людей бѣжитъ съ нимъ и съ Першинымъ на островъ; за ними слѣдовать согласились самъ Бѣлыхъ и крестьянинъ Иванъ Антроповъ, которыхъ Мензелинъ и исповѣдывалъ со всѣми ихъ семействами, наставляя ихъ въ томъ-же, что выше сказано. Потомъ возвратился къ зятю, куда вслѣдъ за нимъ прибыли Трушниковъ и Ѳедоръ Пьянковъ и стали сговариваться бѣжать на озеро Сазыкуль, при чемъ Трушниковъ говорилъ, что Гладковъ подговорилъ челоувѣкъ съ 50. Трушниковъ и Пьянковъ затѣмъ уѣхали, а Першинъ со всемъ домомъ и Мензелинъ стали собираться „на островъ“. Къ нимъ пристали крестьяне Иванъ Конишевъ съ семействомъ, Першина зять Иванъ Грамотѣевъ съ женою, а всѣхъ собралось челоувѣкъ съ 30; и взяли съ собою воску, ладану, образа мѣдныя и принесенную отъ Пахомія просвиру, положивъ все это въ сумы, выѣхали ночью, съ намѣреніемъ поститься и помереть съ голоду, и доѣхали до того озера къ обѣду и пристали въ колокъ (молодой

лѣсъ), гдѣ уже Трушниковъ ихъ дожидался и сказалъ, что съ нимъ людей болѣе 50, а Гладковъ-де уѣхалъ раздавать милостыню и подговаривать отца. Затѣмъ тотчасъ же начали въ батахъ (лодкахъ) переправляться на островъ, и хотя тогда набѣжали на нихъ крестьяне, но удержать ихъ не могли,—захватили только однѣ съ воскомъ, ладаномъ и просвирой сумы. Безумцы вышли на безлѣсный островъ, а къ вечеру перебрались на другой, средній, на которомъ застали крестьянъ Осипа Замиралова съ товарищи, съ семействомъ, всего 10 человекъ, и нашли избушку, срубленную изъ бревенъ, и два стана, „да сдѣланъ одинъ изъ земли называемый *вертепъ*“, въ который сажаютъ тѣхъ, кто пожелаетъ запоститься“, а сами-же Мензелинъ съ приведенными людьми сдѣлали станы. По утру-же, въ четвертокъ, *дѣвка Шмакса, заморившись постомъ, померла*; ее всѣ провожали до могилы; Журавлевъ читалъ по ней канонъ, а Мензелинъ кадиль „изъ *черепени* ладаномъ и пѣлъ: святой крѣпкій,— и погребли ее въ землю“. Всѣ въ тотъ день молились Богу, всякъ на своемъ мѣстѣ, а въ пятницу, около обѣда, увидѣли, что на берегу озера стоитъ за поймкою ихъ команда. Тогда стали опасаться быть пойманными и наказанными, а Мензелинъ, какъ наставникъ, говорилъ: „если боитесь мученія, то ступайте и съ дѣтьми въ воду и за Христа топитеь, такъ, какъ сорокъ мучениковъ въ Ефесѣ потопились“. Послѣ такихъ рѣчей, „сдѣлали на глубокомъ мѣстѣ плотъ“, и когда онъ былъ готовъ, Мензелинъ всѣхъ исповѣдалъ и причастилъ большихъ и малыхъ взятою отъ Пахомія просвирой, хранившейся у его дочери. За симъ, помолившись Богу, всѣ переодѣлись и малыхъ ребятъ переодѣли въ бѣлыя рубашки, дѣвки расчесали волосы, подходили къ Мензелину, падали ему въ ноги и просили благословенія: „Богъ васъ благословить умереть за Христа!“ отвѣчалъ Мензелинъ. Въ то время жена Трушникова начала рожать младенца и въ ожиданіи окончанія родовъ, исполненіе общаго намѣренія замедлилось. Родился мальчикъ, котораго Мензелинъ окрестилъ тремя погруженіями въ воду и назвалъ Константиномъ, и всѣ положили предъ Богомъ за того младенца 4000 поклоновъ въ землю, послѣ чего мать новорожденнаго переодѣлась въ бѣлую рубаху и всѣхъ дѣтей посадили въ два бата. Старикъ Першинъ, взявъ

съ собою двухлѣтнаго внука, а за нимъ Иванъ Трушниковъ пошли въ воду, а всѣ прочіе, руководимые Замираловымъ и Шушаринымъ, баты съ малолѣтними потащили. Мензелинъ-же остался на берегу, а потомъ сѣлъ въ батъ и поѣхалъ къ плоту, на коемъ засталъ въ живыхъ человекъ до десяти, въ томъ числѣ и свою замужнюю дочь; *младенцы-же всѣ уже были утоплены*. И сталъ онъ говорить своей дочери, чтобы за Христа умерла, которая и бросилась въ воду, но не могла скоро утонуть и потому просила ее освободить, обѣщая поститься, но отецъ ее не послушалъ и, придавивъ ее жердью, утопилъ. Иванъ Трушниковъ, съ держащейся за него малолѣтнею дочерью, просилъ Мензелина помолиться Богу, чтобъ онъ скорѣе могъ утонуть, и тотъ пригрузилъ ихъ жердью ко дну и утопилъ. Иванъ Грамотѣевъ съ женою связались вмѣстѣ женинымъ платомъ и его гойтаномъ *) и послѣдняя сдѣлала на концѣ плата петлю на тотъ конецъ, если долго не утонуть, то-бы Мензелинъ вложилъ въ ту петлю жердь и ихъ пригрузилъ, но когда Мензелинъ сталъ ихъ жердью придавливать, то гойтанъ оборвался и Грамотѣевъ вылѣзъ на плотъ, а жену его Мензелинъ придавилъ ко дну и утопилъ. Оставшіеся въ живыхъ поплыли къ берегу, а къ Мензелину на плотъ привезъ батъ крестьянинъ Сутягинъ, съ которымъ онъ и доѣхалъ до другаго плотика; тутъ Сутягинъ подлѣзъ подъ плотъ и утопился, а крестьянинъ Коробицынъ, спасшійся отъ потопленія, о женѣ своей рассказывалъ, что она-де совѣтывала ему утопиться, а сама не хотѣла, тогда онъ взялъ ее насильно въ беремя, подлѣхалъ подъ плотъ и утопилъ. Наконецъ, всѣ оставшіеся „вышли на берегъ и разбѣжались въ разныя мѣста: кто Богу молился, кто сидитъ подъ кустомъ — плачетъ“; а Мензелинъ съ Замираловымъ, Шушаринымъ и прочими ушли въ станъ и на другой день, въ субботу, помолившись Богу, вырыли яму и отправились вытаскивать изъ воды утопшихъ, коихъ и оказалось большихъ и малыхъ 53 человекъ. Всѣхъ ихъ сложили въ вырытую яму и Мензелинъ кадилъ надъ ними ладаномъ и пѣлъ: святой крѣпкій, и зарывъ яму, всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ. Въ понедѣльникъ явился къ нимъ Гладковъ и сказалъ, что

*) Гойтанъ—шнурокъ, на которомъ носятъ на шеѣ крестъ.

пріѣхала изъ Ялуторовска команда и тогда Мензелинъ, Замираловъ, Шушаринъ, Евсей Пьянковъ съ сыномъ Петромъ и съ его женою, Андрей Коробицынъ, Гаврило Першинъ и принесшій извѣстіе Гладковъ бѣжали на третій островъ въ батахъ, а прочіе остались на среднемъ островѣ, гдѣ и были взяты командою, а во вторникъ команда явилась и на третій островъ, откуда Першинъ, Гладковъ и Пьянковъ уплыли въ бату, а Мензелинъ, Замираловъ и Шушаринъ съѣхали на берегъ, гдѣ и были взяты.

При допросѣ, Осипъ Замираловъ и Андрей Коробицынъ показали, что когда прельщенныя Мензелинымъ люди пошли въ воду топиться, то Мензелину помогали ихъ топить Осипъ Замираловъ и Захаръ Шушаринъ; идя за Мензелинымъ, они посылали идущихъ впереди въ воду, при чемъ Мензелинъ держалъ въ рукахъ ножъ, а Замираловъ косу. Замираловъ и Шушаринъ втащили въ воду малолѣтнихъ, бывшихъ въ батахъ, и всѣхъ утопили, въ томъ числѣ Замираловъ и своихъ двухъ дѣтей утопилъ. Когда-же крестьяне Дружининъ и Лоткинъ, раздумавъ топиться, хотѣли съ острова бѣжать, то Мензелинъ, Шушаринъ и Замираловъ ихъ не отпустили, а Дружинина связали и били. Крестьянинъ Андрей Коробицынъ показалъ, что когда жена его выплыла на плотъ и топиться раздумала, то, по наученію Мензелина, онъ взялъ ее въ беремя, столкнулъ въ воду и подпихавъ подъ плотъ, утопилъ. О Ѳедорѣ Рухловѣ показали, что будучи съ семействомъ своимъ въ бору, *„двоихъ своихъ малолѣтнихъ внучатъ заморилъ съ голоду и, еще дышащихъ, закопалъ въ землю; сына своего Андрея зарызалъ ножомъ и самъ себя въ брюхо зарызалъ“*.

Бѣжавшіе по прельщенію Мензелина-же на островъ, но недопущенные на него командою, крестьяне деревни Крѣпостной Иванъ Антроповъ, Иванъ Ильинныхъ съ семействами и съ ними прочіе показали, что на „исповѣди и у причастія года по четыре и по пяти не бывали и нынѣ быть не желаютъ, представляя причину на священниковъ, что нюхаютъ табакъ, бранятся матерно и упиваются вина до пьяна“. Токмо по подаваемымъ отъ духовнаго правленія о небывшихъ вѣдомостямъ, оныхъ крестьянъ даже съ 1777 по 1782 годъ небывшими не показано“.

Посланный изъ Ялуторовска съ командою подпоручикъ Озеровъ нашелъ на острову закопанными въ землю утопшихъ: взрослыхъ мужчинъ 4, женщинъ 9, малолѣтнихъ дѣтей, мальчиковъ 22, дѣвочекъ 21, всего 56 человекъ.

По окончаніи слѣдственнаго дѣла состоялось мнѣніе палаты уголовнаго суда, представленное съ заключеніемъ генераль-губернатора Кашкина Правительствующему Сенату, конфирмаціею коего 6-го февраля 1784 года опредѣлено:

„Злодѣю, лжеучителю и смертоубійцѣ крестьянину Мензелину и сообщникамъ его Осипу Замиралову и Данилѣ Гладкову присужденное палатою уголовнаго суда и вами, генераль-поручикомъ и кавалеромъ, по силѣ изъясненныхъ во мнѣніи той палаты и вашемъ законѣ, вмѣсто смертной казни, наказаніе кнутомъ произвести, въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ они пагубныя свои ереси разсѣявали и гдѣ особенно, по разсужденію вашему, полагается; потомъ вырвать ноздри и поставя на лбу и на щекахъ указные знаки, заклѣпавъ въ кандалы, отправить вѣчно въ каторжную работу, Рижской губерніи, на островъ Эвель, сдѣлавъ между тѣмъ всѣмъ имъ, послѣ учиненія опредѣленнаго наказанія, вновь еще увѣщаніе, не обратятся-ли они отъ своего заблужденія на путь истинный, и если окажутъ къ тому свое желаніе, то о присоединеніи ихъ къ святой церкви сообщить въ тамошнюю духовную консисторію. Крестьянину Андрею Коробицыну учинить также публичное наказаніе кнутомъ, но не оставляя на соблазнъ прочимъ на прежнемъ жительствѣ, сослать вѣчно въ работу, Новороссійской губерніи въ городъ Херсонъ. Всѣмъ прочимъ, участвовавшимъ въ преступленіяхъ упомянутаго злодѣя Мензелина и его сообщниковъ, кои отъ своего заблужденія до-нынѣ не обратились и впредь по упрямству своему, раскаянія въ томъ не окажутъ и обратятся не пожелаютъ, а останутся въ заблужденіи упорными, дабы единойжды навсегда изъ среды тамошнихъ жительствъ истребить совсѣмъ и названіе раскольника, которое нынѣ уже болѣе не существуетъ, и двойнаго съ таковыхъ людей оклада имяннымъ Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества указомъ собирать не велѣно, слѣдовательно и записки въ расколъ нынѣ никакой быть не можетъ, за

содѣянное ими преступленіе учиня наказаніе кнутомъ, разослать на поселеніе въ отдаленныя жительствова, по собственному вашему разсмотрѣнію, гдѣ не будетъ настоять опасности, чтобъ могли они и въ тамошнемъ краю разсѣивать свои заблужденія. А кои изъ подсудимыхъ обратятся и впредь обратиться пожелаютъ въ соединеніе святой Церкви, тѣхъ, въ страхъ другимъ, дабы впредь подобныхъ преступленій дѣлать было неповадно, наказавъ плетью, оставить на прежнихъ жительствовахъ, подтвердя притомъ, чтобъ во всѣхъ мѣстахъ и наименованіе раскольника отнюдь было не употребляемо“. Затѣмъ, Сенатъ, согласно мнѣнію уголовной палаты и заключенію генераль-губернатора, всѣхъ отчасти прикосновенныхъ къ дѣлу, но бывавшихъ постоянно у исповѣди и св. причастія и впредь отъ того не отрицающихся, а равно и несовершеннолѣтнихъ отъ наказанія освободилъ.

27 іюня 1784 года тобольскій вице-губернаторъ Сергѣй Ивановичъ Протопоповъ рапортуетъ Кашкину, что въ исполненіе рѣшенія Сената, Мензелинъ и сообщники его Осипъ Замираловъ и Данило Гладковъ наказаны кнутомъ, при собраніи народа, въ трехъ мѣстахъ, въ деревняхъ Каменной, Монайской и Песчаной, и каждому дано столько ударовъ, чтобъ не могло ихъ тѣло крайне изнурено быть и всѣ трое препровождены въ деревню Шарташскую, гдѣ снова биты кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и поставленіемъ на лбу и щекахъ указныхъ знаковъ и сданы въ Екатеринбургъ оберъ-коменданту генераль-майору Судовщикову, гдѣ они, закованные въ ножныя и ручныя желѣза, а двое и въ шейныя цѣпи со стульями, были увѣщиваемы священникомъ Коченгинымъ; но изъ нихъ только Замираловъ обратился къ церкви, прочіе-же и слушать увѣщанія не хотѣли. Прочимъ осужденнымъ также учинено наказаніе согласно приговора и дѣлаемо было увѣщаніе; но многіе изъ нихъ пребыли упорными въ своемъ заблужденіи.

Джеученіе Мензелина не ограничилось рассказанными выше прискорбными послѣдствіями. 23 іюня 1783 года крестьяне Ишимской округи, Моршихинскаго зимовья, деревни Кабаковой Владиміръ, Яковъ и Иванъ Кабаковы, со всѣми своими семействами, заперлись на крѣпко въ своихъ домахъ, съ намѣреніемъ сжечься. Получивъ объ этомъ донесеніе отъ старосты Бехтелина, ишимскій

капитанъ-исправникъ Фантрейблютъ (sic) отправился 24 того-же мѣсяца, куда и прибылъ 25-го, но предупредить преступное намѣреніе не успѣлъ. Не смотря на старанія старосты Бехтелина съ другими крестьянами, Кабаковы сидѣли крѣпко запершись и на увѣщанія отвѣчали, что если станутъ ломать двери, то они зажгутъ имѣющіеся у нихъ порохъ и солому, а потому лучше-бы-де ихъ не трогали, вслѣдствіе чего Бехтелинъ съ помощниками и не посмѣли насильно дѣйствовать, ожидая прибытія начальства. Между тѣмъ 24 числа, на зарѣ, сынъ Владимира Кабакова Василій успѣлъ изъ избы черезъ дымовое окно убѣжать; замѣтивъ это, запершіеся въ избѣ громко кричали: „ахъ, душу потеряли! взадъ пошла!“ и вслѣдъ затѣмъ, домъ внутри загорѣлся, и не смотря на усилія Бехтелина и другихъ крестьянъ, старавшихся спасти находившихся въ избѣ, имъ удалось избавить отъ огня только 16 человѣкъ, а 27 человѣкъ сгорѣли.

По слѣдствію оказалось, что въ мартѣ 1782 года, въ Великій постъ, къ Якову Кабакову пріѣзжалъ лжеучитель Мензелинъ и говорилъ ему о скоромъ пришествіи антихриста, увѣщевая умереть за Христа.

При дѣлѣ приложенъ списокъ сгорѣвшихъ. Изъ оставшихся въ живыхъ, 12 человѣкъ, по увѣщанію заказчика священника Григорія Попова, соглашались присоединиться къ церкви и тѣ изъ нихъ, которые возрастомъ были старше 20 лѣтъ, наказаны плетью и оставлены на мѣстахъ своего жительства; остальные-же бѣжали и были въ послѣдствіи розысканы, изъ дѣла не видно.

Затѣмъ, тобольское намѣстническое правленіе отъ 19 марта 1784 года рапортуетъ Кашкину слѣдующее: „Сего марта 18 дня Ишимской округи капитанъ-исправникъ рапортомъ доноситъ, что съ 17 числа минувшаго февраля сего года находился онъ для разныхъ слѣдственныхъ дѣлъ и обозрѣнія вѣрренныхъ ему Ишимской округи селеніевъ и по бытности въ Моршихинскомъ зимовьѣ, по отправленію тѣхъ дѣлъ къ законному суду, а съ 4 сего марта, Кызацкой слободы отъ крестьянскаго старосты Рыльскихъ присланъ къ нему рапортъ, писанный отъ 3 числа того-жъ теченія, которымъ доноситъ, что сей часъ, вѣдѣнія Кызацкой слободы деревни Тарской, улишной десятиникъ, прибѣжавъ къ нему, объявилъ, што той деревни крестьянинъ Егоръ Самойловъ, онъ-же и

Осетровъ, въ своемъ домѣ—не знаетъ пошто—запершись и никого не пускаетъ, по которому объявленію тотъ староста въ ту деревню, обще съ копейстомъ Григорьемъ Загибаловымъ, того-жъ часу приѣхалъ; но уже того крестьянина Осетрова домъ горитъ, гдѣ и онъ Осетровъ съ семействомъ сгорѣли. Но только отъ сожженія спаслись чрезъ пришедшихъ для разговору той деревни обывателей, бывшіе тутъ-же, по прельщенію, сказаннаго Осетрова теща, а деревни Шелеповой крестьянина Патракѣя Задорина жена Дарья, да дочь ея дѣвка Ксенія, которыя и объявили, что сгорѣло тутъ всего 16 человекъ, а имянно: Егоръ Самойловъ, онъ-же и Осетровъ, жена его, дѣтей трое; деревни Крѣпостной Григорій Коркинъ, дѣтей его трое, Козьма Антроповъ, дѣтей его двое, деревни Утечѣй Никита Новопапенный, жена его и двое дѣтей. И тѣ, спасенныя отъ сгорѣнія, женка и дѣвка, содержатся подъ стражею, до прибытія его капитанъ-исправника, въ селѣ Мокроусовскомъ, по случаю тому, что то село, по сполучности его къ Кызацкой слободѣ, состоитъ на трактѣ;—почему онъ (т. е. капитанъ-исправникъ) того-жъ самаго часа въ то селеніе отправился съ тѣмъ старостой Рыльскихъ, при священникѣ, бывшемъ для увѣщанія углубившихся въ раскольнической ереси людей тобольскаго Софійскаго собора Петрѣ Топорковѣ. Показанныя, оставшія отъ гибели женка Дарья Задорина и дочь ея, дѣвка Аксинья, спрашиваны, которыя показали: первая—зовутъ ее подлинно Дарьей Алексѣевой, пятидесяти дву годовъ, слѣпа, живетъ въ деревнѣ Шелеповой съ мужемъ своимъ, крестьяниномъ Патракѣемъ Задориннымъ; у исповѣди и св. причастія každогдно въ селѣ Мокроусовскомъ у священниковъ Василья Брызгалова и Ивана Паникоровскаго, кромѣ нынѣшняго года, бывала, и впредъ быть не отрекается. За недѣлю предъ Сырною недѣлею, вышписанный ея мужъ отвезъ ее въ деревню Уварову, къ зятю ихъ крестьянину Егору Самойлову: сыну Осетрову, въ гости, у котораго и гостила пять дней. И на 3 число сего марта, приѣхали къ тому-же зятю крестьяне деревень Крѣпостной—Григорій Коркинъ, съ дѣтьми малолѣтними—трема сыновьями, Козьма Антроповъ, съ малолѣтнимъ сыномъ и дочерью; Утечѣй—Никита Новопапенной съ женой и малолѣтними сыномъ и дочерью, а какъ ихъ зовутъ—того не знаетъ. И

во всю ту ночь они не спали, а все ходили въ сѣни, во дворъ и въ горницу и што-то стучали. По-утру, какъ разсвѣтало, между собой они разговаривали о поставленныхъ на домахъ ихъ досечкахъ, отъ коихъ яко-бъ уже житья имъ не будетъ, потому что называютъ ихъ они антихрисловою печатью. И взявъ ее за руку, тотъ Осетровъ повелъ въ горницу, гдѣ и зажгли приготовленную ими солому, отъ которой тотъ домъ загорѣлся, въ коемъ и они, т. е. зять ея Осетровъ съ женой своей Анной и съ дѣтьми—однимъ сыномъ Александромъ пятилѣтнимъ, съ двумя дочерьми Саломеей двулѣтней, Аграфеной полугодовой, и вышеописанные пріѣхавшіе ночью крестьяне Коркинъ, Антроповъ и Новопапенной съ привезенными семействами сгорѣли. А она Дарья, отъ дыму стала по полу ползать и, по слѣпотѣ своей, ущупала руками въ подполье дыру, въ которую спустивъ ноги, и за оныя пріѣхавшимъ къ той дырѣ крестьяниномъ Ммхайломъ Федотовымъ вытащена и отъ сгорѣнія избавилась. Напредъ-же сего, даже до самаго сожженія тому дому, она, Дарья, какъ отъ того зятя ея, такъ и отъ жены его и отъ прочихъ, бывшихъ тутъ, вышеописанныхъ людей никакого къ сожженію согласія не знала, а дочь ея, дѣвка Ксенія, тутъ-же съ нею была въ гостяхъ и отъ сожженія какъ освободилась, того не знаетъ, въ чемъ и утвердилась. Вторая, противъ ея показанія, дочь ея Аксинья: отъ роду ей 20 лѣтъ, живетъ она у отца своего, написаннаго крестьянина Задорина, въ дер. Шелеповой; и на третій день Великаго поста пріѣхала она къ зятю своему Егору Осетрову въ гости, а болѣе для излѣченія имѣющейся у ней въ головѣ болѣзни. И какъ зажгли тотъ домъ, то она Ксенія, увидя въ той горницѣ имѣющуюся въ низъ, въ подполье, дыру, въ которую бросясь и подбѣжавъ къ подпольнымъ дверямъ, оныя отперла и вышла на улицу. Тогда бывшіе тутъ крестьяне, вошедши въ тое дверь, и мать ея Дарью вытащили-жъ. Въ прочемъ-же во всемъ, противъ показанія матери ея, показала сходно, и въ томъ утвердилась. Третья, деревни Крѣпостной сгорѣвшаго крестьянина Григорья Коркина жена Катерина Васильева: сказанный мужъ Григорій Коркинъ послалъ ее для молотья хлѣба на мельницу, въ дер. Уварову. Тутъ-же съ нею былъ отправленъ, для прошенія милостыни, сынъ ихъ Аванасій; но хлѣба

она не смоловивши, поѣхала къ ночѣ домой, а написаннаго ея мужа и дѣтей—Дмитрія восьми, Федора шести, Никифора четырехлѣтнихъ, въ домѣ уже не оказалось, чего убоясь, переночевавъ ночь, а по-утру, т. е. 3 числа сего мѣсяца, той деревни Крѣпостной десятнику Осипу Воинкову о томъ объявила. И послѣе того увѣдомилась, чрезъ того десятника, какъ онъ ѣздилъ съ рапортомъ въ слободу Кызацкую, а сверхъ того и отъ сына своего, который ходилъ для прошенія милостыни, пріѣхавши домой, объявилъ, что тотъ ея мужъ и съ дѣтьми, вышеписанными тремя сыновьями, въ дер. Уваровой, въ домѣ крестьянина Осетрова сгорѣли. Намѣренія-жъ она къ тому, напредъ сего, никогда отъ мужа своего не слыхала и не знала, а въ 782 году, по прельщенію злодѣя Мензелина, тотъ ея мужъ куда-то въ поле ѣздилъ и посланною тогда-жъ командою вороченъ въ домъ свой, а злодѣя Мензелина она не видала; въ томъ и утвердилась. Четвертая, сгорѣвшаго крестьянина Кузьмы Антропова жена Авдотья Степанова дочь показала: 2-го числа сего марта, послѣ обѣда, пришедъ она въ пригонъ ко скоту давать сѣна и съ повѣти отъ сѣна пала, и какъ она была беременна, то и повредилась, для чего и принуждена была ѣхать въ деревню Кукарскую, ко вдовѣ Матренѣ Шалковой, у которой и ночевала. А на завтре, т. е. 3 числа увѣдомилась чрезъ нарочнопосланнаго дер. Крѣпостной отъ десятника, что мужъ ея Кузьма Антроповъ и съ дѣтьми, сыномъ и дочерью, изъ дому убѣжали и обще-де въ дер. Уваровой съ крест. Егоромъ Осетровымъ сгорѣли. Намѣренія-же къ тому сгорѣнію отъ мужа своего напредъ и никогда не слыхала и не знала, а въ 782 году, видно что по прельщенію лжеучителя Мензелина, оной ея мужъ куда-то убѣгалъ; но токмо посланною командою вороченъ; а Мензелина она не видала и не знаетъ, въ томъ и утвердилась. Пятая, въ сходствіе онаго, деревни Кукарской вдовая крестьянская жена Матрена Яковлева дочь Шалкова показала, что 2 сего марта, дер. Крѣпостной крестьянская жена Авдотья Антропова къ ней для излѣченія, какъ расшиблась, точно пріѣзжала и ночевала, а по-утру—не знаетъ какой чловѣкъ изъ дер. Крѣпостной пріѣзжалъ и тое женку увезъ, въ томъ и утвердилась. Шестой, дер. Уваровой сотникъ Миронъ Максимовъ: 3 числа марта пошедши онъ по

деревнѣ, для осмотра по должности своей, и у дома крестьянина Егора Осетрова увидѣвъ домашнюю ево посуду, кади и прочее выставленные на улицу, въ чемъ онъ усумнясь, а болѣе что и на спросъ ево отвѣту никто изъ того дому не отдалъ, собравъ обывателей, вторично спрашивали и на какого отвѣту получить, дверей и оконъ отпереть не могли, а было все на крѣпко заперто. На послѣдокъ-же хозяинъ того дому крестьянинъ Егоръ Осетровъ сквозь окно сказалъ, во-первыхъ, что заперся онъ въ домъ своемъ, для исканія себѣ въ немъ конца отъ безвиннаго на него всклепу дер. Куртанской крестьяниномъ-же Алексѣемъ Шевалинымъ въ потерявшейся ево женѣ, которую онъ Осетровъ якобы куда-то дѣвалъ; а потомъ изъяснился: знать-де, что приходитъ конецъ его жизни, въ разсужденіи томъ болѣе, что какія-то ставятъ на домахъ досчечки, и думаетъ онъ, что конечно оныя антихристова сущая печать, — отъ чего намѣренъ сгорѣть. И сказавъ сіе, со всѣми тутъ собравшимися крестьянами простился. Но хотя онъ Максимовъ и предстоящіе крестьяне старались его Осетрова разговаривать, чтобъ онъ намѣреніе свое отложилъ, но не смотря на ихъ увѣщанія, пошедь въ клѣтъ, и вдругъ тотъ домъ загорѣлся, и по бывшему того дня немалому вѣтру къ отнятію съ лица приступить было не можно, а только неусыпнымъ стараніемъ жителей задней скотской дворъ отъ сгорѣнія спасли. Кто-жъ въ томъ домѣ были и сколько сгорѣло людей, того не знаетъ, кромѣ тѣхъ, которые въ окно глядѣли съ нимъ Осетровымъ, а имено: Григорей Коркинъ и Кузьма Антроповъ, а болѣе другихъ не видалъ, а равно и о намѣреніи къ сгорѣнію не зналъ-же и ни отъ кого не слыхалъ. Напредъ-же сего, тотъ Осетровъ въ 782 году, съ маія по октябрь мѣсяцъ, видно что по прельщенію извѣстнаго лжеучителя Мензелина, въ бѣгахъ находился, а сынъ ево Степанъ и отецъ ево Савелей съ сыномъ-же Ефимомъ въ то время потерялись, которыхъ послѣ отысканы только уже одни тѣла, закопанныя въ землѣ: въ томъ и утвердился. Седьмое, бывшіе по повѣсткѣ сотника Мирона Максимова деревни Уваровой жители крестьяне Алексѣй и Никита Третьяковы, Тимошей Коркинъ, Василій и Михайло Лихаревы, Егоръ Шевелинъ, Михайло Уваровъ, Андрей Шеленовъ, Степанъ Артамоновъ, Ѳедоръ и Петръ Ѳедотовы, Козьма

и Григорій Сбродовы, Михей Кунгуровъ, Михайло и Никита Ѳедотовыхъ, Ѳедоръ и Андрей Шмонины, Осипъ Шелеповъ, Михайло Андреяновъ, Алексѣй Марковъ, Самойло Пупшаринъ, Степанъ и Гаврила Коркины, Леонтій Шевелинъ, Дмитрій Уваровъ, противъ сотника Максимова, показали во всемъ сходственно. Восьмое, жители дер. Утячьей повальнымъ обыскомъ утвердились, что той деревни крестьянинъ Никита Новопащенной съ женою его Авдотьей и дѣтьми Степаномъ пятилѣтнимъ и дочерью Лукерьей дву годовъ, напредъ сего жилъ въ скудномъ состоянїи, на исповѣдь и къ св. причастїю ходилъ. А нынѣ къ сгорѣнїю изъ дому какъ бѣжали, о томъ не знали и о намѣренїи ихъ ни отъ кого не слышали. Девятое, жители-жъ дер. Крѣпостной, повальнымъ же обыскомъ утвердились, что сгорѣвшій нынѣ въ дер. Уваровой обще съ крестьяниномъ Егоромъ Осетровымъ, той деревни крестьянинъ-же Григорій Коркинъ съ малолѣтними дѣтьми, тремя сыновьями, Козьма Антроповъ, съ малолѣтними дѣтьми, однимъ сыномъ и одной дочерью, напредъ сего жили въ скудномъ состоянїи, на исповѣди и св. причастїа бывали или нѣтъ, того не знаютъ. А въ прошломъ 782 году знаютъ, что, по прельщенїю лжеучителя Мензелина, Козьма Антроповъ одинъ, а Коркинъ съ семействомъ куда-то уходили и посланною командою постижены и возвращены обратно въ дома свои; нынѣ же къ сгорѣнїю и къ побѣгу изъ домовъ ихъ намѣренїя не знали и ни отъ кого не слышали“ *).

Крестьяне и староста, не принявшїе мѣръ къ отвращенїю пожара, оставлены безъ наказанїй, въ виду ихъ малосмысленности.

Нѣкоторые документы, кромѣ вышеприведенныхъ дѣлъ, показываютъ, что склонность къ ученїю Мензелина была вообще сильно распространена въ народѣ въ концѣ прошлаго столѣтїа. Такъ, ялutorовскїй нижнїй земскїй судъ рапортуетъ Кашкину, что капитанъ-исправникъ Мамѣевъ сообщилъ, что 5 января 1783 года, въ проѣздѣ его чрезъ Камышенское село, пономарь Петръ Блохинъ объявилъ ему, что жительствующїй въ томъ селѣ крестьянинъ Яковъ Сунгуровъ „прельщаетъ простыхъ обоего пола

*) Всѣ сгорѣвшїе, кромѣ Новопащеннаго, были съ Мензелинымъ на озерѣ Сазыкуль.

людей раскольническому душепагубному суемудрію“. Мамѣвъ, на основаніи этого, пошелъ въ домъ къ Сунгурову и нашелъ тамъ малолѣтнихъ дѣвочекъ, которыхъ хозяинъ назвалъ своими родственницами и которыхъ поучалъ расколу. Удостоверившись въ послѣднемъ, Мамѣвъ „почелъ долгомъ того Сунгурова отъ заблужденія въ православіе и повиновеніе законамъ приводить; но онъ (т. е. Сунгуровъ), по имѣвшей въ себѣ затвердѣлости, отвѣтствовалъ ему: буде ихъ станутъ принуждать къ обращенію въ православіе, то непременно будутъ предавать себя огню и удавленію, да и что православныхъ священниковъ видѣть не хочетъ, а производимый по обряду церковному у церкви колокольный звонъ и слышать не желаетъ, и для того приказываетъ дѣтямъ своимъ въ уши своя заколачивать спицы“. Сунгуровъ былъ арестованъ и о немъ заведено дѣло, направленное въ общемъ порядкѣ; но Кашкинъ распорядился—никого по дѣлу Сунгурова къ слѣдствію не привлекать, а судить только одни его дѣйствія, дабы было меньше шуму и разговоровъ; „Сунгурова-же приговорить къ отсылкѣ въ работу, потому что онъ принялъ на себя санъ учительскій, ему ни почему неподлежащій, ибо крестьянинъ есть хлѣбопахатель, а не учитель“.

Курганскій нижній судъ рапортовалъ тобольскому намѣстническому правленію, что 29-го октября 1783 года, при рапортѣ крестьянскаго старосты Утяцкой слободы Плотникова, присланы той слободы деревни Глѣдянки „крестьянинъ Ефимъ Худяковъ съ женою Анною Васильевой и матерью Настасьей Лукиной дочерью, да съ незнающимъ шатающимся человѣкомъ, въ зажигательствѣ самихъ себя въ домѣ своемъ на 27-е число того октября въ ночи, отъ суевѣрія, которые, въ произведенныхъ имъ того-жъ октября 29 числа въ тамошнемъ земскомъ судѣ допросахъ—изъ нихъ—Ефимъ съ женою и матерью—единогласно показали, что они по рожденію молитвенны, крещены и вѣнчаны православными священниками, токмо у нихъ на исповѣди и у святаго причастія отъ роду своего не бывали, а имѣли потаенной расколъ и по нынѣшней ревизіи писались въ двойной оброкъ потому, что находящіеся въ селѣ Чернавскомъ священники Алексѣй Серебряниковъ и другой Аеанасей—чей пишется, не знаютъ—пьютъ вино и табакъ безмѣрно и скверно-

слова, а на исповѣди бывшими писали ихъ изъ взятокъ, коимъ давали они деньгами, хлѣбомъ, свѣжиной и холстомъ и прочимъ, что только пригодится, а въ которыя точно времена и по скольку—того не упомнятъ. Когда-жъ пишутъ небывшими, тогда платили они въ казну положенный штрафъ. И сего году, въ Великій постъ, прїѣзжалъ къ нимъ въ деревню Глѣдянку изъ села Чернавскаго священникъ Алексѣй Серебряниковъ, коего—братъ реченнаго Ефима (Худякова), незаконнорожденный Павелъ, пятнадцатилѣтній, обратно въ то село отвозилъ, и тогда онъ его, Павла, увелъ сильно въ церковь и чрезъ устрасіе исповѣдалъ и причастилъ. Да послѣ того, въ вѣшнее время прїѣзжая оной священникъ въ тое деревню, устращивалъ ихъ усильнымъ приведеніемъ къ церковному поканію; но какъ они имѣють расколъ и въ церковь ходить не желаютъ,—убоясь того устрасія, дабы тотъ священникъ, также ихъ какъ и Павла, не принудилъ исповѣдываться и приобщаться,—согласились въ домъ своемъ сгорѣть, и для того, таясь постороннихъ, людей непримѣтнымъ образомъ приготовили въ дому ихъ въ горницѣ въ подпольѣ, сосновыхъ дровъ, береста и соломы. Только тогда они не сгорѣли и все то приготовленіе въ горнишномъ подпольѣ лежало до нынѣшняго времени и та горница была заперта и въ нее сторонніе никто не ходили. А назадъ тому недѣли съ четыре, вышеописанный-же священникъ Серебряниковъ прїѣзжалъ къ нимъ въ домъ и устращивалъ ихъ,—и какъ-де нынѣшняя ревизія окончается, тогда-де онъ будетъ надъ ними власть имѣть, а командирамъ-де вашимъ никакого дѣла нѣтъ,—изъ-за чего они болѣе къ сожженію себѣ и умысль стали имѣть, и на прошлой недѣлѣ, въ горницѣ полъ—изъ нихъ—Ефимъ напарьей извертѣлъ, а въ четвертокъ ночью, то есть, на 27 число октября намѣрены были сгорѣть; но того дни, въ вечеру, пришедъ къ нимъ въ домъ ходящей по міру для испрашивания милостыни, города Кургана подгородной деревни Крюковой крестьянинъ Василей Лѣсниковъ, для ночнаго наслегу, коему они приказали почевать въ избѣ; а отъ наслегу не отказали для того, чтобъ какъ онъ, такъ и сторонніе люди о ихъ намѣреніи къ сожженію не узнали. Они-же, Ефимъ съ матерью, съ женою и со всѣми малолѣтними дѣтьми: Иваномъ десяти, Алексѣмъ восьми,

Антономъ пяти, Дмитріемъ двухъ и дочерью Крестиную шестилѣтнею, кромѣ Павла, который находился тогда въ Утяцкой слободѣ при мирской конторѣ въ караулѣ, ушедъ въ горницу, заперлись на крюкъ и въ имѣющіеся у оконъ ставни уперли шестами, и пошедъ—изъ нихъ—Ефимъ подъ полъ, приготовленное тамъ бересто и прочее зажогъ. И какъ все то загорѣлось, такъ имъ стало душно, чего они не стерпя, двери горнишныя отперли и вышедъ изъ горницы вонъ, огонь стали заливать водою, что узнали и сторонніе, живущіе въ сосѣдствѣ съ ними люди, прибѣжавъ къ нимъ въ домъ, огонь утушить поспешили. А вышеописанный нищій и незаконнорожденный Павелъ и сторонніе люди никто о томъ ихъ намѣреніи къ сожженію не знали и не научали, напротивъ чего и они къ тому никого не подговаривали; у раскольничьихъ же поповъ ни у кого они не исповѣдывались и не причащались, да и у православныхъ священниковъ, за невоздержаніемъ ихъ, исповѣдываться и приобщаться святыхъ тайнъ и въ церковь Божію ходить на молитву не желаютъ; а къ сожженію огнемъ себя впредъ намѣренія не имѣютъ. А вышеописанный курганской деревни Крюковой крестьянинъ Василій Лѣсниковъ показалъ, что по неимѣнію дому своего и за невозможностію по болѣзни ево работать, питается между двора подаваніемъ отъ народу милостыни. Расколу и на церковь Божію и на священно-церковно-служителей сумнѣнія никакого не имѣетъ“... „Въ 26 число октября, пришедъ онъ въ деревню Глѣдянку, выпросился ночевать у крестьянина Ефима Худякова, который и домашніе его, для ночнаго наслегу, въ домъ его пустили и велѣли ему ночевать въ избѣ, почему онъ, Лѣсниковъ, и легъ спать въ той избѣ на палаты; а хозяйнъ съ матерью, женой и дѣтьми ушли всѣ въ горницу. И какъ онъ, Лѣсниковъ, уснулъ, то напримѣръ около полуночи пробудясь, услышавъ въ горницѣ крикъ, и для того вставъ, отперши избныя двери, увидѣлъ дымъ и оной хозяйнъ Худяковъ, со всѣми домашними изъ горницы выбѣжалъ и сказалъ, что нечаянно ребята заронили, и тогда прибѣжавъ сторонніе люди и увидѣвъ ихъ къ сожженію умыселъ, огонь утушили, а ихъ всѣхъ перехватили“...

Тобольское намѣстническое правленіе отослало 25-го ноября Худякова съ матерью и женою въ Курганскую

нижнюю расправу „на разсмотрѣніе, съ тѣмъ, чтобъ оная, не чиня о семъ изслѣдованія, а паче, не забирая къ тому таковыхъ-же простодушныхъ и немисленныхъ заблуждающихся въ православіи крестьянъ, дабы чрезъ таковой заборъ не навлечь больше страху, а и самопроизвольной имъ гибели, выслала-бъ того крестьянина Худякова съ женою и съ матерью въ Тобольскъ, за при-смотромъ, единственно для одного отъ священнаго писанія истолкованія“... и т. д.

Не смотря на увѣщанія тобольскаго епископа Варлаама, Худяковъ съ женою и матерью остались въ своемъ заблужденіи непоколебимы и возвращены въ курганскій нижній земскій судъ, при указѣ намѣстническаго правленія, дабы означенныхъ лицъ, „по приводѣ, ни мало не держа подъ карауломъ, отпустить въ ихъ жительство; а чтобъ отъ сего Худякова, такъ какъ отъ законнѣлаго въ заблужденіи отъ церкви святой, не могло происходить правовѣрныхъ какихъ-либо пустыхъ толковъ, а паче и противныхъ церкви святой развратовъ, въ томъ— о имѣннн за нимъ неослабнаго наблюденія, кому надлежитъ, учинить строжайшее подтвержденіе“. Съ этимъ рѣшеніемъ Кашкинъ не согласился и предписалъ: „предать сказаннаго Худякова сужденію порядкомъ уголовнаго суда“. Какое-же послѣдовало окончательное по этому предмету рѣшеніе, изъ дѣла не видно.

За симъ, дабы ближе ознакомить со взглядомъ Кашкина на расколъ и мѣры къ его искорененію, мы приводимъ три письма его къ тобольскому преосвященному Варлааму и предложеніе тобольскому намѣстническому правленію.

„Преосв. владыко, мил. гос. мой!

„Изъ полученнаго мною изъ тобольскаго намѣстническаго правленія 24-го числа ноября увѣдомленія и изъ приложенныхъ при ономъ копій съ доношеніевъ, поданныхъ въ ялutorовскій нижній земскій судъ разныхъ той округи селеніевъ отъ крестьянъ, называемыхъ раскольниками, усмотрѣлъ я, что приходскіе священники, по поводу имяннаго Е. И. В. отъ 20 іюля прошедшаго года указа о несобираниі какъ съ городскихъ, такъ и съ сельскихъ жителей двойнаго оклада, приходя насильно въ дома тѣхъ раскольниковъ, принуждаютъ ихъ съ угрозами ходить въ церковь, исповѣдываться и св. таинъ

приобщаться и требуютъ, дабы они дѣтей своихъ давали для крещенія“.

„А какъ такое своеволие и дерзновенныя поступки священниковъ не только неприличны ихъ должности и не соотвѣтствуютъ возложенному на нихъ званію, которое, по словамъ святаго писанія, слѣдуетъ имъ проходить съ кротостію, долготерпѣніемъ и снисхожденіемъ, но и противны вышеупомянутому Высочайшему 782 года іюля 20 дня указу. Ибо въ ономъ, хотя и не изображено, что состоявшимъ въ двойномъ окладѣ, по снятіи онаго, не должно, въ разсужденіи правилъ святаго церкви дѣлать со стороны духовной какое-либо насильство и принужденіе, однако разсуждаю я, что для ослѣпленныхъ расколомъ невѣждъ таковое правило необходимо нужно, тѣмъ паче, что одно насильство и принужденіе, безъ твердыхъ и основательныхъ предлагаемой истинны причинъ, не только не произведутъ никакого душеспасительнаго и съ намѣреніемъ премудрой не о временномъ только, но и о вѣчномъ спасеніи нашемъ пекущейся Всемиловивѣйшей Всероссійскія Государыни согласнаго въ сердцахъ ихъ дѣйствія и не истребятъ изъ нихъ вкоренившася заблужденія, но могутъ еще быть поводомъ къ большому суевѣрію, разврату и утвержденію въ прежнемъ ихъ раскольническомъ зловѣріи, ибо они, кромѣ принужденія къ соединенію съ православною церковію, не видя никакихъ ясныхъ и убѣдительныхъ увѣреній, прелесть и заблужденіе ихъ изобличающихъ, непременно остаются будутъ въ такомъ мнѣніи, что наше православіе не имѣетъ твердаго основанія, а ихъ раскольническое мудрованіе есть правильно и не противно Божію закону, и лучше согласятся предать себя огню или водѣ (какъ таковыя плачевныя и крайняго сожальнія достойные случаи не въ одномъ мѣстѣ и не однажды уже и открылися), нежели имѣть сообщеніе и быть въ соединеніи съ православнымъ христіанскимъ обществомъ. А хотя-бъ и могло таковое случиться, то таковыя люди, не имѣя силъ устоять противъ дѣлаемаго имъ насильства и принужденія и не желая прекратить преждевременное теченіе своей жизни самопроизвольно смертію, вступая въ число православныхъ, но сіе вступленіе почитаю я не иначе какъ за ложное и лицемѣрное, а не отъ внутренняго усердія происходящее и что по одной только наружности

будутъ показывать яко-бъ держатся истиннаго христіанскаго православія, сердцемъ-же своимъ и мыслію останутся при первомъ своемъ глупомъ суемудріи“.

„Сказанный Высочайшій указъ, до изданія котораго сіи суевѣры какъ-бы особенно нѣкоторое и отъ прочихъ отдѣленное составляли общество, всемилостивѣйше обнародованъ, съ такимъ по мнѣнію моему намѣреніемъ, дабы они свободнѣе нежели прежде обращаясь между истинными сынами святыя православныя греческія церкви и платя равныя съ ними государственныя подати, тѣмъ скорѣе могли очувствоваться и примѣтить свое заблужденіе, и оставя оное, обратились-бы на истинный путь, къ спасенію ведущій“.

„Въ разсужденіи чего вашего преосвященства и прошу всѣмъ епархіи ввѣреннымъ руководству вашему священно-церковно-служителямъ, а наипаче тѣхъ приходоу, въ которыхъ болѣе усилилось зловерное раскольническое ученіе, наикрѣпчайше подтвердить, дабы они тѣмъ прельщеннымъ отнюдь не чинили ни малѣйшаго насильства, притѣсненія, обидъ и принужденія, но собравъ все свое терпѣніе, поступали-бы съ ними благосклонно, тихо, ласково, снисходительно, стараясь исправить ихъ, по слову св. апостола Павла, духомъ кротости и отъ заблужденія отвращать скромнѣйшимъ и тихимъ образомъ, утверждая ученіе и увѣщаніе свое колико твердыми, вразумительными, на священномъ писаніи и на правилахъ святыхъ отецъ основанными доводами, толико и собственнымъ примѣромъ честнаго и незазорнаго своего поведенія“.

„Въ Пермѣ, 8 октября 1783 г.“.

„Преосв. владыко, м. г. мой! Три сообщенія вашего преосвященства я получилъ: 1) отъ 21-го октября, что заблуждающіеся пребываютъ въ прежнемъ своемъ упорствѣ и что вашему п-ву угодно знать моего мнѣнія, какимъ образомъ извѣстить Уфимскую и Колыванскую губерніи, дабы бродящіе подъ названіемъ священниковъ люди не имѣли свободы посягать плевельныя свои ученія, 2) отъ 27-го, съ приложеніемъ выписки, на какомъ основаніи изъ консисторіи руководства вашего ко всѣмъ духовнымъ начальствамъ наставленія отправлены, 3) отъ 28-го, съ прописаніемъ указа пѣв. Правит. Синода, по поводу сгорѣвшихъ Ишимской округи въ деревнѣ Каба-

ковой крестьянъ и какія по тому поводу отъ вашего н-ва повелѣнія отправлены,—изъ коихъ послѣдніе два съ благодарностію моею для свѣдѣній моего приѣмлю, а на первое честь имѣю отвѣтствовать:

„Что отпадшіе отъ церкви, по поводу суемудренныхъ ихъ толкованій, основываясь въ оныхъ на старинныхъ книгахъ, до бытія патріарха Никона изданныхъ и на Стоглавникѣ остаются при прежнихъ ихъ правилахъ, тому я ни мало не удивляюсь, ибо когда человѣкъ, или нѣкоторое число оныхъ, отступя отъ общественныхъ правилъ, предвообразятъ особенныя, изъ собственномудрія своего изтекшія, для снисканія тѣмъ якобы истиннаго пути ко спасенію ведущаго, и тѣмъ улова невѣдущихъ никакихъ правилъ людей, привлекутъ ихъ ко усердному принятію оныхъ, то таковое вліянное въ человѣческія души ученіе, хотя суемудренное и неистовое въ глазахъ просвѣщеннѣйшихъ, переходя между простыми людьми изъ роду въ родъ, тѣмъ сильнѣе укрѣпляется, что приемено было не посредствомъ разсужденія, но слѣпымъ токмо подражаніемъ, а хотя нѣкоторые изъ оныхъ обучались письменамъ, но съ малолѣтства наставляемые въ тѣхъ-же самыхъ правилахъ, таковымъ познаніемъ не только не приближаются къ признанному отъ всего христіанскаго общества истинному пути, но тѣмъ паче при первоначальныхъ своихъ предразсужденіяхъ остаются, учинясь первенствующими въ тѣхъ обществахъ, въ которыхъ суемудріе вмѣсто истины принимается и тѣмъ получая предпочтеніе, пользуются многими выгодами, ихъ состоянію несвойственными“.

„Сходно сему примѣру представляются мнѣ не токмо въ предѣлахъ сибирскихъ отпадшія общества отъ церкви Христовой, но и во всѣхъ мѣстахъ обитаемой вселенной, гдѣ слово Спасителя нашего Иисуса Христа проповѣдуется, въ чемъ послылку сдѣлать можно и на самодревнѣйшія бытія, даже и до временъ апостольскихъ, а святая Церковь, созданная на краеугольномъ камени, ея-же и врата адовы не одолѣютъ, отъ таковыхъ, въ томъ числѣ и усильственнѣйшихъ противоборствованій отъ одного времени до другаго, тѣмъ только вышшую твердость и сіяніе пріобрѣтала, каковыя, по прежнимъ бытіямъ извѣстныя обстоятельства нечувствительно привлекаютъ человѣческій разсудокъ къ восторгу, наполнен-

ному удивленіемъ и непостижимостію, и съ изрѣченіемъ по примѣру царя Давида: дивны дѣла Твои, Господи, и кто исповѣдать можетъ глубины судебъ Твоихъ!“

„Посредствомъ - же прежде бывшихъ происшествій почерпаются примѣры, какимъ образомъ, въ настояще представляющихся дѣлахъ поступать и какія употребленныя средства были наиспособнѣйшія къ достиженію въ желаемомъ предметѣ, а въ таковыхъ ваще п-во усмотрѣть изволите, что скоровременное и наглое настояніе, уподобясь насильству, не токмо въ семъ дѣлѣ желаемого плода не принесетъ, но и произвестъ можетъ новыя и неожиданныя затрудненія, ибо человѣческій умъ, бывшій долгое время въ развращенномъ понятіи по какому-бы то ни было предмету, а паче въ наиглавнѣйшемъ до спасенія души касающемся, никакъ не можетъ въ короткое время и посредствомъ нѣкоторыхъ настояній, напоминающихъ только о истинныхъ правилахъ, превращенъ быть, а ежели таковой способъ получилъ гдѣ-либо желаемую пользу, то съ увѣреніемъ можно сказать, что то общество несправедливо причиталось къ числу яко-бы отпадшихъ отъ святой церкви, а было только въ нерадѣніи къ исполненію предписанныхъ каждому христіанину должностей; которые-же отвергнулись по предразсужденію и по примѣру своихъ предковъ съ давнихъ временъ, то ежели - бѣ оныя и объявили, что возвращаются нынѣ къ святой церкви, приѣмля правила ея неоспоримо, то такое объявленіе, по моему мнѣнію, не есть вѣродостойно, ибо несвойственно невѣждѣ, закоренѣлому въ своеобычливыхъ своихъ правилахъ переходить толь скоровременно изъ тьмы невѣдѣнія къ истинному просвѣщенію, на что потребно время, а со онымъ нечувствительно идущее общественное просвѣщеніе всѣхъ соживущихъ, кроткое и благоразумное настояніе церковныхъ учителей, ведущихъ порученную паству по словеси Спасителя нашего и по правиламъ святыя церкви. Доколѣ-же сіе желаемое время не придетъ, то ко избѣжанію вѣщшаго зла, какое родиться можетъ отъ недостаточныхъ изъясненій Божія слова отъ священниковъ и прочихъ церковнослужителей, въ богословіи недовольно наученныхъ, а потому и маломощныхъ къ ясному и на доводахъ основанному опроверженію лжеучительскихъ толкованій, то не угодно-ли будетъ вашему пр-ву по преждепреподанному мною

соразсужденію, запретить таковымъ священно и церковно-служителямъ ни въ какія споры и разсужденія съ лже-учителями не вдаваться, а ежели въ томъ надобность настоять будетъ, то избирать искусныхъ и испытанныхъ мужей, дабы истина Божія весьма не была поправа сует-мудріемъ“.

„Что принадлежитъ до пріѣзжающихъ въ образѣ священниковъ по селеніямъ отпадшихъ обществъ, то всякое, чинимое онымъ насильство можетъ подать только поводъ къ раздраженію закоренѣлыхъ въ лжемудрія людей и тѣмъ самымъ произвестъ пагубныя предпріятія, каковыя уже двоекратно и означились; и для того, разсуждаю я, къ пресѣченію способъ къ объѣздамъ сихъ людей нижеслѣдующее средство: ежели гдѣ изъ опредѣ-ленныхъ заказчиковъ (о которыхъ я понимаю, что оныя поступать будутъ въ семъ дѣлѣ не по пристрастіямъ, а по истинному усердію порученнаго сана) провѣдаютъ, что гдѣ-либо знаменитый служитель ереси, объѣзжая развращенное стадо, укрѣпляетъ оное своими наученіями, то немедленно о томъ даютъ знать капитану-исправнику той округи, съ требованіемъ, дабы онъ по должности своей разсмотрѣлъ пребываніе его въ той округѣ и съ какимъ намѣреніемъ онъ пріѣхалъ, имѣеть-ли узаконен-ный паспортъ и отъ кого именно, и промыселъ его, въ которомъ онъ по его округѣ обращается—свойственъ-ли его роду или нѣтъ; а по такому разсмотрѣнію въ ниж-немъ земскомъ судѣ, пекущемся по званію своему о благочиненіи во всемъ уѣздѣ и имѣющемъ довольное наставленіе, по предположеніямъ моимъ въ прошедшемъ году преподаннымъ на подобные случаи, если изобличень будетъ что бродяга, а паче безъ узаконеннаго пашпорта, то есть безъ печатной покормежной, то отсылается къ сужденію въ нижнюю земскую расправу, которая свой приговоръ чинить по узаконенію; каковымъ способомъ лжеучитель отъ вреднаго намѣренія удержанъ быть можетъ безъ озлобленія и лжемудрія, да и церковные слу-жители не будутъ въ глазахъ ихъ казаться яко-бы го-нителами старой ихъ вѣры“.

„Относительно до извѣщенія губернскимъ правленіемъ Колыванской и Уфимской губерній къ пресѣченію подо-бныхъ лжетолкованій, то какъ каждая губернія имѣеть свои постановленныя власти посредствомъ которыхъ вся-

кое дѣло въ исполненіе приводится, то и несвойственно мнѣ, кромѣ порученныхъ губерній, брать какое-либо въ томъ соучастіе въ другихъ, и для того, не угодно-ли будетъ вашему п-ву отъ себя онымъ сообщить съ приложеніемъ указа изъ Святѣйшаго Синода, въ которомъ прописано вѣдѣніе изъ Прав. Сената съ утвержденіемъ учиненнаго мною по Тобольской и Пермской губерніямъ распоряженія, что однако предаю болѣе собственному вашему разсмотрѣнію... Въ Пермѣ, ноября 19-го дня 1783 года⁴.

„Преосв. владыко, м. г. мой! По поводу полученнаго мною сообщенія вашего преосвященства на учиненное отъ меня предписаніе Тюменской округи капитану-исправнику, каковъ я получилъ отъ него рапортъ, съ онаго при семь препровождаю засвидѣтельствованную копію, изъ котораго ваше пр-во усмотрѣть изволите, коль мало нижніе духовные чины напитаны благонравіемъ, не повинувъсь не токмо правиламъ чину ихъ предписаннымъ, ниже наставленіямъ Свят. Прав. Синода и повелѣніямъ вашимъ, а единственно корыстолюбіемъ и мщеніемъ будучи ослѣплены, не предусматриваютъ, что волненію заблуждающихся въ правовѣрїи, а отъ того и происходимымъ сумазбродныхъ предпрїятіямъ, главною причиною суть употребляемыя ими примѣтки (sic) къ раскольникамъ, а потому за долгъ и почитаю вашего преосвященства покорнѣйше просить противъ описанныхъ поступокъ сельскихъ духовныхъ чиновъ принять должныя и дѣйствительныя мѣры къ пресѣченію вчинаемыхъ ими дерзновеній въ противность учиненныхъ и впредъ чинимыхъ предписаній, безъ чего, какъ духовныя такъ и свѣтскія, власти безконечно обременены будутъ слѣдствіями о означующихся вновь волненіяхъ въ простомъ и въ правилахъ закона колеблющемся народѣ, по недо-вѣрїю къ соживущему церковному причту⁴.

„А хотя довольно извѣстно мнѣ, что суровые поступи къ пресѣченію въ духовномъ чинѣ такого злоупотребленія съ природною кротостію вашего преосвященства несовмѣстны и слѣдующимъ вами правиламъ свойственны быть не могутъ, однако, на случай оказывающагося въ малопросвѣщенныхъ людяхъ упрямства и предписаннымъ отъ высшихъ правительствъ повелѣніямъ противности, необходимо нужно, яко лѣкарство, хотя и весьма вкусу

природному противное, но необходимо нужное для сохранения повредившагося отъ болѣзней тѣла, въ какомомъ видѣ и признается благотвореніемъ“.

„Въ разсужденіи чего, ежели позволите мнѣ, то предпишу нижнимъ земскимъ судамъ, дабы оныя коль скоро свѣдаютъ, что кто-либо изъ сельскихъ священно и церковно-служителей дѣлаетъ разнаго рода примѣтки къ тѣмъ изъ сельскихъ жителей, которые въ церковь Божию ходить отрицаются, то таковой поступокъ изслѣдовавъ и изболчивъ посредствомъ постороннихъ безпристрастныхъ свидѣтелей, съ обстоятельнымъ описаніемъ онаго, отправляли-бы таковыхъ священно и церковно-служителей въ тобольскую духовную консисторію, какое отлученіе отъ домовъ, неминуемые переѣзды и достодолжное поученіе въ бытность ихъ въ Tobольскѣ могутъ можетъ быть произвести то желаемое дѣйствіе, котораго, при всѣхъ чинимыхъ предписаніяхъ, какими-бы нравоучительными поученіями оныя наполнены ни были, достигнуть было не можно“.

„Въ Tobольскѣ, 26 генваря 1784“.

Тобольскому намѣстническому правленію
предложеніе.

„Просмотрѣвъ увѣдомленіе намѣстническаго правленія отъ 12 числа сего мѣсяца, подъ № 381, къ великому удивленію моему усмотрѣлъ я изъ онаго, что Ишимской округи капитанъ-исправникъ, по поводу сообщенія изъ ишимскаго духовнаго правленія о оказавшемся въ развратѣ отъ святой Церкви капралѣ Михеевѣ и о крещеніи новорожденныхъ младенцевъ безъ священника производилъ о томъ на мѣстѣ слѣдствіе, а тѣмъ самымъ и вступилъ въ такое дѣло, которое до него ни мало не принадлежитъ, ибо какъ всѣ таковыя дѣла относятся непосредственно къ разбирательству духовныхъ властей; капитанамъ-же—исправникамъ и нижнимъ земскимъ судамъ, въ изданныхъ отъ меня по случаю расколовъ подробныхъ наставленіяхъ, точно предписано дабы брать соучастіе токмо по дѣламъ, до благоустройства и спокойствія принадлежащимъ, дѣла-же о законѣ (духовномъ?) ни къ какому суду изъ гражданскихъ по всѣмъ узаконеніямъ не подходятъ, тѣмъ-же менѣе къ нижнимъ земскимъ, для благочинія по уѣздамъ и для исполненія

учрежденнымъ, то и надлежало-бы капитану-исправнику, какъ того, оказавшагося въ расколѣ, такъ и тѣхъ, которые сами собою крестили младенцевъ, препроводить, егда потребуютъ духовные чины, къ разсмотрѣнію въ духовное правленіе, наблюдая притомъ, дабы отсылаемые въ оное ни подъ какимъ видомъ долговременно задерживаны и чрезъ то отъ домашнихъ своихъ работъ отлучаемы не были. А если-бъ духовное правленіе, не имѣя власти приступить къ рѣшительному о нихъ положенію за нужное почитало отправить таковыхъ людей въ Тобольскъ, то нижній земскій судъ, или капитанъ-исправникъ, получа о томъ сообщеніе, долженствуетъ представить намѣстническому правленію и ожидать повелѣнія, а не самому собою оныхъ отправлять, отлучая отъ промысла и домоводства немалое время, ибо намѣстническому правленію извѣстно коликое число раскольниковъ въ предѣлахъ Тобольской губерніи обитаетъ, то если всѣхъ таковыхъ отсылать по городамъ для слѣдствіевъ, то многія селенія совсѣмъ пусты останутся и произойдетъ изнуреніе токмо жителямъ, безъ всякой пользы; ибо люди, долгое время въ заблужденіи истиннаго познанія въ законѣ пребывшіе, могутъ-ли, съ вѣроподобіемъ судя, посредствомъ вчинаемыхъ слѣдствій и пересылокъ, на путь истины приведены быть? Но по моему мнѣнію, будучи тѣмъ болѣе раздражаемы, почитать будутъ таковой съ ними поступокъ яко мученическое страданіе за вѣру и получать поводъ къ предпріятію крайнихъ средствъ, какъ-выя уже отъ безразсудности ихъ двоекратно означились къ погибели многихъ невинныхъ изъ рода человѣческаго“.

„Сверхъ того, какъ въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 9 числа сентября сего года изображено, что въ дѣлахъ, касающихся до раскола, надлежитъ употреблять людей грекороссійскаго исповѣданія, то поелику капитанъ-исправникъ Ишимской округи есть исповѣданія лютеранскаго, то и не надлежало-бъ ему приступать ко изслѣдованію вышесказаннаго дѣла, о чемъ, какъ ему, такъ и другимъ, ему подобнымъ, по силѣ того указа, благоволятъ сдѣлать свое предписаніе“.

„На прошедшихъ дняхъ получилъ я три сообщенія отъ преосвященнаго Варлаама, епископа тобольскаго на которыя каковъ посланъ отъ меня его преосвященству

отвѣтъ—съ онаго препровожаю при семь засвидѣтельствовавшую копію, съ тѣмъ, чтобъ намѣстническое правленіе, въ силу онаго, благоволило учинить всѣмъ городничимъ и капитанамъ-исправникамъ секретныя предписанія, присовокупя къ тому и указъ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода къ его преосвященству Варлааму, епископу тобольскому (каковаго ежели въ правленіи не имѣется, то отъ его преосвященства изтребовать копію), которымъ предписано, какимъ образомъ священноцерковно-служители, въ увѣщаніи заблудшихъ, по увѣздамъ поступать должны, дабы городничіе и нижніе земскіе суды, соображаясь оному указу, требованія духовныхъ правленій могли приводить въ исполненіе, а ежели усмотрятъ, что поступки священно-церковно-служителей оному въ чемъ-либо противны, то немедленно доносили бы о томъ намѣстническому правленію“.

„Евгеній Кашкинъ“.

„Въ Пермѣ, ноября 25 дня 1783 года“.

Дѣла, присланныя въ Пермь изъ екатеринбургской земскихъ и судныхъ дѣлъ конторы, по требованію Кашкина, также не лишены интереса, а потому считаемъ не лишнимъ привести вкратцѣ сущность наиболѣе важныхъ изъ нихъ.

1) Въ ноябрѣ 1750 года, преосвященному Сильвестру, архіепископу тобольскому, заказчикъ протопопъ Кирило Яковлевъ донесъ, что десятоначальникъ Нижнетагильскаго завода священникъ Дмитрій Петровъ Лапинъ увѣдомился о черномъ раскольникѣмъ попѣ Савастьянѣ, „который главный раскольникій лжеучитель и многіе языки знаетъ, къ тому-жъ превеликій волхвъ“; что онъ живетъ въ Нижнетагильскомъ заводѣ, въ Рудянской улицѣ, и потому онъ, попъ Лапинъ, собравъ нѣсколько людей, ходилъ къ нему въ келью, съ тѣмъ, чтобъ его взять. И дѣйствительно, „его и еще другаго чернца нашель и взялъ; но при томъ взятіи сдѣлалась тревога: приказчикъ того завода Махотинъ и полицейскую должность правящій служитель Лебедевъ оныхъ раскольниковъ отбили и десятоначальника, священника Лапина, и бывшихъ съ ними прибили“.

На основаніи этого извѣстія, по требованію его преосвященства, отъ тобольской губернской канцеляріи от-

правленъ былъ на заводъ унтеръ-офицеръ съ командою, съ тѣмъ, чтобъ взять помянутыхъ выше раскольниковъ и ихъ сообщниковъ, а также и тѣхъ, кои ихъ отъ десятона начальника отбили, подъ стражу, привезти въ Tobольскъ и представить въ тобольскую губернскую канцелярію.

Посланный унтеръ-офицеръ, прибывъ въ Нижнетагильскій заводъ, забралъ многихъ подъ карауль, въ томъ числѣ и приказчика Махотина съ полицейскимъ служителемъ Лебедевымъ, а также жившихъ въ принадлежащей Выйскому заводу деревнѣ Вогульской трехъ раскольничьихъ старицъ; „но притомъ надѣлалъ тамо и множество своевольства: грабилъ дома, насильствовалъ женщинъ, и тѣмъ принудилъ многихъ, оставивъ свои дома, разбѣжаться“.

„Невьянская заводская контора, яко главная всѣхъ Демидова заводовъ контора, принесла о томъ жалобу въ канцелярію главнаго заводовъ правленія, которая вступилась въ сіе дѣло, отправила отъ себя на Нижнетагильскій заводъ офицера, яко депутата съ заводской стороны, а отъ тобольской губернской канцеляріи требовала, чтобъ о непорядкахъ, унтеръ-офицеромъ произведенныхъ, изслѣдовать, взятыхъ подъ стражу людей въ Tobольскъ не забирать, а слѣдовать и объ оныхъ на мѣстѣ; для розыску-же чтобъ присланы были въ заводскую канцелярію, потому что заводы и принадлежащіе къ нимъ жители не подсудны тобольской губернской канцеляріи, но канцеляріи главнаго заводовъ правленія“. Tobольская консисторія между тѣмъ непрестанно требовала, чтобъ взятыхъ подъ стражу прислать въ консисторію. Канцелярія главнаго заводовъ правленія рѣшила наконецъ отдать, для отправленія въ Tobольскъ, тѣхъ изъ взятыхъ подъ карауль, кои оказались бѣглецами и по Нижнетагильскому заводу въ окладъ не положены.

„По многимъ перепискамъ и дракамъ между екатеринбургскою и тобольскою командами, нѣсколько изъ сихъ взятыхъ раскольниковъ, кромѣ приказчика, приведены въ Tobольскъ, распрашиваны“, винулись въ разныхъ преступленіяхъ по расколу и въ побѣгахъ и наконецъ отосланы въ Екатеринбургъ, гдѣ и суждены были въ конторѣ земскихъ и судныхъ дѣлъ. Но гдѣ именно были ихъ раскольничьи тайные притоны, изъ

дѣла не видно, ибо ни въ тобольской канцеляріи, ни въ екатеринбургской конторѣ, ни въ духовной консисторіи они объ этомъ и спрашиваны не были. Изъ нѣкоторыхъ показаній только видно, что бѣглые раскольники и ихъ монахи жилали по лѣсамъ около Нижнетагильскаго и Черноисточенскаго заводовъ.

Изъ тобольской консисторіи, въ разныя времена, какъ изъ того-же дѣла видно, отсылаемы были для розысковъ и для наказанія въ тобольскую губернскую канцелярію екатеринбургскіе и шарташскіе жители, обвинявшіеся:

Лаврентій Свинобоевъ, въ томъ, что много лѣтъ по-таенно принадлежалъ къ расколу, исповѣдывался у раскольничьихъ поповъ, взялъ себѣ жену отъ живаго мужа, тобольскаго посадскаго Нечаева и совратилъ ее въ расколь.

Яковъ Свинобоевъ, съ женою — въ неприятіи объ оставленіи раскола увѣщанія отъ архіерея и въ отвращеніи своего сына отъ святой православной вѣры.

Иванъ Елтышевъ да дѣвка Анна — въ склоненіи правовѣрнаго екатеринбургскаго крестьянина Ивана Рѣзнова въ расколь.

Семень Парѣоновъ — въ упорномъ содержаніи раскола, въ исповѣди и причастіи и въ крещеніи младенцевъ у раскольничьихъ поповъ.

Дмитрій Шадринъ и Алексѣй Бурашниковъ — въ томъ, что вѣнчались и дѣти ихъ крещены раскольничьими бѣглыми попами, въ укрывательствѣ тѣхъ поповъ и въ храненіи у себя раскольническаго причастія.

Иванъ Андреевъ сынъ Косовъ — въ квакерской ереси, въ исповѣди и причастіи у раскольническаго попа Варлаамія, при чемъ онъ показалъ о намѣреніи раскольниковъ бѣжать въ Польшу, Бухарію и Кантосишинскую (?) землю; „а какъ-де онъ Косовъ походитъ лицомъ (?) на бѣглаго квакера, московскаго купца Осипова, котораго опубликованнымъ указомъ велѣно сыскивать, то и представлено о семъ Правительствующему Сенату“.

Всѣ сіи раскольники въ 1753 году отосланы были въ канцелярію главнаго заводовъ правленія, которою дѣло это поручено было земской конторѣ; а сія опредѣлила: „Лаврентія Свинобоева наказать кнутомъ и съ вырѣзаніемъ ноздрей отослать въ Нерчинскъ въ работу вѣчно; жену его для опредѣленія въ монастырь или для отдачи

первому мужу, отослать въ консисторію; Косова, въ сходствѣ съ бѣглымъ квакеромъ Осиповымъ, освидѣтельствовать; прочихъ освободить на поруки“.

2) Екатеринбургская ротныхъ дѣлъ контора екатеринбургской земскихъ и судныхъ дѣлъ конторѣ рапортомъ донесла, что „содержащійся въ тюрьмѣ разбойникъ и церковный тать Иванъ Кудрявцевъ изъ тюрьмы бѣжалъ и опять пойманъ. На основаніи этого, екатеринбургская земскихъ и судныхъ дѣлъ контора 3 октября 1774 года „опредѣлила онаго Кудрявцева за побѣгъ изъ тюрьмы распросить кнutomъ“. Кудрявцевъ подъ кнutomъ показаль, что бѣжалъ съ намѣреніемъ уйти въ кельи, построенныя по близости Черноисточенскаго завода статскаго совѣтника Никиты Акинфіева Демидова, вверхъ пруда, въ лѣсу; „а живутъ въ нихъ старцы Михайло и Филиппъ съ товарищи, всего до 50 человекъ, въ томъ числѣ козаки съ Дону, поляки (?) и прочіе люди; а настоятель у нихъ отецъ Максимъ, и подлинность этого можетъ подтвердить выпущенный изъ тюрьмы жившій тогда въ Екатеринбургѣ Черноисточенскаго завода житель Козьма Лопаницынъ и всего того Черноисточенскаго завода жители и приказчикъ“. Сысканный Лопаницынъ показаль, что „когда былъ въ тюрьмѣ, то на вопросъ Кудрявцева, онъ, Лопаницынъ, ему сказалъ, что когда онъ изъ тюрьмы бѣжить, а Лопаницына выпустятъ, то онъ (Лопаницынъ?) доведетъ его до келіи, гдѣ живутъ старцы, въ лѣсу, вверхъ пруда Черноисточенскаго завода, верстахъ въ десяти, а отъ Невьянскаго въ тридцати, и что о томъ знаютъ заводской приказчикъ Поповъ, лѣсной надзиратель Абрамъ Шмелевъ, жители Степанъ да Исай Гладкихъ, да и прочіе многіе обыватели“.

11 октября 1774 года представлень о вышеизложенномъ рапортъ бывшему тогда въ Екатеринбургѣ „главному командиру“ полковнику Бибикову. Въ 1775 году послѣдовалъ изъ канцеляріи главнаго заводоу правленія указъ екатеринбургской земскихъ и судныхъ дѣлъ конторѣ, изъ котораго видно, что Бибиковъ посылалъ на Черноисточенскій заводъ команду для сыску укрывающихся въ кельяхъ людей, которая и нашла тамъ трехъ раскольниковыхъ монаховъ, назвавшихся Макаріемъ, Германомъ и Θεодосіемъ, и двухъ простыхъ рас-

кольниковъ, крестьянъ Бѣлослудской слободы Михаила Овчинникова и Казанской губерніи деревни Бунчуги Іуду Степанова, которые и присланы въ екатеринбургскую земскихъ и судныхъ дѣлъ контору, гдѣ были допрошены и показали:

Макарій — изъ крестьянъ Нижегородской губерніи, Михайло Труновъ, отъ роду имѣеть 60 лѣтъ; въ малолѣтствѣ сведенъ матерью на Иргинскій Осокина заводъ, а оттуда переведенъ въ Назепетровскій. Лѣтъ двадцать тому назадъ, задумавъ спастись, ушелъ на Невьянскій заводъ, а оттуда на Черноисточенскій; а потомъ пошелъ въ лѣсъ, въ келью, стоящую на рѣкѣ Чаузѣ, гдѣ жилъ нѣсколько лѣтъ съ незнаемымъ старикомъ; потомъ, переходя, строилъ самъ себѣ келью и жилъ одинъ, а чрезъ 8 лѣтъ привезенъ туда незнакомымъ человѣкомъ чернецъ Яковъ, который сказывалъ, что онъ изъ Россіи; и тотъ Яковъ его постригъ и назвалъ Макаріемъ. Пропитаніе получали съ завода, куда ходили, снимая съ себя монашеское платье, а сверхъ того и сами сѣяли хлѣбъ.

Германій, по имени Егоръ, а кто отецъ его — не знаетъ; отъ роду ему 81 годъ; назадъ тому лѣтъ 60 постриженъ въ Нижегородской губерніи, на Кержанцѣ, раскольничьимъ попомъ Софоніемъ и названъ Германомъ. Отъ притѣсненій сошелъ оттуда въ висимскіе лѣса и жилъ все около Черневскаго (?) завода, переходя въ разныя мѣста, а на послѣдокъ пришелъ по слуху въ стоящую у Черневскаго (?) завода келью, гдѣ и жилъ года полтора одинъ и команду взять въ келіи.

Теодосій, пермскихъ строгановскихъ вотчинъ деревни Шампуриной крестьянинъ Федоръ Любимовъ; отъ роду ему 25 лѣтъ; назадъ тому лѣтъ 12, отвезъ его Ягошихинскаго завода житель Иванъ Володиміровъ въ поманутыя кельи къ старцамъ, съ коими и жилъ съ годъ, а потомъ постриженъ вышепоказаннымъ чернецомъ Яковомъ и жилъ въ кельѣ съ монахомъ Герасимомъ, который былъ, какъ сказывалъ, съ Кержанца; а на послѣдокъ — съ Кирилломъ, а отколь онъ — не знаетъ. Было всѣхъ ихъ человѣкъ десять, но услышавъ о командѣ, разбѣжались; а онъ взять у кельи, откуда вышедъ, хотѣлъ укрыться.

Показанія двухъ остальныхъ раскольниковъ не заключаютъ въ себѣ ничего важнаго. Объ ученіи ихъ

пойманные распрашиваемы не были. Жители Черноисточенскаго завода и приказчикъ отозвались незнаемъ о кельяхъ; но такъ какъ они должны были знать, судя по близости ихъ, то на нихъ наложенъ штрафъ за несмотрѣніе, 127 руб. 14 коп. — сумма накопившихся за бѣглыми подушныхъ податей; а бѣглые разсланы по мѣстамъ, гдѣ они въ жительство были приписаны и откуда бѣжали.

Посланный съ командою монетной роты сержантъ Марковъ рапортовалъ, что кельи нашелъ въ тѣхъ самыхъ урочищахъ, которыя показаны Лопаницынымъ, и засталъ въ нихъ только пять человѣкъ, и въ кельяхъ нашелъ съѣстныхъ припасовъ—рыбы свѣжепросольной, осетровъ и прочей, также яицъ не малое количество, муки ржаной и пшеничной, въ коробахъ, примѣромъ до 500 пудовъ, которые велѣлъ прибрать заводскому приказчику, а кельи сжегъ. По примѣчанію его, живущихъ въ тѣхъ кельяхъ было болѣе ста человѣкъ, но они, до пріѣзда его, разбѣжались; а о съѣстныхъ припасахъ приказчикъ донесъ, что они, вмѣстѣ съ кельями, сгорѣли.

О томъ, какое послѣдовало рѣшеніе объ означенныхъ раскольникахъ, свѣдѣній въ дѣлѣ не имѣется. Относительно Герасима можно, по совпаденію времени, предположить, что это тотъ монахъ Герасимъ, который упоминается въ числѣ содержавшихся подъ военною стражею въ Далматовскомъ монастырѣ секретныхъ арестантовъ, и который тамъ умеръ 24-го іюля 1795 года (см. выше, стр. 172—178).

3) Въ ноябрѣ 1778 года пойманы въ Екатеринбургѣ съ фальшивыми имперіалами Нижнетагильскаго завода приписные крестьяне Иванъ Даниловъ и Иванъ Ивановъ Верхоланцевы, а по оговору ихъ взяты пріѣхавшіе въ Екатеринбургъ съ таковыми-же фальшивыми монетами крестьяне того-же завода Миней Лампадовъ, да Уфалейскаго Стахѣй Шевелинъ. Всѣ показали, что тѣ деньги дѣланы живущимъ у Лампадова бѣглымъ Ураимскаго (Нязепетровскаго) завода крестьяниномъ Климомъ Шевелинымъ, называющимся раскольничьимъ монахомъ Кирилломъ (св. выше показаніе Θεодосія), для сыску котораго хотя и посланы были—сперва екатеринбургской земской конторы присутствующій подполковникъ Поздняковъ, а потомъ шихтмейстеръ Исаковъ, но его

не нашли, а послѣ пойманъ онъ жителями Нижнетагильскаго завода и представленъ въ земскую контору.

Климъ Шевелинъ показаль: „отъ роду ему 24 года; крѣпостной крестьянинъ заводчиковъ Мосоловыхъ Уфалейскаго завода, съ котораго бѣжалъ онъ, тому девятый годъ, въ лѣса, состоящіе въ окружности Черноисточенскаго завода, въ которыхъ въ построенной кельѣ съ живущимъ тутъ монахомъ, сказавшимся съ Невьянскаго завода Григорьемъ, а прозванья не сказываль, жилъ до 17 года; и оной надѣлъ на него Клима монашеское платье и назвалъ Кирилломъ да научилъ расколу; и въ томъ-же году оный монахъ Григорій померъ, коего онъ похоронилъ въ лѣсу. И какъ стало жить не съ кѣмъ, то въ томъ-же году пришелъ къ нижнетагильскому жителю Минею Лампадову, подъ укрывательствомъ коего и дѣлаль фальшивую монету“.

Верхоланцевы, Лампадовъ и Шевелинъ были суждены, наказаны и сосланы. Сообщники-же ихъ, 6 человѣкъ, особенно посланною командою взяты въ нижнетагильскихъ лѣсахъ и представлены къ бывшему тогда въ Екатеринбургѣ главному командиру князю Енгалычеву, а отъ него въ контору земскихъ и судныхъ дѣлъ, гдѣ показали:

Бѣглый рекрутъ Борисовъ, отъ роду 27 лѣтъ, „напрѣдъ сего былъ вѣдомства Пермской провинціи, Березовскаго села, приписной къ Юговскимъ казеннымъ заводамъ крестьянинъ, въ 772 году отданъ въ рекруты, въ команду съ прочими офицеру, для отводу въ Казань. Дорогою, отъ Кунгура верстахъ въ 30, изъ села Степановскаго, бѣжалъ одинъ и шатался нѣсколько времени по разнымъ мѣстамъ, а потомъ построилъ самъ въ лѣсу избушку, разстояніемъ отъ Кушвинскаго завода въ 40 верстахъ, гдѣ живучи, плелъ лапти, продаваль ихъ въ Кушвинскомъ заводѣ и покупаль на выручку хлѣба. А послѣ того пришелъ въ Нижнетагильскій заводъ, гдѣ встрѣтился съ крестьяниномъ Минеемъ Лампадовымъ, присталъ къ нему и жилъ у него года четыре, сказывая, что бѣжалъ отъ рекрутскаго набора; работаль у него, а также у Кручкова и Верхоланцева“.

Бѣглый-же рекрутъ Сибиряковъ, 27 лѣтъ, былъ крѣпостной Нижнетагильскихъ Никиты Демидова заводоу; въ 774 году отданъ въ рекруты, въ екатеринбургскую

команду секундъ-маіора Пушкарева, но по прошествіи трехъ недѣль, бѣжалъ „прямо въ лѣса, отъ Нижнетагильскаго завода верстахъ въ 25, въ избушку, въ которой жилъ раскольникій монахъ Якимъ; сей надѣль на него монашеское платье и жилъ съ нимъ въ той кельѣ три года; потомъ онъ, Якимъ, умеръ, и Сибиряковъ его похоронилъ. Послѣ того пришли къ нему 4 человекъ раскольникіихъ монаховъ: Ларіонъ, Власій, Герасимъ и Варсонофій, а кто они—подлинно не знаетъ. Изъ сихъ монаховъ Ларіонъ ходилъ въ Нижнетагильскій заводъ за солью и узналъ, что есть за ними поиски; извѣстяся объ этомъ, трое изъ нихъ бѣжали, а онъ, Сибиряковъ, и товарищъ его Герасимъ пойманы. О житіи ихъ въ той кельѣ никто не знаетъ“.

Кипріянь Григорьевъ, крестьянинъ Костромскаго уѣзда, села Рожнова, отъ роду 35 лѣтъ; отецъ его въ томъ селѣ былъ дьячкомъ. Назадъ тому немалое время, съ нимъ Кипріяномъ, когда онъ (Кипріянь) былъ въ малолѣтствѣ, не хотя быть въ православіи, бѣжалъ въ галицкіе лѣса, и жили въ оныхъ лѣтъ съ десять, гдѣ отецъ его померъ, а онъ, Кипріянь, перешелъ въ устюжскіе лѣса и жилъ тамо лѣтъ съ десять, а потомъ въ урминскіе лѣса и жилъ съ старичкомъ Никитою Ивановымъ лѣтъ съ 15 и постриженъ въ раскольникіи монахи пріѣзжимъ попомъ, а откуда и какъ его зовутъ—не знаетъ. Съ показаннымъ товарищемъ своимъ, въ нынѣшнемъ 778 году, пришелъ въ Нижнетагильскій заводъ и пошли въ лежащіе около онаго лѣса и разстояніемъ отъ завода верстахъ въ сорока, построили себѣ избушку, въ коей и жили. И тутъ товарищъ его умеръ, а онъ, Кипріянь, посыланною за поимкою командою взятъ. Болѣе онъ бѣглыхъ и раскольниковъ не знаетъ.

Одосѣй Агаоновъ, Висимошайтанскаго Демидова завода крѣпостной крестьянинъ и записной раскольникъ, отъ роду 25 лѣтъ, того-жъ 778 года отъ рекрутства бѣжалъ въ лѣсъ, отъ того завода версть съ 30, гдѣ сдѣлалъ изъ чащи балаганъ, жилъ въ ономъ, гдѣ командою и взятъ.

Григорій Григорьевъ, помѣщика Александра Хомякова крѣпостной человекъ, Арзамаскаго уѣзду села Пузы, въ 773 году отданъ въ зачетъ въ рекруты на поселеніе и написанъ въ Коркину слободу, въ которой

жилъ до 776 году, а въ томъ году бѣжалъ на Нижнетагильскій заводъ; на рынокѣ сошелся съ старикомъ, который подговорилъ его въ лѣсъ; отошедъ отъ завода верстъ съ 20, зашли въ построенную невѣдомо кѣмъ келію, въ которой жили четыре человека монаховъ: Ларіонъ, Власій, Варсонофій и Яковъ, съ коими и жилъ года съ два. Въ 777 году, въ лѣтнее время, онъ занемогъ; тогда изъ товарищей Ларіонъ надѣлъ на него монашеское платье и назвалъ Герасимомъ. Въ 778 году одинъ изъ товарищей ходилъ на заводъ и узналъ, что ихъ ищутъ, почему онъ ушелъ на Выійскій заводъ, гдѣ и взялъ команду.

Показанія остальныхъ пойманныхъ не заключаютъ въ себѣ ничего особеннаго. Всѣ эти люди разосланы, безъ наказанія, на мѣста ихъ прежнихъ жителъствъ и тѣмъ производствю дѣла о нихъ закончено.

(Вѣстникъ Археологій и Исторіи, изд. Археологическимъ Институтомъ. Спб., 1886 г., вып. V).

КЪ ИСТОРИИ ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ ВЪ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ВМѢСТО ПРЕДСЛОВІЯ.

Сибирскій трактъ, пролегающій въ предѣлахъ Пермской губерніи, переданный пермскому земству въ состояніи полного разрушенія, породилъ цѣлую литературу. Одни не знали или не хотѣли знать—въ какомъ онъ видѣ находился до введенія земскихъ учрежденій въ губерніи, другіе знали, но, побуждаемые своекорыстными расчетами, старались исказить истину, завѣдомо ложно приписывая его дурное положеніе бездѣятельности и даже *умышленной* (!) порчѣ его земскими дѣятелями, на обязанности коихъ лежало его исправленіе. Говорили, что на исправленіе его тратились громадныя суммы, неизвѣстно куда ушедшія, и приводили въ параллель превосходное устройство дороги въ началѣ настоящаго столѣтія губернаторомъ Модерахомъ, притомъ безъ обремененія казны затратою денежныхъ суммъ. Въ этомъ состояніи онъ и находился будто-бы до 1870 года, т. е. до введенія земскихъ учрежденій въ губерніи. Дѣйствительно, трактъ

былъ превосходно устроенъ Модерахомъ, который былъ извѣстный, по своей спеціальности, инженеръ, производившій до назначенія своего въ Пермскую губернію, грандіозныя сооруженія разнаго рода въ Петербургѣ и его окрестностяхъ; дѣйствительно, трактъ сохранялся въ благоустроенномъ видѣ цѣлыя десятки лѣтъ со времени его устройства; но несправедливо то, что онъ въ своемъ первобытномъ состояніи былъ переданъ земству. Массы документовъ, сохраняющихся въ архивныхъ дѣлахъ пермскаго губернскаго правленія, свидѣтельствуютъ, что уже въ 1860 году трактъ находится въ столь дурномъ состояніи, что генераль-лейтенантъ Огаревъ, возвратившись изъ командировки въ Пермскую губернію, всеподданнѣйше докладывалъ Государю Императору о необходимости шоссировать путь, по которому провѣздъ сдѣлался весьма затруднительнымъ. Тѣ-же самыя документы свидѣтельствуютъ, что съ 1860 года онъ почти не исправлялся, а въ послѣднее пятилѣтіе передъ введеніемъ земскихъ учрежденій въ губерніи былъ даже вовсе заброшенъ, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ перешелъ въ вѣдѣніе земства въ состояніи полного разрушенія.

Несправедливо также ставится въ особенную заслугу Модераху то обстоятельство, что онъ устроилъ дорогу, не обременяя казны денежными затратами. Если не было затратъ на устройство ея со стороны казны, то оно пало страшною тяжестью на придорожное населеніе губерніи и стоило, въ дѣйствительности, огромныхъ суммъ въ видѣ поглощенныхъ имъ матеріаловъ и народнаго труда. Если оцѣнить всѣ матеріалы, которые употреблены на его устройство и которыхъ, въ качествѣ даровыхъ, конечно, не жалѣли, и стоимость рабочихъ рукъ, тоже даровыхъ, такъ какъ дорожная повинность управлялась натурою, то получится въ результатѣ такая цифра, которая и въ наше время покажется громадною*).

Что-же за причины порчи столь солидно устроеннаго тракта? Ихъ двѣ. Во-первыхъ, трактъ, какъ видно было выше, въ теченіи многихъ лѣтъ, предшествовавшихъ введенію земскихъ учрежденій въ губерніи, совершенно

*) Приблизительныя соображенія, во что могла обойтись перестройка дорогъ Модерахомъ, видны изъ приводимой ниже статьи объ устройствѣ тракта въ выгонѣ города Перми.

не исправлялся; вторая и самая главная причина та, что, при усилившемся движеніи по тракту, онъ уже не могъ удовлетворять своему назначенію, оставаясь въ грунтовомъ видѣ, и требовалъ правильной поессировки.

Оставаясь грунтовымъ и имѣя громадное протяженіе въ 742 версты*), онъ представилъ земству почти неосуществимую задачу необходимостью своего исправленія.

Удивляются большимъ суммамъ, затраченнымъ земствомъ на его исправленіе и спрашиваютъ, какъ-бы недоумѣвая, куда онѣ могли уйти, только тѣ, кто не знаетъ или не хочетъ знать условій, при которыхъ дороги могутъ быть содержимы въ исправности, кто не слыхалъ о томъ, въ какомъ состояніи находились проѣзжія дороги Западной Европы, даже въ теченіи первой половины настоящаго вѣка возбуждавшія собою общія жалобы, и какія, по-истинѣ колоссальныя, суммы потребовались для приведенія ихъ въ надлежащій видъ. Исторія этихъ дорогъ весьма поучительна и потому мы приведемъ здѣсь изъ нее нѣкоторые факты, касающіеся такихъ государствъ какъ Франція и Англія, далеко опередившихъ насъ во всѣхъ отношеніяхъ.

То, что намъ теперь въ диковинку, Франція пережила въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Тамъ, до 1789 года, мѣстныя дороги содержались въ грунтовомъ видѣ помѣщиками, и есть много свидѣтельствъ современниковъ, которые находили эти дороги изъ рукъ вонъ плохими. Закономъ 1 декабря 1790 года всѣ пути сообщенія объявлены были народнымъ достояніемъ и содержаніе ихъ возложено на общины. Прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ, въ теченіи которыхъ страна переходила отъ натуральной дорожной повинности къ денежной, отъ денежной опять къ натуральной, при реставраціи снова къ денежной. Тѣмъ не менѣе, дороги пришли въ совершенный упадокъ и въ началѣ двадцатыхъ годовъ жалобы на бездорожье послышались со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ департаментовъ. Это вызвало законы 28-го іюля 1824 и 21 мая 1836 годовъ, которыми были установлены слѣдующіе источники для содержанія дорогъ: обыкновенные доходы общинъ, прибавочные сантимы къ пря-

---

*) Протяженіе, превышающее разстояніе отъ западной границы Франціи до восточной, отъ Лемана до Атлантическаго океана.

мымъ налогамъ, не свыше, однако, пяти, а если и этого дохода окажется недостаточно, то допускается прибѣгнуть къ натуральной дорожной повинности (*prestation en nature*). Эта послѣдняя отбывается въ видѣ нѣскольکو отличномъ отъ обыкновеннаго. Во-первыхъ, этой повинности подвержены всѣ мѣстные жители мужскаго пола отъ 18 до 60 лѣтъ, при чемъ глава семейства отвѣчаетъ за себя и за всѣхъ членовъ его и прислугу; во-вторыхъ, за каждую повозку, карету, рабочую лошадь, или вола, упряжную и верховую лошадь хозяинъ ихъ также несетъ дорожную повинность, по числу штукъ и головъ, съ каждой по три рабочихъ дня. Затѣмъ, по департаментамъ, устанавливается опредѣленная цѣнность рабочаго дня, обыкновенно ниже дѣйствительной. Средній размѣръ таковаго 1 франкъ 25 сантимовъ противъ средней рыночной цѣны въ 2 франка. Затѣмъ, каждому жптелю предоставляется отбыть повинность личнымъ трудомъ, или деньгами, по расчету, на указанныхъ выше основаніяхъ. Изъ данныхъ за много лѣтъ видно, что 70 процентовъ всѣхъ плательщиковъ этихъ налоговъ отбываютъ дорожную повинность натурою, остальные 30% дѣлаютъ денежные взносы.

Не вдаваясь въ соображенія относительно примѣнмости этой системы въ Россіи, нельзя однако не признать справедливости такого способа обложенія на дорожную повинность. Къ ней привлечены всѣ, потому что всѣ мѣстные жители почти одинаково заинтересованы въ хорошемъ состояніи дорогъ, большинство прямо, меньшинство косвенно; болѣе зажиточные люди привлекаются сильнѣе, по числу повозокъ, экипажей, лошадей, воловъ, и все-таки не предъявляютъ никакихъ жалобъ на это, такъ какъ волей-неволей должны сознавать, что колеса ихъ повозокъ и подковы ихъ скотины, употребляемой для ѣзды и перевозки тяжестей, гораздо болѣе вліяютъ на порчу дороги, чѣмъ любой пѣшеходъ. При такомъ способѣ обложенія, въ теченіе 25 лѣтъ, съ 1837 по 1861 годъ, было выстроено громадное количество хорошихъ дорогъ: департаментскихъ (что у насъ губернскія), пролегающихъ въ области нѣсколькихъ общинъ (*d' intérêt commun*—нашихъ уѣздовъ и такъ называемыхъ коммерческихъ) и проселковъ (*chemins vicinaux*) и на постройку ихъ употреблено натурою и деньгами 1.717,687,756 фран-

ковъ, помимо обыкновенныхъ средствъ мѣстнаго самоуправленія, составляющихъ ежегодно большую сумму ¹⁾. Не смотря на столь громадныя затраты, имѣвшія послѣдствіемъ быстрое развитіе мѣстныхъ путей сообщенія, правительство Наполеона III сознало въ 1868 году необходимость оказать общинамъ пособіе изъ государственныхъ средствъ; закономъ 11 іюля этого года имъ разрѣшена была субсидія изъ казны на устройство дорогъ, въ размѣрѣ ста милліоновъ франковъ, которые должны были быть выданы въ продолженіи 10 лѣтъ, по 10 милліоновъ. Въ этомъ случаѣ французскимъ правительствомъ руководило соображеніе, что быстрое развитіе путей сообщенія не только облегчаетъ обороты торговли, но и даетъ сильный толчокъ общему благосостоянію, распространяя рынки, мѣста сбыта и обмѣна для всѣхъ произведеній земледѣлія, скотоводства и промысловъ. Во Франціи ежегодно, съ 1837 года, *затрачивалось въ земскомъ хозяйствѣ на дорожную часть гораздо больше, чѣмъ сколько у насъ взимается и расходуетъ на всѣ земскія нужды*, ибо къ 69 милліонамъ франковъ, употреблявшимся каждагодно на мѣстныя дороги въ видѣ приведенной *prestation en nature* (натуральной повинности) нужно присовокупить „добавочные сантимы“ на дорожную часть, составляющіе около 14 милліоновъ франковъ ежегодно (13.800,000 фр. въ 1868 году), и тѣмъ не менѣе пожертвовано на тотъ-же предметъ еще сто милліоновъ франковъ изъ государственныхъ средствъ.

Въ Англіи, которая по пространству, вдвое менѣе Пермской губерніи ²⁾, въ 1868 году, содержаніе земскихъ дорогъ обошлось въ 2.500,000 фунтовъ стерлинговъ (безъ Шотландіи и Ирландіи). Тамъ, до XVIII столѣтія, всѣ дороги строились и содержались земскими средствами; но уже къ концу XVII вѣка англійскому самоуправленію (*selfgovernment*) стало не подъ силу удовлетворять требованіямъ возрастающаго промышленно-торговаго движенія; транзитное движеніе быстро перегоняло

¹⁾ Построено 66,000 километровъ департаментскихъ и 38,000 килом. дорогъ второй категоріи, не считая проселочныхъ.

²⁾ Пространство въ километрахъ:

Англіи	151,000
Пермской губ.	330,172
Франціи	523,932

мѣстное въ отдѣльныхъ приходахъ, по мѣрѣ того, какъ стало процвѣтать народное хозяйство Англїи. Тогда были созданы особыя комиссіи (public trust), полупекулятивного, полуобщественнаго характера, для постройки шоссеиныхъ дорогъ и завѣдыванїя ими; члены этихъ комиссій избирались мировыми судьями (земскими собранїями) изъ лицъ, имѣющихъ 800 фунтовъ стерлинговъ капитала или 40 фунтовъ ежегоднаго дохода; они получали право строить шоссеиныя дороги, гдѣ признаютъ надобность въ этомъ, для чего могли производить отчужденїя земель, на основанїи общихъ законовъ, если не послѣдуетъ полюбовнаго соглашенїя съ владѣльцами; за проѣздъ и провозъ грузовъ взимать шоссеиныя деньги, по таксѣ, опредѣляющей максимумъ платы для разныхъ категорїй товаровъ. Средства-же на сооруженїе дорогъ прїобрѣтались комиссіями изъ частныхъ рукъ, путемъ займовъ, подъ проценты; проценты и погашенїе уплачивались изъ доходовъ отъ шоссеиныхъ дорогъ, которые или отдавались въ аренду, или-же сами комиссіи завѣдывали ими, по желанїю: но въ случаѣ неисполненїя ихъ обязательствъ, въ завѣдыванїе дорогою и сборами вступали заимодавцы. Такихъ комиссій, въ теченїи 150 лѣтъ, образовалось многое множество; въ 1821 году ихъ было въ Англїи (за исключенїемъ Уэльса) 908, въ 1870 г. все еще 878. Возникшая въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтїя конкуренція каналовъ, конно-желѣзныхъ и желѣзныхъ дорогъ понизила сборъ на шоссеиныхъ и комиссіи впали въ долги, возросшіе въ 1836 году до 9½ милл. фунт. стерл. и въ 1870 составлявшїе все еще около 3 милл. фунтовъ. Съ теченїемъ времени управленїе дорогъ комиссіями оказалось слишкомъ дорогимъ и неудобнымъ и въ 1862 году были созданы дорожныя совѣты (highwayboards), завѣдующїе мѣстными дорогами, какъ общественнымъ достоянїемъ, съ отмѣною платы изъ средствъ, получаемыхъ путемъ налоговъ. Изъ 18—20000 приходовъ огромное большинство охотно передало свои дороги въ распоряженїе этихъ совѣтовъ, не смотря на то, что консерваторы встрѣтили ихъ съ недовѣрїемъ, какъ выходящїе за историческіе предѣлы англїйскаго самоуправленїя и приближающїеся къ государственнымъ учрежденїямъ.

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, на опытъ двухъ странъ, далеко опередившихъ насъ въ экономическомъ отношеніи, что какъ скоро промышленность и торговля сдѣлали первые шаги къ современному исполинскому ихъ развитію, дороги, содержимыя мѣстными учрежденіями, отказывались служить имъ и требовали чрезвычайныхъ жертвъ со стороны земствъ, содѣйствія частной промышленности и, наконецъ, правительства, и только при этихъ условіяхъ, могли быть приведены въ состояніе, соотвѣтствующее современнымъ требованіямъ.

Подтвержденіе этой истины мы видимъ и на Сибирскомъ трактѣ—единственномъ пути, служившемъ, до открытія Уральской желѣзной дороги, для сообщенія Россіи съ Сибирью, который, въ свое время, вполне удовлетворялъ потребностямъ торговли и промышленности; но съ развитіемъ пароходства по Камѣ и сибирскимъ рѣкамъ, а затѣмъ—съ присоединеніемъ къ Россіи среднеазіатскихъ владѣній, при постоянно возрастающемъ движеніи по нему, сталъ приходиться въ упадокъ и, наконецъ, былъ переданъ въ 1871 году пермскому земству дѣйствительно въ состояніи полного разрушенія.

Чтобъ разобраться въ массѣ разнорѣчивыхъ свѣдѣній о состояніи тракта въ годы, предшествовавшіе открытію Уральской желѣзной дороги, необходимо обратиться къ документамъ, что мы и дѣлаемъ вслѣдъ за симъ.

Состояніе Сибирскаго тракта въ теченіи десяти лѣтъ, предшествовавшихъ введенію земскихъ учрежденій.

Земскія учрежденія Пермской губерніи, по открытіи ихъ, приняли Сибирскій трактъ въ свое завѣдываніе, по неопытности, не заручившись подробнымъ описаніемъ его состоянія, удостовѣреннымъ административными лицами, въ вѣдѣніи которыхъ онъ состоялъ до 1871 года. Это и подало впоследствии поводъ къ безчисленнымъ недоразумѣніямъ и нарѣканіямъ, то на бездѣятельность земства по исправленію тракта, то на непроизводительность расходовемыхъ имъ на этотъ предметъ *громадныхъ* будто-бы суммъ.

Не говоря уже о безчисленныхъ газетныхъ корреспонденціяхъ, обвинявшихъ земство не только въ полномъ бездѣйствіи, но даже въ *умышленной порчѣ* тракта, одинъ

официальный документъ, бывший въ виду высшихъ правительственныхъ учреждений, говоритъ слѣдующее:

„Знаменитый Сибирскій трактъ, устроенный въ 1800—1811 годахъ, составляющій единственный торговый путь между Сибирью и Европою, славившійся своимъ замѣчательнымъ устройствомъ и *постоянно превосходнымъ состояниемъ, не уступавшимъ тому состоянiю шооссированнаго тракта между С.-Петербургомъ и Москвою, въ какомъ сей послѣднiй находился до проведенiя Николаевской желѣзной дороги*,—этотъ Сибирскій трактъ, по которому провозится ежегодно до 20,000 пассажировъ, до 18,000 арестантовъ и свыше трехъ милліоновъ пудовъ товаровъ, составляющій источникъ пропитанiя близъ лежащихъ сель и деревень, *со времени поступленiя его въ вѣдѣнiе и на попеченiе земства, т. е. съ 1870 года, постоянно ухудшался* и въ настоящее время сдѣлался знаменитымъ своимъ непроѣзжимъ состоянiемъ въ предѣлахъ Пермской губерни“.

Это заявлялъ въ жалобѣ Правительствующему Сенату содержатель вольныхъ почтъ и контрагентъ по перевозкѣ арестантовъ въ предѣлахъ Пермской губерни купецъ Михайловъ, не смотря на то, что ему было весьма хорошо извѣстно дѣйствительное состоянiе, въ какомъ находился трактъ до введенiя земскихъ учреждений, т. е. до 1870 года, ибо онъ въ теченiи всего десятилѣтiя, предшествовавшаго введенiю ихъ въ Пермской губерни, содержалъ въ предѣлахъ ея вольныя почты.

Въ виду такой его компетентности, лица, которымъ неизвѣстно было положенiе дѣла, легко могли дать вѣру его словамъ. Между тѣмъ, дѣйствительные факты, засвидѣтельствованные официальными документами, и даже *собственныя прежнiя заявленiя г. Михайлова*, показываютъ совсѣмъ иное.

Въ дѣлахъ особаго о земскихъ повинностяхъ присутствiя, хранящихся въ архивѣ пермскаго губернскаго правленiя, какъ уже сказано было выше, находится масса документовъ, доказывающихъ справедливость нашего заключенiя. Въ подтвержденiе нашихъ словъ, мы приводимъ здѣсь изъ означенныхъ документовъ, на выдержку, отзывы о состоянiи тракта въ перiодъ 1860—1869 годовъ.

1860 годъ.

Архитекторъ Карвовскій, который былъ основательно знакомъ съ трактомъ, ибо ежегодно, по порученіямъ губернскаго начальства, дѣлалъ осмотры, описанія тракта и указанія къ его исправленію, въ докладной запискѣ своей въ строительную и дорожную комиссію, отъ 30 декабря 1860 года ¹⁾, высказалъ: „отъ усиливающегося съ каждымъ годомъ провоза товаровъ и вообще всякаго провоза, дорога приходитъ все видимо болѣе въ разстройство, ибо гдѣ еще за нѣсколько лѣтъ дорога была довольно порядочная, тамъ теперь уже, особенно въ ненастное время, представляется не мало затрудненія въ проздѣтѣ“. Далѣе онъ замѣчаетъ, что не смотря на всѣ настоянія губернскаго начальства объ исправленіи дорогъ, онѣ „годъ отъ году дѣлались все хуже и хуже, такъ что наконецъ *приходятъ въ окончательное разстройство*: это именно можно въ настоящее время видѣть въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, гдѣ *цѣлыя станціи*, будучи еще недавно хороши, стали въ настоящее время *почти непрозжими*“.

1861 годъ.

Осенью 1861 г. (23 августа—19 сентября) послѣдоваль цѣлый рядъ заявленій губернской почтовой конторы пермскому военному губернатору о дурномъ состояніи тракта. Въ этихъ заявленіяхъ положеніе тракта характеризуется такого рода заявленіями: „дорога отъ Тугулымской до Марковской станціи такъ дурна, что нѣтъ возможности по ней ѣхать, а необходимо сворачивать въ сторону и слѣдовать окольною дорогою: на половинѣ станціи провалились гати, отчего ломаются тарантасы“... „дорога отъ Киргишанской къ Гробовской и Кленовской станціямъ въ весьма избитомъ положеніи“, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „до того испорчена, что нѣтъ никакой возможности проѣхать шагомъ“; между Киргишанской и Кленовской станціями дорога находится „въ невыразимо дурномъ состояніи“; между Киргишанской, Кленовской и Бисертской станціями дорога „разбита до того, что нѣтъ возможности днемъ безопасно проѣхать по ней“ ²⁾. Одинъ изъ мостовъ описывается такъ: „сверхъ наплав-

¹⁾ Дѣло № 42, стр. 84.

²⁾ Тамъ-же, стр. 3, 36, 44 и 45.

ной слани, утонувшей по маловодію почти до дна рѣки, образовавшей *невывозимый* оврагъ, наложены вторыя балки и на нихъ набросаны еще доски, ничѣмъ неприкрѣпленные, ни гвоздями, ни деревянными шпильями, почему доски сіи, при спускѣ экипажей, колесами двигаются къ ногамъ лошадей и нерѣдко случается, что сіи послѣднія повреждаютъ ноги, а при такомъ состояніи моста, каждый ѣдущій, видя угрожающую опасность, предварительно долженъ уровнять подвижную слань, и часто переправу эту оканчиваютъ съ помощью приглашенныхъ обывателей¹⁾.

Поступившія той-же осенью 1861 года къ военному губернатору Лашкареву донесенія смотрителей нѣсколькихъ почтовыхъ станцій, показываютъ, что въ предѣлахъ ихъ станцій дорога „находится весьма въ дурномъ состояніи“ (отъ Талицкой до Рѣшотской станціи и Билимбаевского завода); „въ грязномъ и весьма разбитомъ положеніи“ (отъ Грбовской до Киргишанской и Билимбаевской); дорога „разбита, поправокъ совершенно не производится; почты, эстафеты и проѣзжающіе не могутъ слѣдовать безъ промедленія“ (отъ Косулинской до Бѣлоярской и Бѣлейской); „выбоины равняются зимнимъ ухабамъ“ (въ Васильевскомъ заводѣ²⁾).

23 августа 1861 г. начальникъ губерніи лично заявлялъ въ присутствіи губернской строительной и дорожной комиссіи, что дороги въ „такомъ дурномъ положеніи, что не безопасны для ѣзды“. 15 сентября, въ томъ-же присутствіи было выслушано новое заявленіе губернатора, что нѣкоторыя станціи Сибирскаго тракта (Бисертская, Кленовская, Киргишанская) „находятся въ весьма дурномъ состояніи, такъ что проѣздъ почти невозможенъ“³⁾.

Вслѣдствіе такихъ заявленій строительная и дорожная комиссія поручала архитектору Карвовскому сдѣлать осмотръ и описаніе тракта отъ Перми до границы Тобольской губерніи. Исполнивъ порученіе, Карвовскій доноситъ, что изъ числа всего протяженія тракта „худой дороги надо считать не менѣе 150 верстъ“ и что, не смотря на настоятельныя требованія губернскаго началь-

¹⁾ Дѣло № 42, стр. 49.

²⁾ Дѣло № 17, стр. 31, 32, 33 и 34.

³⁾ Тамъ-же, стр. 1 и 19.

ства, „поправки тракта еще вовсе на производилось“¹⁾. Какое именно значеніе Карвовскій придавалъ своему выраженію „худая дорога“—видно изъ подробностей его описанія, гдѣ состояніе тракта характеризуется слѣдующимъ образомъ: дорога „такъ дурна, что даже нѣтъ проѣзда“ (между Кунгуромъ и станціей Моргуновской)... „дорога вся въ колеяхъ и выбоинахъ, большая часть трубъ совершенно засорена“ (отъ Быковой до Ачита)... „дорога вся въ колеяхъ и выбоинахъ и такъ вся избита, что едва возможна для проѣзда“ (между Бисертью и Кленовой)... „дорога такъ дурна, что нѣтъ проѣзда,“ (между Кленовой и Киргишанской станц.)... „дорога видимо приходитъ въ разстройство“ (отъ границы Екатеринбургскаго уѣзда до Гробовской станціи)... дорога „вовсе не исправлялась уже болѣе 3-хъ лѣтъ и для проѣзда очень дурна“ (по городскому екатеринбургскому выгону); „наплавные мосты чрезъ р.р. Пышму и Юрмачъ очень ненадежны и даже опасны; деревянные сооруженія и трубы весьма неисправны и вовсе не исправляются“... дорога „очень дурна“ (отъ деревни Горбуновой до Марковской станціи и далѣе до Тобольской границы), „такъ что проѣздъ даже въ сухое время крайне затруднителенъ“²⁾.

Описывая трактъ, архитекторъ Карвовскій часто заявляетъ, что „матеріаловъ для ремонта совсѣмъ не заготовлено“, даже въ такихъ мѣстахъ, относительно которыхъ были слѣланы указанія еще въ предыдущемъ году,—или дѣлаетъ такого рода замѣчаніе: „дорога исправлялась неразбитымъ камнемъ, который лежитъ на самой поверхности“... „вся поправка ограничивалась раскидываніемъ кое-гдѣ крупныхъ кусковъ камня“... „употребляется дурной матеріалъ, добываемый возлѣ дороги, т. е. почти одна глина съ небольшою примѣсью крупнаго песку и, кромѣ того, камень крупными кусками, безъ всякой разбивки и утрамбовки, который есть ничто иное какъ отвердѣвшая глина съ небольшою примѣсью кварцевой породы“... „дорога усыпана иловатымъ пескомъ“ и т. п.³⁾.

Въ концѣ 1861 г. генераль-лейтенантъ Огаревъ, по возвращеніи изъ командировки въ Пермскую губернію,

¹⁾ Дѣло № 17, стр. 71—73.

²⁾ Тамъ-же, стр. 76—88.

³⁾ Тамъ-же, стр. 76—88.

представилъ Государю Императору всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ, описавъ „затруднительность сообщеній“, излагалъ мысль о необходимости устройства шоссе отъ Перми до Екатеринбурга, каковое заключеніе было отклонено, въ виду разрѣшенія на изысканія для Уральской желѣзной дороги, даннаго генералу Раплету ¹⁾.

1862 годъ.

Главнначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ сообщилъ губернатору, что *содержатель вольныхъ почтъ купецъ Михайловъ* подалъ жалобу на дурное состояніе Сибирскаго тракта, въ которомъ объяснялъ, что „дурное состояніе дорогъ еще болѣе способствуетъ разстройству его (Михайлова) дѣлъ и что безъ исправленія ихъ, никакія усилія почтоваго управленія и пожертвованія со стороны его, почтосодержателя, къ улучшенію организаціи почтовыхъ сообщеній не будутъ имѣть желаемаго результата, ибо теперь *разстройство путей*, въ особенности весною и осенью, *доходитъ до того*, что иногда невозможно *прохать даже съ пустою телѣгою*“ ²⁾.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1862 года, *екатеринбургская контора вольныхъ почтъ* заявляетъ ³⁾, что „дорога отъ Екатеринбурга по Московскому тракту приходитъ въ совершенную невозможность къ прозду“; на ней „образовались промоины у мостовъ и открылись зыбуны, гдѣ экипажи съ лошадьми тонуть... отъ моста землю отмыло, такъ что невозможно проѣзжать по мосту водой, безъ потопленія экипажей съ лошадьми“; къ станціи Косулинской „дорога находится въ бѣдственномъ положеніи“; при выѣздѣ изъ Екатеринбурга „дорога полна грязи и такъ велики колеи съ ухабами, что ступицы колесъ лежатъ прямо на грязи и образовались во многихъ мѣстахъ зыбуны“... „по такимъ дорогамъ нѣтъ возможности везти экипажи даже шагомъ и отъ того почтовые лошади не только изнуряются, но каждагодно падаютъ“. Въ виду такого состоянія дороги контора вольныхъ почтъ не упускаетъ конечно случая заявить о своихъ убыткахъ и о томъ, что слагаетъ съ себя отвѣтственность за промедленіе почтъ и проч.

¹⁾ Дѣло № 17, стр. 189.

²⁾ Дѣло № 1, стр. 83.

³⁾ Тамъ-же, стр. 152 и 154.

Адъютантъ военнаго губернатора Амосовъ, которому поручено было, вслѣдствіе этихъ жалобъ, осмотрѣть трактъ, 18 іюня 1862 года доносить, что дорога отъ Перми до Екатеринбургa „въ весьма плохомъ состояніи“, что „полотно дороги слишкомъ запущено и долгое время никѣмъ исправляемо не было ¹⁾).

Это подтверждаютъ и заявленія станціонныхъ смотрителей. 30 и 31 мая смотрители Бѣлоярской и Бѣлейской станціи доносятъ о „самомъ жалкомъ“ положеніи дороги, прибавляя, что „съ осени предыдущаго года дорога нисколько не исправлялась“. Смотритель Киргишанской станціи 1-го іюня доноситъ губернской почтовой конторѣ, что до Гробовской станціи дорога такова, что „при проѣздѣ по коленямъ по нѣскольку сажень не вертятся колеса, а тащатся на трубицахъ“ и что „для исправленія дороги (въ томъ году) по настоящее время ни одного человѣка не было“. Моргуновскій станціонный смотритель 4 іюня также доноситъ: „дорога самая скверная, такъ что колеса подъ легкимъ экипажемъ вязнутъ на половину аршина, а съ тяжелымъ экипажемъ, на протяженіи 2 верстъ, нужно ѣхать не менѣе какъ часъ; подрядчики хотя и расчищаютъ канавы, но тотъ-же навозъ валять на дорогу, что у нихъ и служить вмѣсто хряща“. Смотритель Кленовской станціи говоритъ, что между станціями Кленовской, Киргишанской и Бисертской дорога „доведена до совершеннаго безобразія, такъ что нѣтъ возможности ѣхать болѣе 6 верстъ въ часъ, и только днемъ, а ночью почти невозможно проѣзжать, не сломавши чего-нибудь у экипажа“. По заявленію станціоннаго смотрителя отъ 16 августа, дорога отъ станціи Бисертской къ Кленовской такъ дурна „что нѣтъ никакой возможности проѣхать; ухабы болѣе чѣмъ въ 1½ аршина глубины“ ²⁾).

13 іюля 1862 года, завѣдывавшій вольными почтами дѣйствительный статскій совѣтникъ фонъ-Гаузенъ сообщилъ губернатору, что къ нему поступило много жалобъ на весьма дурное состояніе тракта и, между прочимъ, приводитъ жалобу одного проѣзжавшаго: „дороги вовсе не исправляются и совершенно неспособны для проѣз-

¹⁾ Дѣло № 1, стр. 173.

²⁾ Тамъ-же, стр. 268 и 269, 262, 267, 230 и 231.

довъ.... мосты всѣ разрушены, такъ что каждому ѣдущему грозитъ ежеминутная опасность“¹⁾).

Красноуфимскій земскій исправникъ, въ донесеніи губернатору, отъ 22 сентября, подтверждаетъ это, высказывая, что отъ станціи Кленовской къ Киргишанской и Бисертской дорога „пришла въ разрушеніе“²⁾).

6 октября 1862 г. кунгурскій земскій исправникъ доноситъ губернатору: „дорога въ самомъ дурномъ состояніи, особенно отъ Кунгура до границы Красноуфимскаго уѣзда... проѣздъ затруднителенъ, даже невозможенъ, такъ что дорогу объѣзжаютъ сторонами, по аллеямъ; большая часть трубъ, мостовъ и периль ветхи... такимъ образомъ видно всеобщее разрушеніе“³⁾).

9 октября 1862 г. начальникъ губерніи заявилъ строительной и дорожной комиссіи, что дороги въ Пермской губерніи „въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находятся въ самомъ дурномъ положеніи, не смотря на двухъ-лѣтнія его настоянія о приведеніи ихъ въ исправность; къ этимъ мѣстамъ и донинѣ вполне примѣнимо сказанное генераль-губернаторомъ Модерахомъ о поправкѣ дорогъ въ 1810 году: „канавы всѣ заросли, стоки также,—изъ которыхъ многіе такъ мало прокопаны, что вода никуда сбѣгать не можетъ“. При этомъ губернаторъ указывалъ какъ на самыя дурныя части Сибирскаго тракта — на станціи Гробовскую, Кленовскую и Киргишанскую⁴⁾).

Управляющій *кунгурскою конторою вольныхъ почтъ* Сырейщиковъ, въ донесеніи завѣдующему вольными почтами фонъ-Гаузену пишетъ: „при мучительныхъ и невыносимыхъ дорогахъ рѣдкій проѣзжающій, который-бы не говорилъ и не ругалъ начальство за неисправленіе дорогъ, и стараются записать жалобу, — но всячески уклоняя отъ жалобы, говоришь, что это не относится къ вольной почтѣ и она не обязана исправлять дороги“⁵⁾).

11 сентября 1862 г., архитекторъ Карвовскій, осматривавшій трактъ, по порученію губернскаго начальства, отъ тобольской границы до Перми, находитъ его въ томъ-же положеніи, какъ и въ предъидущемъ 1861 г.,

¹⁾ Дѣло № 17, стр. 204.

²⁾ Тамъ-же, стр. 232.

³⁾ Дѣло № 1, стр. 370.

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 355.

⁵⁾ Тамъ-же, стр. 246.

т. е. дурной дороги до 150 верстъ (почти $\frac{1}{4}$ часть), изъ которыхъ самая худшая въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, между Кленовской и Киргишпанской станціями, и въ Камышловскомъ—отъ станціи Марковской до тобольской границы; въ этихъ-же уѣздахъ всѣ дорожныя сооруженія, въ особенности трубы, онъ нашелъ ветхими, требующими перестройки заново; мосты въ Камышловскомъ уѣздѣ онъ признавалъ очень опасными для проѣзда. Онъ пишетъ, что хотя проѣзжалъ въ сухое время, „но есть многія мѣста, которыя при первой ненастной погодѣ должны снова придти въ то дурное состояніе, въ какомъ постоянно были замѣчаемы... и не видно, чтобы для исправленія этихъ мѣстъ принимались какія-нибудь положительныя средства, а вся ремонтровка ограничивалась только самыми пустыми работами: очисткою канавъ отъ травы, которую онѣ снова заростають, снятіемъ кочекъ съ полотна дороги, уравниваніемъ кочками этими образовавшихся колеи и изрѣдка засыпкою выбоинъ кусками камней, или просто землею и глиною, добываемыми возлѣ самой дороги“. Карвовскій замѣчаетъ при этомъ, что всѣ дѣлаемые техниками ежегодно осмотры тракта, описанія его и указанія къ исправленію—безплодны, потому что „остаются безъ всякаго хода“ при дѣлахъ дорожныхъ комиссій ¹⁾).

1863 годъ.

16-го мая адъютантъ военнаго губернатора Амосовъ доноситъ ему, что въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, начиная отъ Грбовской до Златоустовской станціи—„дорога почти не исправлялась ни осенью, ни весной, и находится въ самомъ дурномъ состояніи; матеріаловъ вовсе не заготовлено“ ²⁾).

10 іюля 1863 г. *содержатель вольныхъ почтъ Михайловъ* вновь обратился къ губернатору съ жалобой на неисправность Сибирскаго тракта по Екатеринбургскому уѣзду, въ которой писалъ: „отъ дурнаго состоянія дороги гибнуть почтовые лошади, ломаются экипажи, просрочиваютъ почты, за что онъ (почтосодержатель) подвергается штрафамъ и взысканіямъ отъ почтоваго начальства и несетъ огромные убытки отъ содержанія вольной

¹⁾ Дѣло № 17, стр. 214—216.

²⁾ Тамъ-же, стр. 231.

почты⁴. Онъ заявляетъ, что какъ обязательство его предъ правительствомъ исправно содержать вольную почту обусловлено тѣмъ, чтобы дорога была въ благоустроенномъ видѣ, то „невниманіе со стороны мѣстной власти къ исправленію дороги есть нарушеніе контракта по содержанію вольныхъ почтъ со стороны самаго правительства, нарушеніе, разоряющее его“¹).

Какъ доказательство дурнаго состоянія тракта Михайловъ представилъ донесеніе писаря Косулинской станціи, который говоритъ: „дорога (отъ Екатеринбургa до Косулиной) находится въ прежнемъ изуродованномъ видѣ и къ поправкѣ оной приступлено вовсе не было.... проѣздъ совершенно стѣсненъ наваленными на дорогу большими камнями“.... отъ этихъ камней и выбрасываемаго изъ канавъ на дорогу мусора „образовались бугры“, которые и объѣхать негдѣ,—словомъ, вся дорога находится „въ самомъ дурномъ положеніи“²).

Это заявленіе писаря подтвердилось слѣдствіемъ, которое производилъ, по порученію военнаго губернатора, адъютантъ его Амосовъ.

28-го августа, въ предписаніи Амосову, губернаторъ изъясняетъ, что при проѣздѣ своемъ по тракту усмотрѣлъ, „что онъ вовсе не исправляется и находится въ самомъ дурномъ состояніи“³).

19-го августа 1863 года главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ увѣдомлялъ военнаго губернатора, что завѣдующій вольными почтами дѣйствительный статскій совѣтникъ фонъ-Гаузенъ, осматривавшій трактъ, нашелъ его въ такомъ состояніи, что „должно ожидать совершеннаго прекращенія почтоваго сообщенія въ Красноуфимскомъ и Екатеринбургскомъ уѣздахъ, такъ какъ участки дороги бывшихъ работниковъ горнаго вѣдомства въ нынѣшнее лѣто не починались ими“⁴).

3 октября 1863 года фонъ-Гаузенъ сообщаетъ губернатору⁵): отъ Бисертской до Кленовской станціи дорога „въ весьма дурномъ состояніи, безъ всякаго исключенія и еще отъ весенней грязи представляетъ видъ весьма

¹) Дѣло № 7, стр. 163.

²) Тамъ-же, стр. 164.

³) Тамъ-же, стр. 114.

⁴) Дѣло № 17, стр. 274.

⁵) Тамъ-же, стр. 297.

кочковатый.... проѣзжена глубокими колеями, такъ что колеса углубляются по самыя ступицы.... не доѣзжая 5 верстѣ до Кленовской станціи, при встрѣчахъ съ обозами или проѣзжающими, можно сворачивать въ сторону не иначе, какъ тѣ или другую повозку поднимать на вагахъ (жердяхъ), чтобы высвободить ее изъ глубокихъ колеи“; отъ Кленовской до Киргишанской станціи дорога „до такой степени дурна, что почты и проѣзжающіе не могутъ проѣзжать въ часъ болѣе 5 или 6 верстѣ, почему промедляютъ на одномъ перегонѣ отъ 2 до 3-хъ часовъ“; отъ Талицкой станціи до Рѣшотѣ дорога „въ самомъ худомъ состояніи: ломаются экипажи и возбуждается ропотъ проѣзжающихъ... всѣ мосты въ ветхомъ положеніи, на починку коихъ нисколько не обращается вниманія“.

1864 годъ.

Архитекторъ Карвовскій, въ краткомъ описаніи тракта отъ станціи Ачитской до тобольской границы, замѣчаетъ, что „самые дурные участки“ тракта въ Красноуфимскомъ уѣздѣ отъ станціи Бисертской до Кленовской, Киргишанской и границы Екатеринбургскаго уѣзда,—которые „дѣлаются съ каждымъ годомъ все хуже и хуже“, а въ Екатеринбургскомъ—отъ красноуфимской границы до станціи Грбовской, отъ Билимбаевскаго завода и Талицы до станціи Рѣшотѣ и отъ Екатеринбурга до станціи Косулинской. Въ Камышловскомъ уѣздѣ трубы и мосты „далеко еще не исправны“; мосты Обуховскій и Горбуновскій столь ветхи, „что со дня на день можно ожидать какого-нибудь несчастія“ 1).

1865 годъ.

16 апрѣля губернская почтовая контора сообщаетъ губернатору, что между станціями Янычевской и Кыласовской „трубы и мосты разрушились, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по срединѣ дороги образовались провалы, шириною въ аршинъ и длиною на $\frac{1}{2}$ сажени, отчего не только ночью, но и днемъ весьма трудно проѣхать эти мѣста“ 2). 7-го мая она-же увѣдомляетъ, что между станц. Билим-

1) Дѣло № 17, стр. 370—372. За 1864 г. дѣль о содержаніи Сибирскаго тракта не отыскано, вѣроятно, онѣ утратились также какъ и за 1866—1868 годы.

2) Дѣло № 3, стр. 16.

баевской и Талицкой „дорога до того испорчена, что не только повозки съ почтами, но и лошади вязнуть, и ямщики по нѣсколько часовъ вытаскиваютъ ихъ веревками; кромѣ того на помянутомъ протяженіи многіе мосты совершенно негодны“¹⁾.

17 сентября начальникъ артиллеріи Западной Сибири генераль-маіоръ Семеновъ, дорогу отъ тобольской границы до станц. Марковой называетъ просто „адскою“²⁾.

Управляющій главною конторою вольныхъ почтъ въ Перми, въ донесеніи своемъ губернской почтовой конторѣ о неисправности дороги, заявляетъ о „жалобахъ проѣзжающихъ“ и „неотступномъ требованіи ими жалобной книги для записки жалобъ на дорогу, но этого всѣми мѣрами не допускается, на томъ основаніи, что жалобная книга установлена не для жалобъ на дорогу, но единственно на неисправность по станціямъ“³⁾.

1869 годъ⁴⁾.

24-го апрѣля проѣзжавшимъ по тракту поручикомъ корпуса горныхъ инженеровъ Сушковымъ сдѣлана на билетѣ вольныхъ почтъ слѣдующая надпись: „Я ѣхалъ отъ Ключевской станціи до Сабарской 6¹/₄ часовъ; просидѣлъ на Суксунской горѣ болѣе трехъ часовъ. Дорожный подрядчикъ не потрудился ударить лопатой по дорогѣ. Я ѣхалъ одинъ, на тройкѣ, багажу было до 4 пуд., экипажъ вольныхъ почтъ, слѣдовательно грузъ былъ легкій. Сколько ямщикъ ни бился, но долженъ былъ съѣздить въ Суксунское село и достать чрезъ волостное правленіе трехъ мужиковъ и три лошади; на шестеркѣ лошадей, при помощи мужиковъ, съ трудомъ переѣхалъ гору“⁵⁾.

21 мая управляющій почтовою частію доводитъ до свѣдѣнія губернатора о дурномъ состояніи дороги отъ станціи Сабарской до Ключевской и Бушуевской⁶⁾, заявляя, что „въ одномъ мѣстѣ среди дороги навалена куча бутоваго камня, мѣшающая проѣзду, а по близости на-

¹⁾ Дѣло № 3, стр. 30.

²⁾ Тамъ-же, стр. 41.

³⁾ Тамъ-же, стр. 63.

⁴⁾ Дѣло о исправленіи дорогъ за 1866, 1867 и 1868 г.г. не найдено.

⁵⁾ Дѣло № 25, стр. 15.

⁶⁾ Тамъ-же, стр. 20.

ходятся незасыпанныя камнем выбоины, въ которыхъ происходятъ навалы и поломки экипажей“.

Инспекторъ Нижегородско-Тюменскаго пересыльнаго тракта, въ рапортѣ своемъ губернатору отъ 22 мая ¹⁾, сообщаетъ: отъ Перми до Кунгура „дорога плоха“, въ Янычахъ „до того дурна, что едва возможно проѣхать“; отъ станціи Бушуевской до Суксунскаго села „въ весьма дурномъ состояніи“, а на самой Суксунской горѣ „трактъ даже опасенъ“; по Красноуфимскому уѣзду дорога „рѣшительно въ безобразномъ состояніи, вся въ ямахъ, рытвинахъ, безъ канавъ, и единственная колея идетъ зигзагами, такъ что только увеличивается разстояніе и мученіе проѣзжающихъ“... „къ исправленію дороги не видно нигдѣ никакихъ мѣръ“; въ доказательство дурнаго ея состоянія инспекторъ приводитъ: а) несчастный случай, бывший на станціи Киргишанской — смерть беременной жены арестанта, которая будучи отправлена съ Ачитской станціи совершенно здоровою, по прибытіи въ Киргишанъ и снятія ея съ повозки, умерла и б) документы о томъ, что ни одна арестантская партія изъ Ачита въ Киргишанъ не прибыла въ срокъ, не смотря на то, что партіи должны слѣдовать только по 8 верстѣ въ часъ. По Екатеринбургскому уѣзду „дорога также очень плоха“.

Въ рапортахъ отъ 11 и 30 іюля ²⁾, инспекторъ по пересылкѣ арестантовъ заявляетъ о дурномъ состояніи дороги отъ станціи Ачитской до Гробовской и Киргишанской, предупреждая, что отъ промедленія арестантскихъ партій на этихъ перегонахъ „неминуемо пріостановится движеніе партій на всемъ трактѣ отъ Перми до Тюмени“.

Красноуфимскій и екатеринбургскій уѣздные исправники подтверждаютъ это, донося губернатору, что въ завѣдуемыхъ ими уѣздахъ, весною трактъ находился въ „худомъ состояніи“... „въ самомъ дурномъ и разстроеномъ положеніи“ ³⁾.

Наконецъ *контрагентъ по сухопутной перевозкѣ арестантовъ купецъ Михайловъ*, отъ 7 мая 1869 года заявляетъ инспектору Нижегородско-Тюменскаго ссыльнаго тракта о состояніи этого тракта въ слѣдующихъ выраженіяхъ: отъ Перми до Кунгура „дорога не удовлетвори-

¹⁾ Дѣло № 25, стр. 41—42.

²⁾ Тамъ-же, стр. 49 и 68.

³⁾ Тамъ-же, стр. 60 и 63.

тельна“, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „вся площадь дороги представляетъ сплошныя кочки, ямы и рытвины“... „единственная накатанная колея идетъ такъ близко къ канавѣ, что при малѣйшей неосторожности экипажъ можетъ свалиться въ канаву“. Отъ Кунгура до станціи Бушуевской дорога въ положеніи сноскомъ „если можно такъ назвать единственную накатанную экипажами колею“. Отъ Бушуевской станціи до Суксунскаго села дорога „въ положеніи крайне худомъ“, а по Суксунской горѣ, кромѣ того, „даже и опасномъ для проѣзда“. Отъ Суксунской горы до станціи Ключевской дорога хороша. Въ Красноуфимскомъ уѣздѣ весь трактъ „какъ въ минувшее лѣто, такъ и въ нынѣшнемъ году, въ положеніи *до того дурномъ*, что если описывать *все безобразное состояніе* дороги подробно, то оно можетъ показаться баснословно-невѣроятнымъ. Вѣрить можетъ только тотъ, кто ѣхалъ, видѣлъ и вынесъ свойство красноуфимскихъ дорогъ на собственныхъ бокахъ, подобно тому какъ ваше высокоблагородіе (т. е. инспекторъ тракта) изволили испытать лично сами. *Дороги вообще дурны по линіи всего Красноуфимскаго уѣзда, но между станціями Киргизанской и Грбовской — верхъ всякаго безобразія*: все полотно дороги въ ямахъ, рытвинахъ и глубокихъ колеяхъ“; „къ исправленію дорогъ не принято никакихъ мѣръ: есть только на протяженіи 7 верстъ по бокамъ дороги кой-какія кучки сору“. Дорога по Екатеринбургскому уѣзду „отъ прежней бездѣйственности дурна повсюду, во многихъ мѣстахъ сходна съ красноуфимскою“.

Въ этомъ-же смыслѣ, почти въ тѣхъ-же выраженіяхъ, *Михайловъ* подалъ 4 іюля 1869 года докладную записку въ почтовый департаментъ, и какъ въ той, такъ и въ другой бумагахъ высказываетъ о переносимыхъ имъ убыткахъ и спѣшитъ заявить, что слагаетъ съ себя отвѣтственность, въ случаѣ неисправности движенія арестантскихъ партій *).

Вотъ въ какомъ видѣ представляютъ дѣйствительное состояніе Сибирскаго тракта въ періодъ 1860—1869 годовъ дѣла бывшаго о земскихъ повинностяхъ присутствія вообще *и заключающіяся въ нихъ заявленія и жалобы г. Михайлова* въ частности.

*) Дѣло № 25, стр. 43, 44, 53 и 54.

Причины порчи тракта.

Въ 1870 году, когда вводились земскія учрежденія, но земскія смѣты еще не дѣйствовали, былъ командированъ г. пермскимъ губернаторомъ Струве губернской инженеръ Ревковскій, для осмотра Сибирскаго тракта. Исполнивъ въ теченіи іюня мѣсяца порученіе, г. Ревковскій, въ донесеніи своемъ г. губернатору, сообщенномъ губернской управѣ, изображаетъ трактъ въ весьма дурномъ состояніи.

Бывшій профессоръ высшей математики, г. Ревковскій впослѣдствіи много лѣтъ участвовалъ въ постройкѣ шоссеиныхъ дорогъ на Кавказѣ, и потому считаемъ умѣстнымъ привести слова, которыми онъ заключаетъ свое донесеніе губернатору по поводу осмотра Сибирскаго тракта: „безъ средствъ—говоритъ онъ—нельзя и думать объ устройствѣ искусственной шоссеиной дороги; можно только поддерживать существующія грунтовыя дороги, пока онѣ, отъ усиленнаго проѣзда, не вызовутъ необходимости искусственной дороги. Во многихъ мѣстахъ замѣчено, что *отличная грунтовая дорога при маломъ проѣздѣ, дѣлалась совершенно негодными, когда проѣздъ по нимъ увеличивался.* Въ такомъ именно положеніи находятся *все дороги Пермской губерніи*, которыя прежде славились по всей Россіи, *нынѣ же требуютъ большихъ средствъ на свое содержаніе и вызываютъ необходимость устройства шоссеиныхъ дорогъ*, хотя-бы по главнымъ трактамъ губерніи“. (Архивное дѣло губернской управы № 222).

Причины, которыя довели трактъ до плачевнаго состоянія ко времени открытія земскихъ учреждений въ губерніи, независимо отъ усиленія движенія, заключаются еще, какъ видно изъ оффиціальныхъ документовъ, или въ полной бездѣятельности тѣхъ учреждений, на обязанности которыхъ лежало его исправленіе; или въ непроизводительныхъ затратахъ народнаго труда и денегъ, хотя размѣры такихъ затратъ во многихъ случаяхъ были громадны: стоитъ только припомнить, что по Екатеринбургскому, на примѣръ, уѣзду, подводная и дорожная повинности, въ сущности натуральныя, но въ дѣйствительности отбывавшіяся на деньги, въ 1869 году, по исчисленію бывшаго предсѣдателя екатеринбургской управы г. Севастьянова, пали въ размѣрѣ около 5 руб.

на каждую ревизскую душу. Изъ документовъ, свидѣтельствующихъ о порядкахъ, при которыхъ совершалось исправленіе тракта въ до-земскія времена, видно слѣдующее:

Росписаніе дорожныхъ участковъ, дѣйствовавшее до 1862, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ до 1864 года, было то самое, которое составлено еще въ 1798 году, при первоначальномъ устройствѣ дорогъ въ губерніи. Въ 1851 г. было приступлено, вслѣдствіе распоряженій главноуправляющаго путями сообщенія, отъ 11 января и 12 февраля того-же года, къ составленію новаго дорожнаго росписанія, сообразно съ IX народною переписью; но прежде чѣмъ составленіе этого росписанія было окончено, въ 1859 году послѣдовала X народная перепись, и поэтому, въ видахъ наибольшей уравнительности въ распредѣленіи дорожной повинности, въ 1860 году было приступлено къ составленію новаго дорожнаго росписанія. Реформа 19 февраля 1861 г., вызвавшая нѣкоторыя коренныя измѣненія въ отправленіи земскихъ повинностей горно-заводскими мастерскими и горными заводами, снова отдала окончаніе дѣла дорожныхъ росписаній, которыя, наконецъ повсемѣстно были составлены только въ 1864 г.

По одной этой исторіи составленія дорожныхъ росписаній, продолжавшагося 13 лѣтъ, можно судить о порядкѣ, который господствовалъ въ это время при исправленіи дорогъ въ губерніи. Когда, въ 1861 г., вслѣдствіе заявленія губернатора, что „дороги въ Пермской губерніи повсемѣстно въ такомъ дурномъ положеніи, что не безопасны даже для ѣзды по нимъ“, было предложено уѣзднымъ дорожнымъ комиссіямъ объяснить причины разстройства дорогъ и указать виновныхъ, уклоняющихся отъ исправленія ихъ, то оказалось, что дороги плохи, вообще, отъ дождей, глубокихъ снѣговъ и прочихъ климатическихъ и другихъ условій; если-же нѣкоторые участки не были исправляемы вовсе въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, то это произошло вслѣдствіе путаницы въ дорожныхъ росписаніяхъ.

Затѣмъ, ко всему этому присоединились пререканія палаты государственныхъ имуществъ съ уѣздными дорожными комиссіями о томъ, кому принадлежитъ по закону право наблюденія и распоряженія за исправленіемъ дорогъ въ участкахъ государственныхъ крестьянъ, гдѣ

дорожная повинность отбывалась сельскими обществами на денежный сборъ. Сборъ этотъ расходовался первоначально палатою государственныхъ имуществъ, безъ всякихъ съ чьей-бы то ни было стороны препятствій, до тѣхъ поръ, пока дорожныя комиссіи не нашли болѣе цѣлесообразнымъ принять исправленіе этихъ участковъ, также какъ и всѣхъ другихъ, въ свое вѣдѣніе. Палата государственныхъ имуществъ съ успѣхомъ отстаивала свое право и нѣкоторое время еще продолжала распоряжаться исправленіемъ участковъ государственныхъ крестьянъ, такъ какъ деньги находились у нея въ рукахъ, пока не вмѣшалась губернская дорожная и строительная комиссія и не рѣшила этого вопроса въ 1862²/₃ годахъ въ пользу уѣздныхъ дорожныхъ комиссій.

Но такъ какъ, наконецъ, дурное состояніе дорогъ въ Пермской губерніи достигло крайней степени и Сибирскій трактъ, какъ выражено, напримѣръ, въ отзывѣ завѣдывавшаго вольными почтами г. фонъ-Гаузена „разбитъ и проѣзженъ колеями такъ, что колеса углубляются по самыя ступицы, отчего и проѣздъ доступенъ только съ сопряженіемъ большихъ трудовъ, траты времени и полома экипажей; на Кленовской станціи при встрѣчахъ съ обозами или проѣзжающими, можно сворачивать въ сторону не иначе, какъ ту или другую повозку поднимать на вагахъ (жердахъ), чтобы освободить ее изъ глубокихъ колеѣ“, то губернскимъ начальствомъ были предположены самыя настоятельныя мѣры къ исправленію сказаннаго тракта. Сдѣланныя архитекторомъ Карвовскимъ замѣчанія и указанія объ исправленіи тракта препровождены въ уѣздныя дорожныя комиссіи, которымъ предписано немедленно приступить къ исправленію тракта, подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности въ случаѣ неисполненія. И дѣйствительно, мѣры къ исправленію тракта весною-же 1863 года были приняты. Хотя изъ свѣдѣній, заключающихся въ дѣлахъ бывшей губернской дорожной и строительной комиссіи*), нельзя видѣть всѣхъ безъ исключенія мѣропріятій, употребившихся къ исправленію Сибирскаго тракта на

*) Вообще всѣ свѣдѣнія о положеніи за прежнее время Сибирскаго тракта и о дѣятельности администраціи по его исправленію извлечены изъ помянутыхъ выше дѣлъ, хранящихся въ архивѣ губернскаго правленія, за №№ 17 и 39.

всемъ его протяженіи; но изъ нѣкоторыхъ данныхъ, имѣющихся въ помянутыхъ дѣлахъ, видно, что мѣстами начальство, завѣдывавшее его исправленіемъ, дѣйствовало въ 1863 году довольно энергично.

Не смотря на это, архитекторъ Карвовскій, обозрѣвавшій трактъ осенью 1864 года, донесъ губернской дорожной и строительной комиссіи, что сказанный трактъ *„не можетъ быть вполне исправленъ, и при томъ одинаково на всемъ протяженіи, что обуславливается громаднымъ и постояннымъ торговымъ по нему движеніемъ, а также неблагоприятными почвенными и другими условіями мѣстностей“*, по которымъ трактъ пролегаетъ⁴.

Такимъ образомъ и дѣятельность администраціи, проявившаяся было въ 1863 году по исправленію тракта, не привела къ желаемымъ результатамъ.

Между тѣмъ, въ 1865 году, вслѣдствіе преобразованія строительныхъ комиссій, дѣло исправленія дорогъ перешло въ вѣдѣніе особыхъ о земскихъ повинностяхъ присутствій, впредь до введенія въ губерніи земскихъ учреждений. *Съ этою времени исправленіе дорогъ, можно сказать, почти совершенно прекратилось и было предоставлено полному усмотрѣнію уездныхъ исправниковъ и самихъ обывателей.* Въ теченіи этого времени, до 1870 г., по тракту не былъ даже ни разу командированъ техникъ и почти нѣтъ никакихъ письменныхъ документовъ, которые-бы свидѣтельствовали о какихъ-либо мѣрахъ для исправленія Сибирскаго тракта, за исключеніемъ незначительнаго числа постройки и ремонта дорожныхъ сооружений. Очень естественно, что ко времени передачи дорогъ въ вѣдѣніе земскихъ учреждений, т. е. къ концу 1870 года, Сибирскій трактъ былъ дѣйствительно въ томъ положеніи, какое описано въ жалобахъ, занесенныхъ проѣзжающими въ почтовыхъ станціонныя книги, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1870 года: *„полотно дороги изрыто колеями и выбоинами; какого-либо профиля дороги нѣтъ и слѣдовъ, боковыя канавы прорыты безъ всякаго соображенія съ положеніемъ мѣстности, слѣдуя за всѣми ея повышеніями и пониженіями, и при томъ иногда, какъ напримѣръ въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ, глубиною болѣе аршина, что не только не способствовало сохраненію полотна дороги, а, напротивъ, образуя отъ дождей глубокія ложбины, подмывало и разрушало его“*. Половина дорожныхъ сооружений на

трактъ требовала неотложной постройки вновь и ремонта, а другая половина могла существовать не болѣе 2—3 лѣтъ, потому что, *въ теченіи послѣднихъ лѣтъ предъ передачей дорогъ въ завѣдываніе земства, сметы уѣздныхъ дорожныхъ комиссій на лѣсные матеріалы утверждаемы по чему-то не были, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, какъ напримѣръ, въ Красноуфимскомъ, постройки дорожныхъ сооружений, въ теченіи 7—8 послѣднихъ лѣтъ, до 1870 года, не производилось вовсе.*

Состояніе тракта во время завѣдыванія уѣздными земствами.

Взглянемъ теперь на положеніе тракта въ теченіи трехлѣтія 1871—1873 годовъ, когда онъ находился въ завѣдываніи уѣздныхъ управъ.

Въ 1871 году, осмотрѣвъ трактъ въ лучшей его части, между Пермью и Кунгуромъ, я сообщилъ г. губернатору слѣдующее: „жалобы на дурное состояніе Сибирскаго тракта слышатся давно, но съ поступленіемъ его въ вѣдѣніе земства, онѣ стали чаще и настойчивѣе. Положеніе дѣла показываетъ, что земство нисколько не виновато въ дурномъ состояніи тракта. *Заброшенный въ продолженіи десяти лѣтъ, именно въ тотъ періодъ, когда пассажирское и товарное движеніе, съ развитіемъ на Камѣ пароходства и образованіемъ въ Перми главной пристани, усилилось въ огромной пропорціи, трактъ этотъ потерпѣлъ столь капитальныя поврежденія, что при всей энергіи, настойчивости и большихъ денежныхъ затратахъ со стороны земства, нѣтъ возможности привести его въ удовлетворительное состояніе *ранѣе трехъ—четырехъ лѣтъ*“.*

Въ 1872 году (въ 1871 году уѣздными земствами израсходовано на содержаніе Сибирскаго тракта всего 36,281 руб. 15 коп.), проѣзжавшій по Сибирскому тракту президентъ И. К. Географическаго общества въ Вѣнѣ, профессоръ Гохштеттеръ, въ сообщеніи о своей поѣздкѣ на съѣздѣ естествоиспытателей въ Берлинѣ, 28 апрѣля 1873 года, описавъ неудобства, испытанныя имъ при проѣздѣ по тракту, говорить въ заключеніе слѣдующее:

„Это состояніе тракта становится понятнымъ, когда увидишь *необыкновенное сообщеніе по нему и услышишь, что въ послѣдніе годы (т. е. до введенія земскихъ учрежденій) для поддержанія его не дѣлалось почти ничего.* Я

не полѣнился считать число повозокъ съ грузомъ, которыя мы встрѣчали во время нашего четырехдневнаго переѣзда изъ Екатеринбургa въ Пермь (нужно замѣтить— *повозокъ*, по русскому обычаю, т. е. одноконныхъ маленькихъ четырехколесныхъ телѣгъ, съ кладью около 20—25 пудовъ, идущихъ караванами по 50—60 штукъ, одна за другой, *по одной и той-же глубоко напъзженной колѣ*). Я насчиталъ 3,568 телѣгъ; сколько еще я ихъ проспалъ—не знаю. Эта цифра даетъ уже около 10 телѣгъ на каждую версту или километръ, а кромѣ того мы встрѣтили сотни экипажей съ пассажирами (т. е. русскихъ дорожныхъ повозокъ, такъ называемыхъ *тарантасовъ*); на нѣкоторыхъ станціяхъ мы находили 10—12 экипажей, ожидающихъ перепряжки лошадей и до 30 транспортовъ съ арестантами, слѣдующими въ Сибирь. Послѣ этого нельзя удивляться, что мы нашли этотъ трактъ, *по которому совершается столь громадное движеніе*, въ дѣйствительно ужасномъ положеніи, если онъ, *десять лѣтъ тому назадъ*, какъ намъ говорили, и былъ еще хорошъ¹⁾.

Въ 1873 году, въ виду предположенія перевести содержаніе Сибирскаго тракта изъ разряда уѣздныхъ повинностей на губернской сборъ, губернская управа пригласила инженера путей сообщенія Домбровскаго, который, сдѣлавъ въ теченіи лѣта нивелировку тракта на пространствѣ отъ Перми до границы Камышловскаго уѣзда, составилъ проектъ и смѣты на его исправленіе.

Въ запискѣ, представленной губернскому собранію, г. Домбровскій говоритъ слѣдующее:

„Не смотря на близкое осуществленіе Уральской желѣзной дороги отъ Перми до Екатеринбургa, что со временемъ измѣнитъ значительно условія, въ которыхъ находится теперь Сибирскій трактъ, я все-таки остаюсь при всемъ высказанномъ мною въ запискѣ, представленной въ губернскую управу въ іюнѣ сего года, т. е. при мысли *о необходимости устроить шоссе* и измѣнить направленіе тракта, такъ какъ онъ, потерявъ значеніе транзитнаго пути, все-таки останется важнымъ путемъ сообщенія для губерніи. *Капитальной-же перестройки тракта* ²⁾, по старому направленію, на что я составляю

¹⁾ „Ueber den Ural“. Berlin, 1873, стр. 47—59.

²⁾ Каковая была исполнена въ теченіи 1875—1877 г.г. губернскимъ земствомъ.

проектъ и смѣты, по моему крайнему разумѣнію, дѣлать совершенно не стоитъ, такъ какъ это будетъ требовать большихъ денегъ при сравнительно незначительной пользѣ, тѣмъ болѣе, что *перестройка будетъ продолжаться около трехъ лѣтъ*, т. е. можетъ быть окончена почти къ тому-же сроку, къ которому откроется Уральская желѣзная дорога, и слѣдовательно транзитные грузы не воспользуются перестроеннымъ трактомъ; а между тѣмъ, въ эти три года, самыхъ важныхъ, *вслѣдствіе перестройки, движеніе будетъ стѣснено* *): придется ѣздить по объѣздамъ, устройство и содержаніе которыхъ въ сносномъ состояніи потребуетъ также значительныхъ затратъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже невозможно“.

Трактъ г. Домбровскій нашелъ, какъ видно изъ составленныхъ имъ съ членомъ губернской управы г. Адутовымъ актовъ, почти на всемъ протяженіи, за очень малыми изъятіями, въ очень плохомъ, неудобномъ для проѣзда состояніи“.

Итакъ, въ первые три года существованія земскихъ учрежденій въ губерніи, т. е. въ теченіи всего періода, въ который трактъ былъ содержимъ средствами уѣздныхъ земствъ, онъ не улучшился. Въ этомъ виноваты уѣздныя земства, обыкновенно приписывая имъ или полную бездѣятельность, или бесполезную затрату громаднхъ будто-бы суммъ на исправленіе тракта. Такъ, въ нѣсколькихъ газетныхъ корреспонденціяхъ утверждалось, что въ періодъ 1870—1873 годовъ земства Пермской губерніи затратили на содержаніе тракта *до двухъ миллионовъ рублей!*?

Это совершенно несправедливо. На самомъ дѣлѣ, въ 1870 году трактъ еще не былъ переданъ въ вѣдѣніе земства, да и первыя земскія смѣты дѣйствовали только съ 1871 года. Въ трехлѣтіе-же 1871—1873 годовъ дѣйствительно израсходовано, какъ видно изъ отчетовъ, на содержаніе тракта уѣздными земствами:

Въ 1871 году	36,281 р. 15 к.
„ 1872 „	144,422 „ 51 „
„ 1873 „	128,829 „ 97 „
	<hr/>
	309,533 р. 63 к.

*) Въ 1875 году это и оправдалось на дѣлѣ, давая поводъ къ безчисленнымъ жалобамъ проѣзжающихъ.

Сумма эта распредѣляется между уѣздами, погодно и поверстно, такимъ образомъ:

	Число верстѣ.	Расходъ въ 3 года на уѣздъ.	Въ 1 годъ на версту.
Въ Оханскомъ	83	25,109 р. 67 к.	100 р. 84 к.
„ Пермскомъ	115	84,232 „ 67 „	244 „ 15 „
„ Кунгурскомъ	70	49,093 „ 91 „	233 „ 78 „
„ Красноуфимскомъ .	155	69,404 „ 84 „	223 „ 88 „
„ Екатеринбургскомъ	146	47,922 „ 40 „	164 „ 11 „
„ Камышловскомъ . .	173	33,770 „ 14 „	97 „ 60 „
		<u>742 309,533 р. 63 к.</u>	

Если всю сумму, которую ежегодно каждый уѣздъ могъ употребить на версту тракта, опредѣлить только на заготовленіе каменнаго матеріала, то получимъ слѣдующій выводъ: принимая въ расчетъ существовавшія на каменные матеріалы цѣны, по которымъ была произведена заготовка ихъ въ 1876 и введена въ смѣту 1877 года, т. е., на рѣчной гравій и горный хрящъ—матеріалы, исключительно заготавливавшіеся уѣздными земствами,—найдемъ, что послѣднія могли-бы, на средства, имѣвшіяся въ ихъ распоряженіи, заготовить означенныхъ матеріаловъ, на каждую версту, въ годъ:

Въ Оханскомъ	на 100 р. 84 к.,	по 8 р. 25 к. за саж.,	12 куб. саж.
„ Пермскомъ	„ 244 „ 15 „	„ 6 „ 50 „ „ „	„ 37 ¹ / ₂ „ „
„ Кунгурскомъ	„ 233 „ 78 „ „	„ 7 „ 70 „ „ „	„ 30 ¹ / ₂ „ „
„ Красноуфимскомъ .	„ 233 „ 88 „ „	„ 9 „ 65 „ „ „	„ 23 ¹ / ₄ „ „
„ Екатеринбургскомъ	„ 164 „ 11 „ „	„ 8 „ — „ „ „	„ 20 ¹ / ₂ „ „
„ Камышловскомъ . .	„ 97 „ 60 „ „	„ 10 „ 40 „ „ „	„ 9 ¹ / ₂ „ „

Возможно-ли было такимъ количествомъ матеріала исправить совершенно разрушенное полотно грунтоваго тракта? Но и такого ничтожнаго количества каменнаго матеріала земства не могли заготовлять, ибо на одинъ этотъ предметъ они истратили-бы всѣ, имѣвшіяся въ ихъ распоряженіи, денежныя средства, тогда какъ необходимо было одновременно прокопать хоть какія-нибудь канавы для стока воды, перестраивать за ново многія совершенно сгнившія дорожныя сооруженія, имѣть рабочія руки для текущаго ремонта и т. под.

Такимъ образомъ оказывается, что уѣздныя земства затратили на исправленіе тракта, *въ теченіи трехъ лѣтъ, не два милліона рублей*, о которыхъ съ такою увѣренностію разсказывали газетные корреспонденты, а всего 309,533 руб., т. е. среднимъ числомъ, по 103,177 руб.

въ годъ, или по 139 руб. на каждую версту. Спрашивается, что можно сдѣлать съ такими средствами, даже при самомъ сильномъ желаніи, дѣятельности и умѣнны вести дѣло?

Очевидно, что недостатокъ средствъ былъ главною причиною, почему трактъ не могъ быть приведенъ уѣздными земствами въ удовлетворительное состояніе и перешелъ съ 1874 года въ вѣдѣніе губернскихъ учрежденій въ томъ-же ужасномъ видѣ, въ какомъ онъ былъ сданъ мѣстной администраціею въ 1871 г. уѣзднымъ управамъ*).

Ходатайства губернскаго земства, вызванны состояніемъ тракта.

Невозможность содержать въ исправности Сибирскій трактъ, въ виду того крайне дурнаго состоянія, въ какомъ онъ былъ переданъ въ завѣдываніе земскихъ учрежденій, на средства однихъ только тѣхъ шести уѣздовъ, въ предѣлахъ которыхъ онъ пролегаетъ, была признана земствами сказанныхъ уѣздовъ въ первый-же годъ ихъ существованія. Въ первую-же очередную сессію три изъ собраній этихъ земствъ высказались за необходимость принятія содержанія Сибирскаго тракта на губернский земскій сборъ, а два на государственный; шестое—камышловское просило принять на губернский земскій сборъ содержаніе дорожныхъ сооруженій, исправленіе-же полотна тракта оно считало возможнымъ оставить въ числѣ повинностей уѣздныхъ, потому что въ Камышловскомъ уѣздѣ оно находилось сравнительно въ лучшемъ состояніи, вслѣдствіе твердости грунта. Въ слѣдующую—вторую очередную сессію, пять изъ уѣздныхъ земскихъ собраній снова настоятельно заявили губернскому собранію объ изытаніи содержанія Сибирскаго тракта изъ числа уѣздныхъ повинностей. Второе очередное губернское

*) На сколько велики были въ дѣйствительности нужды тракта и какъ незначительны были средства для его исправленія видно между прочимъ изъ того обстоятельства, что когда екатеринбургское земство рѣшило переложить натуральную дорожную повинность въ денежную, то по смѣтѣ, составленной техникомъ на исправленіе Сибирскаго тракта въ предѣлахъ Екатеринбургскаго уѣзда, было исчислено расходовъ 114,446 р., т. е. по 794 р. на версту; но сообразивъ свои средства, мѣстное собраніе нашло невозможнымъ ассигновать такую сумму и назначило вмѣсто нее всего 17,830 руб., рѣшивъ капитальнаго исправленія тракта не производить, и только поддерживать его, на сколько это окажется возможнымъ.

собрание отказалось отъ принятія содержанія тракта на губернской земской сборъ, потому что на такую мѣру не было получено требуемаго 33 ст. временныхъ для земскихъ учрежденій правилъ согласія болѣе половины уѣздныхъ собраний губернии; но въ то-же время, совершенно раздѣляя заключение вышеозначенныхъ пяти уѣздныхъ собраний о невозможности исправнаго содержанія тракта на средства тѣхъ уѣздовъ, гдѣ онъ пролегаетъ, возбудило предъ правительствомъ ходатайство о перечисленіи означеннаго тракта въ разрядъ государственныхъ путей сообщенія, мотивируя это ходатайство значеніемъ тракта, который служитъ интересамъ не одной губернии, а цѣлаго государства, въ качествѣ единственнаго пути между Россіей и Сибирью, а потому, по громадности совершающагося по нему торговаго и пассажирскаго движенія, требуетъ и громадныхъ расходовъ на его исправное содержаніе, превышающихъ посильныя средства земства. Въ отвѣтъ на это ходатайство земства г. министръ внутреннихъ дѣлъ далъ отвѣтъ слѣдующимъ разъясненіемъ: „въ видахъ дѣйствительнаго приведенія Сибирскаго тракта въ удовлетворительное положеніе, *едва-ли не представлялось-бы лучшимъ и, быть можетъ единственнымъ*, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, средствомъ то, чтобы содержаніе онаго было перенесено *съ уѣздной на губернскую земскую повинность*, о чемъ уже и заявило губернское земство, ибо содержація нынѣ этотъ трактъ уѣздныя земства не могутъ соблюсти того единства въ своихъ мѣропріятіяхъ, которое въ этомъ случаѣ столь необходимо, по самому свойству дѣла, не говоря уже объ обременительности для нѣсколькихъ уѣздовъ исполненія лежащей на нихъ повинности. За симъ, принимая въ соображеніе, что по силѣ пункта 1 ст. 62 полож. о зем. учр., распредѣленіе повинностей въ губерніи зависитъ отъ усмотрѣнія губернскаго земства, то для переложенія означенной повинности, отбываемой въ нѣкоторыхъ уѣздахъ натурою, едва-ли могла-бы служить существеннымъ препятствіемъ ст. 33 врем. правилъ для земскихъ учрежденій, ибо статья сія опредѣляетъ извѣстный порядокъ таковаго переложенія лишь въ случаѣ отбыванія какой-либо повинности натурою въ цѣлой губерніи; упомянутый-же трактъ проходитъ лишь по нѣсколькимъ уѣздамъ и изъ сихъ послѣднихъ уже и нынѣ нѣкоторые отбываютъ повин-

ность эту денежнымъ способомъ; и что во всякомъ случаѣ, съ переложениемъ сказанной повинности на губернской сборъ, симъ самымъ, уже по силѣ вещей, отбываніе оной натурою не можетъ имѣть мѣста, если получить удовлетворительное разрѣшеніе вопросъ о такомъ переложеніи, подлежащій прежде всего обсужденію, ибо безъ сего затраты земства на содержаніе дороги, какъ-бы они ни были значительны, едва-ли привели-бы въполнѣ къ цѣли, а между тѣмъ могли-бы поставить правительство въ необходимость обратиться къ *такимъ мѣрамъ для устройства тракта, которыми оно почти еще не пользовалось досель по другимъ губерніямъ*“.

Послѣ этого третье очередное губернское собраніе вновь возбудило ходатайство о принятіи содержанія Сибирскаго тракта на государственный земскій сборъ, или въ случаѣ, если удовлетвореніе такого ходатайства окажется невозможнымъ, объ устройствѣ правительствомъ шоссе по направленію пролегающаго въ предѣлахъ Пермской губерніи Сибирскаго тракта, съ возвратомъ отъ земства затраченной суммы въ теченіи 37 лѣтъ.

Вслѣдствіе этого ходатайства, министръ внутреннихъ дѣлъ высказалъ г. министру финансовъ, что *„въ виду государственнаго значенія Сибирскаго тракта, онъ полагаетъ вполне справедливымъ сложить съ пермскаго земства обязанность по содержанію тракта, служащая къ удовлетворенію правительственныхъ и частныхъ интересовъ всей Европейской Россіи и Сибири и отнести эту обязанность къ разряду повинностей государственныхъ, съ обращеніемъ потребныхъ на исполненіе оной расходовъ на суммы государственнаго земскаго сбора; если-же, почему-либо, не будетъ признано возможнымъ согласиться съ изложеннымъ предположеніемъ, то въ виду невозможности надѣяться на исправленіе въ скоромъ времени означеннаго тракта, требующаго капитальной перестройки средствами земства, и бесполезности починки онаго обыкновеннымъ способомъ, единственнымъ и лучшимъ исходомъ изъ настоящаго затрудненія по приведенію Сибирскаго тракта въ совершенно удобное для проѣзда состояніе, представляется *шоссированіе* тракта на счетъ казны, съ возвратомъ имѣющаго быть затраченнымъ на это капитала изъ суммъ земства, въ теченіи 37 лѣтъ*“.

Въ отвѣтъ на это, г. министръ финансовъ говорить: „*Не отвергая настоящаго значенія Сибирскаго тракта, я не могу однако не замѣтить, что въ виду предполагаемаго въ непродолжительномъ времени устройства желѣзной дороги отъ Перми до Екатеринбургa, было-бы крайне не расчетливо употреблять значительныя суммы на шоширование означеннаго тракта*“. За симъ г. министръ финансовъ полагалъ: „Содержаніе въ исправности Сибирскаго тракта оставить на прежнемъ основаніи, т. е. на обязанности земства Пермской губерніи, и если земство не приметъ зависящихъ отъ него мѣръ къ приведенію этого тракта въ прежнее удовлетворительное состояніе, то не останется ничего болѣе, какъ исправить дорогу путемъ, указаннымъ въ 10 ст. полож. о земскихъ учрежденіяхъ“.

Г. министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ мѣстному начальству о такомъ заключеніи министра финансовъ въ іюлѣ 1873 г., а предложеніемъ отъ 4 ноября того-же года разрѣшилъ пермскому губернатору, въ случаѣ надобности *примѣнить къ исправленію тракта ст. 10 полож. о зем. учр.* На основаніи этого разрѣшенія, г. пермскій губернаторъ, отъ 20 ноября, предъявилъ уѣзднымъ управамъ, въ вѣдѣніи которыхъ трактъ находился, *требованіе о заготовкѣ для исправленія тракта, въ теченіи зимы 1873—1874 г., по 60 куб. саж. на каждую версту хряща или гравія*, что составило-бы, считая стоимость хряща среднимъ числомъ только по 8 руб. за сажень, расходъ въ 356,000 руб. на одну заготовку каменнаго матеріала, кромѣ всѣхъ другихъ работъ, на пространствѣ 742 вер. между границами Вятской и Тобольской губерній. Откуда было взять такую сумму уѣзднымъ земствамъ, смѣты которыхъ, только что утвержденныхъ г. губернаторомъ, заключали въ себѣ сравнительно ничтожныя средства, ассигнованныя уѣздными собраніями въ распоряженіе управъ на текущій ремонтъ тракта?

Вотъ въ какомъ положеніи былъ вопросъ, который предстояло внести на разсмотрѣніе IV очереднаго губернскаго собранія.

Губернское собраніе, имѣя въ виду, съ одной стороны, настойчивыя требованія правительства объ исправленіи тракта, а съ другой—положительную невозможность для уѣздныхъ земствъ, въ предѣлахъ которыхъ онъ пролегаетъ, исполнить требованія правительства, поста-

новило принять, *въ видѣ временной мѣры*, впредь до открытія Уральской желѣзной дороги, съ 1874 года, содержаніе тракта на губернской сборъ и въ виду обременительности издержекъ на его содержаніе для средствъ одной губерніи, ходатайствовать предъ правительствомъ объ отпускѣ пермскому губернскому земству субсидіи въ размѣрѣ 200,000 рублей ежегодно, впредь до открытія Уральской желѣзной дороги, а на исправленіе тракта въ 1874 году ассигновало предварительно 239,000 руб., распредѣливъ эту сумму между уѣздами и возложивъ всѣ исполнительныя дѣйствія на подлежащія уѣздныя управы.

Депутация, избранная для ходатайства, изъ среды гласныхъ, представила г.г. министрамъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ записку слѣдующаго содержанія:

„Между всѣми земствами Россіи, пермское занимаетъ первое мѣсто по тяжести отбываемыхъ имъ обязательныхъ повинностей, стоимость которыхъ превышаетъ вдвое и втрое расходы на означенныя повинности въ другихъ губерніяхъ“ *).

„Величина этихъ повинностей въ Пермской губерніи главнѣйшимъ образомъ обуславливается дороговизною отбыванія повинностей *подводной и дорожной*. Послѣднее обстоятельство объясняется громаднымъ пространствомъ губерніи, занимающей 6,046 квадр. миль, при рѣдкомъ населеніи въ 353 жителя на милю, и тѣмъ, что кромѣ многочисленныхъ уѣздныхъ и коммерческихъ трактовъ, содержимыхъ земствомъ, чрезъ губернію пролегаетъ Сибирскій трактъ, имѣющій, отъ границы Вятской до границы Тобольской губерніи, 742 версты протяженія; трактъ этотъ представляетъ *единственный транзитный путь*, служащій для сообщенія Россіи со всею Сибирью и Среднеазиатскими странами; по нему проходитъ болѣе 10 милліоновъ пудовъ различныхъ тяжестей, проѣзжаетъ до 200,000 пассажировъ и перевозится изъ Россіи въ Сибирь до 18,000 арестантовъ въ годъ“.

„Такія условія, во-первыхъ, ставятъ Сибирскій трактъ, по значенію его для Россіи, въ разрядъ государственныхъ путей сообщенія, во вторыхъ, дѣлаютъ невозможнымъ содержаніе его въ исправности въ грунтовомъ видѣ, и

*) См. „Сборникъ Пермскаго земства“ 1872 г., кн. 3, стр. 21—24.

только сознание обязательности этой повинности для земства, вызывало до сих пор со стороны послѣдняго денежные затраты на исправленіе полотна, при всѣхъ усиліяхъ, приносившія мало пользы“.

„Пермское губернское земство, озабочиваясь сокращеніемъ расходовъ на сказанныя двѣ повинности, подводную и дорожную, прибѣгало къ слѣдующимъ мѣрамъ:

а) Въ февралѣ 1872 года вошло съ ходатайствомъ, по принадлежности, о передачѣ ему содержанія вольныхъ почтъ въ Пермской губерніи, при чемъ не только находило возможнымъ почти вовсе отказаться отъ приплаты изъ государственнаго сбора, производимой настоящему содержателю вольныхъ почтъ, купцу Михайлову, въ размѣрѣ 187,000 рублей ежегодно (отъ Казани до Тюмени, Шадринска и Ирбита), но надѣялось, при соединеніи съ вольными почтами отбыванія земской гоньбы, сократить стоимость подводной повинности, по восьми уѣздамъ, по меньшей мѣрѣ на 100,000 рублей въ годъ. Къ крайнему прискорбію пермскаго земства, на ходатайство его не послѣдовало никакого отвѣта, и содержаніе вольныхъ почтъ оставлено за купцомъ Михайловымъ вновь на шесть лѣтъ *).

б) Дважды входило съ ходатайствомъ къ правительству о перечисленіи Сибирскаго тракта въ разрядъ государственныхъ путей сообщенія; но, къ сожалѣнію, оба ходатайства были отклонены“.

„Въ виду вышеизложеннаго, а равно и настойчивыхъ требованій правительства о приведеніи грунтоваго Сибирскаго тракта въ удовлетворительное состояніе, губернское земское собраніе, въ четвертую очередную сессію постановило: а) въ видѣ временной мѣры, принять содержаніе Сибирскаго тракта съ 1874 году на губернской земскій сборъ; б) возобновить ходатайство предъ правительствомъ о перечисленіи Сибирскаго тракта въ разрядъ государственныхъ путей сообщенія; в) ходатайствовать объ ассигнованіи субсидіи пермскому земству на содержаніе тракта въ размѣрѣ 200,000 рублей, съ тѣмъ, что если это ходатайство будетъ уважено, земство, съ своей стороны, готово затрачивать на содержаніе тракта такую-же

*) Съ предоставленіемъ контрагенту субсидіи въ прежнихъ размѣрахъ, почти равняющейся субсидіи, отпущавшейся губернскому земству на содержаніе Сибирскаго тракта.

сумму, впредь до принятія содержанія его на государственный сборъ, или до постройки Уральской желѣзной дороги; г) въ случаѣ, если ходатайство о назначеніи субсидіи будетъ отклонено, заявить правительству, что губернія не въ силахъ выносить громадный налогъ на содержаніе Сибирскаго тракта; д) поручить депутаціи изъ трехъ губернскихъ гласныхъ обстаивать въ Петербургѣ означенныя выше ходатайства; е) обязать управу созвать въ іюнѣ 1874 г. чрезвычайное губернское собраніе, которому доложить о результатахъ ходатайствъ, возбужденныхъ земствомъ по вопросу о Сибирскомъ трактѣ“.

„Въ исполненіе означеннаго постановленія губернскаго собранія избранная имъ депутація имѣетъ честь почтительнѣйше представить изложенныя ходатайства и заявленіе пермскаго губернскаго земства на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства“.

Въ разрѣшеніе означенныхъ ходатайствъ, министерство внутреннихъ дѣлъ, отъ 15 іюля 1874 года, за № 6,852, сообщило г. губернатору, что „Государственный Совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министра внутреннихъ дѣлъ и принявъ во вниманіе изложенныя въ ономъ уваженія о безотлагательной необходимости принятія особыхъ мѣръ къ приведенію въ надлежащую исправность Пермско-Тюменскаго тракта въ предѣлахъ Пермской губерніи, а также имѣя въ виду оказавшуюся на опытѣ невозможность исправленія и поддержанія сего тракта въ должномъ порядкѣ средствами одного пермскаго земства, не встрѣтивъ, съ своей стороны, препятствій къ оказанію сему земству, для изясненной надобности и на предположенныхъ министерствами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ основаніяхъ, временно, впредь до открытія Уральской желѣзной дороги, пособія изъ государственнаго земскаго сбора, въ размѣрѣ 200,000 рублей въ годъ, начавъ производство сего пособія съ 1 іюля текущаго года, съ тѣмъ, чтобы отпускъ въ счетъ онаго денегъ не превышалъ той суммы, какая будетъ употребляться на указанный предметъ изъ пермскаго губернскаго земскаго сбора“.

„Вслѣдствіе сего, Государственный Совѣтъ, Высочайше утвержденнымъ 3 іюля сего года, мнѣніемъ положилъ:

1. Отпустить, съ 1 іюля сего 1874 г., изъ государственнаго земскаго сбора, *сто тысячъ рублей*, для пособія

земству Пермской губерніи, на исправленіе и поддержаніе въ должномъ порядкѣ, во второй половинѣ текущаго года, Пермско-Тюменскаго тракта, въ предѣлахъ Пермской губерніи.

2. Производить, съ 1 января 1875 года, изъ того-же источника и на тотъ-же предметъ, на предположенныхъ министерствами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ основаніяхъ, земству Пермской губерніи *по двести тысячъ* рублей въ годъ, впредь до открытія Уральской желѣзной дороги, со внесеніемъ сей суммы въ подлежащія смѣты, и съ тѣмъ, чтобы отпускъ изъ разрѣшаемаго пособия денегъ не превосходилъ той суммы, какаѣ будетъ употребляться ежегодно изъ мѣстнаго губернскаго земскаго сбора въ указанный періодъ времени на исправленіе и поддержаніе въ должномъ порядкѣ сказаннаго тракта“.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ Сибирскій трактъ перешелъ въ вѣдѣніе губернскаго земства.

Субсидія на 1874 годъ въ 100,000 рублей была получена губернскою управою уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ, такъ что найдено было цѣлесообразнѣе употребить ее на заготовку каменныхъ матеріаловъ для исправленія тракта въ 1875 году. Такимъ образомъ дѣятельность уѣздныхъ управъ въ 1874 году ограничилась текущимъ ремонтомъ тракта, на всемъ его протяженіи, на что было ассигновано губернскимъ собраніемъ, какъ, видно было выше, 239,000 рублей.

Трактъ во время завѣдыванія губернскаго земства и причины жалобъ на него въ 1875 и 1876 годахъ.

Въ 1874 году былъ приглашенъ губернскою управою *рекомендованный въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ* инженеръ путей сообщенія г. Немира, который и прибылъ въ Пермь весною того года. Имъ были составлены проекты и смѣты на капитальное исправленіе, или вѣрнѣе сказать, на перестройку за-ново 142 самыхъ дурныхъ верстъ тракта, на устройство дорожныхъ сооруженій и на текущій ремонтъ остальнаго протяженія тракта.

Перестройка помянутыхъ 142 верстъ повлекла за собою то, что было предвидѣно, какъ сказано выше, инженеромъ Домбровскимъ, то есть, большею частію *невозможность проѣзда по тракту во время его исправленія*

и необходимость слѣдованія обозовъ и проѣзжающихъ по объѣзднымъ дорогамъ, содержать которыя въ исправности земство не имѣло средствъ. Къ этому присоединились техническія ошибки: такъ въ смѣту не было введено расхода на засыпку землею футоваго слоя невязаннаго хвороста, который предполагалось настилать подъ каменный слой на большомъ пространствѣ: каменный матеріалъ просыпался сквозь вѣтви хвороста, а хворостъ вылѣзалъ въ верхъ. Каменный щебень былъ разбитъ очень крупными кусками, а на засыпку его сверху не назначено было по смѣтѣ песку вовсе. Понятно, что ѣзда по голой крупной щебенкѣ, даже когда извѣстныя версты были совершенно окончены исправленіемъ и укатаны каткомъ (катки въ тому-же были легки), была неудобна для лошадей, а потому обозы и проѣзжающіе, въ сухую погоду, предпочитали ѣздить стороною, а когда продолжительное ненастье сдѣлало ѣзду стороною весьма тяжелою, то все движеніе обратилось по свѣжему полотну, каменный слой котораго могъ-бы окончательно уплотниться только отъ проѣзда по нему въ сухую погоду. Теперь-же, отъ громаднаго движенія, на него обратившагося во время дождей, онъ проѣзжался колеями. Все это вызывало безчисленное множество жалобъ, которыя не прерывались въ теченіи цѣлаго лѣта и особенно осени 1875 года.

Вслѣдствіе этого была командирована губернскимъ собраніемъ особая коммиссія, для осмотра произведенныхъ лѣтомъ того года работъ, съ участіемъ правительственнаго инспектора тракта г. Петрова. Коммиссія эта, исполнивъ порученіе, представила собранію весьма подробный докладъ, въ которомъ высказала и всѣ, замѣчанныя ею, недостатки. Для разсмотрѣнія ея доклада и замѣчаній, внесенныхъ въ собраніе инспекторомъ г. Петровымъ, была избрана новая коммиссія изъ губернскихъ гласныхъ, которая также представила собранію подробный докладъ, въ заключеніи котораго высказала слѣдующее: „Со стороны губернской управы и дорожнаго комитета, не смотря на ошибки, допущенныя въ смѣтѣ на исправленіе Сибирскаго тракта въ 1875 году и нѣкоторые неудачные техническіе приемы, принятыя инженеромъ при самомъ производствѣ работъ, сдѣлано все возможное по исправленію Сибирскаго тракта въ 1875 г.,

на сколько позволяли ассигнованныя на этотъ предметъ средства въ предѣлахъ смѣтнаго назначенія, къ каковому заключенію комиссія пришла по тщательномъ разсмотрѣніи всѣхъ, относящихся къ дѣлу документовъ, а также по личнымъ объясненіямъ съ членами дорожнаго комитета и двумя инженерами путей сообщенія, которые, по указанію собранія, были приглашены въ засѣданіе комиссіи, какъ специалисты этого дѣла“.

Въ 1876 году, во время завѣдыванія трактомъ вновь приглашеннаго управою инженера путей сообщенія г. Вояковского, весенній ремонтъ, а затѣмъ утолщеніе каменнаго слоя отъ новой присыпки матеріала и, вообще, болѣе рациональныя мѣры и болѣе строгій техническій надзоръ привели трактъ въ значительно лучшее состояніе; жалобъ было несравненно менѣе (только содержатель вольныхъ почтъ купецъ Михайловъ продолжалъ, по привычкѣ, жаловаться на убытки и раззореніе отъ дурнаго будто-бы состоянія дорогъ).

Въ этомъ году былъ командированъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ членъ техническо-строительнаго комитета этого министерства, инженеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ А. И. Штукенбергъ. Осмотрѣвъ трактъ въ августѣ того года, г. Штукенбергъ сообщилъ пермскому губернатору, что онъ „нашелъ трактъ, за нѣкоторыми исключеніями, въ весьма хорошемъ состояніи, чему, конечно, способствовала и благоприятная сухая погода. Также я замѣтилъ—продолжаетъ онъ—что въ текущемъ и прошломъ годахъ произведено весьма много работъ для улучшенія тракта и принятыя для этого способы, по мѣстнымъ условіямъ, правильны и цѣлесообразны, но требуютъ довершенія: такъ напримѣръ, щебяныя россыпи нужно укатать и посыпать негрохленимъ гравіемъ, безъ чего ѣзда по голому щебню, гдѣ онъ крупенъ, очень тряска; тамъ, гдѣ слой щебня и гравія, насыпанные по хворосту, приняли неровную осадку, необходимо пополненіе означенныхъ каменныхъ матеріаловъ и выправка поверхности. Затѣмъ дорога требуетъ продолженія капитальнаго исправленія въ будущемъ году и постоянной дѣятельной поддержки, для чего необходимо на дорогѣ держать постоянныхъ рабочихъ. Технический надзоръ за производствомъ работъ обставленъ, по моему мнѣнію, весьма хорошо“. Въ томъ-же смыслѣ г. Штукенбергъ

представилъ министру внутреннихъ дѣлъ подробный рапортъ, который былъ сообщенъ г. министромъ, чрезъ г. губернатора, губернской управѣ.

Осенью 1876 года, желая знать отзывы о состояніи тракта отъ лицъ, непосредственно имъ заинтересованныхъ, я обращался письменно къ г.г. Каменскимъ, Камчатову, къ довѣренному г. Никитина, г. Соколову, къ г.г. Бахаревымъ, занимающимся специально сухопутною транспортировкою товаровъ и къ другимъ лицамъ, имѣющимъ собственные значительные грузы, прося ихъ высказать свои заключенія о степени удовлетворительности тракта. Всѣ они отвѣтили, что трактъ весьма улучшился и нѣкоторые указывали при этомъ на значительное пониженіе провозной платы, ставя этотъ фактъ въ прямую зависимость отъ улучшенія тракта.

Работы 1877 года, конечно, еще болѣе улучшили трактъ. Со всѣхъ сторонъ слышались отзывы о столь хорошемъ состояніи дороги, въ какомъ ее помнятъ, за прежнее время, только старожилы. Члены комиссіи, избранной VIII чрезвычайнымъ губернскимъ собраніемъ, выѣхавъ по тракту изъ Кунгура въ Екатеринбургъ, телеграфировали въ сентябрѣ мѣсяцѣ губернской управѣ, что, не смотря на ненастье, трактъ удовлетворителенъ и указали только на 7 и 8 версты отъ Шайтанскаго завода къ Вилимбаевскому, на исправленіе которыхъ просили обратить вниманіе.

Осматривавшій трактъ въ концѣ мая и началѣ іюня 1878 года, губернскій инженеръ Карвовскій, на котораго возложена была, по смерти Петрова, инспекція тракта со стороны правительства, въ заключеніи подробнаго описанія, представленнаго губернатору, говоритъ слѣдующее: „На всемъ протяженіи Сибирскаго почтоваго тракта, отъ г. Перми до границы Тобольской губерніи, очевидны значительныя работы, произведенныя въ послѣдніе три или четыре года, а именно: прокопаны почти на всемъ протяженіи тракта съ обѣихъ сторонъ канавы, вмѣсто прежнихъ плоскихъ лотковъ; отъ нихъ во многихъ мѣстахъ сдѣланы въ сторону таковыя-же отводныя, для устраненія застоя воды на трактѣ; полотно дороги, на значительномъ протяженіи, въ низменныхъ мѣстахъ и тамъ, гдѣ оно имѣло почти вогнутую поверхность, значительно поднято жердевою или фашинною настилкою

или-же просто земляными насыпями; затѣмъ, почти всѣ деревянные поперечныя трубы замѣнены и дополнены новыми; многіе мосты перестроены съ самаго основанія; поставлены новыя перила и надолбы и поддержаны верстовыя столбы; однимъ словомъ, дорожныя сооруженія, за небольшими исключеніями, находятся въ должной исправности. Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ поверхность полотна дороги выспланирована, со срѣзкою, а большею частію подъемомъ обочинъ, отъ чего образовалась довольно правильная и удобная для проѣзда поперечная профиль онаго, за исключеніемъ только немногихъ еще мѣстъ, гдѣ остались крутые переходы отъ проѣзжей части къ обочинамъ, но таковыя назначены при нынѣшнемъ ремонтѣ къ передѣлкѣ. Для уничтоженія на трактѣ лужистыхъ мѣсть устроенъ дренажъ изъ фашинь, жердей и камня; но однако и затѣмъ еще встрѣчаются кое-гдѣ топкія мѣста, подлежащія искусственной осушкѣ, каковой въ смѣту ремонта не включено. Наконецъ, для большей прочности полотна дороги, произведена частная, а мѣстами и сплошная насыпка каменнаго матеріала—известковаго, кварцеваго, а частію гранитнаго щебня, горнаго хряща и рѣчнаго гравія разныхъ породъ; тамъ-же, гдѣ вовсе нѣтъ камня, употребляется почти одинъ песокъ, какъ на примѣръ между Камышловомъ и Марковскою станціей до самой границы Тобольской губерніи. Видимое на самомъ дѣлѣ производство столь значительныхъ работъ и вообще правильная система содержанія тракта, въ размѣрахъ опредѣленныхъ для этого средствъ, еще, кромѣ того, оправдываются тѣмъ, что дорога, почти безъ всякаго ремонта, кромѣ отвода весенней воды съ тракта и, по просушкѣ его, выравниванія полотна отъ колеи, сохранилась въ удобномъ для проѣзда состояніи во все продолженіе весны, начавшейся въ нынѣшнемъ году ранѣе обыкновеннаго“.

Принимая въ соображеніе все вышеизложенное и относясь къ дѣлу безпристрастно, нельзя не согласиться, что содержаніе въ исправности грунтоваго Сибирскаго тракта, на протяженіи 742 верстъ, при громадномъ движеніи по нему грузовъ и пассажировъ и при незначительныхъ денежныхъ средствахъ, которыми могло располагать на этотъ предметъ земство—дѣло вовсе не столь легкое, какъ это могло казаться со стороны. Недостаточ-

ность денежных средств, конечно, представляла главнейшее затруднение. Не надобно забывать, что вмѣстѣ съ правительственной субсидіею, пермское губернское земство имѣло всего 500 рублей съ небольшимъ на версту, при чемъ, не ограничиваясь текущимъ ремонтомъ, оно было поставлено въ необходимость, въ періодъ 1875—1877 г.г., заново перестроить значительную, совершенно разрушенную часть тракта. Чтобы показать недостаточность этихъ средствъ, мы можемъ привести въ примѣръ шоссе, устроенное городомъ Пермью: 300 сажень этого шоссе обошлись около 6000 рублей и не смотря на ежегодный ремонтъ, оно было осенью 1877 года изрыто такими глубокими ямами, какихъ на Сибирскомъ трактѣ давно уже не встрѣчалось. Извѣстно также, что городъ Петербургъ, содержащій 20 верстъ шоссеиныхъ дорогъ, расходуетъ (по свѣдѣніямъ семидесятихъ годовъ) ежегодно на одинъ ремонтъ ихъ до 90,000 рублей, т. е. по 4,500 рублей на версту, или въ 9 разъ болѣе, чѣмъ пермское земство могло употреблять на перестройку и ремонтъ своего грунтового Сибирскаго тракта, переданнаго ему отъ прежнихъ учреждений въ состояніи полного разрушенія.

(Пермскія Губ. Вѣдом. 1885 г., №№ 5 и 6; Сборникъ Пермскаго земства 1877 г., стр. 51—78).

Перестройка дороги въ выгонѣ города Перми въ концѣ прошлаго столѣтія.

Въ дѣлахъ городского архива сохранилось нѣсколько документовъ, относящихся къ переустройству Сибирскаго тракта въ предѣлахъ городского выгона. Такъ какъ они весьма интересны въ историческомъ отношеніи, то мы находимъ нелишнимъ ихъ напечатать.

14 апрѣля 1798 года губернаторъ Модерахъ предписываетъ думѣ: „Такъ какъ для измѣренія и раздѣленія дороги на участки въ прошломъ году командированы землемѣры, которые должны исполнить это и въ городскомъ выгонѣ, то предписалъ городничему приступить и думѣ предписывается содѣйствовать къ послѣднейшему усовершенствованію дороги“.

30 апрѣля того-же года оханскій землемѣръ Калининъ требуетъ отъ думы людей. Того-же числа кунгурскій землемѣръ Борисовъ требуетъ отъ думы: „да благоводить она, для измѣренія означенной дороги въ градскомъ

выгонѣ, къ 1 мая нарядить пристойное число рабочихъ людей съ топорами, а для съѣзду его, на основаніи межевой инструкціи, дать одну пару (лошадей), также и кого заблагоразсуждено будетъ къ принятію поставленныхъ знаковъ—командировать непременно къ 1 мая“.

19 мая Модерахъ пишетъ думѣ: „14 мая предписывалъ думѣ, обще съ городничимъ, къ устроенію большой трактовой дороги тотчасъ приступить; но со стороны градской думы и городничаго никакой по сему предмету дѣятельности я не вижу..... и для того побуждаюсь сей градской думѣ наикрѣпчайше подтвердить.... съ полученія сего тотчасъ къ устроенію въ градскомъ выгонѣ дороги, не упущая нынѣшняго благополучнаго и удобнаго времени, приступить самымъ дѣятельнымъ образомъ“.

27 мая, дума, прописавъ въ журналѣ вышеприведенное, говоритъ: „а какъ таковое исправленіе дорогъ и мостовъ, въ сущительную по предписанному наставленію дѣятельность, въ разсужденіи не всегда и каждаго въ здѣшнемъ губернскомъ городѣ жителя пребыванія на мѣстѣ, долженствуетъ произведено быть чрезъ наемъ свободныхъ къ работамъ людей; но градская дума на удовольствіе оныхъ платю, какой коштовать будетъ у себя, опредѣленной суммы не имѣеть; полагаетъ-же что таковое исправленіе“.... по силѣ городского положенія 13 статьи, должно быть удовлетворено изъ поземельнаго сбора, чему городничій препятствуетъ, то и представить о семъ губернатору, и когда тотъ разрѣшитъ, то и руки будутъ. На исполнительной бумагѣ отмѣтка: „не послано“. А 8 іюня градская дума снова „имѣли разсужденіе“ о томъ-же предметѣ и „опредѣлено: Такъ какъ исправленіе касается только выгона, въ дистанціи 5 верстъ, то отрядить отъ сей думы для указанной надобности изъ гласныхъ Петра Грепищева“.... „сколько-же потребно будетъ денегъ, чинить выдачу, согласно означеннаго предложенія отъ 1 іюня сего года, изъ поземельнаго сбора, для чего и имѣють отраженные люди о употребленныхъ деньгахъ подавать въ сію думу рапорты“.... Это постановленіе сообщено губернатору.

1799 года, 27 мая, дума опять имѣли разсужденіе и по справкѣ оказалось:... „1. На постройку по выгону, за градскими по Сибирской дорогѣ воротами, чрезъ ровъ, деревянному мосту потребное число лѣсу, изъ поземель-

наго сбору денегъ, прошедшею зимою приготовлено. 2. И отъ оныхъ-же (денегъ), на пятиверстной по той большой Сибирской дорогѣ дистанціи, сего мая мѣсяца 24 числа, чрезъ данныхъ отъ сей думы 6 человекъ землемѣру Борисову, знаками ограничено. 3. На положеніе общаго градской думы и магистра присутствія о употребленіи сбора поземельныхъ денегъ, отъ 1 числа іюля 1798 года, за № 3944, предложеніемъ*) его превосходительство господинъ гражданскій губернаторъ, и о прочемъ, предписалъ: посаженный сборъ назначенъ къ употребленію на одно только содержаніе полиціи, *построеніе мостовъ и прочихъ городскихъ надобностей*, о чемъ уже и учинено отъ его превосходительства куда слѣдуетъ донесеніе,—а для того разсуждено: къ поправленію изъ приготовленнаго лѣсу чрезъ ровъ мосту вызвать чрезъ градскую полицію желающихъ.... а какъ за онымъ мостомъ достальная въ 5 верстахъ дистанція, сколько извѣстно градской думѣ, лежитъ по ровному мѣсту и большихъ чрезъ оную рововъ и источниковъ нѣтъ, кромѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сырости, и потребно разчистить лѣсъ, то отъ господина городничаго и губернскаго архитектора,—какимъ видомъ оную дорогу, изъ какого матеріала устраивать, отъ его превосходительства имъ показано, равно сколько для того и когда потребно будетъ рабочихъ людей и лошадей, съ какими инструментами, потребовать долженствующія свѣдѣнія, о чемъ къ нимъ и сообщить“.... Расходы-же на это, *согласно съ предложеніемъ его превосходительства отъ 1 числа іюля 1798 г.* производить изъ поземельнаго сбору“.

31 мая Модерахъ извѣщаетъ, что „на употребленіе денегъ изъ поземельнаго сбору для устроенія дороги онъ согласія своего дать не можетъ, поелику долженъ оной сборъ употребляться на содержаніе полиціи, такъ какъ и *прежде* о семъ уже предписано (?), да и дума не имѣетъ власти сама деньгами, на одни полицейскія надобности собираемыми, по своей волѣ распоряжаться, отъ чего впредь и подтврждаю удержаться, а на устроеніе дороги должно изыскать другія средства“.

Въ журналѣ думы 3 іюня 1799 записано:.... „Городничій коллежскій совѣтникъ Смирновъ отъ 1 іюня увѣ-

*) Дѣйствительно такое бы.ю.

домиль, что для исправленія означенной дороги потребно рабочихъ людей, для вырубкы по сторонамъ лѣсу, до 30 человекъ съ топорами, а по окончаніи оной вырубкы, толикое-жъ число съ желѣзными и деревянными лопатами и съ ручными телѣжками, для вырытія канавъ и возвышенія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дороги; касательно-же до виду — какимъ образомъ ее исправить, то здѣшній архитекторъ Васильевъ, по изданнымъ правиламъ, не оставитъ сдѣлать рабочимъ людямъ показаніе“... а такъ какъ губернаторъ не позволяетъ расходовать на устройство дороги производящійся поземельный сборъ, то „для того и разсуждено: по неимѣнію въ завѣдываніи сей думы никакихъ городу закономъ предоставленныхъ въ пользу общества доходовъ и какъ устройство лежащей въ градскомъ выгонѣ трактовой дороги служить и относится къ общей выгодѣ, то градская дума, соображаясь съ силою вышеприведеннаго узаконенія (6 п. 13 ст. гор. пол.), для устройства трактовой дороги, за неудобностію устроить оную личнымъ нарядомъ, въ разсужденіи жительства здѣсь большей части разночинцевъ, полагаетъ наложить къ сбору единовременно, съ каждой квадратной сажени, къ преждепредположенной одной, еще по четверти копѣйки, что и составитъ, по числу нынѣ собираемой въ годъ суммы, до 750 рублей, которые, хотя и неизвѣстно чего все устройство дороги въ пятиверстной отъ города дистанціи стоитъ будетъ; но соображаясь-же съ мѣстоположеніемъ, иногда достаточно быть можетъ. Для взысканія оныхъ, съ приложеніемъ по учиненной домою и оными занимаемой земли квадратнымъ саженымъ, вѣдомости, сообщить въ градскую полицію“.... а губернатору донести, что другихъ источниковъ для покрытія расходовъ на этотъ предметъ дума не имѣетъ.

Модерахъ изъявилъ на предположеніе думы согласіе, но съ тѣмъ, чтобы сборы начать съ 1800 года, ибо тогда будетъ видно, сколько понадобится денегъ, а до тѣхъ поръ разрѣшилъ думѣ позаимствовать потребную сумму изъ имѣющагося у ней поземельнаго сбора.

1800 года февраля 7 дня общая дума разсужденіе имѣли: „такъ какъ 1799 г., съ 7 іюня начались работы и изъ пяти верстъ дороги исправлено всего 350 сажень—разрублено лѣсу и на нихъ по обѣ стороны проведено канавъ и между оными дорога выстлана хворостомъ и за-

сыпана землей⁴—и отъ расходу осталось 581 р. 68 коп., а въ расходъ городской староста употребилъ 279 руб. 35 коп., то на 4½ версты потребна будетъ еще не малая сумма, то просить разрѣшенія наложить на квадратную сажень занимаемой городскими домами земли еще по ¼ копѣйки.

Изъ этого любопытнаго документа видно, что, при перестройкѣ*) Модерахомъ дороги, все полотно сплошь, отъ канавы до канавы (шириною въ 6 сажень), выстилалось хворостомъ, который затѣмъ засыпался землею, а также, что разрубка по сторонамъ дороги лѣсу, прокопка канавъ, выстилка полотна хворостомъ и засыпка послѣдняго землею обогались, на пространствѣ полуверсты, въ 280 рублей. Такимъ образомъ, хотя Сибирскій трактъ перестраивался натурою, но приведенныя цифры могутъ дать приблизительное понятіе о томъ, во что эта натура обошлась мѣстному населенію, жившему вблизи перестроивавшейся дороги и слѣдовательно привлеченному къ отбыванію дорожной повинности. На 742 версты дороги, считая расходъ по 560 рублей на версту, кромѣ каменнаго матеріала, т. е. рѣчнаго гравія и укатки его, и постройки дорожныхъ сооруженій, получаемъ 415,520 рублей. И это еще при грошовой стоимости рабочихъ рукъ въ прежнее время и при даровомъ матеріалѣ. Дорога, по окончательной перестройкѣ, могла обойтись не менѣе 1.500,000 рублей—сумма громадная по прежнему времени и на нынѣшній счетъ представляющая стоимость приблизительно шести милліоновъ рублей.

За то трактъ былъ превосходенъ и до тѣхъ поръ удовлетворялъ своему назначенію, пока усилившееся, съ развитіемъ промышленности и торговли и сношеній Европейской Россіи съ Азіатскою, движеніе по нему, не потребовало шоссированной дороги.

(Пермскія Губ. Вѣд. 1884 г., № 102).

---

*) Дорога на Кунгуръ и Екатеринбургъ существовала еще до Модераха, но въ дурномъ состояніи, что и побудило къ перестройкѣ ея.

ПО ПОВОДУ САМАРСКАГО БѢДСТВІЯ*).

Вдумываясь въ причины положенія, въ которомъ находятся Самарская губернія и часть Оренбургской, вызвавшія такое единодушное сочувствіе всей Россіи, нельзя не согласиться, что постигшее означенныя мѣстности бѣдствіе не есть явленіе случайное. Неурожаи, охватывающіе обширныя пространства, повторяются въ Россіи періодически, и ихъ нельзя приписать исключительно условіямъ континентальнаго характера климата Россіи. Причины ихъ лежатъ глубже, и палліативы, въ видѣ единовременной помощи голодающимъ мѣстностямъ, хотя бы и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, не исключаютъ возможности повторенія такихъ бѣдствій въ будущемъ. Причины эти заключаются въ хищническомъ способѣ нашего народнаго хозяйства. Въ какую-бы область его мы не заглянули—вездѣ видимъ одно и тоже отсутствіе системы и разумнаго расчета, стремленіе извлекать изъ земли, что можно, до тѣхъ поръ, пока не изсякнетъ запасъ ея производительныхъ силъ, для возстановленія которыхъ нужны десятки лѣтъ. Слѣдствіемъ этого являются то въ той, то въ другой мѣстности неурожаи, охватывающія громадныя пространства. Неразлучное съ земледѣліемъ скотоводство находится въ такомъ-же положеніи; крестьянинъ пользуется продуктами и рабочею силою скота, не думая объ устройствѣ помѣщенія, которое укрывало-бы его отъ вредныхъ климатическихъ вліяній, и о доставленіи ему здороваго и въ достаточномъ количествѣ корма; вслѣдствіе этого скотъ предрасполагается къ болѣзнямъ; эпизоотіи истребляютъ его до тѣхъ поръ, пока не остается въ пораженной ими мѣстности „ни копытца“... Лѣса эксплуатируются самымъ варварскимъ образомъ, безъ малѣйшей заботы о ихъ возстановленіи въ будущемъ,—и вотъ, тысячи крестьянскихъ построекъ, крытыхъ соломою, за недостаткомъ лѣса, истребленнаго неразумною эксплуатаціею, горять, поглощая плоды многолѣтней экономіи крестьянина и разоряя въ концѣ его хозяйство. Все это такія народныя бѣдствія, которыя вызываютъ плачь и рыданія и возванія о помощи, на которыя всегда отзывчивъ русскій человѣкъ. Но служатъ-

*) Голода 1874 года.

ли ему эти бѣдствія урокомъ? Вдумывается-ли онъ въ причины ихъ и стремится-ли лучше устроить свои дѣла? Къ сожалѣнію, нѣтъ. Народная пословица совершенно справедливо говоритъ: „пока громъ не грянетъ—крестьянинъ не перекрестится“. Даже внезапно возбужденная опасностію энергія снова оставляетъ русскаго человѣка, какъ только бѣда прошла; онъ снова забываетъ о ней, погружаясь въ обычную апатію, пока новое бѣдствіе, съ удвоенною силою, не падетъ ему, какъ громъ, на голову и не соберетъ на себѣ его мысли, разсѣянные въ будничныхъ близорукихъ интересахъ его жизни.

Бѣдствія Самарской и Оренбургской губерній должны напомнить намъ, что и Пермская губернія не изъята отъ возможности такихъ бѣдствій; что еще недавно прекратились десять лѣтъ продолжавшіеся неурожаи въ зауральскихъ уѣздахъ; что она не избавлена отъ возможности рецидивовъ, и притомъ въ усиленныхъ размѣрахъ; что если неурожаи охватятъ полгуберніи, то нашихъ наличныхъ натуральныхъ запасовъ хлѣба и губернскаго продовольственнаго капитала хватитъ лишь на нѣсколько мѣсяцевъ, а затѣмъ, мы будемъ нуждаться въ такой-же энергической помощи всего Государства, какой требуютъ теперь Самарская и Оренбургская губерніи.

Въ виду этого, пора намъ перестать ссылаться на фатальную случайность бѣдствій, подѣждающихъ въ корнѣ народное благосостояніе; пора воспользоваться живыми уроками, которые уличаютъ насъ въ апатіи и беззаботности о будущемъ и вошіютъ о необходимости разумнѣе и серьезнѣе относиться къ нашему положенію. Земледѣліе въ Пермской губерніи находится на низкомъ уровнѣ развитія, статистическіе выводы изъ цифръ за многіе годы краснорѣчиво свидѣтельствуютъ объ упадкѣ производительности почвы.

Губернская управа, въ силу обязанностей, возложенныхъ на земство, не могла пройти безъ вниманія приведенные факты и сдѣлала послѣднему очередному собранію докладъ о современномъ состояніи сельскаго хозяйства въ Пермской губерніи и о мѣрахъ къ его улучшенію. Къ сожалѣнію, обширный докладъ управы, по недостаточности типографскихъ средствъ, не могъ быть напечатанъ до открытія собранія, которое къ тому-же, на этотъ разъ дѣйствовало въ новомъ составѣ гласныхъ, и

чтеніе обширнаго доклада, само собою разумѣется, не могло не подѣйствовать утомительно на собраніе. Къ числу неблагопріятныхъ условій для исхода доклада надобно отнести и увеличеніе на громадную цифру смѣты обязательныхъ губернскихъ повинностей, въ число которыхъ введено на слѣдующій годъ содержаніе Сибирскаго тракта. Собраніе, отнесясь сочувственно къ основаніямъ доклада, отказало въ ассигнованіи суммы, необходимой, по мнѣнію управы, для изслѣдованія сельскаго хозяйства въ губерніи, чрезъ посредство лица, компетентнаго въ этомъ дѣлѣ. Надобно надѣяться, что уѣздныя управы, на содѣйствіе которыхъ указало собраніе губернской управы, не откажутъ въ сообщеніи ей, по крайней мѣрѣ, тѣхъ свѣдѣній о положеніи дѣла, которыя они могутъ собрать, помимо специалистовъ по части сельскаго хозяйства, каковыхъ въ составѣ ихъ не предполагается. На этомъ, однако-же, не слѣдуетъ останавливаться; изслѣдованіе губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи и принятіе мѣръ къ улучшенію земледѣлія составляютъ настоятельную современную необходимость. Если положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ на земство возложено попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промышленности, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что только однимъ выборнымъ лицамъ отъ массы плательщиковъ земскаго налога, составляющимъ распорядительные и исполнительные органы мѣстнаго самоуправленія, было представлено право заботиться о нуждахъ мѣстнаго населенія. Каждый изъ насъ, къ какому-бы сословію и профессіи не принадлежалъ, долженъ чувствовать себя гражданиномъ своей земли и имѣть право вложить посильную лепту въ сокровищницу народнаго благосостоянія. Кружокъ людей, сочувствующихъ мѣстнымъ интересамъ, свѣдущихъ и дѣятельныхъ, какъ-бы онъ малъ ни былъ, можетъ положить начало дѣлу, которое непременно будетъ поддержано всѣми благомыслящими людьми, какъ только они убѣдятся, что дѣло строится на разумныхъ основаніяхъ и что полагающіе ему начало относятся серьезно къ своей задачѣ. Мы говоримъ о необходимости учрежденія въ Пермѣ общества попеченія объ улучшеніи сельскаго хозяйства въ губерніи и о предупрежденіи неурожавъ. Мысль объ этомъ учрежденіи, высказываемая подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ общихъ заботъ о пособіи голодаю-

щимъ самарцамъ, мы увѣрены, будетъ встрѣчена сочувственно всѣми благомыслящими и серьезными людьми и поддержана, какъ начальникомъ губерніи, постоянно заявлявшимъ губернскому собранію о необходимости мѣропріятій къ улучшенію земледѣлія, такъ и самимъ земствомъ, въ которомъ должны находить сочувственный отзывъ всѣ насущныя мѣстныя нужды, изъ какого-бы слоя общества не раздавался голосъ о нихъ*).

(Сборникъ Пермскаго земства 1874 г., январь—апрѣль, стр. 137—140).

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІЙ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ МѢСТНЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Наркизъ Константиновичъ Чупинъ.

Статскій совѣтникъ Наркизъ Константиновичъ Чупинъ, сынъ горнаго чиновника, родился 4-го февраля 1824 года въ Екатеринбургѣ и учился въ екатеринбургскомъ уѣздномъ училищѣ. Въ 1838 году онъ поступилъ въ третій классъ пермской губернской гимназіи, изъ котораго перешелъ прямо въ пятый, а затѣмъ въ 6 и 7. Въ 1842 году онъ поступилъ въ И. казанскій университетъ, на историко-филологическій факультетъ, гдѣ пре-

---

*) Къ идеѣ учрежденія такого общества отнесся весьма сочувственно бывший пермскій губернаторъ Валеріанъ Александровичъ Енакиевъ; по его предложенію мною составленъ былъ проектъ „Пермскаго Экономическаго общества“, который подписали въ качествѣ учредителей: губернаторъ, д. стат. совѣт. В. А. Енакиевъ, управляющій палатою государственныхъ имуществъ І. Я. Голынецъ, помѣщикъ д. стат. совѣт. В. П. Голубцовъ, предсѣдатель губернской управы К. Я. Пермяковъ, И. П. Дягилевъ, предсѣдатель екатеринбургской земской управы Н. А. Клепининъ, д. стат. совѣт. А. Ф. Поклевскій-Козеллъ, Я. А. Роговъ, купцы М. И. Любимовъ, В. М. Нассоновъ, Ф. К. Каменскій, коммерціи совѣтникъ А. П. Кропачевъ, Н. Г. Стрижовъ и я, бывший предсѣдатель губернской земской управы. Цѣлю общества было поставлено: а) изслѣдованіе состоянія сельскаго хозяйства и содѣйствіе усовершенствованію его въ Пермской губерніи; б) изслѣдованіе кустарныхъ промысловъ и содѣйствіе ихъ усовершенствованію и развитію; в) содѣйствіе улучшенію породъ рогатаго и рабочаго скота и къ прекращенію въ губерніи падежей; г) содѣйствіе распространенію мѣръ къ предупрежденію пожаровъ и къ тушенію ихъ; д) содѣйствіе распространенію кредитныхъ крестьянскихъ учреждений. Уставъ былъ утвержденъ министромъ государственныхъ имуществъ 17-го ноября 1882 года. Къ сожалѣнію, губернаторъ В. А. Енакиевъ скончался и общество не осуществилось.

имущественно занимался славянскими нарѣчіями. Окончивъ курсъ по этому факультету, онъ снова поступилъ на естественно-историческій, а по окончаніи и его—на камеральный. Далѣе въ университетѣ ему дѣлать было нечего; предстояло выбрать карьеру; ему предлагали должность помощника бібліотекаря университета, учителя дѣтей кн. Хованскаго, помощника окружнаго начальника. Не остановившись ни на одномъ изъ этихъ предложеній, онъ поступилъ, послѣ годичнаго колебанія, дѣлопроизводителемъ канцеляріи главнаго начальника Уральскаго хребта, на каковой должности, кромѣ исполненія прямыхъ своихъ обязанностей, занимался разборкою архивныхъ дѣлъ и слѣдилъ за положеніемъ народнаго образованія въ горнозаводскихъ округахъ. Въ 1853 году онъ опредѣленъ инспекторомъ и преподавателемъ Уральского горнаго училища, а въ 1862 году назначенъ управляющимъ этого училища, въ каковой должности и скончался 12 апрѣля 1882 года, въ 2 ч. 20 м. по-полуночи.

Своими трудами по исторіи и географіи Пермскаго края, Наркизъ Константиновичъ приобрѣлъ обширную извѣстность. Ученый въ полномъ смыслѣ слова, горячо любившій свою родину—Пермскую губернію и отдавшій на служеніе ей всецѣло свою жизнь; человекъ, обладавшій громадною памятью, дѣлавшею изъ него „ходячій архивъ“, какъ его называли знакомые, всегда и со всякимъ готовый дѣлиться неизчерпаемымъ запасомъ своихъ знаній; вѣчный затворникъ, зарывшійся въ книги, архивныя дѣла, рукописи, карты и планы,—покойный напоминалъ собою типъ средневѣковаго монаха, въ типинѣ кельи поддерживавшаго свѣточъ знанія, записывавшаго на память грядущихъ поколѣній совершавшіяся событія и преданія о минувшихъ временахъ и распространявшаго въ тщательно снятыхъ копіяхъ плоды долготѣнихъ трудовъ своихъ предшественниковъ и современниковъ.

Лица, знавшія Наркиза Константиновича (а кто его у насъ не зналъ?), любили его кроткій характеръ, его всегда назидательную бесѣду, образную рѣчь, облакавшую въ привлекательныя формы многочисленные; зачастую ему одному извѣстные факты. Къ нему шли безъ всякихъ церемоній русскіе и иностранныя ученые, путешественники, промышленники, администраторы, и просто хорошіе знакомые—и всякій уходилъ отъ него съ запасомъ новыхъ

свѣдѣній и съ пріятнымъ воспоминаніемъ о добродушномъ, словоохотливомъ хозяинѣ, закутанномъ въ поношенную шинель съ свѣтлыми пуговицами горнаго вѣдомства, своеобразно гостепріимномъ, среди бесѣды непремѣнно угостившемъ посѣтителя чайкомъ, водочкою и завалавшимся кускомъ сыра или какой-либо иной свѣди. Покойный—старый холостякъ—въ домашней своей жизни, былъ то, что называютъ оригиналъ *rig sang*. Объ этомъ свидѣтельствовалъ внутренній видъ его квартиры, заваленной горами книгъ и бумагъ, напоминавшей своимъ беспорядкомъ кабинетъ Плюшкина съ его знаменитой кучей, или лавку блаженной памяти книгопродавца Кольчугина, въ Москвѣ, описанную Григоровичемъ, въ его романѣ: „Проселочныя дороги“,—съ тою разницею, что на столахъ, на полу, на полкахъ шкаповъ, присовокуплялись ко всякой мудрости куски минераловъ, сапоги, гравюры, старые чулки, портреты историческихъ лицъ, недоѣденные или даже нетронутые и позабытые за чтеніемъ предметы продовольствія, и т. д. и т. д. Эта обстановка не мѣшала, однако-же, посѣтителю, какъ уже сказано, заимствоваться полезными свѣдѣніями отъ радушнаго хозяина, готоваго со всякимъ дѣлиться своимъ благопріобрѣтеннымъ добромъ, и не въ одной, я думаю, книжкѣ появились эти заимствованія, „возведенныя въ перлъ созданія“, отъ имени какого-либо провинціального или даже столичнаго автора, безъ упоминанія о кладязѣ, изъ котораго онѣ почерпнуты, примѣръ чего увидимъ ниже.

Постоянное затворничество, воздухъ наполненный пылью и испареніями никогда не вычищавшейся квартиры, затканной по угламъ паутиною, никогда или весьма рѣдко открывавшіяся окна; ночныя занятія, неправильное питаніе, ибо покойный никогда не зналъ, что такое завтракъ, обѣдъ или ужинъ, а почувствовавъ голодъ, удовлетворялъ его первою, попавшеюся подъ руку свѣдью, не отрываясь отъ книги или письменной работы—все это губительно дѣйствовало на его здоровье, и лѣтъ шесть—семь до смерти, Наркизь Константиновичъ сталъ замѣтно хирѣть. Къ этому присовокупились въ послѣднее время два событія, имѣвшія рѣшительное вліяніе на его жизнь: переѣздъ на новую квартиру, съ прежней, гдѣ онъ безмятежно прожилъ десятки лѣтъ и отлично зналъ содер-

жимое каждой изъ своихъ многочисленныхъ кучъ, и смерть женщины, которая все-таки, насколько онъ допускалъ, изобихоживала его и къ которой, какъ оказалось, онъ былъ глубоко привязанъ. Горе и сознание беспомощнаго одиночества быстро подорвали и безъ того уже надломленный организмъ и ускорили кончину ученаго труженика. Скончался онъ тихо, спокойно, какъ засыпаетъ младенецъ, какъ кончается человѣкъ, не имѣющій на совѣсти тяжкаго грѣха...

Кончина Наркиза Константиновича, какъ и слѣдовало ожидать, не прошла незамѣченною въ интеллигентномъ мірѣ. Некрологи его появились въ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, въ Екатеринбургской Недѣлѣ, въ Камско-Волжскомъ Словѣ, въ Восточномъ Обзорѣніи, въ Историческомъ Вѣстникѣ, во Всемирной Иллюстраціи. Къ сожалѣнію, авторы означенныхъ некрологовъ (кромѣ помѣщеннаго въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ), при всемъ своемъ желаніи помянуть усопшаго добрымъ словомъ, мало были знакомы съ фактическими данными его *curriculum vitae*, столь необходимаго въ качествѣ біографическаго матеріала, и потому ограничились чисто внѣшними очерками, въ большей части изображавшими покойнаго со стороны его странностей, или сообщили ошибочныя данныя. Это и немудрено. Наркизъ Константиновичъ не любилъ распространяться о несложныхъ событіяхъ своей, такъ сказать, оффиціальной жизни и мнѣ съ большимъ трудомъ, только за нѣсколько мѣсяцевъ до его кончины, удалось записать съ его словъ нѣкоторые факты, напечатанные въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1882 года (№ 31). Напротивъ, онъ дѣлался особенно сообщительнымъ, когда получалъ сочувственный отзывъ о своихъ ученыхъ трудахъ отъ какого-либо авторитетнаго лица. Всякій такой отзывъ радовалъ его какъ ребенка.

Выраженіе уваженія къ памяти покойнаго не ограничилось некрологами. Екатеринбургское общество любителей естествознанія, котораго онъ былъ почетнымъ членомъ, въ увѣковѣченіе имени ученаго труженика, приняло прекрасное рѣшеніе, постановивъ составить по подпискѣ капиталъ, проценты съ котораго предназначило на преміи за лучшія изслѣдованія о Пермской губерніи. Пермскій губернский статистическій комитетъ, котораго

Чупинъ также былъ почетнымъ членомъ, въ 1 выпускѣ своего „Сборника статей о Пермской губерніи, помѣщенныхъ въ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, въ теченіи ихъ сорокалѣтняго существованія“, перепечаталъ изъ означенныхъ вѣдомостей всѣ статьи покойнаго и приложилъ къ книгѣ его портретъ ¹⁾, назначивъ выручку отъ изданія въ пользу приѣмнаго сына покойнаго—необыкновенно способнаго мальчика, къ несчастію, страдающаго свѣтобоязнію ²⁾.

Послѣ смерти Наркиза Константиновича осталась громада книгъ, архивныхъ документовъ, рукописей автора, писемъ къ нему русскихъ и иностранныхъ ученыхъ,—и все это въ томъ живописномъ беспорядкѣ, въ тѣхъ знаменитыхъ кучахъ, о которыхъ упомянуто выше и которыя способны привести въ отчаяніе лицо, которому придется ихъ разбирать. Слышно, что, по распоряженію главнаго начальника Уральскаго хребта, назначена была особая коммиссія для исполненія этой нележкой работы, результаты которой будутъ зависѣть вполнѣ отъ добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу членовъ коммиссіи. Какой богатый источникъ для жизнеописанія покойнаго должна представлять его обширная переписка съ учеными, съ какимъ удовольствіемъ встрѣтилъ-бы каждый серьезный и развитой человекъ извѣстіе, что, въ числѣ рукописей покойнаго, нашлось окончаніе ³⁾ „Географическаго и Статистическаго Словаря Пермской губерніи“ — труда, не имѣющаго, по капитальности своей, равнаго во всей Россіи!

Желая, съ своей стороны, дать будущему біографу Н. К. Чупина нѣкоторый матеріалъ, я привожу здѣсь, изъ многочисленной коллекціи писемъ его ко мнѣ, два, наиболѣе характеризующія покойнаго.

---

¹⁾ По правдѣ сказать, плохо исполненный въ одной изъ мѣстныхъ литографій. Рѣзанный съ той-же карточки портретъ, помѣщенный во Всемирной Иллюстраціи и вторично оттиснутый въ Историческомъ Вѣстникѣ, лучше; но то-же не вполнѣ передаетъ выраженіе его лица.

²⁾ Къ сожалѣнію, какъ это часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, дѣло ограничилось словами: подписка на капиталъ для премій не состоялась, а „Сборникъ“, барышъ отъ котораго назначался въ пользу приѣмнаго сына Н. К.—ча, не нашелъ достаточнаго числа покупателей.

³⁾ Изъ письма, помѣщаемаго ниже, видно, что статьи на буквы Н и О у него были готовы еще въ 1878 году. Книги и бумаги, кажется, до сихъ поръ остаются неразобранными.

Одно изъ нихъ представляетъ отвѣтъ на мое письмо, въ которомъ я просилъ сообщить о мѣстонахожденіяхъ слюды въ Пермской губерніи и объ извѣстныхъ покойному русскихъ специалистахъ по эксплуатаціи каменноугольныхъ копей.

*„Екатеринбургъ, 1 іюня 79,
4 часа утра (ночь не было)“.*

„М. Г. Д. Д. Слюда хотя и находится во многихъ окрестностяхъ Мурзинки, но только малыми скопленіями, какъ составная часть крупнозернистаго гранита, и потому тамъ едва-ли выгодно ее разрабатывать. Лучшее и обильнѣйшее на Уралѣ мѣсторожденіе слюды находится въ Оренбургской губерніи, на берегахъ озера Чебаркуля, на восточномъ склонѣ Ильменскихъ горъ, къ востоку отъ Міясскаго завода, въ дачахъ (кажется) казачьихъ. Оттуда прежде добывали много слюды для оконницъ. Но самая большая часть слюды для этого употребленія въ старину привозилась въ Ирбитъ архангело-городскими купцами. Географическое описаніе Ильменскихъ горъ и окрестностей Чебаркуля найдете въ статьѣ Мушкетова (адъюнкта горнаго института), въ Горномъ журналѣ, въ августо-сентябрьской книжкѣ. Тутъ-же приложена и весьма хорошая карта тамошнихъ мѣсторожденій различныхъ минераловъ, въ томъ числѣ и слюды“.

„Съ полгода назадъ тому обращался за свѣдѣніями о мѣсторожденіяхъ слюды на Уралѣ здѣшній книгопродавецъ, чиновникъ И. А. Пономаревъ, для какой-то промышленной столичной компаніи. Я сообщилъ ему что могъ. Какіе результаты были отъ этого, не знаю“.

„Здѣсь инженеровъ-специалистовъ по разработкѣ каменнаго угля нѣтъ. Верхъ-Исетскіе заводы недавно для этого вынуждены были пригласить оберъ-штейгера, учившагося въ штейгерской школѣ въ Домбровѣ (Ц. Польское) и потомъ много лѣтъ завѣдывавшаго каменноугольными работами въ южной Россіи“.

„Теперь у меня опять хлопотливое и трудное время: идетъ переводъ училища и моей квартиры въ новое помѣщеніе—въ зданіе, занятое прежде главной конторой. Начальство наше, не составивъ смѣты, испросило на этотъ предметъ только 6000 рублей изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія; работы производились безъ вѣдома и совѣта моего. И вышло все неудовлетворительно,

тѣсно, крайне неудобно. Перевозка началась недѣли двѣ тому назадъ, да еще хватить на столько-же. Въ классахъ и спальняхъ учениковъ не достаетъ воздуха до принятаго наукой *minimum'a*; нѣтъ комнаты для храненія ученическихъ собственныхъ вещей и платья; нѣтъ комнаты для канцелярскихъ занятій и дѣлъ; вентиляція крайне недостаточна; комнаты весьма низки. Нѣтъ ни двора, ни сада для воспитанниковъ. Службы изъ рукъ вонъ плохи. Коллекцій учебныхъ помѣститъ вполнѣ негдѣ. Пришлось многое, не столь нужное, закупорить въ ящики и поставить на храненіе въ одно изъ зданій бывшаго монетнаго двора. Въ моей будущей квартирѣ окна весьма низки отъ земли и простѣнковъ мало. Приходится много шкаповъ и шкапчиковъ хотъ выбросить и сдѣлать вмѣсто нихъ новые, хотя-бы и плохенькіе, но примѣненные къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Приходится много своихъ книгъ также сдать для храненія на монетный дворъ. Нужно на свой счетъ дѣлать ставни къ окнамъ квартиры, шторы (ибо я не Пугачевъ, чтобы быть показываемымъ въ ажурной клѣткѣ публикѣ). При перевозкѣ и переноскѣ мебели не мало поломокъ“.

„Кажись, этотъ годъ не высокосный, но принесъ мнѣ много огорченій (въ томъ числѣ и ваше выбитіе изъ должности). Въ добавокъ, меня назначили засѣдателемъ въ окружный судъ на іюльскую четверть (не знаю, удасться-ли мнѣ перепроситься на октябрьскую). Было выгодное предложеніе отъ Вольфа: принять на себя составленіе для его „Живописной Россіи“ текста: Очерки полярнаго Урала, по изслѣдованіямъ Гофмана и др. и Описаніе странъ Средне-Уральскихъ (губ. Пермской, Вятской, Уфимской и Оренбургской). Это предложеніе сдѣлано, какъ знаю, по настоянію сотрудниковъ: Семенова, Полякова, Максимова. Но кажется, я долженъ отказаться, за недостаткомъ времени.

Изъ Губернскихъ Вѣдомостей я видѣлъ, что земское собраніе утвердило и на этотъ годъ мнѣ субсидію въ 300 р. *); но я доселѣ не только денегъ, но и оффиціального увѣдомленія о назначеніи ихъ не получилъ. Не имѣете-ли возможности устроить, чтобы мнѣ поскорѣе

*) Губернское земское собраніе, въ теченіи трехъ лѣтъ, назначало г. Чупину по 300 р. на канцелярскій расходъ, сопряженный съ архивными работами и бѣловою перепискою, по составленію Словаря.

выслали хоть часть этихъ денегъ? А то мнѣ, при большихъ затратахъ на перевозку и устройство новой квартиры, платить за переписку приготовленныхъ мною тетрадей Словаря на буквы *Н* и *О* изъ казеннаго жалованья совсѣмъ нельзя. Многіе извлеченія изъ другихъ книгъ и статей и изъ архивныхъ документовъ—придется диктовать, и потомъ, исправивши, снова отдавать въ переписку.

„Какъ видите, мнѣ теперь не до поѣздки куда-либо. Да вообще время теперь не такое; и здѣсь мы живемъ подъ Богомъ, въ страхѣ. Было нѣсколько поджоговъ, къ счастью неудачныхъ; были подметныя письма къ полицеймейстеру, угрожавшія сожженіемъ города въ разныхъ мѣстахъ. Но, слава Богу, ничего худого не случилось, благодаря, можетъ быть, напряженному вниманію со стороны полиціи и караульныхъ.

„Да, тяжелое время переживаемъ мы теперь! И дороговизна, и опустошительныя наводненія, и страхъ чумы и холеры, и безумное бѣшенство нигилистовъ, и масса убійствъ и покушеній на убійство, и повсюдные пожары, и волненія въ учебныхъ заведеніяхъ! Чѣмъ согрѣшили мы предъ Господомъ? Развѣ тѣмъ, что преждевременно взялись за великое, еще пока непосильное дѣло освобожденія отъ мусульманскаго ига соплеменныхъ намъ братій-христіанъ?

„Желаю вамъ всего лучшаго, прилягу теперь часа на четыре, чтобы собраться съ силами для предстоящихъ сегодня хлопотъ. Съ ист.“ и т. д.

Другое письмо, отъ 12 марта 1878 года, наполнено преимущественно выписками различныхъ отзывовъ о трудахъ Наркиза Константиновича.

„По-видимому вы, много и достоуважаемый Д. Д., когда писали мнѣ письмо отъ 10 февраля, еще не получили моего письма, гдѣ, съ приложеніемъ копій моихъ сношеній съ горнымъ ученымъ комитетомъ, (я) выяснилъ причины замедленія присылки мною дальнѣйшихъ тетрадей Словаря, замедленія независѣвшаго отъ моей воли и весьма для меня нежелательнаго. Послѣ того времени:

1) Въ 1 книжкѣ Горнаго журнала 1878 г. напечатано *извлеченіе* изъ записки моей о путешествіи Александра I на Уралъ (остальное предвосхитилъ С. . . . , оставивши мнѣ гонорара 19 р. *), вмѣсто ожидаемыхъ рублей 50-ти).

*) Которые я уже и получилъ до выхода въ свѣтъ книжки.

2) Вслѣдствіе моей телеграммы къ Ал. Андр. Госсѣ, сообщенной вамъ въ предъидущемъ моемъ письмѣ, Горный ученый комитетъ прислалъ мнѣ обратно, для поправокъ и дополненій, главы VI, VII и VIII моей статьи: „О горномъ управленіи и горномъ промыслѣ на Уралѣ при Александрѣ I“.

3) На дняхъ помѣщена первая глава сейчасъ упомянутой моей статьи—25 страницъ (приблизительно рублей на 60 слишкомъ; но когда заплатятъ мнѣ: не по окончаніи-ли печатанія всей статьи, которое можетъ продолжиться мѣсяца три,—не знаю)“.

(Затѣмъ, слѣдуетъ копія съ письма предсѣдателя отдѣленія этнографіи И. Географ. общества г. Майкова).

„М. Г. Наркизь Константиновичъ. Не имѣя удовольствія знать Васъ лично, я однако давно привыкъ уважать Ваши прекрасные труды и сверхъ того имѣлъ удовольствіе много слышать о Васъ отъ нашего общаго знакомаго К. Н. Бестужева-Рюмина. Поэтому, составивъ небольшой трудъ, въ которомъ мнѣ приходилось неоднократно ссылаться на Ваши работы и отчасти даже повторять то, что уже было Вами сдѣлано, я рѣшился препроводить къ Вамъ прилагаемую при семъ книгу. Быть можетъ, содержаніе ея будетъ небезынтересно для Васъ и Вы не откажетесь сообщить мнѣ о ней Ваши замѣчанія и поправки. Покорнѣйше прошу дозволить мнѣ и на будущее время относиться къ Вамъ по равнымъ вопросамъ Уральскаго края, о которомъ Вы напечатали столько любопытныхъ статей, къ сожалѣнію, не имѣющихъ всей той извѣстности, какой они заслуживаютъ. Съ ист. и т. д. *Леонидъ Майковъ*“.

„При этомъ письмѣ Майковъ прислалъ свою интересную книжку: „О древней культурѣ западныхъ Финновъ, по даннымъ ихъ языка. По сочиненію д-ра Альквиста: Die Kulturwörter der Westfinnischen Schprachen“. Составилъ Л. Майковъ. Спб. 1877“. Въ концѣ книжки (стр. 90—105) *полный* переводъ статьи Альквиста о Вогулахъ (которой я подъ руками не имѣлъ, пользуясь сокращеніемъ Шотта), съ моими дополненіями и поправками“.

„Стр. 90 книжки Майкова, передъ переводомъ статьи Альквиста о Вогулахъ:

„Присоединяемъ къ этому очерку нѣсколько поправокъ и дополненій, основанныхъ преимущественно на

указаніяхъ Н. К. Чупина, который знакомъ съ Вогулами, по своей многолѣтней жизни въ Пермской губерніи. Г. Чупинъ познакомился съ наблюденіями г. Альквиста, по статьѣ берлинскаго ученаго Шотта въ *Erman's Archiv für Wissenschaftskunde von Russland*, т. 20, которую перевелъ и напечаталъ съ своими примѣчаніями въ весьма мало распространенномъ изданіи—Сборникѣ Пермскаго земства за 1874 годъ, кн. I. Статья-же Шотта есть въ сущности сокращенный переводъ статьи г. Альквиста, напечатанной въ одномъ финскомъ журналѣ; что очеркъ г. Альквиста былъ еще въ 1858 г. напечатанъ самимъ авторомъ по-нѣмецки въ *Бюллетеняхъ академіи наукъ*—осталось неизвѣстнымъ г. Чупину“.

„На стр. 106 книжки Майкова, послѣ перевода статьи Альквиста о Вогулахъ, сказано:

„Здѣсь кстати замѣтить, что энтографическій матеріалъ о Вогулахъ, представляемый русскою литературою, довольно великъ и содержитъ въ себѣ немало любопытныхъ свѣдѣній, неотмѣченныхъ г. Альквистомъ; см. библіографію его къ статьѣ о Вогулахъ, въ *Географическомъ и Статистическомъ Словарѣ Пермской губерніи*, составленномъ Н. Чупинымъ (Пермь, 1873 года), т. 1, 334—366“.

„18 января получилъ письмо отъ казанскаго ученаго К. В. Лаврскаго, который готовитъ къ печати біографію проф. Фукса (товарища пермскаго доктора Граля) и проситъ меня о сообщеніи нѣкоторыхъ свѣдѣній“.

„Получилъ любопытное письмо изъ Стокгольма, отъ бібліотекаря королевской шведской бібліотеки Стринсберга, на французскомъ языкѣ. Копію съ этого лестнаго для меня письма надѣюсь послать вамъ на дняхъ“.

„Краткій отзывъ И. С. Аксакова о моемъ Словарѣ, въ письмѣ къ вамъ—одинъ изъ почетныхъ патентовъ моихъ“.

„Теперь меня, при составленіи Словаря, главнѣйше затрудняютъ статьи: „Красноуфимскъ и Красноуфимскій уѣздъ“ и „Кунгуръ и Кунгурскій уѣздъ“. Матеріаловъ много, да времени на обработку ихъ не достаетъ. Если найдете возможнымъ и удобнымъ отнести эти статьи въ дополненіе къ Словарю, то извѣстите меня поскорѣе. Собственно, такіе важные пропуски были-бы нежелательны для меня, но что-же дѣлать? Были-же подобныя и въ

хорошемъ, издававшемся большой группой ученыхъ, Энциклопедическомъ Лексиконѣ Плюшара. Всѣ остальные статьи на букву *К* готовы, и печатаніе Словаря быстро можетъ быть двинуто впередъ. Съ ист. и т. д. *Н. Чупина*“.

Списокъ трудовъ Наркиза Константиновича Чупина.

Пермскія Губернскія Ведомости.

1. Къ исторіи города Кунгура. 1870, № 2 и 3.
2. Письмо главнаго начальника Уральскихъ и Сибирскихъ заводовъ Генна къ графу Ѳ. М. Апраксину о строеніи Екатеринбурга и о прочемъ. 1866, № 89.
3. Первое празднованіе именинъ Екатеринбурга 24 ноября 1723 года. 1874, № 1.
4. Къ исторіи города Екатеринбурга. 1873, №№ 32 и 33.
5. Исторія города Екатеринбурга. 1864, №№ 26—28.
6. Полуторастолтіе Екатеринбурга. 1873, №№ 53—60, 63, 64, 70—86.
7. Челобитная царямъ Иоанну и Петру Алексѣевичамъ, отъ жителей Сибирскихъ слободъ и Башкирцевъ. 1868, №№ 12—15.
8. Объ открытіи и первоначальной разработкѣ магнитной горы Благодати. 1866, №№ 76—79.
9. О началѣ монетнаго дѣла въ городѣ Екатеринбургѣ. 1870, № 51.
10. О Богословскихъ заводахъ и о заводчикѣ Походяшинѣ. 1872, №№ 30—34, 37, 41—46, 51 и 52.
11. Историческія свѣдѣнія о Кунгурскихъ заводахъ. 1866, №№ 61 и 62.
12. Василій Никитичъ Татищевъ и первое его управленіе Уральскими заводами. 1867, №№ 13, 14, 16, 17, 21, 22, 25 и 26.
13. Василій Никитичъ Татищевъ; жизнь его съ 1722 до 1734 года. 1867, №№ 61—63, 65, 68, 69, 72, 77—81, 83 и 88.
14. Членъ екатеринбургской горной канцелярши М. М. Башмаковъ и дѣйствія его во время Пугачевщины. 1869, №№ 52, 53, 59—61.
15. Дополненіе и поправка къ предыдущей статьѣ. 1869, № 86.
16. Челобитная крестьянской дѣвушки 1700 года. 1873, №№ 16 и 17.
17. Примѣчанія и поясненія къ челобитной. 1868, №№ 12, 13 и 15.
18. Примѣры служебныхъ перекоровъ (пререканій) въ прошломъ столѣтіи. 1873, №№ 27, 40, 42 и 43.
19. О нѣкоей исторической будто-бы запискѣ. 1870, №№ 53, 60—64.
20. Дополненіе къ предыдущей статьѣ. 1871, №№ 16—18.
21. Еще о продажѣ казенныхъ заводовъ. 1861, № 46.
22. Извѣстія о Пермской губерніи въ Шанхайской газетѣ. 1866, №№ 64 и 65.
23. Диковинная книжка о Пермской губерніи. 1867, №№ 51 и 52.

Пермскій Сборникъ, изд. Д. Д. Смышляевымъ.

24. Указатель сочиненій, въ которыхъ заключаются географическія и статистическія свѣдѣнія о Пермской губерніи. Т. 2, Приложение, стр. 1—XVII. М. 1860.

Сборникъ Пермскаго земства.

25. О мѣстахъ жительства и образѣ жизни Вогуль (по Альвисту). 1874, кн. 1, стр. 119—137.

26. Географическій и Статистическій Словарь Пермской губерніи. Словарь доведенъ до буквы *Н*. Печатался въ приложеніяхъ къ Сборнику П. з. съ 1873 года. Отдѣльно изданъ томъ I, заключающій 577 страницъ, и т. II, вып. 1—3, 210 стр.

Екатеринбургская Недѣля.

27. Инструкціи, данныя первому полицеймейстеру города Екатеринбургa. 1879, № 6.

Записки Уральского общества любителей естествознанія.

28. Замятка о статьѣ доктора Барановскаго: „Пещера Дружбы“. 1874, т. I, стр. 174.

29. О результатахъ экспедиціи Казанскаго общества естествоиспытателей для изслѣдованія Вогуль. Ibid., стр. 145.

30. Замячанія и дополненія къ статьѣ Сосунова: „О Шайтанскихъ заводахъ г. Берга“. 1876, т. III, вып. II, стр. 26.

31. Замятка на ст. г. Островскаго: „Вотяки Казанской губерніи“. Т. II, вып. II, стр. 169.

32. Путешествіе по Уралу Гумбольдта, Эренберга и Розе въ 1820 году. Пер. съ нѣмецк., съ дополн. и примѣч. 1873 и 1878,—XII+50 стр.

Ирбитскій ярмарочный листокъ.

33. Ирбитъ и Ирбитская ярмарка въ 1734 году. 1874, № 22.

34. О дорогахъ изъ Европейской Россіи въ прежнее время. 1869, №№ 15, 19 и 20.

35. О нѣкоторыхъ старинныхъ дорогахъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь. 1872, №№ 15—25 ¹⁾.

Казанскія Губернскія Вѣдомости.

36. Геологическое путешествіе по Россіи. Мурчисона, де Вернеля и гр. Кейзерлинга; замячанія ихъ относительно Казанской губерніи. 1864, №№ 11—17. Эта статья была издана и отдѣльной брошюрой.

37. Горнозаводская промышленность въ Россіи вообще и въ Казанской губерніи въ особенности. 1847 г., №№ 29—31, 33, 34, 49—51; 1848 г., №№ 4 и 7.

38. Обзорніе книгъ и журнальныхъ статей, заключающихъ въ себѣ географическія и статистическія свѣдѣнія о Казанской губерніи. Отдѣлъ I. Записки путешественниковъ русскихъ и иностранныхъ. 1851, №№ 10—27. Напечатана и отдѣльной брошюрой въ 72 страницъ ²⁾.

Горный Журналъ.

39. Отдача казенныхъ заводовъ въ частныя руки въ прошедшемъ столѣтіи. 1861, т. II, стр. 551.

¹⁾ Указатель статей, помѣщенныхъ въ Ирбит. ярмароч. л., не полонъ, за немѣнѣемъ полнаго экземпляра этого изданія. Въ Екатеринбургской Недѣлѣ указана, въ числѣ статей г. Чупина, помѣщенныхъ въ И. я. л., статья: „Открытіе пути изъ Прикамскихъ странъ въ Печорскій край“, которая г. Чупину не принадлежитъ.

²⁾ Въ „Литературѣ Русской Библіографіи“, Геннади, ошибочно приписано г. Чупину дополненіе къ этой статьѣ, помѣщенное въ №№ 39, 51 и 52 того же года и принадлежащее извѣстному ориенталисту И. Н. Верезину.

40. О производительности Воткинского казеннаго желѣзнаго завода. 1862, т. III, стр. 558—580 *).

41. Рудники округа Екатеринбургскихъ горныхъ заводовъ. 1862, т. IV, стр. 83.

42. Объ открытіи и первоначальной разработкѣ магнитной горы Благодати. 1866, т. IV, стр. 317.

43. О началѣ и развитіи горнаго промысла въ Богословскомъ Уралѣ 1873, №№ 4—6.

44. О времени постройки Серебрянскаго и нѣкоторыхъ другихъ заводовъ. 1873, № 3.

45. Записка о горномъ управленіи и горномъ промыслѣ на Уралѣ, въ царствованіе Александра I, составленная по порученію ученаго горнаго комитета. 1878, т. I, стр. 248—383; т. III, стр. 269—318.

Русская Старина.

46. Пугачевщина. О разореніи Вознесенскаго мѣднаго завода, съ примѣч. 1872 г.

47. Къ исторіи суевѣрій русскаго народа 1723 года. 1875, т. IX, стр. 644.

48. Челобитная на заводчика Акпиеія Никитича Демидова въ 1721 году. 1878, № 10, стр. 307.

49. Сожженіе на кострѣ, въ Екатеринбургѣ, въ 1738 году. Ibid., стр. 309.

50. Донесеніе о поджогахъ лѣсовъ Башкирцами въ 1757 году. Ibid., стр. 313.

51. Возраженіе на ст. М. И. Семевского: „Егоръ Столѣтовъ“ (іюль ?).

Московскія Вѣдомости.

52. Библиотека В. Н. Татищева. 1860, № 203.

(*Пермскія Губ. Вѣд.* 1882 г., № 31; 1883, №№ 6 и 7).

Александръ Никифоровичъ Зыряновъ.

16 ноября 1884 года скончался въ заштатномъ городѣ Далматовѣ одинъ изъ ревностнѣйшихъ сотрудниковъ Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей Александръ Никифоровичъ Зыряновъ, членъ-сотрудникъ обществъ И. Русскаго Географическаго, И. Вольнаго Экономическаго и Уральскаго любителей естествознанія и дѣйствительный членъ пермскаго губернскаго статистическаго комитета. Покойный родился въ 1830 г. государственнымъ крестьяниномъ, въ селѣ Верхній Яръ Шадринскаго уѣзда, на р. Исети, въ 7 верстахъ отъ заштатнаго города Далма-

*) Въ № 27 „Екатеринбургской Недѣли“ 1880 года упомянуто еще „Статистическое описаніе Воткинскаго завода“, въ числѣ напечатанныхъ въ Горномъ журналѣ статей г. Чупина; на самомъ-же дѣлѣ, этотъ обширный трудъ, принадлежащій г. Чупину, хранится въ горномъ департаментѣ, въ рукописи.

това. Лишившись отца еще въ дѣтствѣ, онъ всего нѣскольکو мѣсяцевъ учился въ далматовскомъ духовномъ училищѣ и своимъ дальнѣйшимъ развитіемъ обязанъ исключительно врожденной любознательности и трудолюбію, посвящая чтенію часы, свободные отъ службы писаря Уксянской волости, которую онъ занималъ съ 16 лѣтъ. Въ той-же должности служилъ онъ потомъ въ волостяхъ Батуринской, Каргапольской, Мѣхонской, Барневской и Иванищевской. Затѣмъ, оставивъ службу, онъ занялся мелкою торговлею и послѣ неудачи на этомъ поприщѣ, поселился въ Далматовѣ, приписавшись къ мѣщанскому обществу ¹⁾. Отличаясь большою любознательностію и замѣчательною способностію къ собиранію всякаго рода свѣдѣній, Александръ Никифоровичъ изучилъ до тонкости народный бытъ своей мѣстности во всѣхъ его проявленіяхъ. Изъ записанныхъ имъ въ Падриномскомъ уѣздѣ сказокъ составленъ весь второй томъ извѣстнаго „Собранія русскихъ сказокъ“, Аѳанасьева (изд. Солдатенкова, въ Москвѣ). Нѣкоторыя сказки, не вошедшія въ это изданіе, а также притчи, пѣсни и загадки, записанныя въ томъ-же уѣздѣ, напечатаны въ двухъ томахъ Пермскаго Сборника (1859 и 1860 г.г.); двѣ изъ помѣщенныхъ въ послѣднемъ изданіи сказокъ обратили на себя особенное вниманіе специалистовъ по изслѣдованію народнаго быта и духа. По поводу одной изъ нихъ: „Жена забыла мужа“, Благовѣщенскій напечаталъ довольно большую статью въ 9-й книжкѣ „Русскаго Слова“ 1860 г., доказывая, что сказка эта, переложенная на нравы русскаго крестьянства, заимствована изъ „Satiricon“, Петронія. Не помню теперь гдѣ, но кто мнѣніе это опровергалъ ²⁾. Другая сказка: „Крестьянинъ и незнамой челоувѣкъ“, переведена на нѣмецкій языкъ и напечатана въ Берлинскомъ журналѣ: „Magazin für die Literatur des Auslands“, въ 1861 или 1862 году, точно не могу сказать, такъ какъ номеръ журнала, въ которомъ она была помѣщена, у меня утратился. Въ

¹⁾ Эти данныя исправлены противъ первоначально напечатанныхъ мною въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, по статьѣ А. А. Дмитріева: „Писатель-самоучка“, помѣщенной въ „Волжскомъ Вѣстникѣ“ 1885 г., № 224.

²⁾ Извѣстно, что тотъ-же рассказъ Петронія существуетъ и въ стихотворной передѣлкѣ Лафонтена, подъ названіемъ: „La Matrone d'Erphese“ (Contes et Nouvelles de Lafontaine).

примѣчаніи къ переводу было указано, что сказка взята изъ Пермскаго Сборника.

Въ 1860 году И. Русское Археологическое общество исходатайствовало мнѣ разрѣшеніе отъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и государственныхъ имуществъ на раскопки кургановъ въ предѣлахъ Пермской, Тобольской, Вятской и Оренбургской губерній. Къ сожалѣнію, я долженъ былъ вскорѣ, по своимъ дѣламъ, на нѣсколько лѣтъ оставить Пермскую губернію и раскопкою кургановъ, по моей довѣренности, занялся въ Шадринскомъ уѣздѣ Александръ Никифоровичъ. Плодомъ этихъ работъ были нѣсколько статей его о курганахъ, помѣщенныхъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ.

По порученію И. Русскаго Географическаго общества, Александръ Никифоровичъ болѣе 20 лѣтъ занимался метеорологическими наблюденіями, сначала въ селѣ Иващицкомъ, а потомъ въ Далматовѣ, для чего общество снабдило его всѣми нужными инструментами.

Превосходное изслѣдованіе Александра Никифоровича кустарныхъ промысловъ Шадринскаго уѣзда, напечатанное въ „Трудахъ И. Вольнаго Экономическаго общества“, было удостоено означеннымъ обществомъ серебряной медали.

Въ 1859 году Александръ Никифоровичъ задумалъ устроить бібліотеку для чтенія въ мѣстѣ своего жительства—Иващицкомъ селѣ и обратился ко мнѣ за совѣтомъ и съ просьбою о содѣйствіи. Я передалъ ему часть книгъ изъ моей бібліотеки, а затѣмъ онъ обратился съ просьбою къ нѣкоторымъ ученымъ обществамъ и къ издателямъ столичныхъ журналовъ и газетъ о бесплатной высылкѣ ихъ изданій и встрѣтилъ со стороны ихъ то-же сочувствіе, въ виду того, что книги для чтенія выдавались изъ бібліотеки бесплатно и обращались по всему уѣзду. И мѣстные жители относились къ бібліотекѣ сочувственно, жертвуя, по мѣрѣ возможности, или книги или небольшія суммы денегъ. Библіотека существовала такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ, пока Александръ Никифоровичъ не вздумалъ оформить существованіе ея; вскорѣ послѣ этого бібліотека была закрыта. По перѣздѣ въ Далматовъ, онъ снова ее открылъ, и затѣмъ, десять лѣтъ тому назадъ, предложилъ ее въ даръ шадринскому земству, которому она послужила основа-

ніемъ для существующей при мѣстной уѣздной управѣ подвижной библіотеки, состоящей уже нынѣ изъ 8,000 томовъ.

Александръ Никифоровичъ принималъ живое участіе и въ школѣ села Иванищевского. Свѣдѣнія о библіотекѣ и школѣ помѣщались въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ и въ Пермскомъ Сборникѣ.

Въ концѣ шестидесятихъ годовъ имъ собраны были обстоятельныя свѣдѣнія о судоходности рѣки Тобола и о торговлѣ и промышленности въ Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губерніи и Ялуторовскомъ, Курганскомъ и Ишимскомъ округахъ Тобольской, вошедшія въ „Записку къ проекту Пермско-Уральской желѣзной дороги И. И. Любимова“.

Въ 1871 году, Александръ Никифоровичъ нѣкоторое время служилъ въ губернской управѣ, но скоро соскучился по своему милому Шадринскому уѣздѣ и службу въ управѣ оставилъ. Трудился покойный, какъ видно изъ вышесказаннаго, много, но ни откуда не получалъ, за исключеніемъ двухъ послѣднихъ указанныхъ случаевъ, вознагражденія за свои труды и цѣлую жизнь боролся съ бѣдностію. Спрашивается, изъ чего хлопочутъ подобные люди, что ихъ побуждаетъ трудиться для другихъ, забывая собственныя нужды, нерѣдко весьма тяжкія? Въ послѣдніе годы онъ добывалъ себѣ средства къ жизни ходатайствомъ по дѣламъ мѣстныхъ жителей, имѣя на это право свидѣтельство суда. Послѣ покойнаго остались жена и дѣти. Не вспомнить-ли шадринское земство о заслугахъ покойнаго, не придетъ-ли на помощь его семьѣ и въ поощреніе другимъ, не сохранить-ли память о почтенномъ дѣятелѣ, положившемъ основаніе мѣстной земской библіотекѣ, назвавъ послѣднюю „Зырянскою“? Достоинство и заслуги шадринскаго земства по народному образованію отъ этого не только не умалятся, но напротивъ, оно докажетъ, что умѣетъ цѣнить труды полезныхъ дѣятелей *).

При семъ привожу списокъ извѣстныхъ мнѣ статей Александра Никифоровича.

---

*) Шадринское земство и не подумало откликнуться на наше къ нему воззваніе.

Пермскія Губернскія Вѣдомости.

1. Нѣсколько словъ о курганахъ въ Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губерніи. 1860 г., № 5.
2. Замараевскіе курганы въ Шадринскомъ уѣздѣ. 1870 г., № 9.
3. Раскопка кургана. 1871 г., № 92.
4. Курганы и городища. 1882 г., № 40.
5. Еще курганы и городища. 1882 г., № 42.
6. Еще о курганахъ. 1884 г., № 33.
7. Матеріалы для описанія Шадринскаго уѣзда. 1865 г., №№ 71 и 73 и 1866 г., № 1. (Исторія селеній).
8. Указная память на заведеніе Шадринской слободы. 1870 г., № 72.
9. О городѣ Шадринскѣ. 1865 г., №№ 63 и 64. (Исторія города).
10. Изъ Далматова и о Далматовѣ. 1864 г., №№ 28, 29; 1865 г., №№ 22, 24, 26, 28, 30, 40, 48, 57 и 60. (Историческія свѣдѣнія).
11. Обзорніе заштатнаго города Далматова. 1883 г., №№ 83 и 84.
12. Матеріалы для исторіи заселенія Зауральскаго края. 1870 г., № 71; 1871 г., №№ 25, 26, 28—30, 32—34; 1876 г., №№ 43 и 49.
13. Матеріалы для исторіи юридическаго быта Зауральскаго края во время его заселенія. 1876 г., №№ 30, 36, 37, 50, 61 и 63.
14. Замятки о пребываніи въ Зауральѣ Государя Императора Александра Павловича въ 1824 году. 1866 г., № 12.
15. Свадебные обряды въ Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губерніи. 1862 г., №№ 30 и 32; 1863 г., №№ 47—51.
16. О климатѣ села Иванищевскаго, Шадринскаго уѣзда. 1871 г., №№ 52—54.
17. Мурзинская гора. 1860 г., № 9.
18. Промислы въ Шадринскомъ уѣздѣ. 1870 г., №№ 19—25.
19. Выдержка изъ дорожныхъ записокъ по Зауралью въ 1865 году. 1866 г., №№ 7, 10, 21, 22; 1869 г., №№ 58, 78 и 79.
20. Женское безмездное училище въ заштатномъ городѣ Далматовѣ. 1862 г., № 17.
21. Библиотека и училище въ селѣ Иванищевскомъ. 1860 г., № 50.
22. Предупрежденіе отъ Далматовской библиотеки. 1862 г., № 17.
23. Появленіе болѣзни на рогатомъ скотѣ въ г. Далматовѣ. 1866 г., № 24.
24. Чума въ Далматовѣ. 1877 г., № 28.
25. Медицинская замѣтка. 1875 г., № 66.
26. Замятка о мнимо сѣрномъ ключѣ близь г. Шадринска. 1862 г., № 10.
27. Земская библиотека и читальня въ Шадринскѣ 1876 г., № 34.
28. Изъ Усть-Сылвенскаго села. 1864 г., № 34; 1880 г., № 14.
29. Изъ Шадринска. 1880 г., №№ 18 и 39; 1873 г., №№ 39 и 48; 1874 г., № 93.
30. Изъ Далматова. 1864 г., №№ 38 и 39; 1865 г., №№ 20, 22—24, 26, 28—30, 48, 57, 60; 1866 г., № 58; 1868 г., № 59; 1871 г., № 44; 1872 г., №№ 53, 100; 1875 г., № 60; 1876 г., № 80; 1877 г., № 11.
31. Путевыя замѣтки отъ Каменскаго завода до Перми, составленныя въ 1853 году. 1856 г., №№ 11 и 12.

Пермскій Сборникъ.

32. Пугачевскій бунтъ въ Шадринскомъ уѣздѣ и его окрестностяхъ, т. 1, отд. I, стр. 46—88.

33. Шадринскій уѣздъ въ апрѣлѣ 1842 года. Изъ воспоминаній очевидца (бунтъ), т. 2, отд. IV, стр. 13—21.

34. Записки о курганахъ въ Шадринскомъ уѣздѣ, т. 1, отд. I, стр. 130—131.

35. Мурзинская гора и окопы на ней, т. 2, отд. IV, стр. 21.

36. Преданіе объ Удугушской крѣпости (съ планомъ), т. 1, отд. I, стр. 113—115.

37. Пѣсни, записанныя въ Шадринскомъ уѣздѣ, т. 1, отд. II, стр. 108—117.

38. Сказки, записанныя въ Шадринскомъ уѣздѣ, т. 1, отд. II, стр. 118—127.

39. Сказки и притчи, записанныя въ Шадринскомъ уѣздѣ, т. 2, отд. II, стр. 162—179.

40. Загадки, записанныя въ Шадринскомъ уѣздѣ, т. 1, отд. II, стр. 129 и 130.

Труды И. Вольнаго Экономическаго общества.

41. Промыслы въ Шадринскомъ уѣздѣ. 1876 г., т. IV. Это подробное и обстоятельное изслѣдованіе кустарныхъ промысловъ было удостоено И. В. Э. обществомъ серебряной медали.

42. О лошадяхъ обвинской породы. 1872 г., т. 2, вып. 3.

Записки Уральского общества любителей естествознанія.

43. Метеорологическія наблюденія въ селѣ Иванищевскомъ. Выпуска указать не могу, по невѣдѣнію его подъ руками.

(Пермскія Губ. Вѣд. 1885 г., № 10).

Александръ Ефимовичъ Теплоуховъ.

Александръ Ефимовичъ Теплоуховъ родился въ селѣ Карагайскомъ, Оханскаго уѣзда, 21 августа 1811 года, въ крѣпостномъ состояніи. Онъ учился въ С.-Петербургской школѣ сельскаго хозяйства и горныхъ наукъ, графини С. В. Строгановой, гдѣ окончилъ курсъ по горному отдѣленію съ аттестатомъ высшаго разряда, 1 апрѣля 1833 года. Въ 1833 году графиня Софья Владиміровна отправила его, для усовершенствованія въ горнозаводскихъ наукахъ, во Фрейбургскую горную академію въ Саксоніи; но чувствуя болѣе склонности къ сельскому хозяйству и видя изъ журналовъ, какое вниманіе пробудилось въ Россіи къ установленію правильнаго лѣсохозяйства, онъ испросилъ разрѣшеніе заняться изученіемъ лѣсныхъ наукъ въ Тарантской королевской лѣсной академіи (тоже въ Саксоніи), гдѣ онъ пробылъ съ апрѣля 1834 по апрѣль 1838 г. По окончаніи курса въ этомъ заведеніи, сколько намъ извѣстно, преподаватели, любившіе его за его способности, трудолюбіе и кроткій

характеръ и опасавшіеся ожидавшей его будущности въ качествѣ крѣпостнаго человѣка, убѣждали Александра Ефимовича не возвращаться въ Россію, обѣщая мѣсто преподавателя въ той самой академіи, гдѣ онъ окончилъ свое высшее образованіе. Честная натура Александра Ефимовича однако взяла верхъ: чувствуя себя обязаннымъ полученнымъ образованіемъ своей владѣлицѣ и зная ея высокопросвѣщенное и гуманное направленіе, онъ возвратился въ 1839 году въ Россію, — и не ошибся въ своихъ надеждахъ; графиня даровала ему свободу и назначила его преподавателемъ лѣсныхъ наукъ въ вышеупомянутой школѣ, въ С.-Петербургѣ; для необходимыхъ же практическихъ занятій воспитанниковъ школы, графинею предоставлены были двѣ принадлежащія ей дачи имѣнія Марьино въ Новгородской губерніи, завѣдываніе которыми и поручено Александру Ефимовичу, на правахъ управляющаго. Здѣсь имъ производились первые опыты примѣненія германскаго лѣсохозяйства къ мѣстнымъ условіямъ. Лѣтомъ, ученики его (25 человѣкъ) занимались лѣсною съемкою и другими предметами по устройству лѣсовъ и уходу за ними, а зимой преподавались имъ теоретически главныя и вспомогательныя науки лѣсоводства, при чемъ особенное вниманіе обращалось на математику, геодезію, ботанику, минералогію и геогнозію. Всѣ опыты, производившіеся надъ лѣсами Марьинскаго имѣнія, описаны Александромъ Ефимовичемъ въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ „Лѣсномъ журналѣ“ 1841—1842 годовъ. Издававшее этотъ журналъ „Общество для поощренія лѣснаго хозяйства“ избрало его своимъ членомъ и поручило ему составить руководство къ устройству лѣсовъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ; руководство это было составлено и издано на счетъ общества въ 1847 году. Съ 1841 года начался выпускъ изъ школы учениковъ Александра Ефимовича, которые отправляясь въ пермскій маіоратъ гр. Строгановыхъ, приступали къ приведенію въ извѣстность и къ организаціи лѣсовъ, по даннымъ наставленіямъ. Въ 1847 году выпущены были изъ школы послѣдніе 25 воспитанниковъ и отправлены въ Пермь; школа закрыта и Александръ Ефимовичъ переѣхалъ въ Пермскую губернію для личнаго руководства по устройству лѣснаго хозяйства и для управленія лѣсами маіората, въ качествѣ главнаго лѣсничаго и члена главнаго

управленія лѣсами маіората. Для производства сѣмки по саксонскому способу, образовано было 47 сѣмщиковъ, которые, подъ руководствомъ лѣсничихъ и таксаторовъ, въ теченіи 13 лѣтъ (1841—1854), нанесли на планы, съ мельчайшими подробностями, 1.024,502 десятины земель. Лѣса были таксированы на столѣтній оборотъ и въ маіоратѣ введено европейское лѣсохозяйство. Къ сожалѣнію, при этомъ громадномъ и превосходномъ по идеѣ трудѣ, не была принята въ соображеніе возможность освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и великое для Россіи событіе не могло не отразиться нѣкоторымъ вредомъ на лѣсоустройствѣ маіората; но и въ настоящемъ состояніи все-таки эта отрасль хозяйства маіората можетъ считаться образцовою, сравнительно съ положеніемъ лѣсовъ въ другихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ не только Пермской губерніи, но и вообще Россіи.

По освобожденіи крестьянъ, Александръ Ефимовичъ былъ сдѣланъ главноуправляющимъ пермскимъ маіоратомъ гр. Строгановыхъ. Продолжая съ любовью слѣдить за лѣсною наукою, онъ устроилъ въ своемъ мѣстопребываніи, Ильинскомъ селѣ, древесный питомникъ (Baumschule—какъ называютъ нѣмцы), въ которомъ производилъ опыты надъ ростомъ и акклиматизаціей различныхъ древесныхъ породъ.

Однажды онъ наткнулся въ окрестностяхъ Ильинска на громадную яму, наполненную костями. Это открытіе его заинтересовало тѣмъ болѣе, что, вмѣстѣ съ костями, попадались обломки глиняной посуды архаическихъ формъ. Отсюда возникаютъ его занятія археологіею. Теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что найденное имъ „костище“ было мѣстомъ жертвоприношеній доисторическихъ обитателей Пермской губерніи. Оставивъ службу и проживая въ послѣднее время на покоѣ, Александръ Ефимовичъ со страстію отдался новому предмету своей любознательности, усердно собирая и отыскивая всякаго рода древнія вещи, находимыя въ Пермской губерніи, изъ которыхъ у него образовался цѣлый музей. Плодомъ этихъ занятій были нѣсколько статей, помѣщенныхъ въ русскихъ и германскихъ журналахъ. Самая смерть застала его за окончаніемъ археологической статьи, для которой у него уже были изготовлены и рисунки. Онъ болѣлъ всего три дня и скончался 17 апрѣля 1885 года въ селѣ Ильинскомъ.

Александръ Ефимовичъ состоялъ членомъ многихъ ученыхъ русскихъ и иностранныхъ обществъ и учреждений; а имянно: *почетнымъ*—Уральскаго любителей естествознанія, въ Екатеринбургѣ (съ 1880 г.), Лѣснаго общества, въ С.-Петербургѣ (съ 1883 г.); *дѣйствительнымъ*—комитета лѣсоводства при И. Московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства (съ 1856), Антропологическаго общества въ Вѣнѣ (Anthropologische Gesellschaft in Wien, съ 1883) и пермскаго губернскаго статистическаго комитета (съ 1854), *корреспондентомъ*—общества для поощренія лѣснаго хозяйства, въ С.-Петербургѣ (съ 1839), И. Вольнаго Экономическаго (съ 1845), И. Казанскаго Экономическаго (съ 1859), Германскаго общества антропологии, этнологии и первобытной исторіи, въ Берлинѣ (Deutsche Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, съ 1878), Финно-Угорскаго общества въ Гельсингфорсѣ (Suomalais Ugrilainen Seura) и Финскаго историческаго (Suomen Muinais-muislo Ubluo, съ 1885 г.) и членомъ-сотрудникомъ общества археологии, исторіи и этнографіи при И. казанскомъ университетѣ (съ 1879 г.). Біографическія свѣдѣнія объ Александрѣ Ефимовичѣ были напечатаны въ изданіи Dr. J. T. Ratzeburg'a: Forstwissenschaftliches Schriftsteller Lexicon. Berlin, 1872, bei Nicolai.

Послѣ кончины помѣщены его некрологи въ Illustrierte Zeitung 1885, № 2189, Leipsig, bei Brockhaus и въ Энциклопедіи Брокгауза (печатаемый теперь на русскомъ языкѣ, подъ ред. И. Е. Андреевскаго) Brockhaus Conversations Lexicon, 13 Ausgabe, XV Band. Leipzig, 1886.

Свѣдѣнія, сообщаемыя нами объ Александрѣ Ефимовичѣ не полны и, можетъ быть, въ частностяхъ, не совсѣмъ точны; но пусть они, во всякомъ случаѣ, послужатъ данью нашего личнаго глубокаго уваженія къ памяти покойнаго—честнаго человѣка, просвѣщеннаго и полезнаго труженика.

При семъ прилагаемъ списокъ статей Александра Ефимовича, напечатанныхъ въ русскихъ и иностранныхъ изданіяхъ, доставленный намъ сыномъ покойнаго, почтеннымъ Фѣдоромъ Александровичемъ.

(Пермскія Губ. Вѣд. 1885 г., № 33).

Научные труды А. Е. Теплоухова.

1. *Тарантская академія*. Лѣсной журналъ 1837 г., № 3.
  2. *Оберндорфская печь для переуливанія торфа*. Лѣсной журналъ 1840 г., ч. I, кн. 1.
  3. *Лѣса и лѣсоводство Шварцвальдскихъ горъ*. Лѣсной журналъ 1840 г., ч. I, кн. 2.
  4. *Наставленіе по лѣсохозяйству для дѣтей Марьянской школы земледѣльцъ: лѣса, рубка лѣса, расчистка лѣса, безлѣсье*. Напечатано въ изданіи: Сельскія бесѣды. Чтеніе для учениковъ Марьянской школы практическаго земледѣлія и ремеслъ гр. С. В. Строгановой. Бесѣды XII—XV. Спб., 1842 г.
  5. *О приведеніи въ извѣстность и первоначальномъ устройствѣ лѣсовъ въ частныя имѣнія*. Лѣсной журналъ 1840 г., ч. III, к. 3.
  6. *Нѣкоторыя свѣдѣнія объ учрежденіи правильнаго лѣснаго хозяйства въ имѣніи графини С. В. Строгановой Марьяннѣ*. Лѣсной журналъ 1841 г., ч. II, кн. 2.
  7. *Замѣчанія и наблюденія, произведенныя при введеніи правильнаго лѣснаго хозяйства въ имѣніи Новгородской губерніи Марьяннѣ, принадлежащемъ графинѣ С. В. Строгановой*. Лѣсной журналъ 1842 г., ч. I и II.
  8. *Простое средство приготовить самыя прочныя деревянныя столбы*. Лѣсной журналъ 1842 г., ч. III.
  9. *Наблюденія надъ изсяканіемъ источниковъ вслѣдствіе обнаженія отъ лѣсовъ*. Лѣсной журналъ 1842 г., ч. IV.
  10. *Свинья, полезное для лѣсовъ животное*. Лѣсной журналъ 1842 г., ч. IV.
  11. *Объ урожаѣ еловыхъ сѣмянъ*. Лѣсной журналъ 1842 г.
  12. *Возраженіе критику „Русскихъ бесѣдъ“*. Сѣверная Пчела (въ началѣ) 1843 г.
  13. *Свѣдѣнія объ опытахъ, произведенныхъ въ 1842 г., въ имѣніи графини С. В. Строгановой, надъ тяжестью нѣкоторыхъ важнѣйшихъ въ Россіи древесныхъ породъ*. Лѣсной журналъ 1843 г., № 3.
  14. *Замѣтки о лѣсномъ хозяйствѣ и о значеніи важнѣйшихъ древесныхъ породъ на Уралѣ, въ сравненіи съ породами Новгородской губерніи (на нѣмецкомъ языкѣ*)*. Лѣсохозяйственный альбомъ Котты. 1844 г. Бреславль, 244—273.
- Примѣчаніе. Статья написана по поводу 80-лѣтняго дня рожденія знаменитаго лѣсовода, основателя Тарантской лѣсной академіи, Генриха Котты, ученикомъ котораго былъ авторъ, и помѣщена въ поднесенномъ юбиляру „Альбомѣ“.
15. *О подстилочныхъ рогожахъ изъ осины*. Лѣсной журналъ 1847 г., № 34.
  16. *О новомъ способѣ сидки дѣтвя въ печаль съ чугунными цилиндрами*. Лѣсной журналъ, изд. Императ. Вольн. Экономич. обществ. 1847 г., № 19.
  17. *Устройство лѣсовъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Руководство для управителей, лѣсничихъ и землемѣровъ* (книга въ 17 печатныхъ

*) Bemerkungen ueber die Waldwirtschaft und das Verhalten der wichtigsten Holzarten auf dem Uralgebirge im Vergleich mit denen des Nowgorodschen gouvornements. Forstliches Cotta-Album. 1844. Breslau und Oppeln. Verl. von Grass. S. 244—273.

лстовъ). Издан. Императ. Вольн. Экономич. обществ., въ С.-Петербургѣ. 1848 г. Вторымъ изданіемъ выпущено въ 1850 г.

Примѣчаніе. Подробная и весьма лестная оцѣнка этого, капитальнаго въ свое время, труда помѣщена профессоромъ Рудскимъ въ Лѣсномъ журналѣ, издаваемомъ Лѣснымъ обществомъ въ С.-Петербургѣ, 1882 г., кн. 10.

18. *Наблюденія лѣсовода на Уралѣ лѣтомъ 1848 года* (на нѣмецкомъ языкѣ¹). Сообщенія Императ. Вольн. Эконом. общества. Спб., 1849 г., вып. II.

19. *О буреломѣ, лѣсныхъ стѣнахъ, кошении травъ въ лѣсу, лѣсныхъ пожарахъ и вредѣ на поляхъ гусеницы* (на нѣмецкомъ языкѣ²). Сообщенія Императ. Вольн. Экономич. общества. Спб., 1849 г.

20. *О пользѣ и вредѣ уборки вершинника, хвороста и другаго сора въ лѣсахъ*. Земледѣльческая газета 1849 г., № 98, стр. 777 и Лѣсной журналъ, изд. Импер. Вольн. Эконом. обществ. 1850 г., №№ 2—3.

21. *Подробное наставленіе о механическомъ разложеніи лѣсной почвы простыми средствами*. Лѣсной журналъ, издав. Импер. Вольн. Экономич. обществомъ 1850 г., №№ 16, 17 и 18.

22. *Наблюденія надъ побѣтопроизводительностію и приростомъ березы, содланная въ лѣсной дачѣ Билимбьевскаго завода*. Труды И. Вольн. Эконом. общества 1852 г., январь.

23. *Взглядъ на лѣсоводство въ Пермскихъ заводскихъ имѣніяхъ графини Н. П. Строгановой*. Экономическія записки, еженедѣльное прибавленіе къ журналу Труды Импер. Вольн. Экономич. общества 1854 г., № 24.

24. *О бобовидной рудѣ, открытой Пермскаго уѣзда, въ имѣніи графини Н. П. Строгановой*. Напечатано по распоряженію пермскаго статистическаго комитета въ 1855 г. (Около того-же времени помѣщено о томъ сообщеніе въ Московскихъ Вѣдомостяхъ).

25. *Лѣсохозяйственное описаніе Чердынскаго уѣзда*. Напечатано пермскимъ статистическимъ комитетомъ въ 1856 году.

26. *Довля зверей тетками въ Ильинскомъ округѣ графини Н. П. Строгановой*. Пермскія Губернскія Вѣдомости 1857 г., № 31.

27. *Статистическія свѣдѣнія объ употребленіи лѣсовъ въ заводахъ и оброчныхъ имѣніяхъ графини Н. П. Строгановой, состоящихъ въ Пермской губерніи, въ уѣздахъ Пермскомъ, Оханскомъ, Соликамскомъ и Екатеринбургскомъ*. Пермскія Губ. Вѣдом. 1857 г., № 31.

28. *130 словъ провинціальныхъ и техническихъ, употребляемыхъ въ Пермской губерніи и относящихся до крестьянскаго хозяйства, лѣсоводства, горнаго дѣла и судостроенія*. Ученія записки Императ. казанскаго университета 1857 г., кн. III, стр. 170—179.

29. *Краткое описаніе рукодѣлій* (т. е. кустарныхъ промысловъ), относящихся къ лѣсной промышленности крестьянъ Срътенскаго вѣдомства. Съ таблицей рисунковъ. Экономическія записки. Еженедѣльное прибавленіе къ Трудамъ И. Вольн. Экономич. общ. 1858 г., № 22.

¹) Beobachtungen eines Forstmannes am Uralgebirge im Sommer des Jahres 1848. Mittheilungen der Kais. Freien Oekonomischen Gesellschaft. S.-Petersburg 1849, II Hft. S. 290.

²) Ueber Windbruch, Holzsaamen, Waldgrueserei, Waldbraende und ueber Schaden in den Kornfeldern durch die Raupe Agrostis exclamationis. Mittheilungen der Kais. Freien Oekonomischen Gesellschaft in S.-Petersburg, 1849.

30. *Объ уломныхъ работникахъ, урочныхъ положеніяхъ и вознагражденіи за работы.* Газета лѣсоводства и охоты 1858 г., № 48.

31. *Лѣсохозяйственныя замѣтки.* Экономическія записки, издав. при Трудахъ Импер. Вольн. Эконом. общества 1858 г., № 41.

32. *О выдѣленіи особыхъ лѣсныхъ участковъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ для пользованія крестьянъ.* Журналъ Сельскаго хозяйства, издав. Императ. Московск. обществ. сельскаго хоз. 1858 г., № 9. Перепечатано въ Запискахъ комитета лѣсоводства, учрежден. при Императ. Московск. общест. сельск. хозяйства 1859 г., т. II.

33. *Краткое описаніе лѣсохозяйства Пермскаго маіората графовъ Строгановыхъ.* Пермскій Сборникъ, издав. Д. Д. Смышляевымъ, 1859 г., кн. 1. Перепечатано, по распоряженію пермскаго статистическаго комитета, въ особой брошюрѣ: Историческій взглядъ на лѣсохозяйство въ пермскомъ нераздѣльномъ имѣніи. Пермь, 1881 г.

34. *О доставкѣ угля изъ куреней къ мѣстамъ назначенія и сбереженія его.* Записки Импер. Казанск. Экономич. общ. 1859 г., № 7.

35. *Сборникъ лѣсохозяйственныхъ постановленій и правилъ въ Ильинскомъ округѣ маіората графовъ Строгановыхъ.* Труды Импер. Вольн. Экономич. общества 1859 г., т. III, сентябрь. Перепечатано по распоряженію пермск. стат. комитета, въ брошюрѣ: Историческій взглядъ.

36. *О сырости или сочности дерева.* Труды Импер. Вольн. Эконом. общ. 1859 г., т. IV, декабрь.

37. *О вліяніи на углежженіе качества и состоянія дровъ, особенно степени сухости ихъ.* Труды Импер. Вольн. Экономич. общества, 1859 г., т. IV, декабрь.

38. *Примѣры изслѣдованія быта крестьянъ въ хозяйственномъ отношеніи.* Пермскій Сборникъ, изд. Д. Д. Смышляевымъ, 1860 г., кн. 2.

39. *О значеніи въ лѣсохозяйствѣ крестьянской обуви, изготовляемой изъ древесной коры.* Экономическія записки, прибавл. къ Трудамъ Импер. Вольн. Эконом. общ., № 13. Перепечатано въ журналѣ Министер. Государ. Имуществъ, 1862 г., апрѣль.

40. *О рубкѣ и возобновленіи казенныхъ лѣсовъ въ Чердынскомъ уездѣ.* Экономич. записки, прибавл. къ Трудамъ Импер. Вольн. Эконом. общества, 1862 г., №№ 34, 36.

41. *Меры противъ пожаровъ.* Труды Импер. Вольн. Эконом. общ. 1866 г., т. I, вып. 2.

42. *О доисторическихъ жертвенныхъ мѣстахъ на Уралѣ¹⁾.* Съ двумя табличками рисунковъ (на нѣмецкомъ языкѣ²⁾). Архивъ Антропологій, Фрейбургъ, 1879 г., ч. XII, вып. 2.

43. *Археологическія сообщенія съ востока Европы.* (Замѣтки на нѣмецкомъ языкѣ³⁾). Сообщенія Антропологическаго общества въ Вѣнѣ, т. VIII, № 10—12, 1879 г.

44. *Извѣстіе о чудскомъ селищѣ близъ села Кудымкорскаго.* (Извлеченіе изъ письма). Записки Уральского общест. любит. естествознанія, т. VI, вып. 1.

1) Ueber die prähistorischen Opferstätten am Uralgebirge. Archiv für Anthropologie, XII B., II Hft, Freiburg, 1879.

2) Статья эта переведена на русскій языкъ О. Е. Клеромъ, подъ названіемъ: „О доисторическихъ жертвенныхъ мѣстахъ на Уральскихъ горахъ“. Записки Уральского общества любителей естествознанія т. I, вып. 1, 1880.

3) Archäologische Beiträge aus dem Osten Europa's. Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Band VIII, №№ 10—12, 1879.

45. *Описание коллекції черепковъ глиняной посуды изъ чудскаго селища близъ села Кудымкорскаго въ Соликамскомъ уѣздѣ, пожертвованной въ музей общества почетнымъ членомъ А. Е. Теплоуховымъ. Записки Уральского общества любителей естествознанія, т. VI, вып. 4, 1884 г.*

46. *Мускусный быкъ*¹⁾. Съ рисункомъ. На нѣмецкомъ языкѣ. Архивъ Антропологии, т. XVI, 519—521.

Екатерина Александровна Словцова-Какогаз.

Въ 1878 году, въ „Древней и Новой Россіи“ было посвящено нѣсколько словъ пермской писательницѣ, Екатеринѣ Александровнѣ Словцовой, въ которыя вкрался, къ сожалѣнію, совершенно невѣрный фактъ. Тамъ сказано было, между прочимъ, что положеніе ея въ семьѣ было тяжелымъ, такъ какъ отецъ ея, чиновникъ стараго вѣка, по своей неразвитости, не понималъ необыкновенной природы своей дочери. Я зналъ лично Словцовыхъ, много лѣтъ былъ знакомъ съ отцомъ писательницы, Александромъ Степановичемъ (умершимъ въ 1879 году), не разъ проводилъ вечера въ бесѣдахъ съ Екатериною Александровною и могу засвидѣтельствовать невѣрность вышеприведеннаго факта.

Даровитость въ родѣ Словцовыхъ, такъ сказать, наследственная. Извѣстный авторъ „Историческаго обозрѣнія Сибири“, Петръ Андреевичъ Словцовъ²⁾, приходился Александру Степановичу двоюроднымъ дядей. Александръ Степановичъ, служившій все время—какъ я его помню—чиновникомъ особыхъ порученій пермской казенной палаты и умершій въ этой должности, считался всѣми, его знавшими, весьма умнымъ человѣкомъ, какимъ онъ и былъ въ дѣйствительности. Обладая громадною памятью и особенною любовью къ историческимъ наукамъ, онъ могъ поставить въ тупикъ своими историческими свѣдѣніями любого преподавателя гимназіи. Читалъ онъ много и, усвоивъ самоучкою французскій языкъ, имѣлъ

¹⁾ Moschusochse. Archiv fur Anthropologie. V. XVI. 519—521.

²⁾ Отецъ и дѣдъ его писались *Словцовыми*. Пермскій летописецъ Ѡ. А. Прядильщиковъ производитъ эту фамилію отъ вогульского слова—*слопецъ*, которое значитъ западня, капканъ, и на этомъ основаніи приписываетъ роду Словцовыхъ вогульское происхожденіе. Это предположеніе довольно правдоподобно, ибо Петръ Андреевичъ въ „Историческомъ обозрѣніи Сибири“ упоминаетъ, что онъ родился близъ Урала (Уральскихъ горъ), въ селѣ Красномъ (нынѣ Ирбитскаго уѣзда), откуда не подалеку и теперь живутъ вогулы.

въ своей небольшой библиотекѣ нѣкоторыя лучшія историческія сочиненія на этомъ языкѣ.

Подъ вліаніемъ Александра Степановича развилась и получила страсть къ историческимъ наукамъ и дочь его Екатерина Александровна, въ которой онъ души не чаялъ. Вотъ какимъ на самомъ дѣлѣ является отецъ пермской писательницы, представленный въ „Древней и Новой Россіи“ человѣкомъ неразвитымъ, не понимавшимъ своей дочери!

Екатерина Александровна Словцова воспитывалась въ Перми, въ частномъ пансіонѣ г-жи Штиккель и держала экзаменъ на званіе преподавательницы въ казанскомъ университетѣ, гдѣ, говорятъ, изумила экзаменаторовъ своими письменными отвѣтами. Сердцемъ она была женщина, но складъ ума имѣла мужской; она поражала собесѣдниковъ серьезными свѣдѣніями и глубокими философскими сужденіями о лицахъ и событіяхъ. Одинъ мой знакомый, профессоръ университета, говорилъ о Екатеринѣ Александровнѣ: „Слушая ее, удивляешься, что такія серьезныя и глубокія мысли могутъ родиться въ головѣ женщины“. Чтеніе и размышленіе были тѣмъ міромъ, внѣ котораго мало что интересовало ее. Не мудрено, что это сказывалось на ея внѣшности; она мало заботилась о ней: небрежно одѣтая, съ руками запачканными чернилами, съ подстриженными волосами, она производила на человѣка, ее не знавшаго, впечатлѣніе нигилистки, если можно такъ выразиться. Но не такова была она на самомъ дѣлѣ. Женщина, отдавшаяся мысли и наукѣ, она обладала искреннею религіозностью и теплымъ, чисто женскимъ сердцемъ, что выразилось и въ ея повѣстяхъ „Любовь или дружба“ и „Моя судьба“, которыми она начала, подъ вседонимомъ *Камской*, свое литературное поприще и которые были напечатаны въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (1859 г., кн. 22 и 1863 г., кн. 47 и 48). Она также помѣщала свои статьи въ газетѣ „День“ и вела переписку, по предметамъ ее интересовавшимъ, съ И. С. Аксаковымъ и М. Н. Катковымъ. По смерти ея осталось нѣсколько неоконченныхъ разнообразнаго содержанія сочиненій*); рукописи ея хранились у брата ея,

*) „Историческія письма“, посвященныя разбору Бокля, „О правахъ женщинъ“, „О славянофильствѣ въ Россіи“, „Трактатъ о народностяхъ“ и повѣсти: „Наташа Ринева“ и „Любовь и право“.

Михаила Александровича Словцова, служившаго въ петербургской таможенѣ, и также уже умершаго. Екатерина Александровна скончалась въ Ревелѣ въ 1864 году. Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія о ней были напечатаны въ „Голосѣ“ (1866 г., № 298).

Исполняя выраженное мнѣ почти передъ смертью желаніе ея отца, я сообщилъ въ редакцію Историческаго Вѣстника переданную мнѣ имъ единственную сохранившуюся у него и нигдѣ не напечатанную статью Екатерины Александровны: „О женщинѣ въ семьѣ и обществѣ“, которая и была напечатана въ V т. этого журнала 1881 г. Статья эта, помимо ея достоинствъ, имѣетъ біографическій интересъ: она лучше знакомитъ съ умственнымъ кругозоромъ покойной, чѣмъ всякія другія свѣдѣнія о личности провинціальной писательницы Словцовой-Камской. Замѣчательно, что статья эта была написана въ началѣ 1860 года, вскорѣ послѣ того какъ появились трактаты о женщинѣ Милля и Прудона, сильно затрунувшіе Екатерину Александровну, и когда только что слышался въ русской печати первый робкій лепетъ по такъ называемому женскому вопросу. Статья была прочитана Екатериною Александровною на литературно-музыкальномъ вечерѣ, устроенномъ въ Перми въ пользу женской воскресной школы.

(Историческій Вѣстникъ 1881 г., т. V).

Андрей Андреевичъ Пицалкинъ.

Пермская губернія дала не мало талантливыхъ людей, подвизавшихся на всѣхъ поприщахъ, начиная съ знаменитаго замирителя Кавказа графа Евдокимова и кончая самоучками—писателями. Въ области искусства Пермская губернія также имѣетъ своихъ представителей въ лицѣ многихъ прославившихся художниковъ, изъ коихъ мы поименуемъ: академика Медвѣдникова (живописца, род. въ селѣ Новомъ Усольѣ, въ прошломъ столѣтіи), строителя Казанскаго собора въ С.-Петербургѣ А. Н. Воронихина (род. въ Новомъ Усольѣ), другаго знаменитаго архитектора И. И. Свѣязева, живописцевъ: Ѳ. А. Бронникова (род. въ Шадринскѣ), Василья Петровича и его братьевъ Петра и Митрофана Верещагиныхъ (род. въ Перми), А. И. Корзухина (род. въ Уктусскомъ заводѣ),

А. и П. Свѣдомскихъ (род. въ Петербургѣ, но родъ ихъ идетъ изъ Пермской губерніи, гдѣ и сейчасъ у нихъ есть Михайловскій винокуренный заводъ), В. Г. Казанцева (род. въ Екатеринбургѣ*).

Здѣсь мы хотимъ сказать нѣсколько словъ о знаменитомъ, но забытомъ граверѣ нашего вѣка Андрей Андреевичъ Пищалкинъ, родившемся въ селѣ Ильинскомъ, графа Строганова. Годъ его рожденія показанъ въ Иллюстрированномъ Каталогѣ Московской выставки 1882 года, Собко и Боткина, 1817, въ Настольномъ Словарѣ, Толя — 1831, но по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ его племянника Андрея Ивановича Пищалкина, Андрей Андреевичъ родился въ 1809 году. Отецъ его былъ крѣпостнымъ графа Строганова и пробивался вѣкъ на второстепенныхъ конторскихъ должностяхъ; Андрей Андреевичъ нѣкоторое время служилъ писцомъ въ горномъ правленіи, бывшемъ въ то время въ Перми, занимаясь, по собственной охотѣ, въ свободное время рисованіемъ. Въ 1828 году онъ былъ отправленъ, въ числѣ другихъ молодыхъ людей, изъ владѣній гр. Строганова въ С.-Петербургъ, для обученія ремесламъ; тамъ онъ заявилъ желаніе обучаться живописи и графиня Н. П. Строганова, убѣдившись въ его способности къ этому искусству, дала ему отпускную и помѣстила на свой счетъ въ академію художествъ. Въ 1838 году онъ пріѣзжалъ въ Ильинскъ для свиданія съ матерью и родственниками; въ 1841 году отправленъ на счетъ академіи, для усовершенствованія въ граверномъ искусствѣ, въ Италію.

Въ Иллюстрированномъ Каталогѣ Собко и Боткина значится, что Андрей Андреевичъ получилъ за свои произведенія въ 1833 г. первую серебряную медаль, въ 1836 и 1839 вторую и первую золотыя медали, въ 1855 году—званіе академика, въ 1862—профессора. Въ „Настольномъ Словарѣ“, Толя сказано, что онъ исполнилъ гравюры: портретъ живописца Лебрѣна съ Эделинга, Божію Матерь съ картины Карло Дольче и Св. Семейство съ Рафаэля.

---

*) О поименованныхъ художникахъ мы встрѣчали свѣдѣнія въ „Иллюстрированномъ Каталогѣ художественнаго отдѣла Всероссийской выставки въ Москвѣ 1882 г.“, въ изданіи Ф. Булгакова: „Наши Художники“, въ „Nouveau Dictionnaire des peintres, par Th. Guedy“, въ Энциклопедическомъ лексиконѣ Плюшара и Настольномъ Толя и т. д.

Къ приведеннымъ свѣдѣніямъ объ Андрѣй Андреевичѣ могу прибавить отъ себя слѣдующее:

Весною 1864 года, бродя по развалинамъ древняго Рима, я случайно встрѣтился съ хорошимъ знакомымъ, пріѣхавшимъ не въ первый разъ въ „вѣчный городъ“ изъ Пермской губерніи, А. Е. Теплоуховымъ. Отъ него я узналъ, что въ Римѣ много лѣтъ проживаетъ нашъ землякъ, граверъ Пицалкинъ, съ которымъ А. Е. предложилъ меня познакомиться. Художника застали мы дома, въ убогой небольшой комнаткѣ, въ мансардѣ. Обстановка квартиры заключалась въ нѣсколькихъ стульяхъ, кровати и станкѣ съ укрѣпленною на немъ мѣдною доскою, надъ которой Андрей Андреевичъ сидѣлъ уже 18 лѣтъ, производя въ копіи упомянутую въ Каталогѣ Московской выставки картину Брюлова: „Взятіе Божіей Матери на небо“. Встрѣчая въ первый разъ нашего земляка, трудно было признать въ немъ великаго художника: своею внѣшностію онъ напоминалъ скорѣе смиреннаго обывателя какого-нибудь русскаго захолустья, чѣмъ талантливаго профессора, стяжавшаго заслуженную извѣстность въ художественномъ мірѣ. Опредѣленный графиней Строгановой въ академію художествъ, онъ поступилъ на классъ живописи; но начальство, обративъ вниманіе на его необыкновенную усидчивость, перевело его въ гравировальный классъ, что, конечно, не могло быть по душѣ молодому художнику, начинавшему преуспѣвать въ живописи и успѣвшему уже къ ней пристратиться. Граверомъ А. А. и вышелъ изъ академіи, послѣ чего былъ отправленъ, для усовершенствованія въ своемъ искусствѣ, въ Римъ. Первою работою, сразу доставившею ему извѣстность, была гравюра съ картины Карло Дольче: „Матер Dolorosa“. Онъ просидѣлъ за этою работою пять лѣтъ и трудъ его увѣнчался полнымъ успѣхомъ, укрѣпивъ за нимъ славу первокласснаго гравера нашего вѣка и доставивъ ему почетныя награды, въ видѣ золотыхъ медалей, отъ папы Григорія XVI, французскаго короля Людовика Филиппа, отъ петербургской академіи и 500 червонцевъ отъ Императора Николая. Пользовавшійся въ то время громкою славою и всесельный въ русскомъ художественномъ мірѣ Брюловъ предложилъ Андрею Андреевичу сдѣлать гравюру съ его картины: „Взятіе Божіей Матери на небо“, находящейся въ ико-

ностасѣ Казанскаго собора, въ Петербургѣ. Отказаться было нельзя и бѣдный Андрей Андреевичъ принялся копировать произведеніе, далеко не лучшее изъ работъ знаменитаго живописца. На эту гравюру онъ посвятилъ 18 лѣтъ своей жизни; за нею мы его и застали въ Римѣ... Денежныя обстоятельства его были въ то время весьма плохи, въ виду чего два русскихъ семейства, проживавшихъ въ Римѣ (одно изъ нихъ изъ Перми), заказали Андрею Андреевичу два оттиска помянутой гравюры *avant la lettre*, за которые онъ получилъ 200 франковъ.

Въ Перми, у А. Я. Невзорова, имѣется прекрасная копія работы Андрея Андреевича масляными красками съ картины италіанской школы: Божія Матерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, неизвѣстнаго художника.

(Пермскія Губ. Вѣд. 1883 г., № 81).

1
2
3
4
5
6
7
8
9

О Г Л А В Л Е Н И Е .

	СТРАН.
1. Краткій обзоръ исторіи Пермскаго края	1.
2. Матеріалы для исторіи города Перми	16.
3. Изъ прошлаго. О старыхъ временахъ и людяхъ	109.
4. Пожаръ въ Перми 14-го сентября 1842 года	163.
5. Последніе заключенные въ Далматовскомъ монастырѣ	172.
6. Лжеучитель Мензелинъ	178.
7. Къ исторіи путей сообщенія въ Пермской губерніи	220.
8. По поводу самарскаго бѣдствія	265.
9. Матеріалы для біографій замѣчательныхъ мѣстныхъ дѣятелей.	
Н. К. Чупинъ	268.
А. Н. Зыряновъ	280.
А. Е. Теплоуховъ	285.
Е. А. Словцова-Камская	292.
А. А. Пищалькинъ	294.

О п е ч а т к и .

Напечатано:

Стр. 33, строка 2. По 1-е июня 1787 годъ.
" 48, " 13. были трактиры и гер-
берги и харчевни
" 80, " 8. Дополнительныя отдѣ-
ленія
" 161, " 16. въ Высокорскомъ
" 221, " 11 находится
" 224, " 32. содержались

Слѣдуетъ читать:

По 1-е июня 1787 года.
были трактиры, герберги и
харчевни.
Дополнительныя отдѣленія.
въ Высокогорскомъ.
находился.
содержались.

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

0052366952

DUE DATE

SEP 30 1998

MIL

MIL

201-6503

Printed
in USA